NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

6
2025

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,
кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов,
доктор юридических наук, профессор

И. А. Калиниченко,
кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,
доктор юридических наук, доктор политических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,
заместитель Министра внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Румянцев,
доктор юридических наук, доцент

Д. Субошич,
кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,
доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования

EDITORIAL BOARD

E. N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O. V. Ziborov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,
Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences,
Professor, Honored Scientist of Russia

V. L. Kubyshko,
Deputy Minister of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Sciences of Russia

N. V. Rumyantsev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

D. Subošić,
PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,
Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Education

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNSIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. Х. Абашидзе,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист России

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

LEGAL SCIENCES

A. Kh. Abashidze,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Worker of Science of Russia

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher Professional
Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,
кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,
доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

А. С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

S. Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,
Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker
of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор
заслуженный деятель науки РФ

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor
Honored Worker of Science of Russia

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

В. Б. Мантусов, доктор экономических наук, профессор	**V. B. Mantusov,** Doctor of Economic Sciences, Professor
В. С. Осипов, доктор экономических наук, профессор	**V. S. Osipov,** Doctor of Economic Sciences, Professor
Г. Б. Поляк, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН	**G. B. Polyak,** Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS
С. Г. Симагина, доктор экономических наук, профессор	**S. G. Simagina,** Doctor of Economic Sciences, Professor
А. Е. Суглобов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ	**A. E. Suglobov,** Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of Russia, Honored Scientist of Russia
Н. В. Цхададзе, доктор экономических наук, профессор	**N. V. Tskhadadze,** Doctor of Economic Sciences, Professor
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	**PSYCOLOGICAL SCIENCES**
В. С. Агапов, доктор психологических наук, профессор	**V. S. Agapov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
И. В. Грошев, доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования	**I. V. Groshev,** Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education
В. Ф. Енгалычев, доктор психологических наук, профессор	**V. F. Engalychev,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
А. Г. Караяни, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова	**A. G. Karayani,** Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Laureate of the State Prize of Russia named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov
В. М. Крук, доктор психологических наук, профессор	**V. M. Kruk,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
Л. Н. Костина, доктор психологических наук, профессор	**L. N. Kostina,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
И. Б. Лебедев, доктор психологических наук, профессор	**I. B. Lebedev,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
Л. В. Ситников, доктор психологических наук, профессор	**L. V. Sitnikov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
С. Н. Федотов, доктор психологических наук, профессор	**S. N. Fedotov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
В. Л. Цветков, доктор психологических наук, профессор	**V. L. Tsvetkov,** Doctor of Psychological Sciences, Professor
С. Р. Аблеев, доктор философских наук, доцент	**S. R. Ableev,** Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
В. Ю. Бельский, доктор философских наук, профессор	**V. Yu. Belsky,** Doctor of Philosophical Sciences, Professor
В. А. Волох, доктор политических наук, профессор почетный работник ФМС России	**V. A. Volokh,** Doctor of Political Sciences, Professor, Honorary Employee of the Federal Migration Service of Russia
А. Л. Золкин, доктор философских наук, доцент	**A. L. Zolkin,** Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
А. Д. Иоселиани, доктор философских наук, профессор	**A. D. Ioseliani,** Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор, ответственный за издание, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
А. П. Яковлев

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентство «Урал-Пресс Округ» — 84629

Адрес редакции: 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 6 • 2025

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

Алексеева М. М. Состояние и тенденции развития институционального сотрудничества государств — членов ОДКБ в сфере противодействия преступности 10
Берг Л. Н. Правовое воздействие: от социальной энтропии к динамическому развитию 20
Бочаров С. Н., Горшков И. С. Административно-правовой режим ношения гражданского огнестрельного оружия 27
Волосевич И. Н., Кудин О. В. Причины совершения преступлений несовершеннолетними 33
Волынская О. В. Вовлечение нотариуса в уголовное судопроизводство 40
Гладышева О. В., Семенцов В. А. Цифровая трансформация как средство обеспечения противодействия коррупции в уголовном судопроизводстве 44
Добровинская А. В. О факторах, влияющих на правовое регулирование частноправовой ответственности в российском праве 53
Дьяконова О. Г. Теория экспертной профилактики в ракурсе прогностической функции судебной экспертологии 62
Жукова О. И. Цифровизация международного сотрудничества по противодействию незаконной миграции 70
Ивасюк О. Н. К вопросу предупреждения семейно-бытового насилия: теоретический и практический аспект 77
Ищенко О. А., Мельникова Е. А. Узаконенный эйджизм при приеме на работу 82
Казанцев С. Я., Гайнов И. Д. Особенности реализации прокурорских полномочий при осуществлении надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности в условиях цифровизации 89
Камалян А. В. Влияние изменений федерального законодательства на правовой статус муниципальных учреждений здравоохранения 97
Клещина Е. Н. О мерах предупреждения киберпреступности на современном этапе, проблемах их реализации, об использовании искусственного интеллекта и иных цифровых технологий 104
Кононов Д. А. Зарубежный опыт (США, Германия, Франция) осуществления предиктивного правосудия и перспективы его внедрения в российскую правовую систему 110
Крысанова-Кирсанова И. Г., Гук В. А. Наследственная трансмиссия как способ приобретения наследства 115
Куфлева В. Н. Теоретические и статистические аспекты уголовно-правовой дифференциации лиц, совершивших преступление 121
Лагодина Е. И. Перспективы вовлечения нотариуса в уголовно-процессуальное доказывание 131
Ларина Л. А. Современное нормативное правовое регулирование конституционного права граждан на свободу передвижения 137
Моисеева Т. Ф. Вопросы формирования компетентности судебных экспертов в аспекте профилактики экспертных ошибок 142
Молчанова Т. В. Криминологическая оценка состояния судимости за преступления в сфере экономической деятельности 146
Одиназода И. А. Проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности в кассационной и надзорной инстанциях 152

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 58

Подписано в печать 19.12.2025 г.
Цена договорная

Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Подписной индекс Агентства «Урал-Пресс Округ» 84629, или на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru

Османова Н. В. Подозрение в системе уголовного преследования: самостоятельная функция или факультативный элемент познавательной деятельности? 157
Попович О. М., Ольшевская А. В. Проблемы и перспективы развития законодательства о государственном контроле и надзоре 163
Пучнина М. Ю. Факторы риска и меры виктимологической профилактики противоправного воздействия на несовершеннолетних посредством цифровой онлайн-коммуникации 170
Саркисян А. Ж. Корреляционный анализ преступности в киберпространстве 178
Староверова О. В. Особенности наследования цифровых финансовых активов 183
Томилина Е. Е. Юридическое образование как элемент правовой культуры общества 188
Федорович В. Ю. Об использовании специальных знаний в предупреждении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров 193
Ходусов А. А. Цифровая реальность и социальные гарантии: проблемы уголовно-правового обеспечения 200
Цветков А. В. Административная ответственность за распространение среди детей информационной продукции, причиняющей вред их здоровью, и ограничение доступа к данной информации 205
Чеснокова Е. В. Система научно-методических материалов как гарантия обеспечения качества производства судебных экспертиз 209
Чугунов А. А., Юрченкова Е. С. О некоторых особенностях возмещения денежных средств гражданам — участникам долевого строительства объектов недвижимости как условие освобождения от уголовной ответственности 214
Шевченко О. А. К вопросу о цифровизации правосудия для достижения целей административного наказания 220
Шумилова В. В. Уважение прав и свобод человека как один из основополагающих принципов международного права 224

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика
Финансы

Грачев А. В. Оценка контрагентов субъектами теневой экономики как инструмент обеспечения их экономической безопасности 229
Иванов А. В. Анализ методологических подходов к формированию системы индикаторов обеспечения экономической безопасности на региональном уровне 235
Корнилов А. А. Феномен «государственный долг» и его влияние на экономику Российской Федерации 240
Наумов Ю. Г. Современные угрозы, исходящие от институциональной коррупции: теория и методология их локализации 245
Тускаева М. Р. Динамика исчисления и перспективы развития акциза на сахаросодержащие напитки в России 252
Швецова И. Н. Бюджетные риски публично-правовых образований: от понятия к архитектуре комплаенса в контексте регионального развития 256

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

Комаров В. В. Некоторые психологические особенности воздействия на толпу при пресечении нарушений общественного порядка в период проведения зрелищных мероприятий. Взаимодействие МВД России и Росгвардии по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в период подготовки и проведения зрелищных мероприятий 267
Лолаева А. С., Ильченко В. В. Индивидуально-психологические особенности пользователей социальных сетей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности 272

FOUNDER:

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
117997, Moscow, Akademika Volgina, d. 12

Scientific Editor, responsible for the publication, the Winner of the Award of the Government of the Russian Federation in the field of a science and technics, Winner of the Award of the Government of Russia in the field of Education, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief
M. A. Andronaki

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
A. P. Yakovlev

The journal is registered by Ministry for Press, Broadcasting and Mass Communications of the Russian Federation

The certificate of registration №77-14723

Zip Code at the List of the Agency «Ural-Press Okrug» — 84629

Editorial Staff adress:
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12
Tel. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official

BULLETIN
OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 6 • 2025

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences

Alekseeva M. M. Status and trends in the development of institutional cooperation of the CSTO member states in the field of combating crime....10
Berg L. N. Legal impact: from social entropy to dynamic development....20
Bocharov S. N., Gorshkov I. S. The administrative and legal regime of carrying civilian firearms....27
Volosevich I. N., Kudin O. V. Reasons for committing crimes by minors....33
Volynskaya O. V. Involvement of a notary in criminal proceedings....40
Gladysheva O. V., Sementsov V. A. Digital transformation as a means of ensuring anti-corruption in criminal proceedings....44
Dobrovinskaya A. V. On factors affecting the legal regulation of private liability in Russian law....53
D'yakonova O. G. The theory of expert prevention in the perspective of the prognostic function of forensic expertise....62
Zhukova O. I. Digitalization of international cooperation to combat illegal migration....70
Ivasyuk O. N. On the issue of preventing domestic violence: theoretical and practical aspects....77
Ishchenko O. A., Melnikova E. A. Institutionalized ageism when applying for a job....82
Kazantsev S. Ya., Gainov I. D. Specifics of the exercise of prosecutorial powers in overseeing the implementation of laws on countering extremist activities in the context of digitalization....89
Kamalyan A. V. Influence of federal legislative changes on the legal status of municipal healthcare institutions....97
Kleshchina E. N. On measures to prevent cybercrime at the present stage, the problems of their implementation, the use of artificial intelligence and other digital technologies....104
Kononov D. A. Foreign experience (USA, Germany, France) in the implementation of predictive justice and the prospects for its introduction into the Russian legal system....110
Krysanova-Kirsanova I. G., Guk V. A. Hereditary transmission as a way of acquiring inheritance....115
Kufleva V. N. Theoretical and statistical aspects of criminal legal differentiation of persons who committed a crime....121
Lagodina E. I. Prospects for involving a notary in criminal procedural evidence....131
Larina L. A. Modern legal regulation of the constitutional right of citizens to freedom of movement....137
Moiseeva T. F. Issues of forming the competence of forensic experts in terms of preventing expert errors....142
Molchanova T. V. Criminological assessment of the state of criminal record for crimes in the field of economic activityv....146
Odinazoda I. A. Problems of admissibility of the results of operational investigative activities in cassation and supervisory instances....152

• The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

• At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

• In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)

Order № 58

It is sent for the press 19.12.2025
Contractual price

Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

Zip Code at the List of the Agency «Ural-Press Okrug» 84629, or on the website Scientific electronic library: http://elibrary.ru

Osmanova N. V. Suspicion in the criminal prosecution system: an independent function or an optional element of cognitive activity? 157
Popovich O. M., Olshevsckaya A. V. Problems and prospects of development of legislation on state control and supervision 163
Puchnina M. Yu. Risk factors and measures for victimological prevention of unlawful influence on minors through digital online communication 170
Sarkisian A. Zh. Correlation analysis of crime in cyberspace 178
Staroverova O. V. Features of inheritance of digital financial assets 183
Tomilina E. E. Legal education as an element of the legal culture of society 188
Fedorovich V. Yu. On the use of specialized knowledge in the prevention of crimes in the field of illicit trafficking in drugs, psychotropic substances and their precursors 193
Khodusov A. A. Digital reality and social guarantees: problems of criminal law 200
Tsvetkov A. V. Administrative liability for the distribution of information products to children that cause harm to their health and restriction of access to this information 205
Chesnokova E. V. The system of scientific and methodological materials as a guarantee of quality assurance in the production of forensic examinations 209
Chugunov A. A., Yurchenkova E. S. On some features of the reimbursement of funds to citizens participating in the shared equity construction of real estate as a condition of exemption from criminal liability 214
Shevchenko O. A. On the issue of digitalization of justice in order to achieve the goals of administrative punishment 220
Shumilova V. V. Respect for human rights and freedoms as one of the fundamental principles of international law 224

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics
Finance

Grachev A. V. Assessment of counteragents by shadow economy entities as a tool for ensuring their economic security 229
Ivanov A. V. Analysis of methodological approaches to the formation of a system of indicators for ensuring economic security at the regional level 235
Kornilov A. A. The phenomenon of «national debt» and its impact on the economy of the Russian Federation 240
Naumov Yu. G. Modern threats posed by institutional corruption: theory and methodology of their localization 245
Tuskaeva M. R. Dynamics of calculation and prospects of excise tax on sugar-containing beverages in Russia 252
Shvetsova I. N. Budgetary risks of public law entities: from the concept to the architecture of compliance in the context of regional development 256

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

Komarov V. V. Some psychological aspects of crowd control when preventing public order disturbances during entertainment events. Interaction between tvhe Ministry of Internal Affairs of Russia and the Russian National Guard in maintaining public order and ensuring public safety during the preparation and holding of entertainment events 267
Lolaeva A. S., Ilchenko V. V. Individual psychological characteristics of social network users with varying degrees of virtual identity 272

Научная статья
УДК 341.1/.8
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-10-19
EDN: https://elibrary.ru/bykoxp
NIION: 2003-0059-6/25-403
MOSURED: 77/27-004-2025-06-602

Состояние и тенденции развития институционального сотрудничества государств — членов ОДКБ в сфере противодействия преступности

Маргарита Михайловна Алексеева
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, Alekseeva-mm@ranepa.ru

Аннотация. Анализируется современное состояние институционального сотрудничества государств — членов ОДКБ в сфере противодействия преступности. Определяются ключевые тенденции развития данного направления. Систематизирована многоуровневая и иерархическая архитектура институциональных механизмов ОДКБ по противодействию преступности. Установлено, что ее эффективность обеспечивается синергией между стратегическим уровнем безопасности, оперативно-координационным и тактическим уровнями. Кроме того, в целях развития института правовой помощи по уголовным делам в регионе ОДКБ обосновано создание Межгосударственного бюро правовой помощи.

Ключевые слова: международное сотрудничество по противодействию преступности, транснациональная организованная преступность, организация договора о коллективной безопасности, институциональные механизмы противодействия преступности, правовая помощь

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Для цитирования: Алексеева М. М. Состояние и тенденции развития институционального сотрудничества государств — членов ОДКБ в сфере противодействия преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 10–19. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-10-19. EDN: BYKOXP.

Original article

Status and trends in the development of institutional cooperation of the CSTO member states in the field of combating crime

Margarita M. Alekseeva
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, Alekseeva-mm@ranepa.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the current state of institutional cooperation of the CSTO member states in the field of crime prevention. The key trends in the development of this area are determined. The multilevel and hierarchical architecture of the CSTO institutional mechanisms for combating crime is systematized. It has been established that its effectiveness is ensured by the synergy between the strategic (security), operational coordination and tactical levels. In addition, in order to develop the institute of legal assistance in criminal matters in the CSTO region, the creation of an Interstate Bureau of Legal Assistance is justified.

Keywords: international cooperation in countering crime, transnational organized crime, collective security treaty organization, institutional mechanisms for countering crime, legal assistance

Acknowledgements: the article was prepared as part of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Alekseeva M. M. Status and trends in the development of institutional cooperation of the CSTO member states in the field of combating crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):10–19. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-10-19. EDN: BYKOXP.

© Алексеева М. М., 2025

В настоящее время транснациональная организованная преступность стала серьезной угрозой государствам и международному сообществу. Транснациональные организованные преступные группы активно используют в своей деятельности современные технологии, что еще более осложняет противодействие им. Оценивая ситуацию в целом, эксперт Фил Уильямс в своем труде «Пятая волна организованной преступности в 2040 году» проходит к выводу, что если не начать предпринимать более активные меры по противодействию преступности, то одним из возможных сценариев развития станет «криминальная нирвана» [1, с. 25].

Многопрофильный мандат ОДКБ, сочетающий две «корзины» функций (противодействие традиционным внешним военным угрозам, и новым вызовам — транснациональной преступности), является результатом логики становления Организации [2, с. 910].

С течением времени развитие угроз безопасности государств–членов ОДКБ нарастило темпы. Согласно данным «Глобального индекса организованной преступности» 2023 г., в Азии отмечается самый высокий уровень преступности (5,47 балл из 10) [3, с. 71]. Постоянное совершенствование механизмов противодействия транснациональным преступлениям стало насущной задачей ОДКБ.

Международное сотрудничество по противодействию преступности осуществляется в двух формах — правовой и институциональной. Институциональная форма международного сотрудничества представляет собой его организационную и исполнительную основу, воплощая стратегические цели и правовые договоренности в практическую плоскость. Ее важность заключается в создании постоянно действующих, специализированных и скоординированных механизмов, которые обеспечивают не эпизодический, а системный и непрерывный характер противодействия преступности.

Во-первых, институциональная форма обеспечивает постоянство и оперативность взаимодействия. Постоянно действующие органы создают основу для ежедневного диалога, обмена информацией и принятия решений. Это позволяет реагировать на транснациональные угрозы в режиме, максимально приближенном к реальному времени, что критически важно в условиях быстро меняющейся оперативной обстановки. Без таких структур процесс согласования каждого шага между национальными ведомствами занимал бы неприемлемо много времени, сводя на нет эффективность любых правовых договоренностей.

Во-вторых, она создает специализированные центры компетенции и управления. Борьба с преступностью требует узкопрофильных знаний и навыков. Институциональный подход позволяет формировать целевые рабочие группы и координационные советы, которые сосредотачиваются на конкретных вызовах. Эти структуры аккумулируют экспертный опыт, аналитические наработки и лучшие практики всех государств — членов, превращая организацию в единый мозговой центр, способный вырабатывать более глубокие и эффективные стратегии, чем это могли бы сделать страны по отдельности.

В-третьих, ключевой аспект — это практическая координация и проведение совместных мероприятий. Институты служат штабами для планирования, организации и проведения масштабных совместных операций, учений и профилактических кампаний. Они обеспечивают слаженность действий специальных подразделений, полиции и пограничных служб разных стран, отрабатывая на практике процедуры взаимодействия, коммуникации и применения сил. Это способствует повышению общей боеготовности и позволяет апробировать и усовершенствовать существующие правовые нормы.

В-четвертых, институциональная форма способствует формированию общего оперативного пространства и стандартов работы. Через постоянное взаимодействие в рамках общих структур происходит естественное сближение методик подготовки кадров, тактических приемов и административных процедур.

ОДКБ обладает достаточно развитой организационной структурой, которая служит институциональной основой для развития сотрудничества по противодействию преступности. Сотрудничество в сфере борьбы с транснациональной преступностью в рамках ОДКБ относится к компетенции нескольких ключевых органов, как уставных, так и специализированных рабочих и вспомогательных.

Прежде всего, рассмотрим компетенцию уставных органов ОДКБ по противодействию преступности — Совета коллективной безопасности (далее — СКБ), Комитета секретарей советов безопасности (далее — КССБ), Совета министров иностранных дел (далее — СМИД), Совета министров обороны (далее — СМО) Секретариата. Анализ компетенций основных органов ОДКБ позволяет сделать общий вывод о создании в Организации целостной, многоуровневой и взаимодополняющей системы координации усилий государств-членов в борьбе с преступностью. Роль каждого органа четко определена и образует последовательную цепочку от стратегического планирования до практической реализации.

СКБ является высшим органом ОДКБ, ответственным за принятие ключевых решений и координацию сотрудничества государств — членов в сфере безопасности. Его компетенция охватывает широкий спектр вопросов — от военно-политического взаимодействия до координации внешнеполитических позиций. СКБ играет центральную роль в организации сотрудничества государств — членов по противодействию преступности. Это сотрудничество осуществляется через создание специализированных координацион-

ных вспомогательных органов, проведение совместных операций по противодействию различным видам транснациональных преступных угроз, правовой и информационной поддержки государств — членов.

КССБ является ключевым консультативным и исполнительным органом ОДКБ, который координирует взаимодействие государств-членов в области национальной безопасности и занимается организацией международного сотрудничества по противодействию трансграничной преступности. КССБ принимает участие «в организации и координации деятельности органов Организации и государственных органов государств — членов с целью выполнения решений Совета коллективной безопасности <…> по вопросам совместной борьбы против международного терроризма, экстремизма, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, оружия, транснациональной организованной преступности, нелегальной миграции и других угроз безопасности» [4].

СМИД является консультативным и исполнительным органом ОДКБ, отвечающим за координацию внешнеполитической деятельности государств — членов, включая вопросы противодействия транснациональной преступности. СМИД не является правоохранительным органом, его роль в борьбе с преступностью заключается в создании международно-правовых и дипломатических условий для сотрудничества, а также согласование единых позиций государств-членов по вопросам противодействия транснациональным угрозам.

Хотя прямой задачей Совета министров обороны (далее — СМО) не является борьба с общеуголовной преступностью, его роль в противодействии транснациональным преступным угрозам безопасности государств-членов является критически важной и осуществляется через следующие ключевые направления: защита от вооруженных угроз, связанных с преступной деятельностью; обеспечение деятельности Коллективных сил ОДКБ; укрепление пограничной безопасности; организация и проведение совместных командно-штабных и военных учений («Боевое братство», «Рубеж» и др.).

Таким образом, хотя СМО не подменяет собой функции правоохранительных органов, он играет ключевую роль в создании «силового компонента» безопасности в рамках ОДКБ, обеспечивая военную защиту от наиболее серьезных вооруженных проявлений транснациональной преступности.

Секретариат играет центральную роль в координации и практической реализации сотрудничества между государствами — членами в сфере безопасности. Его компетенция в области противодействия преступности включает следующие основные направления:

- организационно-подготовительная работа — подготовка проектов документов стратегического планирования, международных договоров по вопросам борьбы с отдельными видами транснациональных преступлений; организация и обеспечение проведения заседаний профильных органов ОДКБ;
- информационно-аналитическое обеспечение — сбор, обобщение и анализ информации от государств — членов о состоянии и тенденциях преступности, новых вызовах и угрозах; подготовка аналитических записок, справок и отчетов для высших органов ОДКБ для поддержки процесса принятия решений; информирование государств — членов о решениях, принятых в рамках Организации;
- координация практического взаимодействия — обеспечение деятельности органов ОДКБ; организационная поддержка планирования и проведения совместных оперативно-профилактических мероприятий и специальных операций.

Секретариат ОДКБ трансформирует политические решения, принятые на уровне глав государств и министров, в конкретные планы, документы, международные соглашения и организационные мероприятия по укреплению международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Таким образом, ОДКБ обладает внутренне интегрированной институциональной структурой, изначально закрепленной в Уставе, для комплексного противодействия преступности и другим угрозам безопасности. Взаимодействие уставных органов формирует замкнутую и самодостаточную вертикаль управления в сфере противодействия транснациональной преступности: СКБ — стратегический и верховный орган, устанавливает цели и принимает ключевые решения; СМИД, СМО, КССБ — консультативные и исполнительные органы, реализующие решения СКБ в отдельных областях транснациональных угроз; разрабатывают и реализуют решения СКБ; Секретариат — постоянный рабочий орган. Обеспечивает материально-техническую, информационную и организационную деятельность всей системы.

Помимо уставных органов, в ОДКБ созданы вспомогательные рабочие органы, которые напрямую занимаются практическими аспектами противодействия преступности. Эти структуры формируются решениями уставных органов для решения конкретных задач.

Чтобы подробно и системно рассказать о деятельности вспомогательных органов ОДКБ, лучше всего связать их работу с конкретными транснациональными угрозами.

Пожалуй, основной угрозой для государств-членов ОДКБ последние годы стали терроризм и экстремизм [5, с. 635]. Многие террористические организации стремятся расширить зону своего влияния на близлежащие государства. Для противодействия транснациональным преступным угрозам в рамках

ОДКБ были сформированы специальные институциональные механизмы.

Так, на основании Решения СКБ от 25 мая 2001 г. были сформированы Коллективные силы быстрого развертывания (далее — КСБР), общей численностью 5 тыс. человек [6]. КСБР представляют собой важнейший региональный компонент системы коллективной безопасности ОДКБ, обеспечивающий стабильность и способность к быстрому реагированию в стратегически важном Центрально-Азиатском регионе. КСБР предназначены для решения широкого спектра задач: военные задачи, правоохранительные задачи, задачи в условиях чрезвычайных ситуаций. К числу правоохранительных задач относятся, в основном задачи по организации международного сотрудничества по борьбе с терроризмом и экстремизмом: уничтожение незаконных вооруженных формирований, диверсионно-разведывательных групп; блокирование и ликвидация баз, лагерей и инфраструктуры террористов и др. Ключевым элементом поддержания боеготовности КСБР являются регулярные командно-штабные и оперативно-тактические учения, в рамках которых отрабатываются: слаженность органов управления и подразделений различных государств, совместимость вооружения и техники; опросы связи, разведки и взаимодействия с авиацией; действия в горной и пустынной местности, характерной для Центральной Азии. Само наличие КСБР является сдерживающим фактором для потенциальной агрессии и деятельности террористических и экстремистских групп в нестабильном Центрально-Азиатском регионе.

Кроме того, оперативная обстановка в регионе предопределила необходимость создания силового механизма реагирования на существующие и потенциальные возможные транснациональные преступные угрозы. В 2009 г. было подписано Решение СКБ «О Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности» (далее — КСОР), к задачам которых относится «участие в мероприятияхпо борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружияи боеприпасов, другими видами транснациональной организованной преступности» [7]. КСОР — это наиболее боеспособный и мобильный компонент военной организации ОДКБ, предназначенный для реагирования на широкий спектр военных вызовов и угроз на всем пространстве государств — членов Организации. Это постоянный компонент сил коллективной безопасности ОДКБ, находящийся в высокой степени готовности. В отличие от региональных группировок (как КСБР), КСОР имеют глобальную, в рамках ОДКБ, зону ответственности. КСОР являются демонстрацией способности ОДКБ адекватно и мощно ответить на любую военную угрозу, что повышает обороноспособность всех государств-членов. Наличие постоянных сил высокой готовности позволяет избежать длительного периода формирования коалиции в условиях кризиса, что критически важно для современного динамичного конфликта.

Таким образом, цель создания этих двух сил заключается в обеспечении оперативного реагирования ОДКБ в случае агрессии, а также в проведении совместных антитеррористических операций. С 2009 г. проводятся ежегодные учения «Взаимодействие», направленные на проверку боеготовности КСОР. За период проведения учений основное внимание в части противодействия преступности было сосредоточено на таком направлении, как проведение мероприятий по ликвидации незаконных вооруженных формирований. В рамках решения частных задач, например, в период учений «Взаимодействие-2023» отрабатывалось предотвращение террористической угрозы на объекте критической инфраструктуры [8].

В 2004 г. при КССБ создана рабочая группа экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом. Ее основными задачами являются «выработка предложений, направленных на совершенствование мер борьбы с терроризмом и экстремизмом и связанными с ними вызовами и угрозами коллективной безопасности; осуществление экспертно-правовой проработки проектов решений КССБ и материалов, обосновывающих их принятие; анализ, оценка и подготовка информации, необходимой для выполнения возложенных на КССБ задач по вопросам координации взаимодействия государств-членов Организации в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом [9]. Рабочая группа экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом является незаменимым элементом архитектуры безопасности ОДКБ, обеспечивающим стратегическое видение, правовую гармонизацию и экспертную основу для принятия эффективных решений в одной из самых острых и динамичных сфер современности.

В 2005 г. при СМИД была учреждена Рабочая группа по Афганистану. Ее основным направлением деятельности является анализ текущей ситуации в Афганистане и подготовка на его основе рекомендаций для определения мер по противодействию соответствующим вызовами угрозам, а также непосредственно взаимодействие с афганской стороной. Рабочая группа по Афганистану связывает воедино оперативную информацию от силовых ведомств, экспертный анализ и дипломатические усилия, стремясь минимизировать риски и угрозы, исходящие с территории Афганистана. Ее сфокусирована на нескольких критически важных блоках: всесторонний мониторинг и анализ ситуации: отслеживание внутриполитической динамики в Афганистане, процессов государственного управления, межэтнических отношений; анализ социально-экономической ситуации, гуманитарного кризиса и его последствий для стабильности; оценка способности

властей Афганистана контролировать территорию и бороться с террористическими группировками.

С 2018 г. введена практика проведения совместных заседаний рабочих групп [10], в рамках которых основными обсуждаемыми вопросами являются угрозы безопасности, исходящие с территории Афганистана. Деятельность указанных групп сфокусирована в основном на информационно-аналитической поддержке ключевых органов ОДКБ.

Отработка практических навыков противодействия терроризму и экстремизму реализуется в рамках проводимых на постоянной основе в государствах — членах ОДКБ операций и учений, в частности: «Кобальт», целью проведения которой является отработка совместных действий правоохранительных органов государств-членов по уничтожению террористических диверсионных групп [11]; «Наемник», целью проведения которой является пресечение каналов вербовки граждан государств-членов ОДКБ в международных террористических и экстремистских организациях; «Рубеж», которые предназначены для тестирования оперативного развертывания коллективных сил в ответ на гипотетическую террористическую угрозу, исходящую из Афганистана или Центральной Азии [12]. В свою очередь, маневры «Поиск» предназначены для совершенствования разведывательных операций, выявления террористических групп и других деструктивных элементов с использованием авиации, сухопутных войск и специальных подразделений ОДКБ.

В рамках ОДКБ особое место занимает противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Для противодействия данной угрозе был создан институциональный механизм, в частности, в «рамках ОДКБ действует Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств-членов ОДКБ (далее — КС НОН). КС НОН является одним из ключевых отраслевых координационных органов в системе ОДКБ, отвечающим за выработку и реализацию согласованной политики в сфере борьбы с наркоугрозой, которая признается одной из самых серьезных вызовов безопасности и стабильности на пространстве Организации. Он координирует подготовку и проведение антинаркотической операции «Канал», которая проводится ежегодно, начиная с 2023 г. и является самой крупномасштабной и эффективной в части, касающейся предупреждения незаконного оборота наркотических средств из Афганистана, в ходе которой ежегодно объединенными усилиями правоохранительных органов государств-членов ОДКБ перекрываются каналы наркотрафика из других регионов в Центральную Азию, пресекается деятельность лабораторий по производству наркотических средств и психотропных веществ, проводятся мероприятия по недопущению легализации доходов от преступной деятельности. В частности, успешное проведение в 2024 г. операции «Канал-Дальневосточный рейд» [13] и в 2025 г. операции «Канал-Горный форпост» способствовало решению практических задач по стабилизации ситуации в зоне ответственности ОДКБ» [14]. Значимость КС НОН заключается в конкретных результатах, которые невозможно достичь силами одного государства:

- нанесение прямого ущерба наркобизнесу: ежегодно в ходе совместных операций изымаются многотонные партии героина, марихуаны, гашиша, синтетических наркотиков, ликвидируются подпольные лаборатории, задерживаются сотни участников преступных групп;
- перекрытие основных транзитных маршрутов, в первую очередь «Северного маршрута» из Афганистана через Центральную Азию. Это заставляет наркоторговцев искать более сложные и опасные пути, что увеличивает их издержки и риски;
- снижение уровня наркопреступности и связанных с ней преступлений (коррупция, отмывание денег, насилие) на пространстве ОДКБ;
- подрыв финансовой основы терроризма, так как доходы от наркоторговли являются одним из основных источников финансирования международных террористических организаций.

Таким образом, КС НОН эффективный оперативный штаб, который превращает политическую волю глав государств ОДКБ в конкретные, скоординированные действия на передовой борьбы с одним из самых разрушительных зол современности. Его работа напрямую способствует спасению тысяч жизней и обеспечению стабильности в регионе.

В 2005 г. создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ (далее — КСОНП). К основным направлениям деятельности КСОНП относится рассмотрение вопросов по совершенствованию и гармонизации внутригосударственных нормативно-правовых актов, координация деятельности компетентных органов государств-членов по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, анализ исполнения решений ОДКБ и международных договорных обязательств по вопросам противодействия наркоугрозе, а также координирует взаимодействие ОДКБ на рассматриваемом направлении с другими региональными международными организациями..

Не менее серьезную угрозу для безопасности государств-членов ОДКБ представляет незаконная миграция. В 2008 г. создан Координационный совет руководителей компетентных органов государств-членов ОДКБ по вопросам противодействия незаконной миграции (далее — КС НМ), высший экспертно-

оперативное объединение, отвечающее за выработку и реализацию согласованной политики в сфере противодействия незаконной миграции. Ценность КС НМ измеряется конкретными результатами: прямое воздействие на преступные сети: в ходе совместных операций ежегодно выявляются и пресекаются сотни каналов незаконной миграции, задерживаются тысячи нелегальных мигрантов и организаторов этого преступного бизнеса; ослабление позиций транснациональной организованной преступности, для которой незаконная миграция — один из источников дохода; повышение эффективности пограничного контроля за счет внедрения единых стандартов и методик; укрепление режима законности в миграционной сфере на пространстве ОДКБ.

Таким образом, КС НМ высокоэффективный механизм, который обеспечивает скоординированную и упреждающую защиту пространства ОДКБ от рисков и угроз, связанных с неконтролируемыми миграционными процессами. Его деятельность напрямую способствует обеспечению безопасности границ, стабильности обществ и противодействию транснациональной преступности.

Кроме того, создана Рабочая группа, состоящая из руководителей подразделений пограничных, миграционных служб, служб безопасности и органов внутренних дел. Данная Рабочая группа представляет собой постоянно действующий межведомственный и межгосударственный координационный орган экспертного уровня. Ее ключевая ценность заключается в преодолении ведомственных и государственных барьеров для решения комплексных задач пограничной и миграционной безопасности. Ее деятельность заключается в организации совместных оперативно-профилактических мероприятий; создание и ведение совместных банков данных и картотек (база отпечатков пальцев и ДНК нелегальных мигрантов и организаторов каналов незаконной миграции, картотека поддельных документов с образцами и способами подделки, база данных на организаторов и пособников с установочными данными, фотографиями, связями); разработка и апробация новых методик и технологий (унифицированные методики допроса задержанных нелегалов для выявления всей цепи; стандарты проведения оперативного эксперимента по задержанию организаторов с поличным; тестирование новых технических средств).

С 2008 г. проводится операция «Нелегал», цель которой состоит в выявлении и пресечении нарушений миграционного законодательства на территории государств-членов. Так, в ходе проведения операции «Нелегал-2024» «пресечено свыше 134,6 тыс. нарушений миграционного законодательства, в административном порядке выдворены и депортированы из государств-членов Организации более 23,7 тыс. иностранных граждан Возбуждено 4 148 уголовных дел за организацию незаконной миграции» [15].

Государства — члены ОДКБ, оперативно реагируя на возникновение новых угроз, налаживают сотрудничество и в области противодействия киберпреступности. В 2006 г. создана Рабочая группа по вопросам информационной политики и информационной безопасности с целью выявления общих угроз для государств — членов ОДКБ в сфере информационной безопасности и противодействия им. Это ключевой консультативно-совещательный и экспертный орган в системе ОДКБ, созданный для противодействия вызовам и угрозам в гибридной войне, где информационная сфера стала главным театром военных действий. Ключевое ее назначение состоит в том, чтобы не просто реагировать на кибератаки, а осуществлять проактивное выявление, анализ и нейтрализацию системных угроз, направленных на подрыв суверенитета, дестабилизацию обстановки и манипуляцию общественным сознанием в государствах — членах.

Кроме того, информационные технологии стали использоваться для пропаганды экстремистских и террористических идей, вербовки, распространения наркотических средств. Транснациональные преступные группы начали совершать «компьютерные нападения» на сайты крупных компаний, государственных органов. Деятельность группы направлена на: снижение эффективности враждебных информационных кампаний: своевременное и согласованное опровержение фейков лишает их разрушительной силы; упреждение дестабилизации: совместный анализ позволяет выявить и нейтрализовать попытки вмешательства во внутренние дела государств-членов на ранней стадии; повышение устойчивости информационной инфраструктуры: обмен данными об уязвимостях и атаках помогает усилить киберзащиту всех участников; формирование общего поля смыслов: создание и продвижение объединяющих ценностей и нарративов, укрепляющих идеологическую основу ОДКБ; создание системы коллективного киберсдерживания: демонстрация единства и готовности к коллективному ответу на серьезные кибератаки.

В целях борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий с 2014 г. на постоянной основе проводится операция «Прокси», основной целью проведения которой является противодействие информационным потокам, угрожающим национальной и коллективной безопасности государств-членов ОДКБ. На ближайшую перспективу основные усилия в рамках проведения операции «Прокси» будут сосредоточены на противодействие: использованию Интернета для распространения информации, которая наносит ущерб национальным и общим интересам государств-членов Организации; использованию Интернета для вовлечения граждан государств-членов преступную деятельность, связанную в совершение актов терроризма, незаконным распространением наркотических

средств и психотропных веществ, электронным мошенничеством; компьютерным атакам на информационную инфраструктуру [16].

Таким образом, ОДКБ сформировала многоуровневую и многофункциональную систему институциональных механизмов для противодействия современным вызовам и угрозам, где транснациональная преступность занимает одно из центральных мест. Эта система прошла путь от создания общих рамок сотрудничества к построению сложной, интегрированной архитектуры, способной реагировать на широкий спектр криминальных проявлений — от незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, и нелегальной миграции до киберпреступности и терроризма.

Институциональная структура ОДКБ в сфере противодействия преступности строится по четкому иерархическому принципу, что обеспечивает стратегическое целеполагание и оперативную реализацию решений:

- верховный уровень (стратегический): СКБ — уровень глав государств. Определяет фундаментальные направления политики, утверждает основополагающие концепции и стратегии;
- высший уровень (координационно-политический): СМИД и СМО. Преобразуют стратегические установки в конкретные внешнеполитические и оборонные задачи;
- исполнительно-координационный уровень: Постоянный Совет и Секретариат ОДКБ. Обеспечивают непрерывную работу Организации, организационно-техническое сопровождение и повседневную координацию;
- отраслевой уровень (специализированный): координационные советы руководителей компетентных органов, специализирующиеся на конкретной угрозе: КС НОН — по противодействию незаконному обороту наркотиков; КС НМ — по противодействию незаконной миграции; КСОНП — по противодействию организованной преступности и др.;
- экспертно-тактический уровень: рабочие группы (например, по Афганистану, по информационной безопасности, по борьбе с терроризмом). Являются «мозговыми центрами» и платформами для выработки конкретных предложений, анализа угроз и подготовки решений для вышестоящих органов. Силовой уровень (оперативный): КСОР и КСБР — представляют собой силовой компонент, готовый к применению для нейтрализации крупных угроз, в том числе криминального характера.

Эффективность институциональной системы ОДКБ базируется на нескольких взаимосвязанных принципах:

- специализация и распределение ответственности: четкое разделение функций между разными советами и группами позволяет достичь высокой глубины проработки каждой проблемы;
- синергия и взаимодействие: механизмы не работают изолированно. Например, КС НМ и КС НОН тесно координируют усилия, поскольку каналы наркотрафика и нелегальной миграции часто совпадают. Информация от Рабочей группы по Афганистану жизненно важна для КС НОН. Эта сеть взаимодействия создает комплексный эффект;
- оперативность и гибкость: наличие постоянно действующих органов (Секретариат, Постоянный совет) и регулярный характер заседаний рабочих групп позволяют быстро реагировать на новые вызовы, не дожидаясь саммитов на высшем уровне;
- от стратегии к тактике: выработанные на уровне СКБ стратегии последовательно детализируются в планах коллективных действий, которые, в свою очередь, реализуются через совместные операции («Канал», «Нелегал»), организуемые профильными координационными советами.

В перспективе система продолжит развиваться, все больше фокусируясь на кибербезопасности, противодействии гибридным угрозам и использовании новейших технологий (искусственный интеллект, большие данные) для прогнозирования и пресечения преступной деятельности. Таким образом, институциональные механизмы ОДКБ представляют собой не статичный, а динамично эволюционирующий организм, оставаясь ключевым инструментом обеспечения коллективной безопасности на евразийском пространстве.

Необходимость поиска путей повышения эффективности международного сотрудничества в рамках ОДКБ в современных условиях вызвана комплексом взаимосвязанных причин, а сами пути лежат в плоскости как правового, так и институционального совершенствования. Ряд обстоятельств предопределяют необходимость такого рода:

- эскалация гибридных угроз: с целью ослабить государства-члены ОДКБ изнутри, подорвать их экономическую и общественную безопасность недружественные государства активно используют непрямые методы воздействия, среди которых организованная преступность становится инструментом дестабилизации;
- усложнение транснациональной преступности: санкционные ограничения создали новые криминальные схемы (обход санкций, незаконные финансовые операции, контрабанда санкционных товаров); преступные группы активно используют цифровые технологии и криптовалюты, что требует адекватного ответа на наднациональном уровне;

- ограничение сотрудничества с третьими странами и международными органами и организациями: санкции и политическая конфронтация затрудняют или делают невозможным обмен оперативной информацией, экстрадицию преступников, совместные расследования с правоохранительными органами стран, не входящих в ОДКБ;
- угроза экономической безопасности: транснациональная организованная преступность наносит прямой ущерб экономикам государств — членов, в условиях санкций этот ущерб становится критическим. Речь идет о выводе капиталов, уклонении от уплаты налогов, коррупции, которые ослабляют и без того находящуюся под давлением экономику.

Таким образом, повышение эффективности сотрудничества государств-членов в сфере противодействия преступности — это стратегическая необходимость для сохранения стабильности в регионе ОДКБ. Для повышения эффективности сотрудничества необходимо совершенствование и укрепление институциональной архитектуры.

Упрощение процедур правовой помощи является одним из самых действенных способов повысить эффективность сотрудничества по противодействию преступности в рамках ОДКБ. Классическая процедура экстрадиции или запрос о правовой помощи может занимать месяцы и даже годы. За это время лица, совершившие преступления, успевают скрыться, доказательства уничтожаются, а криминальные схемы видоизменяются. Внедрение ускоренных процедур, электронного документооборота и принципа «одного окна» (когда все запросы идут через единый национальный орган) сокращает этот срок до недель или даже дней. Представляется возможным создание в регионе ОДКБ Межгосударственного бюро оказания правовой помощи ОДКБ — постоянно действующего органа, решения которого являются обязательными для государств-членов, работающего по принципу «одного окна» (все запросы направляются в национальное отделение Бюро, которое само взаимодействует с другими ведомствами на внутригосударственном уровне и передает запрос в Бюро другого государства-члена. Ключевыми функциями Межгосударственного бюро оказания правовой помощи ОДКБ могла бы являться: прием, регистрация, перевод (при необходимости) и передача всех запросов о правовой помощи, экстрадиции, контроль за сроками исполнения запросов; ведение единой базы данных по запросам; разработка и внедрение единых форм запросов, протоколов, стандартов передачи доказательств, подготовка и распространение методических рекомендаций для государств-членов; координация создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп; рассмотрение споров и ситуаций, связанных с отказами в правовой помощи (кроме случаев, затрагивающих суверенитет и национальную безопасность государства — члена).

Представляется, что создание Межгосударственного бюро оказания правовой помощи ОДКБ будет способствовать системной трансформации сотрудничества государств-членов из эпизодической координации в интегрированную оперативную модель. Это ключевой инфраструктурный элемент, который обеспечит качественный скачок в эффективности противодействия транснациональной преступности.

Таким образом, ОДКБ сформировала многоуровневую и иерархическую систему институциональных механизмов для противодействия транснациональной преступности, которая эволюционировала от решения чисто военных задач к комплексному ответу на современные гибридные угрозы. Ее архитектура выстроена по четкому принципу: от стратегического целеполагания СКБ до оперативной реализации через специализированные органы. Ключевую роль в этой системе играют отраслевые координационные советы, такие как КС НОН по борьбе с наркотрафиком и КС НМ по противодействию нелегальной миграции, которые превращают политические решения в конкретные совместные операции «Канал» и «Нелегал». Особенностью подхода ОДКБ является ставка не на разработку региональных конвенций, а на гармонизацию национальных законодательств через модельные законы, что создает единое правовое пространство. Важным силовым компонентом системы выступают Коллективные силы оперативного реагирования, способные нейтрализовать крупные угрозы, в том числе криминального характера. Оперативность и гибкость системе придают постоянно действующие экспертно-тактические рабочие группы, такие как Рабочая группа по Афганистану и Рабочая группа по информационной безопасности, которые анализируют угрозы и готовят решения. Эффективность этой архитектуры обеспечивается синергией между ее уровнями, специализацией органов и их постоянным взаимодействием, что позволяет одновременно бороться с терроризмом, наркотрафиком, киберпреступностью и нелегальной миграцией. Таким образом, институциональные механизмы ОДКБ представляют собой динамичный организм, который ликвидирует «безопасные гавани» для преступников и является ключевым инструментом обеспечения коллективной безопасности на евразийском пространстве.

Список источников

1. Williams P. The fifth wave organized crime in 2040. Geneva : The Global Initiative Against Transnational Organized Crime, 2024.
2. Никитин А. И. ОДКБ: эволюция функций и структур обеспечения безопасности // Еже-

годник СИПРИ-2016. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М. : ИМЭМО РАН, 2017.
3. Global Organized Crime Index 2023 // The Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Geneva, 2023.
4. Положение о Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ (утверждено Решением Совета коллективной безопасности от 28 апреля 2003 г.) // URL: https://antiterror.odkb-csto.org/framework/polozhenie-o-kssb/#loaded
5. Ву Чи-ян. Взаимодействие стран-участниц в рамках ОДКБ // Постсоветские исследования. 2022. № 6. С. 635–646.
6. Коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности // URL: https://www.jscsto.org/security/crdf-car/
7. Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=201067297&collection=1&ysclid=m8cryvwfls375848725
8. «Взаимодействие-2023» : подразделения сил специального назначения провели антитеррористическую операцию // URL: https://odkb-csto.org/training/other/vzaimodeystvie-2023-podrazdeleniya-sil-spetsialnogo-naznacheniya-proveli-antiterroristicheskuyu-oper/#loaded
9. Решение Комитета секретарей советов безопасности ОДКБ о создании при Комитете секретарей советов безопасности Организации Договора о коллективной безопасности рабочих групп экспертов по вопросам борьбы с терроризмом и незаконной миграцией от 30 ноября 2004 г. // URL: https://antiterror.odkb-csto.org/workgroup/
10. Рабочие группы по Афганистану при СМИД ОДКБ и по борьбе с терроризмом при КССБ на совместном заседании 19 апреля обсудили военно-политическую ситуацию в ИРА и предпринимаемые ОДКБ меры по минимизации угроз безопасности исходящих с территории Афганистана // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/rabochie_gruppy_po_afganistanu_pri_smid_odkb_i_po_borbe_s_terro rizmom_pri_kssb_na_sovmestnom_zasedan/#loaded
11. Коллективные силы ОДКБ под руководством Росгвардии отработали действия по борьбе с терроризмом в рамках учения «КОБАЛЬТ-2024» // URL: https://rosguard.gov.ru/News/Article/kollektivnye-sily-odkb-pod-rukovodstvom-rosgvardii-otrabotali-dejstviya-po-borbe-s-terrorizmom-v-ramkam-ucheniya-kobalt2024--video
12. Коллективные силы выходят на новые рубежи // URL: http://odkb.gov.ru/u/azk.htm
13. О субрегиональной антинаркотической операции «Канал-Дальневосточный рейд» // URL: https://www.mid.ru/ru/maps/kg/1961326
14. Подведены предварительные итоги субрегиональной антинаркотической операции ОДКБ «Канал-Горный форпост» // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/podvedeny-predvaritelnye-itogi-subregionalnoy-antinarkoticheskoy-operatsii-odkb-kanal-gornyy-forpost/#loaded
15. Итоги проведения постоянно действующей региональной операции государств — членов ОДКБ по противодействию незаконной миграции (операция «Нелегал») в 2024 г. // URL: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=24009#loaded
16. Состоялось заседание руководителей национальных штабов по проведению операции «ПРОКСИ» // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/sostoyalos-zasedanie-rukovoditeley-natsionalnykh-shtabov-po-provedeniyu-operatsii-proksi/?ysclid=mcemrbdopx583049005#loaded

References

1. Williams P. The fifth wave organized crime in 2040. Geneva : The Global Initiative Against Transnational Organized Crime, 2024.
2. Nikitin A. I. The CSTO : Evolution of Security Functions and Structures // SIPRI Yearbook-2016. Armaments, Disarmament and International Security. M. : IMEMO RAS, 2017.
3. Global Organized Crime Index 2023 // The Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Geneva, 2023.
4. Regulations on the Committee of Secretaries of the CSTO Security Councils (approved by the Decision of the Collective Security Council dated April 28, 2003) // URL: https://antiterror.odkb-csto.org/framework/polozhenie-o-kssb/#loaded
5. Wu Chi-yan. Interaction of the CSTO Member States // Post-Soviet Studies. 2022. № 6. P. 635–646.
6. Collective Rapid Deployment Forces of the Central Asian Collective Security Region // URL: https://www.jscsto.org/security/crdf-car/
7. Agreement on the CSTO Collective Rapid Reaction Forces // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=201067297& collection=1&ysclid=m8cryvwfls375848725
8. «Interaction-2023» : Special Forces Units Conducted an Anti-Terrorist Operation // URL: https://odkb-csto.org/training/other/vzaimodeystvie-2023-podrazdeleniya-

sil-spetsialnogo-naznacheniya-proveli-antiterroristicheskuyu-oper/#loaded
9. Decision of the Committee of Secretaries of the CSTO Security Councils on the establishment of working groups of experts on combating terrorism and illegal migration under the Committee of Secretaries of the Security Councils of the Collective Security Treaty Organization dated November 30, 2004 // URL: https://antiterror.odkb-csto.org/workgroup/
10. At a joint meeting on April 19, the CSTO Working Groups on Afghanistan and Counter-Terrorism discussed the military and political situation in Afghanistan and the measures taken by the CSTO to minimize security threats emanating from Afghanistan // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/rabochie_gruppy_po_afganistanu_pri_smid_odkb_i_po_borbe_s_terrorizmom_pri_kssb_na_sovmestnom_zasedan/#loaded
11. Collective Forces of the CSTO, led by the Russian National Guard, Practiced Counter-Terrorism Measures as Part of the KOBALT-2024 Exercise // URL: https://rosguard.gov.ru/News/Article/kollektivnye-sily-odkb-pod-rukovodstvom-rosgvardii-otrabotali-dejstviya-po-borbe-s-terrorizmom-v-ramkam-ucheniya-kobalt2024--video
12. Collective Forces Reach New Frontiers // URL: http://odkb.gov.ru/u/azk.htm
13. On the subregional anti-drug operation «Channel-Far Eastern Raid» // URL: https://www.mid.ru/ru/maps/kg/1961326
14. Preliminary results of the CSTO subregional anti-drug operation «Channel-Mountain Outpost» // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/podvedeny-predvaritelnye-itogi-subregionalnoy-antinarkoticheskoy-operatsii-odkb-kanal-gornyy-forpost/#loaded
15. Results of the permanent regional operation of the CSTO member states to counter illegal migration (Operation «Nelegal») in 2024 // URL: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=24009#loaded
16. A meeting of the heads of national headquarters for the operation «PROXY» was held // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/sostoyalos-zasedanie-rukovoditeley-natsionalnykh-shtabov-po-provedeniyu-operatsii-proksi/?ysclid=mcemrbdopx583049005#loaded

Информация об авторе

М. М. Алексеева — доцент кафедры международного и интеграционного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. M. Alekseeva — Associate Professor of the Department of International and Integration Law of the Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 08.12.2025.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 340.1
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-20-26
EDN: https://elibrary.ru/dlosij
NIION: 2003-0059-6/25-404
MOSURED: 77/27-003-2025-06-603

Правовое воздействие: от социальной энтропии к динамическому развитию

Людмила Николаевна Берг
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, mila-berg@mail.ru

Аннотация. Намечается путь решения проблем, касающихся объяснения и фиксации активной природы правового воздействия. Для решения указанной научной задачи потребуется ответить на вопросы о том, как правовое воздействие способствует преодолению социальной энтропии, можно ли признать существование правового воздействия гарантией минимизации социальной энтропии [1], т. е. хаоса, беспорядка в общественных отношениях, сопровождающих их дисфункций органов государства и т. д. Представляет интерес ответ на вопрос о том, каковы объективные средства фиксации данного правового явления. Обозначенные направления исследования не получали должного освещения в теории права и государства [2].

Ключевые слова: правовое воздействие, социальная энтропия, развитие права, динамическое развитие

Для цитирования: Берг Л. Н. Правовое воздействие: от социальной энтропии к динамическому развитию // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 20–26. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-20-26. EDN: DLOSIJ.

Original article

Legal impact: from social entropy to dynamic development

Lyudmila N. Berg
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, mila-berg@mail.ru

Abstract. The paper outlines a way to solve problems related to explaining and fixing the active nature of legal influence. To solve this scientific problem, it will be necessary to answer questions about how legal influence contributes to overcoming social entropy, whether it is possible to recognize the existence of legal influence as a guarantee of minimizing social entropy, i.e. chaos, disorder in public relations, accompanying dysfunctions of state bodies, etc. The answer to the question of what are the objective means of fixing this legal phenomenon is of interest. These areas of research have not received adequate coverage in the theory of law and the state.

Keywords: legal impact, social entropy, legal development, dynamic development

For citation: Berg L. N. Legal impact: from social entropy to dynamic development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):20–26. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-20-26. EDN: DLOSIJ.

Постановка проблемы. Прежде всего, отметим, что введение в «ткань» научного исследования понятия «социальная энтропия» знаменует собой попытку нового взгляда на функциональную характеристику правового воздействия. Понятие «энтропия» было введено физиком Р. Клаузиусом (1822–1888 гг.) [3]. По-

© Берг Л. Н., 2025

нятие «социальная энтропия» необходимо для того, чтобы оттенить и противопоставить его понятию «общественный порядок», предполагающему обычно наличие строгой закономерности в расположении элементов определенной структурной организации, более-менее жесткую детерминацию отношений и связей между ними. Порядок исключает хаос. Однако следует понимать, что упорядоченность, степень упорядоченности социальных связей можно «увидеть» тогда, когда есть возможность описать систему общественных отношений статистически, как объект, характеризуемый количественными данными, границами которого рассматриваются хаос и деструктивность [2, с. 94].

Изучение закономерных для любого общества явлений порядка и хаоса позволит обосновать интеграцию в понятийный аппарат теории права и государства понятия хаоса как крайней формы социального поведения, противостоящего правопорядку. Формальная дефиниция социальной энтропии может не учитывать содержательные характеристики общественных систем. Не важно, какова система, какова ее «морфология», однако имеет значение то, как она себя ведет: является ли ее поведение детерминированным, однозначно определенным, или в ней играют роль случайные процессы. Поэтому понятие энтропии оказывается важным в тех отраслях науки, где изучаются вероятностные процессы, в том числе в теории социальных отношений, теории правового воздействия, теории информации и т. д.[1]

Методология. В настоящей статье применяются как общенаучные, так и специальные методы познания, обеспечивающие комплексный анализ правового воздействия сквозь призму социальной энтропии. Среди общенаучных методов используются анализ, синтез, индукция и дедукция, обеспечивающие выявление закономерностей функционирования правового воздействия и его влияния на общественные процессы.

Особое значение имеет социологический метод, который позволяет изучать поведение социальных групп и отдельных субъектов в условиях влияния разной степени правового воздействия. С помощью социологического метода осуществляется сбор эмпирических данных о восприятии правовых норм, степени их соблюдения, мотивации участников социальных отношений и проявлениях хаотичных или упорядоченных процессов в обществе. Анкетирование, интервьюирование, наблюдение и анализ статистической информации дают возможность количественно и качественно оценить уровень социальной энтропии в конкретных сферах общественных отношений, а также выявить механизмы, посредством которых правовое воздействие способствует поддержанию порядка и снижению хаоса.

Применение социологического метода позволяет не только фиксировать объективные проявления правового воздействия, но и интегрировать эти данные в концептуальный аппарат теории права и государства, что делает возможным более полное понимание функциональной роли права относительно социальной энтропии.

Доктринально-правовой анализ. С помощью данного метода реконструируется понятийное ядро теории правового воздействия и правового регулирования, выявляются их различия и взаимосвязь [2]. Особое внимание уделяется критериям разграничения «реального» и «мнимого» динамизма права. В первом случае обновление норм сопровождается их институционализацией в системе законодательства и в дальнейшей стабилизации юридической практики, во втором выражается лишь в количественном накоплении поправок без снижения правовой неопределенности. Доктринально-правовой анализ позволяет соотнести современные тенденции с научными доктринами и выявить теоретическую основу для разработки индикаторов социальной энтропии в праве.

Сравнительно-правовой метод применяется для сопоставления разных моделей законодательного процесса и институтов правотворчества (например, комплексное и точечное обновление кодексов, обязательные процедуры оценки регулирующего воздействия, институты публичных консультаций). Сравнительно-правовой анализ позволяет установить, какие процедурные механизмы наиболее эффективно обеспечивают предсказуемость и устойчивость правового воздействия, тем самым снижая степень нормативной изменчивости.

Формально-юридический метод. Используется для анализа нормативных правовых актов, судебных постановлений и обзоров практики на предмет их соответствия принципу правовой определенности. Посредством формально-юридического метода выявляются логико-структурные особенности текста нормативного правового акта, степень его согласованности с другими актами, а также возможность единообразного применения. Такой подход позволяет оце-

[1] Заметим, что теория информации ведет свое начало от работ Н. Винера и К. Шеннона, появившихся в конце 50-х гг. Понятие энтропии в основном развивается в рамках теории информации и используется в ней в качестве меры информации. При получении информации снижается энтропия. Данные постулаты вполне применимы для объяснения особенностей влияния правового воздействия на социальные отношения. Там, где право выступает центральным каналом передачи информации, количество энтропийных актов поведения минимально.

нить, в какой мере нормативный массив способствует снижению неопределенности и укреплению предсказуемости правового воздействия.

Контент-анализ правоприменительной практики направлен на изучение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Верховного Суда Российской Федерации. Задача заключается в выявлении их эффективности относительно правовой определенности, поскольку одни акты устраняют коллизии и стабилизируют применение норм, другие напротив, порождают юридические коллизии. Такой анализ позволяет оценить реальный вклад судебной власти в снижение либо, напротив, в усиление социальной энтропии.

Совокупное использование указанных методов обеспечивает возможность интегральной оценки правового воздействия, соединяющей доктринальный, сравнительно-правовой, законодательный и прикладной уровни анализа.

Социальная энтропия: социологические индикаторы. Использование понятия «социальная энтропия» применительно к анализу правового воздействия позволяет выйти за пределы чисто юридического тезауруса и привлечь аппарат социологии, где измерение неопределенности и хаотичности социальных процессов уже имеет развитые исследовательские традиции. В правовом измерении это означает необходимость выявить индикаторы, по которым можно судить о степени упорядоченности или, напротив, дезорганизации общественных связей.

Индикаторы доверия и предсказуемости. По данным ВЦИОМ (мониторинг доверия, август 2024 г.), 73 % россиян полагают, что в отношениях с другими людьми необходимо проявлять осторожность, и лишь 24 % заявляют, что большинству можно доверять. Эти цифры воспроизводят стабильную тенденцию последних лет (с 2018 г.), отражая высокую «энтропийную нагрузку» относительно межличностных взаимодействий. Классическая социологическая интерпретация показывает, что низкий уровень доверия препятствует институциональной интеграции и делает любое правовое воздействие более затратным. Данное обстоятельство необходимо учитывать в рамках нормотворческого процесса при установлении норм, юридических процедур и правовых гарантий.

Индикаторы институционального уровня. Ситуация доверия к государственным институтам демонстрирует сходные черты. Даже при варьировании индексов одобрения (например, к органам власти в целом), оценка доверия к судебной системе по стране в целом заметно выросла, и, пусть не со значительным перевесом, положительные оценки системы правосудия все же преобладают: общее доверие к суду, зафиксированное социологами в 2024 г. на уровне страны — 43 % опрошенных [4; 5]. В целом, систематическое изучение и обобщение судебной практики позволяют выявить актуальные проблемы правоприменения действующего законодательства судами при осуществлении правосудия. Установив проблемные вопросы, вышестоящий суд обеспечивает единообразное понимание и применение судами норм права, что способствует повышению эффективности судебной защиты [6]. Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ выступают своеобразными «правовыми корректорами», перерабатывающими и транслирующими правовую информацию так, чтобы минимизировать энтропию толкования и применения норм.

Индикаторы объективной динамики. На макросоциальном уровне ключевым эмпирическим параметром служит статистика преступности. По данным МВД РФ, в 2024 г. число зарегистрированных преступлений уменьшилось на 1,8 % (данные опубликованы в январе 2025 г. как итоговый отчет) [7]. При этом структура преступности изменилась: снизилась доля имущественных составов, но возросли преступления экстремистской и террористической направленности, а также на высоком уровне сохраняются наркопреступления. Такая «структурная перестройка» показывает, что количественные показатели снижения преступности нельзя напрямую отождествлять с уменьшением социальной энтропии. Наоборот, смещение фокуса в сторону политически и социально чувствительных правонарушений демонстрирует необходимость более тонкой настройки правового воздействия и перераспределения ресурсов правовой и политической систем.

Теоретические рамки. Эти данные укладываются в парадигму классической и современной социологии. Р. Мертон, развивая эту линию, показал, что дисфункции государственных и общественных институтов порождают структурные противоречия, усиливающие девиантное поведение. В системной теории Н. Лумана право трактуется как механизм снижения социальной комплексности и неопределенности: именно через коммуникацию правовых норм общество обретает возможность фильтровать случайные события и удерживать социальное взаимодействие в предсказуемых рамках.

В этой связи правовое воздействие следует понимать, как канал циркуляции и стабилизации правовой информации. Его назначение «заземлять» ожидания акторов, снижать хаотичность их взаимодействий и создавать условия для воспроизводства предсказуемых нормативных практик. Если социальная энтро-

пия — это мера неопределенности и случайности, то право, выступающее в качестве институционального фильтра, понижает эту меру за счет прозрачных процедур, юридических гарантий и санкций, делающих поведение предсказуемым и социально безопасным.

Правовая информация и снижение энтропии. Правовое воздействие, в самом общем виде, следует рассматривать как процесс целенаправленного влияния на социальное поведение посредством потоков правовой информации. Именно через эти каналы право проникает в сознание субъектов, формируя их ожидания относительно допустимого и запрещенного правового поведения.

Таким образом, правовая информация выполняет двойную функцию. Во-первых, она является средством упорядочивания, поскольку предсказуемое применение правил поведения сужает диапазон возможных вариантов поведения, тем самым снижая уровень социальной энтропии. Во-вторых, правовая информация выступает как механизм воспроизводства правового порядка, закрепляющий типовые модели взаимодействия и транслирующий их в новые социальные ситуации. В этом контексте правовое воздействие можно интерпретировать и в духе Николаса Лумана как систему коммуникаций, уменьшающую неопределенность в социальных отношениях.

Методологически это означает, что упорядоченность общественной системы поддается приближенному измерению через показатели, фиксирующие фактическое исполнение норм, т. е. через реализацию права. Такими индикаторами могут выступать: доля правомерных действий по отношению к противоправным, степень исполнения юридических обязанностей (например, уплата налогов, регистрация сделок, исполнение судебных решений), устойчивость договорных практик в гражданском обороте, уровень доверия к судебной защите и правоприменительным институтам.

Каждый из этих параметров отражает не просто юридическую статистику, а степень интеграции правовой информации в массовое правосознание. Так, высокий процент добровольного исполнения судебных решений может рассматриваться как показатель низкой энтропии в правовой системе, поскольку субъекты права действуют предсказуемо, опираясь на установленные юридические процедуры.

Следовательно, правовая информация, действительно снижающая энтропию, должна отвечать следующим критериям:

- транспарентность, когда нормы и процедуры должны быть понятны субъектам права;
- предсказуемость предполагает, что реализация права должна быть единообразной и устойчивой;
- гарантированность предполагает, что юридические нормы должны быть обеспечены мерами государственного принуждения и механизмами правовой защиты.

Соответственно при сочетании этих условий право перестает быть инструментом формального ограничения и становится фактором устойчивого социального порядка. И в этом смысле правовая информация не просто набор юридических текстов, а коммуникативный ресурс, обеспечивающий снижение энтропии за счет укрепления доверия к государственным и правовым институтам.

Динамика правового воздействия: от философии права к юридической практике.

Динамичность правового воздействия «генетически» задана самой активной природой права. В теории права давно постулируется мысль, что право это не только не застывшая структурированная совокупность норм, а динамичный живой процесс, охватывающий несколько разнопорядковых уровней: правосознание, правотворчество, правореализацию, толкование и правоприменение. Еще С. С. Алексеев указывал, что динамика права выражается в «постоянном изменении состояния правовой материи» от ее идеальных форм (правовые идеи, правовые принципы, правовые идеалы) к позитивным нормам и далее к формам реализации права. В этом смысле правовое воздействие выступает «механизмом движения» права, обеспечивающим его способность адаптироваться к изменениям общественной жизни.

Первый уровень динамизма — философия права. Современная философия права (ее с полным основанием можно назвать рефлексирующим учением права) есть учение (философско-юридическое направление), призванное охарактеризовать мировоззренческие основы права, первопричины его происхождения (бытия), сущность (природу, «дух» права), смысл и общесоциальное предназначение, общечеловеческую и общекультурную ценность. Это сформировавшаяся «на стыке» философии и общей теории права отрасль научного знания, изучающая первоосновы, сущность и методологические средства правопознания. Как мировоззренческая основа общетеоретической юриспруденции философия права есть система знаний о фундаментальных принципах бытия права, об онтологической сущности права, его человеческой и социальной природе [8].

Второй уровень динамизма — теория права как разновидность науки познает этот мир исключительно научным (рациональным) способом. Отсюда, если

теория права связана с познанием права, философия права имеет своим назначением — философское обоснование права [8].

Здесь речь идет о развитии правовой науки, правовых идей и концепций. Именно теоретическая мысль формирует основу, на которой право воспринимает новые вызовы. Так, труды С. С. Алексеева, Г. К. Варданянца и Ю. А. Тихомирова показывают, что правовое воздействие следует понимать не только как регуляцию, но и как форму социального упорядочения и охраны. На этом уровне закладываются правовые принципы, которые позже воплощаются в правотворчестве, правореализации и правоприменение.

Третий уровень динамизма — нормативный. Это уровень позитивного законодательства, которое постоянно обновляется и корректируется в зависимости от социально-экономических реалий. Примером служат изменения 2024 г., когда только в Налоговый кодекс РФ было внесено несколько десятков поправок, а в декабре Совет Федерации одобрил пакет из 84 федеральных законов, касающихся административной ответственности, государственного контроля, корпоративного и трудового права, закупок, здравоохранения и других сфер. Нормативный динамизм отражает «открытую» природу правовой системы, но одновременно несет в себе риски: чрезмерная изменчивость без теоретической и доктринальной стабилизации ведет к росту правовой энтропии.

Четвертый уровень динамизма — юридическая практика. На этом уровне происходит конкретизация, реализация права, а также стабилизация норм в судебной практике и административном толковании. В 2024 г. ключевым примером стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» [9], установившее принцип неприменимости сроков исковой давности к искам качестве распространяющихся на требования Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, что не позволяет обеспечить учет особенностей деяний, в связи с которыми возникают основания для таких требований. Аналогичную функцию выполняли обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, которые агрегировали и систематизировали вопросы материального и процессуального права. Эти правоприменительные акты обеспечивают единообразие и устойчивость юридической практики и тем самым снижают неопределенность, выступая «фильтрами» для нормативного динамизма.

Таким образом, динамика правового воздействия — это не случайная изменчивость, а сложный и многоуровневый процесс. Философский уровень обеспечивает обоснование права. Теоретический уровень задает идеи и теоретические модели, нормативный уровень воплощает их в системе законодательства, на уровне юридической практики нормы реализуются, конкретизируются, а также происходит обобщение результатов судебной практики. Юридическая практика последних лет иллюстрирует этот тезис. Так, Постановление Конституционного Суда РФ 2024 г., касающееся вопросов изъятия коррупционных активов, подтверждает принцип неотвратимости ответственности, укрепляют общественные ожидания справедливости и снижают уровень правовой неопределенности в сфере имущественных отношений. Аналогично, обзоры судебной практики Верховного Суда РФ выступают институциональными каналами, формируя единообразие подходов в судах нижестоящего уровня, что обеспечивает предсказуемость судебных решений и упорядоченность в правоприменении.

Однако одновременно наблюдается и другая тенденция — это относительно ускоряющийся поток законодательных новаций. Только в декабре 2024 г. Советом Федерации было одобрено 84 федеральных закона, затрагивающих ключевые сферы социально-экономической и правовой жизни. Такое законодательное «перенасыщение» повышает риск правовой энтропии: избыточность и частая изменчивость норм затрудняют их усвоение субъектами и приводят к расхождениям в интерпретации. В этой связи именно теоретическая и доктринальная стабилизация [10], а также стабилизация на уровне судебной практики (разъяснения ВС РФ, правовые позиции КС РФ, научная интерпретация норм) играют роль компенсаторного механизма, позволяющего преобразовать динамику «ради динамики» в подлинное развитие права.

Именно сочетание таких плоскостей как социальные ожидания, формируемые через доверие, предсказуемость и устойчивость социальных связей, и юридической конкретизации, реализуемой через судебную практику и толкование норм, образуется ре-

альный переход «от социальной энтропии к правовой упорядоченности». Это подтверждает тезис о том, что правовое воздействие выступает не только регулятором поведения, но и важнейшим каналом институционализации доверия в обществе.

Только их согласованное функционирование позволяет отличить «реальный динамизм» развитие права как социального института от «мнимого», выражающегося в количественном накоплении норм без качественных изменений. Таким образом, фиксация изменчивости правового воздействия требует комплексного подхода: субъективные социологические данные (уровень доверия), объективные юридические данные (разъяснения и практика высших судов) и поведенческие показатели (статистика правонарушений и исполнения обязательств) в совокупности образуют систему индикаторов, позволяющую исследователю не только описывать, но и прогнозировать направления правового воздействия, а также служить надежной базой для вывода о «скорости» и «векторе» правового воздействия.

Законодательные предложения по проблематике снижения социальной энтропии через правовое воздействие:

- введение в законодательный процесс требования к обязательному анализу регулирующего воздействия и прогноза социально-правовых последствий каждой поправки в кодексы и базовые федеральные законы;
- создание института «правовых мораториев» на частые изменения системообразующих кодифицированных нормативных актов (например, НК РФ, ГК РФ), с возможностью их обновления только пакетами и в предсказуемые временные периоды (например, 1–2 раза в год);
- законодательное установление императивного характера к органам государственной власти формировать пояснительные доклады к каждому нормативному правовому акту, где описываются его цели, прогнозируемые риски и механизмы снижения неопределенности;
- разработка и внедрение в систему законодательства «правовых навигаторов» в формате цифровых сервисов, автоматически сопоставляющих новые акты с действующими, и показывающих гражданину или бизнесу, как именно изменились его права и обязанности;
- законодательное установление «правового мониторинга доверия» в формате регулярного анализа уровня правового доверия населения (к судебным, исполнительным и законодательным органам государственной власти) с обязательной публикацией отчетов и рассмотрением их в Государственной Думе РФ и Совете Федерации.

Таким образом, законодательные предложения направлены на то, чтобы:

- уменьшить «мнимый динамизм» и закрепить механизмы устойчивости системы законодательства;
- повысить транспоретность и доступность правовой информации;
- учитывать социологические индикаторы доверия в процессе правотворчества.

Список источников

1. Клименко А. И. Функциональность права как критерий его действительности // История государства и права. 2023. № 1. С. 2–8.
2. Берг Л. Н. Исследование правового воздействия : методология, теория, практика : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2019.
3. Гельфер Я. М. История и методология термодинамики и статистической физики. М., 1981.
4. URL: https://alrf.ru/news/sotsiologi-issleduyut-uroven-doveriya-k-sudebnoy-sisteme/
5. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6561353
6. Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография. М. : Норма, 2024.
7. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/
8. Червонюк В. И. Идея права и право в идеях : в 2-х т. Т. 1. Теория, философия и методология права : монография. М. : Юстицинформ, 2021 г.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 11 нояб. 2024. № 46. Ст. 7029.
10. Малахов В. П., Маилян С. С., Сигалов К. Е. Доктринальное правосознание : характерные черты и тенденции изменений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 21–27.

References

1. Klimenko A. I. Functionality of law as a criterion of its validity // History of the State and law. 2023. № 1. P. 2–8.
2. Berg L. N. Legal impact research : methodology, theory, practice : abstract of the diss. ... doctor of legal sciences. M., 2019.
3. Gelfer Ya. M. History and methodology of thermodynamics and statistical physics. M, 1981.
4. URL: https://alrf.ru/news/sotsiologi-issleduyut-uroven-doveriya-k-sudebnoy-sisteme/
5. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6561353
6. Khabrieva T. Ya., Kovler A. I., Kurbanov R. A. The doctrinal foundations of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation : monograph. M. : Norma, 2024.
7. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/
8. Chervonyuk V. I. The idea of law and law in ideas : in 2 vol. Vol. 1. Theory, philosophy and methodology of law : monograph. M. : Justicinform, 2021.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 31, 2024 № 49-P «On the case of checking the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and paragraph 2 of paragraph 2 of Article 200, paragraph 2 of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court» // Collection of Legislation of the Russian Federation. November 11, 2024. № 46. Art. 7029.
10. Malakhov V. P., Mailyan S. S., Sigalov K. E. Doctrinal legal awareness : characteristic features and trends of changes // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (40). P. 21–27.

Библиографический список

1. Кожевников В. В. Философия права : учебник. М. : Проспект, 2022.

Bibliographic list

1. Kozhevnikov V. V. Philosophy of law: textbook. M. : Prospekt, 2022.

Информация об авторе

Л. Н. Берг — профессор кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук.

Information about the author

L. N. Berg — Professor of the Department of Theory of State and Law named after S.S. Alekseev of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.09.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 14.10.2025.

The article was submitted 29.09.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 14.10.2025.

Научная статья
УДК 342.951
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-27-32
EDN: https://elibrary.ru/hghrye
NIION: 2003-0059-6/25-405
MOSURED: 77/27-003-2025-06-604

Административно-правовой режим ношения гражданского огнестрельного оружия

Сергей Николаевич Бочаров[1], Илья Сергеевич Горшков[2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, rados108@mail.ru
[2] Министерство внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, inpost@inbox.ru

Аннотация. рассмотрены меры по совершенствованию законодательства Российской Федерации о контроле за оборотом оружия, которые сводятся к дальнейшей детализации правового упорядочения вопросов приобретения, хранения, ношения и использования гражданского огнестрельного оружия физическими лицами. При этом, нормативы реализации права на ношение гражданского огнестрельного оружия, являясь вторичными относительно возможности его легального приобретения, длительное время существенно не менялось, а посему не вызывали научный интерес исследователей. Вместе с тем, правоохранительная практика свидетельствует о наличии в данных вопросах правовых пробелов, терминологических неточностей, неоднозначных формулировок и прочих юридических изъянов, требующих непременного устранения.

В настоящей статье на основе анализа оружейного законодательства Российской Федерации и заслуживающего внимания нормотворческого и правоприменительного опыта некоторых зарубежных стран, дана оценка различным вариантам административно-правового режима ношения гражданского огнестрельного оружия, определены возможные направления и способы его совершенствования.

Ключевые слова: гражданское оружие, оборот оружия, административно-правовое регулирование, ношение оружия, административно-правовые режимы

Для цитирования: Бочаров С. Н., Горшков И. С. Административно-правовой режим ношения гражданского огнестрельного оружия // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 27–32. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-27-32. EDN: HGHRYE.

Original article

The administrative and legal regime of carrying civilian firearms

Sergey N. Bocharov[1], Ilya S. Gorshkov[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, rados108@mail.ru
[2] Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, inpost@inbox.ru

Abstract. Measures to improve the legislation of the Russian Federation on arms control are mainly limited to further detailing the legal regulation of the acquisition, storage, carrying and use of civilian firearms by individuals. At the same time, the standards for the implementation of the right to carry civilian firearms, being secondary to the possibility of their legal acquisition, have not changed significantly for a long time, and therefore have not aroused the scientific interest of researchers. At the same time, law enforcement practice indicates the presence of legal gaps in these issues, terminological inaccuracies, ambiguous formulations and other legal flaws that require urgent elimination.

Based on the analysis of the arms legislation of the Russian Federation and the noteworthy normative and law enforcement experience of some foreign countries, this article evaluates various variants of the administrative and legal regime for carrying civilian firearms, identifies possible directions and ways to improve it.

Keywords: civilian weapons, arms trafficking, administrative and legal regulation, carrying of weapons, administrative and legal regimes

For citation: Bocharov S. N., Gorshkov I. S. The administrative and legal regime of carrying civilian firearms. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):27–32 (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-27-32. EDN: HGHRYE.

© Бочаров С. Н., Горшков И. С., 2025

В систему российского законодательства о контроле за оборотом оружия входят Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [1] (далее — Закон об оружии), другие федеральные законы, а также принятые во исполнение упомянутых законов, тесно связанные с ними и раскрывающие их положения правительственные и ведомственные подзаконные нормативные правовые акты. Современный этап развития рассматриваемого законодательства, которое уместно именовать как законодательство оружейное, характеризуется отчетливо выделяющейся тенденцией к ужесточению правового регулирования порядка и правил приобретения и использования гражданского огнестрельного оружия физическими лицами.

Подобная ситуация вполне понятна и, как представляется, обусловлена появлением в обществе нездорового асоциального интереса, связанного с возможностью использовать образцы огнестрельного оружия, законно находящееся во владении граждан (охотничье, спортивное, самообороны, учебное, коллекционное и пр.), для совершения особо тяжких преступлений, влекущих большое количество жертв и имеющих значительный общественный резонанс.

Кроме того, нельзя не учитывать того обстоятельства, что, если не все, то практически достаточно многое из того, что относится к обороту на территории Российской Федерации гражданского огнестрельного оружия, в настоящее время находится под государственным контролем двух самостоятельных, подчиненных Президенту Российской Федерации федеральных правоохранительных ведомств (Росгвардия и Министерство внутренних дел Российской Федерации), а также их территориальных органов, подразделений и служб.

И, если, относящаяся к категории полиции лицензионно-разрешительная служба Росгвардии, преимущественно курирует такие элементы оборота гражданского огнестрельного оружия, как его производство, торговля, приобретение и некоторые иные области, то многие полицейские подразделения и службы органов внутренних дел (уголовный розыск, участковые уполномоченные, дорожно-патрульная служба ГАИ, строевые подразделения патрульно-постовой службы, дежурные части, экспертные подразделения и подразделения по делам несовершеннолетних) занимаются выявлением фактов незаконного владения физических лиц гражданским огнестрельным оружием, выявлением случаев нарушения порядка и правил хранения такого оружия, его перевозки, ношения, изготовления, сбыта использования и др., а кроме того, они принимают меры по предупреждению и пресечению подобных отступлений от нормативных установлений, привлекают лиц, пренебрегающих указанными правилами, к соответствующей юридической ответственности.

Кроме того, Правительство Российской Федерации возложило на МВД России во взаимодействии с Министерством экономики Российской Федерации, по согласованию с Министерством промышленности и торговли Российской Федерации, а также с Министерством культуры Российской Федерации заниматься подготовкой и внесением последующих корректив в положение о лицензировании производства гражданского (служебного) оружия и патронов к нему [2].

Упомянутые изменения постепенно, но неуклонно, начиная с 2021 г., усложняли для граждан реализацию различных элементов механизма оборота оружия, внеся в Закон об оружии многочисленные коррективы посредством принятия ряда федеральных законов [3; 4; 5; 6], дополнивших указанный статутный нормативный правовой акт множеством новелл. Однако, как это не странно, порядок ношения гражданами огнестрельного оружия при этом продолжает оставаться неизменным.

Прежде всего, заметим, что, несмотря на наличие реальных потребностей, высказанных большинством правоприменителей из числа сотрудников полиции, непосредственно выполняющих функции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, тем не менее, само понятие «ношения оружия» на уровне Федерального закона не раскрывается.

В действительности решение данного вопроса отнесено к подзаконному уровню с использованием нормотворческой компетенции по упорядочению общественных отношений Правительством Российской Федерации, что, как представляется, обусловлено высокой степенью динамики указанных правоотношений, влекущих необходимость оперативного правоустановительного реагирования на фактически происходящие изменения в реальном поведении людей, использующих постоянно усовершенствованные и обновленные варианты действий, обеспечивающих наличие при себе готового к применению оружия в различных обстоятельствах, в любое удобное для себя время.

Именно поэтому, полагаем, для целей административно-правового регулирования в разделе 12 Правил оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 (далее — Правила оборота оружия), под ношением некоторых образцов огнестрельного оружия (гражданское огнестрельное длинноствольное и короткоствольное оружие) понимается способ законного перемещения такого оружия в пространстве в расчехленном состоянии или в кобуре со снаряженным магазином (барабаном), поставленным на предохранитель. Следует отметить, что приведенное понятие применимо исключительно в рамках административных правоотношений, для которых названные виды оружия выступают предметом его легального оборота.

Учитывая, что конкретные образцы гражданского огнестрельного оружия представляют собой предметы с особыми техническими параметрами и технологическими свойствами, сохраняющими потенциальную угрозу охраняемым законом отношениям и важнейшим конституционно значимым ценностям [7, с. 105] (жизнь, здоровье граждан), правовое регулирование ношения такого оружия в целях обеспечения общественной и личной безопасности нуждается в особом подходе и содержании, которые в свою очередь составляют основу и образуют юридические рамки соответствующего административно-правового режима.

Следует отметить, что в сфере оборота оружия функционирует немало административно-правовых режимов [8, с. 67]. При этом, каждый из подобных режимов, являясь способом правового регулирования поведения участников правоотношений, характеризуется определенным целеполаганием и совокупностью методов нормативного закрепления предписаний, дозволений и запретов, составляющих его содержание. В этой связи, административно-правовой режим ношения гражданского огнестрельного оружия неразрывно связан с реализацией права на самооборону, охоту, занятие спортом, а также его демонстрацией с историческими костюмами в период проведения историко-культурных мероприятий. Вне этих целей ношение гражданского огнестрельного оружия не допускается.

Анализ законодательства об обороте оружия позволяет сформулировать общую типологию правового регулирования ношения гражданского огнестрельного оружия в Российской Федерации, которая преимущественно носит разрешительный характер, непосредственно влияющий на формирование соответствующего административно-правового режима, представляющего собой императивный способ правового регулирования, выраженный в сочетании таких приемов административно-правового упорядочения, где превалируют запрет и относительный запрет.

Административный запрет как метод правового регулирования является однозначным, понятным и бескомпромиссным. Он достаточно хорошо изучен в науке административного права [9, с. 654]. Установленный административный запрет не может быть преодолен через применение права и связан с его безусловным соблюдением субъектами в виде пассивного поведения (воздержание от запрещенного поведения под угрозой наказания либо иного принуждения).

Представляется, что в рамках разрешительного административно-правового режима ношения гражданского огнестрельного оружия запреты, составляющие содержание такого режима, определяют границы правомерного поведения участников правоотношений, которые устанавливаются в целях защиты наиболее важных, охраняемых законом ценностей, снижая тем самым риски и нивелируя, либо сводя на нет, угрозы противоправного применения гражданского огнестрельного оружия. Эти запреты установлены и действуют в зависимости от различных обстоятельств, дифференцированно, а именно: по кругу субъектов (участники данных общественных отношений), по защищаемому объекту правовой охраны, по территориальному признаку, а также в зависимости от видов переносимого оружия.

Так, например, ношение подобного оружия в целях самообороны п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона об оружии и п. 62 Правил оборота оружия однозначно и, безусловно, запрещено для иностранных граждан, а также для лиц, находящихся в состоянии опьянения.

Как следует из п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона об оружии по объектовому и территориальному признакам запрещается не только ношение, но и само наличие как указанного, так и любого иного оружия при следующих обстоятельствах:

- в местах проведения митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования и других массовых публичных мероприятий;
- в образовательных организациях (за исключением тех учебных заведений, уставные цели и задачи которых предусматривают использование оружия);
- в организациях, предназначенных для развлечения и проведения досуга, осуществляющих работу в ночное время и реализующих алкогольную продукцию (за исключением работников охраны указанных организаций и инкассаторов, которые их обслуживают).

Учитывая виды рассматриваемого оружия, запрет на его ношение устанавливается для некоторых оружейных образцов. Это касается, в частности, ношения:

а) огнестрельного длинноствольного оружия для целей самообороны (п. 6 ч. 1 ст. 6 Закона об оружии);

б) спортивного огнестрельного короткоствольного оружия с нарезным стволом вне мест проведения соревнований и тренировок с использованием подобных предметов (ч. 14 ст. 13 Закона об оружии);

в) огнестрельного оружия, включенного в состав государственных и частных коллекций (коллекционное оружие) за пределами мест его экспонирования в музеях, на выставках и аукционах (п. 62(1) Правил оборота оружия);

г) старинного (антикварного) огнестрельного оружия, его копий и реплик, имеющих культурную ценность, вне мест контролируемой реконструкции исторических событий и проведением иных историко-культурных мероприятий с использованием указанной разновидности оружейных экспонатов (п. 64 Правил оборота оружия).

Однако наиболее присущим разрешительному режиму методом выступает не абсолютный правовой запрет, а запрет относительный, обусловленный наличием либо отсутствием некоторых нормативно учтен-

ных факторов. Его возможности и содержание наглядно демонстрируются на примере упорядочения сферы предпринимательства, где подобный, так называемый, относительный запрет выражается в недопустимости физическим и юридическим лицам заниматься определенной деятельностью или совершать определенные действия в отсутствии полученного в установленном порядке от уполномоченного властного субъекта государственного управления специального разрешения [10, с. 33, 35]. Относительный запрет любыми заинтересованными субъектами, при отсутствии у них предусмотренных нормативными положениями соответствующих противопоказаний (физического, психического, социального, организационного и прочего свойства), может быть преодолен исключительно по их инициативе путем реализации должностным лицом органа исполнительной власти, которому адресовано такое заявление, соответствующих полномочий по вынесению по поводу упомянутого персонального инициативного обращения индивидуального правового акта, что в обязательном порядке сопровождается выдачей заявителю лично и под роспись специального документа (разрешение, лицензия, свидетельство, сертификат и др.), подтверждающего юридический факт предоставления обратившемуся лицу искомого специального права на определенный нормативными правилами срок.

Для того, чтобы в рамках административно-правового режима ношения гражданского огнестрельного оружия лучше разобраться в характере относительного запрета, его юридически установленных параметрах, лежащих в основе и определяющих соответствующие правовые режимы оборота такого оружия, варианты указанного запрета допустимо дифференцировать по следующим признакам:

- по кругу субъектов (лица, стремящиеся получить искомое разрешение на ношение гражданского огнестрельного оружия);
- по целевому признаку (чем продиктовано подобное стремление, в чем состоит действительный интерес указанных субъектов, каковы мотивы их действий);
- в отношении разновидностей гражданского огнестрельного оружия (технические параметры, технологические характеристики различных образцов гражданского огнестрельного оружия).

По кругу субъектов, например, такой запрет установлен:

а) для граждан Российской Федерации, проявивших субъективный интерес и желание ношения наличного гражданского огнестрельного оружия в целях охоты, для самообороны, для его использования при участии в историко-культурных и иных мероприятиях;

б) в то же время для иностранных граждан подобные цели ограничены интересами охоты, занятия спортом, а также участием в историко-культурных и иных социально значимых для развития международных отношений мероприятиях.

По разновидности гражданского огнестрельного оружия относительный запрет на ношение этого оружия установлен в отношении гражданского, имеющего статус охотничьего огнестрельного длинноствольного оружия, и гражданского огнестрельного оружия ограниченного поражения, имеющего статус оружия самообороны.

Заметим, что в законодательстве отдельных зарубежных стран при применении разрешительного способа правового регулирования ношения отдельных разновидностей огнестрельного оружия, применяется сочетание абсолютного и относительного запретов, по критерию способов ношения. Так, в законодательстве Словакии параграфами 2 и 5 Закона от 23 апреля 2003 г. № 190/2003 Сб. «Об огнестрельном оружии и боеприпасах и о поправках к некоторым законам» предусмотрен запрет на открытое ношение в общественных местах оружия самообороны, а также дается определение понятию «видимое ношение оружия» [11]. Аналогичное правовое регулирование применяется законодательством Японии в отношении пистолетов.

Представляет научный интерес подход к правовому регулированию ношения огнестрельного оружия в США, где наряду с детальным регулированием правоотношений по скрытому и открытому ношению огнестрельного оружия, в различных штатах выработаны и реализуются дифференцированные варианты правового регулирования правил ношения огнестрельного оружия, основанные на применении большого разнообразия не только императивных, но и диспозитивных методов нормативного упорядочения поведения людей. В частности, законодательством об оружии штата Алабама установлен относительный запрет на скрытое ношение огнестрельного оружия, при этом открытое ношение огнестрельного оружия разрешено и не требует получения какого-либо разрешения [12]. В штате Коннектикут открытое ношение огнестрельного оружия (за исключением целей охоты) запрещено, а для скрытого ношения требуется разрешение [13]. В штате Техас скрытое и открытое ношение огнестрельного оружия не ограничивается и не требует получения разрешительных документов [14, § 411.172]. При этом в законодательстве всех штатов присутствует абсолютный запрет на ношение огнестрельного оружия на защищаемых объектах, в качестве которых выступают территории школ, заповедников и национальных парков (для охотничьего оружия), а также помещения государственных органов (в большинстве штатов).

Установленные в Российской Федерации административно-правовые режимы ношения гражданского огнестрельного оружия детально не регламентируют способы его ношения, что на наш взгляд, является не-

достатком действующего законодательства об обороте оружия. По нашему мнению, в Правилах оборота оружия целесообразно предусмотреть, что ношение гражданского огнестрельного длинноствольного оружия должно осуществляться открытым способом с установлением административного запрета на сокрытие такого оружия под элементами одежды, а равно его помещение в другие предметы, специально для этого не предназначенные, что позволяет утаить его от окружающих. Аналогичным образом необходимо осуществлять и ношение антикварного огнестрельного оружия, его копий и реплик, имеющих историческую и культурную значимость, с национальными костюмами народов России. В то же время представляется правильным носить гражданское огнестрельное оружие ограниченного поражения только скрытым способом (без его публичной демонстрации) под одеждой, а если это невозможно или затруднительно — в сертифицированных кобурах, не позволяющих достоверно (в т. ч. по форме) идентифицировать находящиеся в них изделия как оружие.

Список источников

1. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 51. Ст. 5682.
2. Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 (ред. от 15.10.2025) «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему») // URL: http://pravo.gov.ru
3. Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5059.
4. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и статьи 79 и 91.1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5141.
5. Федеральный закон от 25 февраля 2022 г. № 21-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 9. Ст. 1253.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1. Ст. 85.
7. Живаев Д. В. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в современной России : уголовно-правовой аспект // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 1.
8. Благов А. Д. Административно-правовой режим оборота оружия в Российской Федерации : дис…канд. юрид. наук. М., 2007.
9. Шергин А. П. Запреты в административном праве // Юридическая техника. 2018. № 12.
10. Бахрах Д. Н. Административное право : учебник. М. : БЕК. 1996.
11. Закон от 23 апреля 2003 г. № 190/2003 Сб. «Об огнестрельном оружии и боеприпасах и о поправках к некоторым законам» // URL: http://slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2003/190/20230701.html
12. Закон штата Алабама № 13A-11-75 // URL: https://handgunlaw.us/states/alabama.pdf
13. Закон штата Коннектикут № CGS 29-28 // URL: http://www.cga.ct.gov/2011/pub/chap529.html
14. Государственный кодекс штата Техас // URL: https/statutes.capitol.texas.gov/Docs/GV/htm/GV.411.html

References

1. Federal Law № 150-FZ of December 13, 1996 «On weapons» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 51. Art. 5682.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of July 21, 1998 № 814 (as amended on 15.10.2025) «On measures to regulate the turnover of civilian and service weapons and ammunition on the territory of the Russian Federation» (together with the «Rules for the turnover of civilian and service weapons and ammunition on the territory of the Russian Federation territories of the Russian Federation», «Regulations on the maintenance and publication of the State Cadastre of civil and service weapons and ammunition for them») // URL: http://pravo.gov.ru
3. Federal Law № 231-FZ of June 28, 2021 «On amendments to the Federal Law «On weapons» and certain legislative acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27. Art. 5059.
4. Federal Law № 313-FZ dated July 2, 2021 «On amendments to the Federal Law «On weapons» and Articles 79 and 91.1 of the Federal Law

«On the basics of public health protection in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27. Art. 5141.
5. Federal Law № 21-FZ dated February 25, 2022 «On amendments to the Federal Law on weapons» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 9. Art. 1253.
6. Federal Law № 638-FZ dated December 29, 2022 «On Amendments to the Federal Law «On Weapons» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» / / Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 1. Art. 85.
7. Zhivaev D. V. Illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices in modern Russia : a criminal and legal aspect // Law in the Armed Forces. 2014. № 1.
8. Blagov A.D. Administrative and legal regime of arms trafficking in the Russian Federation : dissertation. ... cand. legal sciences. M., 2007.
9. Shergin A. P. prohibitions in administrative law // Legal technology. 2018. № 12.
10. Bakhrah D. N. Administrative law: textbook. Moscow : BEK. 1996.
11. Law of April 23, 2003 № 190/2003-Z «On firearms and ammunition and on amendments to certain laws» // URL: http://slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2003/190/20230701.html
12. Alabama State Law № 13A-11-75 // URL: https://handgunlaw.us/states/alabama.pdf
13. The Law of the State of Connecticut № CGS 29-28 // URL: http://www.cga.ct.gov/2011/pub/chap529.html
14. Texas State Code // URL: https/statutes.capitol.texas.gov/Docs/GV/htm/GV.411.html

Информация об авторах

С. Н. Бочаров — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор;

И. С. Горшков — ведущий эксперт Договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. N. Bocharov — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Professor;

I. S. Gorshkov — Leading Expert of the Contractual and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 08.12.2025.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 343.9.01
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-33-39
EDN: https://elibrary.ru/jcjuir
NIION: 2003-0059-6/25-406
MOSURED: 77/27-004-2025-06-605

Причины совершения преступлений несовершеннолетними

Игорь Николаевич Волосевич[1], Олег Васильевич Кудин[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] 89151333377in@gmail.com

Аннотация. Анализируются проблемы выявления причин и условий совершения преступлений несовершеннолетними. Актуальность данной статьи заключается в том, что в современной России большое количество преступлений, совершенных несовершеннолетним. Особое внимание уделено выделению причин, характеризующих преступления, совершенные несовершеннолетним в составе организованных преступных групп.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика, преступления, совершенные несовершеннолетними, способы выявления и раскрытия преступлений, организованные преступные группы

Для цитирования: Волосевич И. Н., Кудин О. В. Причины совершения преступлений несовершеннолетними // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 33–39. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-33-39. EDN: JCJUIR.

Original article

Reasons for committing crimes by minors

Igor N. Volosevich[1], Oleg V. Kudin[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] 89151333377in@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems of identifying the causes and conditions of crimes committed by minors. The relevance of this article lies in the fact that in modern Russia there is a large number of crimes committed by minors. Special attention is paid to the identification of the reasons characterizing crimes committed by minors as part of organized criminal groups.

Keywords: operational and investigative characteristics, crimes committed by minors, methods of detecting and solving crimes, organized criminal groups

For citation: Volosevich I. N., Kudin O. V. Reasons for committing crimes by minors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):33–39. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-33-39. EDN: JCJUIR.

В соответствии со ст. 63 Семейного кодекса РФ родители несут ответственность за воспитание и развитие своих несовершеннолетних детей [1]. В социальных сетях несовершеннолетние ведут себя иначе, чем в реальной жизни, и представляемый ими образ не соответствует их истиной сути. В этом случае у несовершеннолетнего и пожилого человека существует риск вживания в виртуальный образ и подмены настоящей, то есть реальной жизни виртуальными отношениями. Несовершеннолетний стремится к автономии и формированию собственного пространства, в том числе в сети Интернет. Он хочет сам решать, на что подписаться, с кем переписываться, в какие группы вступать, какой музыке или спорту отдать предпочтение. Это его территория идентичности.

К сожалению, в современном мире, как дети, так и пожилые люди слишком много времени проводят в соцсетях и компьютерных играх, теряя навык живого общения, который заменяется смайликами и стикерами. Несовершеннолетние и пожилые люди как пользователи Интернета, проводящие чрезмерно много времени в социальных сетях, попадают в зависимость, чем и пользуются преступники. Западные спецслужбы и украинские националисты активно используют

© Волосевич И. Н., Кудин О. В., 2025

сеть Интернет для вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность. Поведение в несовершеннолетнем возрасте многообразно: от агрессии, вандализма и экстремизма до суицидальных проявлений, употребления спиртных напитков, наркотических средств и психотропных веществ [2].

Родительско-детские взаимоотношения — это очень сложная система взаимных чувств и действий между взрослыми и детьми. Родители обязаны знать и владеть полной информацией о своем ребенке: какие передачи и фильмы он смотрит по телевизору, на какие сайты в Интернете чаще всего заходит, с кем общается в цифровом пространстве и в свободное от учебы время, как зовут его друзей, где они живут, чем увлекаются и т. д. [3].

Несовершеннолетний возраст сам по себе для любого подростка является серьезным испытанием. Сегодняшние подростки через 5–8 лет станут совершеннолетними, то есть взрослыми, и от того, какими людьми они станут, зависит наше будущее и будущее России. Несовершеннолетний стремится стать взрослым, что определяет многие особенности его поведения. Это один из сложных периодов развития человека.

Профилактика безнадзорности, правонарушений и преступлений несовершеннолетних на протяжении всего времени существования государства является одним из приоритетных направлений государственной политики в Российской Федерации. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022г. № 809 проводится широкомасштабная работа среди подростков и молодежи по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, восстановлению социальных связей, преемственности поколений, предупреждению распространения деструктивных течений и пропаганде экстремистских и националистических идей среди молодежи, да все это нам уже известно по Украине, Казахстану и Белоруссии [4].

Однако у большинства семей проблема не в алкогольной зависимости родителей или отсутствии средств к существованию, а в том, что родители не могут найти общий язык со своим ребенком, особенно в подростковом возрасте. За последние 15 лет число уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними, сократилось в три раза — до 26 тысяч, а количество их участников уменьшилось до 21 тысячи. Удельный вес подростковой преступности в общей массе расследованных преступлений в 2024 г. достиг минимума и составил 2,9 % [5].

Но эти цифры не должны успокаивать. Как показывает изучение судебно-следственной практики, 2–3 % несовершеннолетних преступников — неисправимые. Необходимо ввести уголовную ответственность с 12 лет, как это было в пятидесятые годы прошлого века, после чего преступность несовершеннолетних сократилась. Преступность как явление характеризуется многими признаками, и в частности, ее видами: корыстная преступность; корыстно-насильственная преступность; экономическая преступность; коррупционная преступность; экологическая преступность; киберпреступность; налоговая преступность; профессиональная преступность; рецидивная преступность; организованная преступность; организованная преступность несовершеннолетних; этническая преступность и др.

Проблема преступности среди несовершеннолетних является одним из наиболее актуальных аспектов обеспечения общественной безопасности в современном обществе. Это не только социальная, но и правовая проблема, требующая комплексного подхода и решения. Эти противоправные действия несовершеннолетних являются следствием социальной дезадаптации, недостаточного контроля со стороны взрослых, в том числе родителей и учителей, а также отсутствие занятий, способных заинтересовать несовершеннолетних и направить их энергию в конструктивное русло. Вопросы преступлений, совершенных несовершеннолетними, не утрачивают свои актуальности и в 21-м веке. Преступность несовершеннолетних стало общественно значимой проблемой в настоящее время. С 1 января 2012 г. все тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, рассматриваются исключительно следователями Следственного комитета Российской Федерации [6] (подп. «г» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ).

Без решения проблемы повышения эффективности предупреждения безнадзорности и преступлений среди несовершеннолетних невозможно сегодня говорить о перспективах поступательного движения нашего общества. От успешной работы по профилактике противоправных проявлений со стороны несовершеннолетних во многом зависит и общее состояние оперативной обстановки в стране, реальные перспективы снижения преступности. Поэтому мероприятия органов внутренних дел, в том числе оперативно-розыскные, по выявлению, устранению или нейтрализации воздействия отрицательных социальных явлений, особенно в сети Интернет, порождающих безнадзорность, агрессивность, радикальные взгляды и, как следствие этого, преступность несовершеннолетних, приобретают особое значение. Эффективность их применение во многом зависит от знаний характерных особенностей и преступной направленности противоправных проявлений несовершеннолетних.

Кибермошенники охотятся за людьми разных возрастных категорий. Не интересуют их, пожалуй, только младенцы. Последнее время все больше киберпреступлений совершаются в отношении несовершеннолетних, молодежи и пожилых людей, которых вовлекают в различные преступные схемы. Появление у несовершеннолетнего дорогих вещей и техники, на-

личие чужих банковских карт и определенная лексика (жаргон) могут указывать на то, что несовершеннолетний оказался под влиянием преступного элемента [7].

Родителям необходимо проверять периодически, сколько банковских счетов оформлено на ребенка. Такую информацию можно получить через личный кабинет налоговой инспекции. Для разработки необходимых мер борьбы с преступностью несовершеннолетних необходимо учитывать основные закономерности и тенденции их преступных проявлений. Основным в данном плане являются то, что преступность несовершеннолетних носит явно выраженной групповой характер. Ребенок для любого родителя — не только величайшая ценность, но и большая ответственность. Невозможно невоспитанному воспитать другого. Где нет чистоты в семье, а особенно духовно-нравственной там трудно воспитать ребенка. Наиболее актуальная проблема сегодня гармоничное воспитание ребенка в семье. Каждому ребенку нужно бережное, неустанное, с особой родительской любовью индивидуальное отношение.

Для ребенка очень важен значимый взрослый. Это человек, который дает ребенку чувство уверенности в своих силах, осуществление свободы и безопасности, возможности взрослеть без страха делать ошибку, помогает понять ценность окружающего мира и своего окружения. И, конечно, хорошо и логично, если этим значимым взрослым станет родитель, педагог. Но часто, особенно в несовершеннолетнем возрасте, такими значимыми взрослыми, становится не родители, хотя родители бывают разные, а старшие товарищи, улица, реже — учителя [8].

Но есть и ошибки родителей и семейного воспитания — авторитарность, манипулирование, непоследовательность в поведении родителей, гиперопека, жертвенность. Изучение юридической и специальной литературы и современная действительность показывает о постепенном и безвозвратном омоложении преступности. Указанные социальные феномены должны повлечь за собой и адекватный уголовно-правовой и оперативно-розыскной ответ государства, если вообще и не прекратить омоложение преступности и радикализации ее участников, то хотя бы своевременно и эффективно реагировать на эти вызовы и угрозы со стороны несовершеннолетних и молодежи.

Самый оптимальный возраст исправления несовершеннолетнего — 12, максимум 15 лет. В этот период идет становление личности, да еще можно многое успеть сделать. Общеизвестная истина — на Руси всегда были три главных человека: учитель, врач и священник. Учитель по-прежнему остается для ребенка важным взрослым — носителем знаний и путеводителем в море информации, но самое главное учитель остается воспитателем чувств. Тем самым наше внимание необходимо обратить на особую роль родителей в воспитании своих детей. Основы характера ребенка еще начинают формироваться в утробе матери, генетически сохраняя черты предыдущих поколений, но как говорят ученые, личность в основном формируется в удивительном младенческом возрасте от 3 до 5 лет.

И здесь очень многое зависит от родителей, от того, как они воспитывают ребенка, от того сколько любви они вкладывают в это воспитание, насколько разумно строится работа с несовершеннолетним. Уместно здесь сказать и о том, что этот возраст особенно важен для духовного и нравственно-патриотического воспитания несовершеннолетнего. И чем раньше начинается воспитание личности духовно, тем сильнее ее духовность, а значит, тем сильнее убеждения, в том числе нравственные, патриотические, которые формируют личность, делая ее сильной, смелой, не приемлющей зла, открытой к добру, состраданию. Ту самую личность, которая является общественным идеалом. Нельзя сформировать такой общественный идеал, не занимаясь воспитанием с детства, и в первую очередь это относится к духовному воспитанию.

В определенном возрасте наступает перелом, и младенец становится юношей. Появляются некие чувства, привязанности, которых не было в раннем детском возрасте, несовершеннолетний делается очень восприимчивым к влияниям окружающего мира. Этот возраст мы называем переходным и считаем очень непростым и сложным, но он может быть совершенно не опасным, если заложено определенное мировоззрение и, что самое главное, духовный опыт. Вот почему воспитание детей в семье одна из главных задач. Безусловно, с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, информации сегодня в избытке, доступ к ней почти безграничный. Поэтому педагогу всего важнее готовить школьника к самостоятельной жизни, научить отбирать информацию в цифровом пространстве оценивая ее на полезность и достоверность. Общая проблема современного образования практически всех стран мира это скука и безделье детей. Дети скучают в школе, скучают дома и спасаются в цифровом пространстве. Что из этого получается, мы иногда прекрасно видим. Но можно предположить, что завтра вдруг все отключится, а это может быть и что тогда, чем будет заниматься ребенок, где будет находить информацию, мы этому не учим.

Чем старше становится несовершеннолетний, тем чаще он совершает преступления в одиночку. Когда взрослый играет роль организатора, опасность совершенного преступления возрастает, так как несовершеннолетние чувствуют себя увереннее, участие взрослого стимулирует дерзость, агрессивность осуществления преступного замысла. Подстрекательская роль взрослых представляет собой повышенную общественную опасность. Преступные группы, как правило, формируются по месту жительства. Специфическим для преступных групп несовершеннолет-

них является их так называемая внутренняя подвижность. Отдельные несовершеннолетние, совершив в группе одно или несколько преступлений, прерывают с ней связь и примыкают к другим группам, что значительно затрудняет процесс выявления и раскрытия совершенных группами несовершеннолетних преступлений[9].

Ребенок — это самое главное в жизни, и дополнительное внимание к тому, что творится вокруг ребенка, никогда не будет лишним. Конституционный суд Российской Федерации разрешает родителям ставить на детские гаджеты систему контроля [10].

Преступность несовершеннолетних в настоящее время воплощает в себе опасную и разрушительную тенденцию, так как именно в ней закладывается в дальнейшем преступность в обществе. 21-й век внес существенные изменения в структуре преступности в целом, а особенно преступности несовершеннолетних, в частности, изменились количественные и качественные характеристики, структура и динамика преступности несовершеннолетних. Преступления, совершаемые несовершеннолетними, стали более циничными, жестокими с применением насилия, физической и психологической агрессии, появился новый вид преступлений и преступного поведения, совершаемых в школах — скулшутинг и буллинг особенно в сети Интернет. А также шоплифтинг — это магазинная кража, которая популярна и становятся модным течением среди определенной категории несовершеннолетних, распространяемым через создание тематических групп в социальных сетях. Шоплифтеры действуют в группах, и опытные представители этого сообщества с целью пополнения своих рядов бесплатно обучают магазинному воровству новичков в Интернете.

Несовершеннолетние, как правило, обсуждают свои преступные намерения через Telegram и TikTok с третьими лицами, которые якобы оказывают им финансовую и иную помощь. Обычно после совершения преступлений им обещают бежать на Украину, где они будут жить нормальной жизнью. Также им обещают, что после совершения преступления «вину возложат на Россию, в этом цель». Например, как несовершеннолетний из США Никита Касап хотел убить Дональда Трампа и сбежать на Украину. Этот несовершеннолетней (17 лет) Н. Касап застрелил отчима и мать [11].

Убийство родителей он рассматривал как промежуточный шаг, который должен был обеспечить ему финансовые средства и автономность действий для покушения на Дональда Трампа. Н. Касап в социальных сетях открыто выражал симпатию взглядам неонацистов.

Сегодня преступность несовершеннолетних претерпевает существенные изменения в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, проведением специальной военной операции (СВО). В сети Интернет, в социальных сетях проводятся масштабные информационно-пропагандистские компании западными спецслужбами и киевским режимом, предпринимаются различные попытки манипулирования общественным мнением с применением современных технологий искусственного интеллекта. Основная целевая аудитория таких информационных действий — это молодежь, часть колеблющихся россиян — так называемая оппозиция, этнические диаспоры и недовольные своими социальным положением граждане. Удар при этом делается на разжигание межнациональных и межконфессиональных противоречий, стимулирования националистических и дезинтеграционных настроений в обществе. Западные и украинские СМИ, во враждебном по отношению к России климате. Число киберугроз в отношении детей растет. По данным Лиги безопасности Интернета, за 2024 г. было 1,012 миллиона обращений от родителей по поводу детского противоправного контента [12].

Киберпровокации (поджоги военкоматов и банкоматов), видео с убийствами, детское порно, травля и создание групп с травлей, когда издевательство снимают ради хайпа и получения лайков, все это ломает психику детей. Современные несовершеннолетние, возможно, даже больше, чем представители других возрастных категорий граждан, зависят от навязываемых им извне негативных стереотипов, особенно в цифровом пространстве. Травля детей (буллинг) сверстниками — одна из наиболее распространенных проблем в коллективах несовершеннолетних. Буллинг в учебных заведениях проявляется в травле, издевательствах, оскорблениях, запугивания одних детей другими. Что иногда является причиной совершения преступлений экстремистской и террористической направленности. Наркотики, терроризм и экстремизм — наболевшие вопросы сегодняшнего дня. Для осуществления террористических актов и экстремистских проявлений на территории нашей страны, активно вербуют наших граждан западные и украинские спецслужбы, организаторы международных экстремистских и террористических организаций, особенно лиц пожилого возраста и молодежь.

После происшедшего террористического акта в «Крокус Сити Холл» в городе Москве, молодежь, представляющая разные субъекты России, начала массово сообщать в сети Интернет о неизвестных им лицах, которые обращались к ним в социальных сетях с предложением совершить теракты (поджоги, взрывы, массовые беспорядки, расстрелы в учебных заведениях) за денежное вознаграждение. В большинстве случаев незнакомые лица начинали диалог с несовершеннолетними с вопросами, слышали ли они про теракт в концертном зале «Крокус Сити Холл». Получая положительный ответ, вербовщики (провокаторы) уговаривали, то есть склоняли несовершеннолетних совершить подобное преступления в своих городах.

Некоторым несовершеннолетним за отказ совершить подобное преступления они угрожали физической расправой с ними и их родными и близкими, утверждая, что знают адрес учебы и проживания семьи. Да, за последние годы в нашей стране и обществе коренным образом изменились духовно-ценностные ориентиры, да и само гражданское общество стало неоднородным, разделенным социальным неравенством.

Подростково-молодежные экстремизм и терроризм появляется не просто так, он имеет под собой почву. Это алкоголь и наркотики, а особенно средства массовой информации и сеть Интернет, где пропагандируется жестокость, насилие, убийство, несправедливость во всевозможных ее проявлениях. Проблема совершения преступлений несовершеннолетними во многом связана с занятостью родителей на работе, отсутствием у них возможности постоянно контролировать своих детей, находиться с ними рядом. Родителям особо следует уделять внимание не только на то, где, в какой компании и как их ребенок проводит свое свободное время вне дома, но и на то, с кем он общается в цифровом пространстве, какие сайты посещает в сети Интернет, какие фильмы смотрит, в какие играет игры [13].

Образование и воспитание несовершеннолетних — это взаимосвязанные структуры. Мы занимаемся образованием, а отчасти и воспитанием. Безнаказанность — это лучшее средство развращения ребенка. Сейчас в некоторых семьях не родители воспитывают детей, а дети родителей. Семья — это главный инструмент в воспитании и детей. Правонарушения и преступления, совершаемые несовершеннолетними, являются следствием воспитания в семье, школе. Главная ответственность родителей лежит именно на них, поскольку отклонение в поведении детей, совершаемые ими правонарушения и преступления — все это следствие плохого воспитания ребенка не только в семье, но и в детском саду и школе. А сегодня не только в России, но и во всем мире проблема кризиса институт семьи. Но в России она приобрела катастрофические масштабы. Последствия всех этих проблем негативно влияют на личность и судьбу ребенка. Дети, лишенные полноценного контакта и эмоциональной близости с родителями, наиболее часто совершают правонарушения и преступления. Дети должны жить развиваться и воспитываться в гармонии окружающим миром, в любви и согласии с родными, близкими. Но все семьи бывают разные, в том и кроется причина преступности несовершеннолетних.

Большинство детей имеют негативный опыт проживания в своей семье, в результате этого они становится конфликтные, агрессивные практически со сформировавшимся характером, и мы их называем «трудными». Несовершеннолетний стремится стать взрослым, что и определяют многие особенности его поведения, что приводит к нарушению детско-родительских отношений. Несовершеннолетний пытается освободиться от родительской опеки и утвердиться как личность. А это приводит к игнорированию несовершеннолетним родительских просьб и требований до ухода из дома и совершения правонарушений и преступлений [14].

Уровень агрессивности у несовершеннолетних может изменяться в зависимости от ситуации, но иногда агрессивность несовершеннолетних принимает устойчивые формы. Причины такого поведения несовершеннолетнего разные — это отношение родителей, сверстников, педагогов, сеть Интернет и т. д.

Организацию киберпреступлений против несовершеннолетних можно разделить на 3 группы: через социальные сети, мобильную связь и инженерию. Главная цель киберпреступников — выманивание персональных данных ради финансовых хищений. Но сейчас наиболее опасное воздействие на психику несовершеннолетнего через игру, то есть вовлечение в игру склонение к ложным сообщениям о минировании через запугивания, совершение преступлений против половой неприкосновенности, использование детей в качестве курьеров для передачи денег и «закладчиков» наркотических средств и психотропных веществ в качестве дроперов для обналичивания денег.

Вовлекая несовершеннолетнего в игру, киберпреступники открывают коды доступа на госуслугах, домашние сейфы, а когда игра переходит на улицу, то дети легко соглашаются на ложные сообщения о минировании, поджоги банкоматов, военкоматов и транспортной инфраструктуры. Ведь несовершеннолетние не могут понять главного: дружба дружбой, но это дружба электронная. И учить этому наших детей распознавать эти вещи в виртуальном собеседнике должны родители. Для этого детям на телефон необходимо установить программу «Заступник», чтобы они нажимали на нее.

Радикальные объединения и «несистемная» оппозиция дестабилизирует общественно-политическую обстановку по провоцированию «антивоенных» акций и распространению недостоверной информации о специальной военной операции, где основной упор делается на несовершеннолетних и молодежь.

Сейчас вырастает поколение, привыкшее рассматривать окружающий мир через увеличительное стекло мира виртуального. А в нем все может обернуться подделкой (фейком), в котором любое видео и фото, любое слово, даже любой человек, как он представлен в цифровом пространстве, вполне может оказаться фейком. И это очень опасно для современного поколения.

Понимая угрозы и вызовы, нависшие над несовершеннолетними государство и общество должны серьезно подходить к воспитанию подростков и молодежи, принятию мер для нейтрализации негативных явлений в среде несовершеннолетних, предупреж-

дению вовлечения подростков в деструктивную деятельность.

Можно сделать вывод о том, что необходимо совершенствовать организационно-правовые, морально нравственные и духовные основы по предупреждению преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью. С молодежью необходимо работать по-новому — основной упор необходимо сделать на патриотизм, духовно-нравственное воспитание и стремление к знаниям [15].

А главное, это формирование у молодежи гражданственности, уважении к истории и служению Отечеству, и защита несовершеннолетних и молодежи, да и всех граждан от вербовки в деструктивные сети.

Список источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Криминальная среда и ее влияние на преступность среди несовершеннолетних // Защити меня. 2024. № 2. С. 13–19.
3. Хазов Е. Н., Михайлова Е. В. Государственная политика по профилактике преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. В сборнике: Актуальные проблемы противодействия преступности в России и пути их решения. Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных трудов. Москва, 2024. С. 267–270.
4. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Хазова В. Е. Роль оперативных подразделений ОВД по сохранению, охране и защите культурных и исторических ценностей в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 53–56.
5. Ушакова С. « В ногу с подростками поколением» // Журнал МВД РФ «Полиция России». № 3-2025. С. 13.
6. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404- ФЗ «О внесении изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст.16.
7. Богданов А. В., Кизилов А. П., Хазов Е. Н. Влияние пропаганды экстремисткой идеологии и рекрутинга на молодежь и их последствия для национальной безопасности // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2024. № 1. С. 17–22.
8. Степанова Д. Н. Институт уполномоченного по правам ребенка в механизме защиты конституционных прав несовершеннолетних в Российской Федерации : дисс. … канд. юрид. наук. Пенза, 2024.
9. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные причины и условия, способствующие росту преступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 47–51.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности части первой ст. 137 УК РФ в связи с жалобой гражданина П. О. Вилке 18 января 2024 года // Российская газета. № 23(9265) от 2 февраля 2024 года.
11. Дунаевский И. « Его звали Никита» // Российская газета. № 90 (9629) от 23 апреля 2025 года.
12. Емельяненко В. «Игра с сетью вручную» // Российская газета. № 94 (9633) от 28 апреля 2025 года.
13. Богданов А. В., Комахин Б. Н., Хазов Е. Н. Профилактические мероприятия, проводимые полицейскими подразделениями, по пресечению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 202–208.
14. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления взаимодействия оперативных подразделений и органов предварительного следствия полиции, их значение по выявлению и раскрытию преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 11. С. 71–75.
15. Богданов А. В., Зинченко Е. Ю., Ильинский И. И. и др. Соблюдение, охрана и защита конституционных прав и свобод человека в деятельности правоохранительных органов. Новосибирск, 2024.

References

1. Family Code of the Russian Federation № 223-FZ of December 29, 1995 (as amended on 23.11.2024) (as amended and supplemented, intr. effective from 05.02.2025) // LRS «ConsultantPlus».
2. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. The criminal environment and its impact on juvenile delinquency // Protect me. 2024. № 2. P. 13–19.
3. Khazov E. N., Mikhailova E. V. State policy on crime prevention in the sphere of family and household relations. In the collection: Current problems of countering crime in Russia and ways to solve them. All-Russian Scientific and Practical Conference: collection of scientific papers. Moscow, 2024. P. 267–270.
4. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Khazova V. E. The role of operational units of the Department of Internal Affairs for the preservation, protection

and protection of cultural and historical values in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 7. P. 53–56.
5. Ushakova S. «Keeping up with the teenagers of the generation» // Journal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation «Police of Russia». № 3-2025. P. 13.
6. Federal Law № 404-FZ of December 28, 2010 «On Amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with improving the activities of preliminary investigation bodies» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 16.
7. Bogdanov A. V., Kizilov A. P., Khazov E. N. The influence of extremist ideology propaganda and recruiting on youth and their consequences for national security // Actual problems of administrative law and process. 2024. № 1. P. 17–22.
8. Stepanova D. N. Institute of the Commissioner for children's rights in the mechanism of protection of the constitutional rights of minors in the Russian Federation : diss. ... cand. legal sciences. Penza, 2024.
9. Bogdanov A. V., Khazov E. N. The main causes and conditions contributing to the growth of juvenile delinquency in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 12. P. 47–51.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case of checking the constitutionality of the first part of Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen P. O. Wilke on January 18, 2024 // Rossiyskaya Gazeta. № 23 (9265) dated February 2, 2024.
11. Dunaevsky I. «His name was Nikita» // Rossiyskaya Gazeta. № 90 (9629) dated April 23, 2025.
12. Emelianenko V. «Playing with the network manually» // Rossiyskaya Gazeta. № 94 (9633) dated April 28, 2025.
13. Bogdanov A. V., Komakhin B. N., Khazov E. N. Preventive measures carried out by police units to curb offenses and crimes among minors // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4. P. 202–208.
14. Bogdanov A. B., Khazov E. N. The main directions of interaction between operational units and the police preliminary investigation bodies, their importance in detecting and solving crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 11. P. 71–75.
15. Bogdanov A. V., Zinchenko E. Yu., Ilyinsky I. I. et al. Observance, protection and protection of constitutional human rights and freedoms in the activities of law enforcement agencies. Novosibirsk, 2024.

Информация об авторах

И. Н. Волосевич — доцент кафедры оперативно-разоскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

О. В. Кудин — доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

I. N. Volosevich — Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

O. V. Kudin — Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 08.12.2025.

The article was submitted 27.10.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-40-43
EDN: https://elibrary.ru/eseais
NIION: 2003-0059-6/25-407
MOSURED: 77/27-004-2025-06-606

Вовлечение нотариуса в уголовное судопроизводство

Ольга Владимировна Волынская
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ovolinskaya@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены отдельные теоретические, процессуальные и организационные аспекты вовлечения нотариуса в сферу уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: дознаватель, законодательство, нотариус, обязанности, права, следователь, суд, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Волынская О. В. Вовлечение нотариуса в уголовное судопроизводство // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 40–43. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-40-43. EDN: ESEAIS.

Original article

Involvement of a notary in criminal proceedings

Olga V. Volynskaya
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ovolinskaya@mail.ru

Abstract. Discussed some theoretical, procedural and organizational aspects of the involvement of a notary in the field of criminal proceedings.

Keywords: investigator, legislation, notary, duties, rights, investigator, court, criminal proceedings

For citation: Volynskaya O. V. Involvement of a notary in criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):40–43. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-40-43. EDN: ESEAIS.

В числе приоритетных идей действующего уголовно-процессуального закона является назначение уголовного судопроизводства, урегулированного ст. 6 УПК РФ в целях защиты прав и законных интересов граждан. Как справедливо отмечает профессор В. П. Фадеев: «… включение защиты в основной принцип и назначение уголовного судопроизводства показывают, что в данном случае защита выступает в качестве комплексного понятия, включающего в себя содержание защиты, охраны и правовой помощи, а также определяет сущность и характер уголовно-процессуальной деятельности, его нравственные и процессуальные категории» [8, с. 37]. В этом контексте обращает на себя внимание вышеупомянутого автора предложение о необходимости дополнения и уточнения редакции содержания ст. 6 УПК РФ: «1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и злоупотреблений власти;

2) охрану личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод, обвинения и осуждения;

3) помощь (содействие) личности со стороны государственных органов уголовного судопроизводств, профессиональных юристов, защитников, представителей и иных уполномоченных лиц» [8, с. 38].

Полагаем, что последнее в полной мере может включать себя и нотариусов, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, в соответствии с п. 3.1 ч. 4 ст. 46 и п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ.

Современные правовые институты подвергаются неоднократному реформированию в любой сфере юридического поля. Не стал исключением и институт участников уголовного судопроизводства. В рамках настоящей статьи хотелось бы обратить внимание на вовлечение нотариуса в уголовный процесс. При этом, нотариус — это участник уголовного судопроизводства, привлекаемый следователем, дознавателем или судом, с целью осуществления нотариальных действий, а также реализации удостоверительных и обеспечительных мер по сохранности имущества и соб-

© Волынская О. В., 2025

ственности участников уголовного судопроизводства. При этом удостоверительные и обеспечительные меры выражаются в заверении подлинности подписи на документах, имеющих значение для уголовного дела, осмотре и фиксации состояния имущества и документов, принятии мер по охране наследственного имущества, и направлены на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, обеспечение сохранности их имущества и собственности, а также на создание условий для справедливого и объективного рассмотрения дела. Моментом возникновения процессуального статуса является вынесение следователем или дознавателем постановления, в котором обозначается, что конкретное лицо допускается к производству по уголовному делу в качестве нотариуса.

Несмотря на нормативно-правовое урегулирование положения нотариуса в других сферах, в действующем УПК РФ вышеуказанное лицо упоминается лишь только в отдельных статьях. В соответствии со ст. 46 и 47 УПК РФ только подозреваемому и обвиняемому предоставлено право на использование услуг нотариуса, причем, законодатель акцентирует внимание только на сфере предпринимательской деятельности, не подразумевая иные случаи привлечения нотариуса, о которых будет упомянуто ниже. Обозначим, что привлечение нотариуса допускается в отношении подозреваемого (обвиняемого), т. е. в УПК РФ отсутствуют нормы, в которых, к примеру, данное право также будет предоставлено другим участникам уголовного судопроизводства. Среди обязанностей следователя и дознавателя отсутствует такое положение как предоставление информации об имуществе, денежных средствах или ценностях, на которые может быть наложен арест, в том числе и нотариусу.

В случае вовлечения, нотариус должен обладать сведениями и информацией, необходимой для осуществления нотариальных действий [1, с. 37; 6].

В качестве примера, приведем решение районного суда г. Новосибирска [2]. Нотариус подал иск с целью снятия с себя дисциплинарной ответственности за совершение нотариальных действий с имуществом, на которое наложен арест. Исходя из материалов уголовного дела: следователь дал согласие на посещение обвиняемого, при этом никакой информации об имеющихся ограничениях на арестованную собственность нотариусу не предоставил. Аналогичная ситуация и с обвиняемым: при встрече с нотариусом сведений о том, что он носитель процессуального статуса обвиняемого, а также о примененных в отношении него мер принуждения и сведений об имуществе (арестованном), он не сообщил. То есть, нотариус, приглашенный обвиняемым для осуществления нотариальной сделки, не был уведомлен о процессуальном статусе и предпринятых мерах в отношении имущества, что являлось существенным нарушением, препятствующим реализации сделки.

Суд вынес решение — не только отказать в иске нотариусу, но и признать сделку недействительной, в связи с отсутствием исчерпывающего перечня документации, необходимого для заключения сделки, в частности, отсутствовала информация о положении собственника и мерах, предпринятых по отношению к его имуществу.

Проиллюстрировано на конкретном примере из судебной практики. Полагаем, что права и обязанности нотариуса могут быть существенно нарушены в силу процессуального положения лица, в отношении которого будет осуществлена нотариальная сделка. Нотариус вправе обладать сведениями, необходимыми для осуществления сделки, а также получать информацию о том, применялись ли ранее или будут ли применены уголовно-процессуальные меры в отношении имущества (в том числе, денежных средств, ценностей). Относительно правоприменителей: следователь и дознаватель обязаны перед началом реализации нотариальных действий разъяснить нотариусу положения п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ и ч. 3.1 ст. 46 УПК РФ, а также поставить в известность о факте ранее примененных мер пресечения.

Еще один пример из судебной практики. Гражданин С. обратился в Воркутинский городской суд Республики Коми [3] с целью обязать администрацию МО ГО «Воркута» восстановить его в правах на собственность и предоставить жилье (благоустроенное жилое помещение). Истец сообщил, что до момента вступления в действие приговора Верховного суда Республики Коми был прописан по адресу Н. Изначально гражданин С. был приговорен к смертной казни, а в 1999 г. этот вид наказания замен на пожизненное лишение свободы, позднее, замен на условно-досрочное освобождение. В период отбывания наказания, жилое помещение, расположенное по адресу Н. было признано непригодным для проживания и снесено. Ответчик сообщил, что гражданин С. на учете «нуждающимся» в жилье не стоит. Суд, принимая решение, руководствовался нормативно-правовыми документами, действующими на момент вступления в действие и исполнения приговора. В связи с тем, что в отношении гражданина С. было первоначально назначено наказание в виде смертной казни, снятие с регистрационного учета осуществлено правомерно, а также утрата пользованием жилым помещением наступила с момента вступления приговора в законную силу и не требовала дополнительных судебных разбирательств. Воркутинский городской суд вынес решение в отказе удовлетворения исковых требований гражданина С.

Таким образом, в судебной практике встречаются приговоры [4; 5], в которых после отбывания наказания, осужденные утрачивали право пользования собственным жильем, в котором проживали до момента применения в отношения них уголовно-процессуальных мер принуждения или осуждения. Однако это прямо противоречит закону, поскольку никто не может быть произвольно лишен жилища (в том числе, как в момент, так и после отбывания, вне зависимости от вида наказания), так как право на жилище относится к основным правам и свободам человека и гражданина и гарантируется ст. 40 Конституции РФ. При этом,

суды руководствуются законодательством, которое действовало в момент вступления в действие приговора суда. Несмотря на то, что действующая редакция УПК РФ содержит ч. 2 ст. 160, подразумевающую реализацию мер по обеспечению сохранности имущества следователем или дознавателем, по нашему мнению, данная норма права не реализуется в полном объеме, что обусловлено наличием исковых заявлений граждан в восстановлении жилищных прав.

Полагаем, следует согласиться с мнением В. Руднева и Г. Беньягуева о том, что реализацию ч. 2 ст. 160 УПК РФ можно было бы возложить и на нотариусов. Такой подход позволил бы «разгрузить» деятельность следователей и дознавателей в обязанности, которых на сегодняшний день входит и обеспечение сохранности имущества. В рамках упомянутой обязанности затрачивается значительное количество времени необходимое для сбора различного рода документации, в том числе и процессуального характера.

Существует и еще один аспект в рамках рассматриваемой проблематики. В связи с необходимостью в конкретных ситуациях, обозначенных, как уже ранее упоминалось, п. 3.1. ч. 4 ст. 46 и п. 9.1. ч. 4 ст. 47 УПК РФ, вовлечение нотариуса в сферу уголовного судопроизводства, предполагает, по нашему мнению, наделение его возможностями, так называемого, свидетельского иммунитета. Полагаем, несмотря на кратковременность его участия в производстве по уголовному делу, нотариус по аналогии с защитником вправе не давать показания в качестве свидетеля по поводу информации, которая стала известна об обстоятельствах, связанных с оказанием нотариальных услуг. Думается, такие понятия, как: «адвокатская тайна» и «нотариальная тайна» имеют тождественную основу. Соответственно, последнее предполагает необходимость в дополнении перечня ч. 3 ст. 56 УПК РФ нотариусом, представляя ему возможность, в необходимых случаях, воспользоваться свидетельским иммунитетом.

В юридической литературе отмечается, что необходимо усовершенствовать нормы закона о свидетельском иммунитете, поскольку: «… иммунитеты, возникающие вследствие правового положения лица, бесспорно возникают в рамках конкретного уголовного процесса, однако обеспечивают законность и справедливость всего судопроизводства в целом» [7]. Также отмечается, что в большинстве своем значительное количество дискуссий, споров и проблем затрагивают возможность наделения свидетельским иммунитетом лиц, не имеющих самостоятельного процессуального статуса, к числу которых следует отнести и нотариуса.

До принятия, ныне действующего УПК РФ, вопросы свидетельского иммунитета были практически не урегулированы, да и сам термин не использовался с законодательных позиций. Ситуация несколько изменилась в связи с продолжающимся реформированием уголовно-процессуального закона и, прежде всего, с позиций обновленного текста Конституции РФ.

Обращает на себя внимание, что термин свидетельский иммунитет, несмотря на частое его использование в теории уголовно-процессуального права, законодателем и в правоприменительной практике не нашло соответствующего процессуального оформления. Это, к примеру, не позволяет осуществлять должный надзор за законностью заявляемых отказов от дачи показаний при производстве по конкретному уголовному делу. А из этого следует, что такого рода незаконные отказы препятствуют осуществлению уголовного преследования, в свою очередь, принуждение к даче показаний, нарушает конституционные права лиц, получивших свидетельский иммунитет.

Кроме того, существуют, как общие, так и частные проблемы данной уголовно-процессуальной категории. Отмечаем, что на сегодняшний день практически неразработанными остаются вопросы, связанные с процессуальным оформлением применения правил свидетельского иммунитета, путей и способов их разрешения. Опять же, остро стоит вопрос о сущности и содержании свидетельского иммунитета, его место в системе иммунитетов, в том числе и уголовно-процессуального характера. Это, полагаем, исходит из того факта, что уголовно-процессуальные иммунитеты основываются на положениях, разработанных другими отраслями юридического права. Думается, в этом контексте, справедливым было бы полагать, что формирование процессуальных иммунитетов, является основой для обеспечения реализации правовых статусов в отношении отдельных категорий лиц до сегодняшнего дня их не имеющих, но вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства по конкретным уголовным делам.

Изложенное свидетельствует о насущной потребности выработки и построении системы свидетельских иммунитетов, как теоретической, так и практической направленности, в соответствии с определенными критериями правовой определенности того или иного процессуального статуса участника уголовного судопроизводства.

Анализ юридической литературы свидетельствует о том, что таких критериев может быть выделено множественное число. По нашему мнению, применительно к исследуемой в рамках настоящей статьи проблематике, определенный интерес представляет собой тот, который, прежде всего, связан с понятием охраняемой законом тайны. Поддерживаем мнение, что: «… в условиях возрастания осознания значимости эффективного, беспристрастного уголовного процесса очевидно существование выделяемых рядом различных нормативных актов и охраняемых законом видов информации, вопрос разглашения которых во время уголовно-процессуальной деятельности в действующем законодательстве остается неразрешенным. Речь здесь идет о выделенных законодательно различного вида тайнах — государственной, военной, … врачебной, нотариальной, банковской, коммерческой … и некоторых других видах тайн. Конечно, не все виды, названные тайной, равнозначны, разглашение некоторых из них вряд ли повлечет трагические последствия,

однако, определенных из них нуждаются в тщательной регламентации» [7, с. 9].

Разумеется, рассмотрение в рамках статьи положения и предложения требуют теоретического осмысления и подтверждения правоприменительной практики для выработки необходимых законодательных рекомендаций.

Список источников

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (с посл. изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска (Новосибирская область) от 14 июня 2019 г. по делу № 2-1563/2019 г. // URL: https://sudact.ru/
3. Дело № 2-564/2017 ~ М-332/2017, первая инстанция // URL: https://actofact.ru/case-11RS0002-2-564-2017-m-332-2017-2017-02-10-0-0/
4. Дело № 2-630/2016 ~ М-137/2016, первая инстанция // https://actofact.ru/case-61RS0036-2-630-2016-m-137-2016-2016-01-21-0-0/
5. Решение № 2-1384/2020 2-1384/2020~М-1119/2020 М-1119/2020 от 15 июля 2020 г. по делу № 2-1384/2020 // URL: https://sudact.ru/
6. Приказ Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» (вместе с «Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающим объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования», утв. решением Правления ФНП от 28 августа 2017 г. № 10/17, приказом Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Малахова Л. И. Иммунитеты и привилегии в уголовном судопроизводстве РФ : к вопросу о соотношении понятий // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 2. С. 7–12.
8. Фадеев П. В. Правовая помощь участникам уголовного процесса в досудебном производстве. М. : Юрлитинформ, 2020.

References

1. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993, № 4462-1) (with amendments and additions) // LRS «ConsultantPlus».
2. The decision of the Zaeltsovsky District Court of Novosibirsk (Novosibirsk region) dated June 14, 2019 in case № 2-1563/2019 // URL: https://sudact.ru/
3. Case № 2-564/2017 ~ M-332/2017, first instance // URL: https://actofact.ru/case-11RS0002-2-564-2017-m-332-2017-2017-02-10-0-0/
4. Case № 2-630/2016 ~ M-137/2016, first instance // https://actofact.ru/case-61RS0036-2-630-2016-m-137-2016-2016-01-21-0-0/
5. Solution № 2-1384/2020 2-1384/2020 ~M-1119/2020 M-1119/2020 dated July 15, 2020 in case № 2-1384/2020 // URL: https://sudact.ru/
6. Order № 156 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated August 30, 2017 «On Approval of the Regulations for Notaries to Perform Notarial Acts, which Establishes the Amount of Information Required by a Notary to Perform Notarial Acts and the Method of Recording It» (together with the «Regulations for Notaries to Perform Notarial Acts, which establishes the amount of Information Required by a Notary to Perform Notarial Acts, and the method its fixation», approved by the decision of the FNP Board dated August 28, 2017 № 10/17, by order of the Ministry of Justice of Russia dated August 30, 2017 № 156) // LRS «ConsultantPlus».
7. Malakhova L. I. Immunities and privileges in criminal proceedings of the Russian Federation : on the question of the correlation of concepts // Judicial power and criminal procedure. 2017. № 2. P. 7–12.
8. Fadeev P. V. Legal assistance to participants in criminal proceedings in pre-trial proceedings. M. : Yurlitinform, 2020.

Информация об авторе

О. В. Волынская — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. V. Volynskaya — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 08.12.2025.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 343.13
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-44-52
EDN: https://elibrary.ru/gqkwsz
NIION: 2003-0059-6/25-408
MOSURED: 77/27-004-2025-06-607

Цифровая трансформация как средство обеспечения противодействия коррупции в уголовном судопроизводстве

Ольга Владимировна Гладышева[1], Владимир Александрович Семенцов[2]
[1,2] Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
[1] volkolup@yandex.ru
[2] crimpro@yandex.ru

Аннотация. Раасматривается вопрос трансформации всех сфер общественной жизни на основании внедрения цифровых технологий. И если применительно к отдельным сферам такая трансформация имеет целевой, предметно ориентированный характер, основывается на единых подходах, принципах и правилах, при наличии общих условий (когда осуществляется, например, управление имуществом, новыми бизнес-моделями), то применительно к другим областям выработка концепта трансформации встречает серьезные затруднения. Одним из таких проблемных направлений является уголовное судопроизводство, цифровая трансформация которого осложняется многими факторами, в числе которых необходимость оценки потенциала такой трансформации с позиции воздействия на коррупционные риски и купирования проявлений коррупции в уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, коррупция, противодействие, цифровая трансформация, цифровые технологии, искусственный интеллект

Для цитирования: Гладышева О. В., Семенцов В. А. Цифровая трансформация как средство обеспечения противодействия коррупции в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 44–52. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-44-52. EDN: GQKWSZ.

Original article

Digital transformation as a means of ensuring anti-corruption in criminal proceedings

Olga V. Gladysheva[1], Vladimir A. Sementsov[2]
[1,2] Kuban State University, Krasnodar, Russia
[1] volkolup@yandex.ru
[2] crimpro@yandex.ru

Abstract. In modern scientific research and policy documents raise the issue of transforming all areas of public life through the introduction of digital technologies. While such transformation is targeted and subject-specific in certain areas, based on unified approaches, principles, and rules, and subject to common conditions (such as the management of property and new business models), it presents significant challenges in other areas. One of these problematic areas is criminal proceedings, the digital transformation of which is complicated by many factors, including the need to assess the potential of such transformation in terms of its impact on corruption risks and the suppression of corruption in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, corruption, counteraction, digital transformation, digital technologies, and artificial intelligence

For citation: Gladysheva O. V., Sementsov V. A. Digital transformation as a means of ensuring anti-corruption in criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):44–52. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-44-52. EDN: GQKWSZ.

© Гладышева О. В., Семенцов В. А., 2025

Коррупция выступает системной проблемой, препятствуя эффективному развитию современного государства и общества. Масштаб ее распространения, уровни проявления, видовое разнообразие, в совокупности с правовыми проблемами преодоления коррупционных рисков, обусловливают низкую эффективность любых отраслевых мер противодействия коррупции, применяемых по отдельности, самостоятельно. Более эффективными представляются системные платформы, охватывающие несколько уровней, направлений и позволяющих масштабно аккумулировать информацию и проводить ее аналитику. В этом направлении именно развитие цифровых технологий позволяет выразить надежду на появление нового потенциально состоятельного в указанной сфере (противодействия коррупции) инструмента. И уже есть положительные примеры реализации соответствующих технологий.

Например, государственная информационная система «Посейдон», основное назначение которой — информационно-аналитическое обеспечение деятельности по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе для проведения с использованием IT-технологий анализа и проверок на соблюдение ограничений, запретов и требований. Система интегрирована с иными цифровыми платформами, содержащими данные, которые могут быть использованы для противодействия коррупции. О результативности информационной системы «Посейдон» имеются весьма положительные отклики в литературе [34].

В то же время, позитив от развития и использования цифровых технологий в сфере противодействия коррупции находится под сомнением в связи с высокими рисками использования цифровых же инструментов для осуществления преступных, включая коррупционные, намерений. А если учесть скорость приспособления отдельных цифровых технологий к противоправной деятельности, особую актуальность приобретает постановка и решение проблемы опережающих темпов развития именно тех цифровых средств, которые обеспечивают выявление, предотвращение и оперативное реагирование на противоправное, включая коррупционное, поведения.

В направлении масштабного совершенствования законодательной основы использования цифровых технологий в сфере противодействия коррупции принимаются федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, правовые акты субъектов Российской Федерации. Цифровым средствам противодействия коррупции уделяется пристальное внимание на уровне развития ведомств, и признается, что в условиях формирования цифровой среды коррупционные проявления неминуемо будут смещаться в сферу информационных технологий. Предпринимаемые усилия способны в определенной степени сдерживать рост коррупции, обеспечивая государственным процессам свойства инклюзивности, подотчетности и прозрачности [15].

Уголовное судопроизводство как часть государственной системы, призванной противодействовать преступности в целом, очевидно, должно интегрироваться в систему противодействия коррупции. Именно поэтому цифровая трансформация ставит новые задачи по оптимизации уголовного судопроизводства, с учетом эффективности принимаемых решений по противодействию коррупции.

О проявлениях коррупции, наличии соответствующих рисков в уголовном судопроизводстве имеются основательно разработанные позиции. Так, к числу коррупционных рисков относят:

- дискреционность решения о прекращении уголовного дела [16];
- личную заинтересованность лиц, правомочных возбуждать уголовные дела и вести предварительное расследование, а также судей при рассмотрении и разрешении уголовных дел, санкционировании применения мер уголовного принуждения, производства следственных действий и др. [27];
- диспозитивные нормы, позволяющие органу уголовного преследования самостоятельно принимать решения по поводу разглашения данных расследования [17];
- порядок подачи, рассмотрения сообщений о преступлениях и принятие по ним итоговых решений [29];
- возможность необоснованного возбуждения уголовного дела как способа рейдерских захватов, получения доступа к коммерческой и иной охраняемой законом тайне и др. [18, с. 206–215];
- недобросовестность представителей правоохранительных органов, которые на стадии возбуждения уголовного дела могут проявлять как излишнюю активность, так и пассивность [12].

Высокая степень коррупциогенности уголовно-процессуальных норм, связанных со стадией возбуждения уголовного дела, послужила основанием для утверждения об исключении этой стадии из системы уголовного судопроизводства [2, с. 10]. Дело в том, что именно на первоначальной стадии уголовного судопроизводства происходит укрытие сообщений о преступлениях от учета, что составляет один из фактов коррупционного поведения должностных лиц [22]. Наряду с этим имеют место: фальсификация доказательств [21], затягивание сроков проверки сообщения о преступления и производства по уголовному делу [26], необоснованное применение мер процессуального принуждения [25] и др.

В связи с широким кругом разнообразных коррупп-

ционных рисков в уголовном судопроизводстве и постоянно усиливающейся тенденцией внедрения цифровых технологий считаем закономерной постановку следующих вопросов:

1. Каким образом цифровые технологии могут воздействовать на уровень коррупционных правонарушений в уголовном судопроизводстве?

2. Как должно быть организовано уголовно-процессуальное законодательство, чтобы цифровая трансформация регулируемой этим законодательством деятельности обеспечивала эффективное противодействие коррупции?

Сразу отметим, что в современной науке уголовного процесса весьма активно идет обсуждение различных направлений его цифрового развития. Например, предлагается модель цифрового уголовно-процессуального кодекса, которому дается следующее определение: «нормативно-правовой акт, призванный регулировать уголовно-процессуальные отношения, возникающие в цифровой среде в связи с осуществлением уголовного преследования лиц, совершивших преступления, а также обеспечивать отправление правосудия, в том числе путем использования машиночитаемого юридического текста» [13, с. 68].

В числе цифровых технологий, которые уже применяются в уголовном судопроизводстве, укажем видео-, веб-конференции, электронный документооборот. Предлагаются к широкому внедрению электронные доказательства [1; 30].

На уровне широкого обсуждения находятся различные аспекты применения в уголовном судопроизводстве искусственного интеллекта [31; 32], что составляет содержание особенно активной научной дискуссии. Привлекает внимание следующее суждение: «чем больше люди используют искусственный интеллект, тем более вероятны разнообразные нарушения законов… Растущий уровень использования технологий искусственного интеллекта приводит к некоторым существенным проблемам в области законодательства» [35, с. 377]. Полагаем, что обе части высказывания весьма верно отражают диалектику развития цифровых технологий и не только в уголовном судопроизводстве.

О том, что коррупционные нарушения в уголовном судопроизводстве имеются, пишут и другие ученые [3, с. 55; 19]. Об этом же свидетельствует и практика, например, один из следователей, проводивших предварительное расследование, был осужден за факт подделки подписей, а весь личный состав следственного подразделения уволен по результатам служебных проверок, установивших коррупционные факты в их деятельности [14].

В современных исследованиях используется относительно новое понятие «цифровая трансформация», больше присущее характеристике процессов в экономической сфере [4] и государственном управлении [28]. Цифровая трансформация рассматривается как фундаментальное переосмысление бизнес-модели и стратегии компании с использованием цифровых технологий в качестве ключевого драйвера изменений. С 1 января 2025 г. стартовал национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [20].

При этом в отдельных работах цифровизация рассматривается как синоним трансформации [7, с. 23; 11, с. 79]. В числе направлений цифровой трансформации предлагается использовать в качестве доказательств электронные источники информации [24]. Частью этой же трансформации рассматривается идея получения и сохранения традиционной аналоговой базы доказательств посредством электронных средств и способов [10, с. 277]. В этом же ряду отметим теорию электронного правосудия [23, с. 13].

Масштаб научных исследований в этой сфере впечатляет, что полностью согласуется с решениями, позиционирующими цифровую трансформацию как стратегическое направление государственного развития, когда, например, Распоряжение Правительства РФ от 16 марта 2024 г. № 637-р утверждены стратегические направления в области цифровой трансформации государственного управления. При этом есть смысл привести мнения Л. В. Головко, касающееся оценки воздействия цифровых технологий на суть уголовного судопроизводства, который в своем исследовании отмечает неспособность цифровых средств привести к «уголовно-процессуальной революции» и заменить классический уголовный процесс каким-то «новым уголовным процессом [9, с. 17].

Главной проблемой на пути цифровой трансформации определяется отсутствие единой программы, что обусловливает несистемное и фрагментарное внедрение отдельных цифровых средств в правоприменительную практику [6] и добавим — такое же фрагментарное законодательное регулирование. А учитывая, что именно законодательство является единственной основой для уголовного судопроизводства, то и преобразования должны, в первую очередь, происходить в нем.

Получается, что цифровая трансформация должна быть начата с создания необходимой законодательной основы. Сложность заключается в том, что без опыта применения цифровых средств в уголовном судопроизводстве нежелательно вносить изменения в уголовно-процессуальный закон, а без законодательного регулирования невозможна уголовно-процессуальная апробация цифровых средств. Этот порочный круг представляется необходимым разомкнуть путем разрешения на законодательном уровне проведения экспериментальных действий, тем более что опыт такого правового эксперимента имеется (например, таким способом внедрялся суд присяжных).

Соответственно цифровая трансформация уго-

ловного судопроизводства — это стратегически определенное, научно обоснованное, экспериментально апробированное программно-организованное системное преобразование законодательной модели уголовно-процессуальной формы, позволяющее использовать цифровые технологии в определенных законом сферах и установленных границах. Только при выполнении указанных условий и создании необходимой базы можно говорить о действительной цифровой трансформации уголовного судопроизводства.

Разбираясь с сущностью отдельных цифровых технологий, подчеркнем, что не все из них, в силу своеобразия, могут использоваться в уголовном судопроизводстве, помогая в преодолении коррупционных рисков. В числе потенциально полезных систем Д. М. Фарахиев указывает: 1) система блок-чейн во взаимодействии с системой Посейдон; 2) искусственный интеллект; 3) краудсорсинговые антикоррупционные платформы и др. [33].

Следует согласиться с высокой оценкой уголовно-процессуального потенциала указанных технологий. Развитие блок-чейн в сфере уголовной юстиции может принести пользу в части организации более высокого уровня взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства (например, между судами и органами досудебного производства).

Более смелым представляется предложение о применении блок-чейн в отношениях между государственными органами и частными лицами, вовлекаемыми в уголовное судопроизводство. Такого рода взаимодействие потенциально полезно в следующих направлениях: обмен информацией, включая уведомление о производстве следственных и иных процессуальных действий, о принятых процессуальных решениях, при заявлении ходатайств и жалоб, в случае представления документов, либо их направления для ознакомления и др.

Полагаем, что указанный формат цифрового взаимодействия в определенной степени повысит и прозрачность уголовного судопроизводства для его участников, что позволит снизить определенные коррупционные риски как на внешнем, так и во внутреннем контуре противодействия коррупции.

Краудсорсинговые платформы предположительно могут использоваться в уголовном судопроизводстве для противодействия процессуальной коррупции. Посредством этих платформ граждане могут сообщать о случаях вымогательства или иных коррупционных проявлениях через интернет или по телефону. При этом собственно платформа функционирует на основании технологии искусственного интеллекта, что позволяет отнести ее к соответствующей категории цифровых средств.

Особенно активно обсуждается потенциал искусственного интеллекта, в том числе, для противодействия коррупции. Есть мнение, что «необходимо придерживаться смешанного подхода, в рамках которого использование искусственного интеллекта для перспективной борьбы с коррупцией в судебной и следственной деятельности возможно, но только под контролем человека и исключительно в качестве инструмента, но не самостоятельного «субъекта» со своим усмотрением. В качестве потенциальной возможности такого использования: создание сервиса по облегчению рассмотрения дел в особом порядке; внедрение искусственного интеллекта в сферы судебного делопроизводства и судебной статистики; анализ правоприменительной практики; прикладные вопросы следствия — моделирование события преступления, планирование и прогнозирование, экспертизы, выдвижение версий, определение путей их проверки» [5].

Не оспаривая, в целом, выдвинутую позицию, считаем, что в предлагаемых направлениях системы искусственного интеллекта не затрагивают наиболее распространенных коррупционных рисков, а, значит, обеспечивая повышение эффективности и определенную цифровую трансформацию уголовного судопроизводства, они не влияют на его коррупционную составляющую. Учитывая, что именно уголовно-процессуальная дискреция рассматривается как один из основных коррупционных факторов, то отказ от применения искусственного интеллекта в соответствующей сфере позволяет говорить об устранении такой технологии из этого сегмента противодействия коррупции.

И в этой части действительно есть весомые аргументы в пользу отказа от искусственного интеллекта в указанной сфере. Хотя не исключается рассмотрение и обсуждение иной точки зрения, например, когда судейское усмотрение может быть запрограммировано «для использования во благо судящегося человека, если будут заданы четкие пределы усмотрения и коэффициенты, когда робот-судья вправе применить свое милосердие, снисхождение» [8].

Исходя из современного уровня развития искусственного интеллекта и проявляемых в уголовном судопроизводстве коррупционных рисков, изложим собственную позицию.

Прежде всего, отметим, что искусственный интеллект и уголовное судопроизводство имеют сопоставимые характеристики. Программирование нейросетей представляет собой достаточно сложный, но все же алгоритмизированный, а значит формализованный, прозрачный процесс. Уголовное судопроизводство также является формализованной деятельностью, когда принятие многих процессуальных решений имеет свои алгоритмы, от выполнения которых зависит оценка их законности и обоснованности.

Считаем, что формализация — то общее начало, которое способно «примирить» цифровые технологии с уголовным судопроизводством, помочь ему приобрести необходимую цифровую форму, не утратив при

этом своего назначения и нравственной сути.

Формализация в современной науке уголовного процесса выступает остро критикуемой категорией. Однако анализ работ, их инновационность позволяет сделать вывод: ученые не предлагают тотальную деформализацию уголовного судопроизводства. В большинстве случаев ведется речь об упрощении алгоритмов, которые сегодня прописывает законодатель. Причина этой позиции в сложности («заформализованности») имеющихся процедур, что усиливает коррупционные риски: удлиняются сроки, укрываются преступления от учета, и др. Но то, что составляет сложность для следователя, дознавателя или суда, возможно, не будет сложным для искусственного интеллекта.

Например, внедрение отдельных модификаций искусственного интеллекта способно оказать поддержку следователю при производстве допроса (технология «компьютерное зрение» (Computer Vision, CV), работающее на основе искусственного интеллекта, позволяет быстро дать результаты анализа невербальной информации допрашиваемого, определить его эмоции и т. д.). Та же технология при обыске поможет снять часть нагрузки со следователя, вынужденного соблюдать не только процессуальные правила, но и разрабатывать, а затем и применять технические средства, тактические приемы. Осмотр места происшествия в сопровождении искусственного интеллекта обеспечивает концентрацию внимания следователя на ключевых объектах обстановки. При этом появляется реальная возможность качественной подготовки протоколов следственных действий.

Возможность принятия уголовно-процессуальных решений с применением технологии искусственного интеллекта вызывает особенно настороженное отношение теоретиков и практиков. Разделяя ряд опасений, тем не менее отметим, что он способен уже сейчас справиться с принятием целого ряда формализованных законодательством процессуальных решений, в том числе: признание потерпевшим, прекращение уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, перечисленным в ст. 24 УПК РФ; назначение судебной экспертизы (включая постановку вопросов) в случаях, указанных ст. 196 УПК РФ, и др. С помощью технологии блок-чейн, указанные решения могут быть доведены до сведения заинтересованных лиц в кратчайшие сроки, при соблюдении установленной процедуры (например, ознакомление участников с постановлением о назначении судебной экспертизы).

В то же время, поддерживаем недопустимость наделения искусственного интеллекта правом принимать решения, основанные на усмотрении, дискреции, обусловленные невозможностью оцифровать нравственные ценности, играющие важную роль при принятии отдельных процессуальных решений (например, вынесение приговора), но считаем, что категоричность в этом вопросе обусловлена некоторыми, как представляется, временными ситуациями. Достигнутый уровень развития искусственного интеллекта не позволяет этой технологии воспринимать такие категории и правильно, в уголовно-процессуальном контексте понимать содержание и значение законности, обоснованности, и тем более справедливости. Основываясь на многократных повторениях (Big Data), современные нейросети только подбирают повторяющиеся варианты, что исключает собственную генерацию авторских выводов и заключений. Но, как представляется, и эту границу искусственный интеллект рано или поздно сможет преодолеть.

Тем не менее, уже сегодня искусственный интеллект способен опосредовано влиять на то, что усмотрение, дискреция будут постепенно лишаться коррупционной составляющей. В этой сфере свою позитивную роль, полагаем, сыграет расширение познавательных возможностей следователя на основании потенциала искусственного интеллекта. Повышение уровня доступа к процессуально значимой информации, формирование новых доказательств для следователя, суда позволит обеспечить большую объективность в применении дискреции. Соответственно применение искусственного интеллекта даже только при сборе фактических данных способно позитивно повлиять на преодоление соответствующего коррупционного риска.

Другим антикоррупционным фактором предполагается правило о преодолении решения, принятого искусственным интеллектом. Уже сейчас существует система возложения штрафов за нарушения Правил дорожного движения, исходя из материалов и решений, принимаемых на их основании искусственной интеллектуальной системой. Такое решение исполняется только, если оштрафованный гражданин согласен с ним, а при несогласии — он вправе его обжаловать и окончательное решение принимается судом. При обжаловании все материалы проверяются уже без привлечения искусственного интеллекта, а затем принимается решение, возможно отличающееся от того, которое ранее было принято.

Можно возразить, что штраф за превышение скорости не идет в сравнение с приговором суда, влекущим гораздо более серьезные правовые последствия не для одного человека, а для весьма широкой группы людей, имеет резонанс в обществе, оказывает влияние на государственные процессы. С этим трудно не согласиться. Но и применение искусственного интеллекта в этом вопросе пока явно не планируется. Высказанная идея (о возможности принятия уголовно-процессуального решения и его последующего преодоления) является одним из многих возможных прогнозов в части цифровой трансформации уголовного судопроизводства и основывается на объективных закономерностях его развития.

Также считаем, что искусственный интеллект способен оказать положительное влияние на современные альтернативные договорные процедуры (процессуальные компромиссы). Развитие искусственного интеллекта в этой сфере представляется актуальным направлением, позволяющим не только формировать исчерпывающие варианты компромиссных решений, с учетом имеющегося нормативного регулирования и практики, но и исключает постороннее влияние на участников. Дело в том, искусственный интеллект объективно настроен в отношении всех участников, без субъективных «перекосов». При этом выбор решения из числа сформулированных искусственным интеллектом будет все же за самими участниками уголовно-процессуальных правоотношений.

Не менее значимо внедрение искусственного интеллекта в порядок подачи, рассмотрения сообщений о преступлениях и принятие по ним итоговых решений. На наш взгляд, эта сфера может быть существенно расширена, например, за счет включения в нее подачи жалоб в порядке ст. 124, 125 УПК РФ, где наблюдается достаточно широкая дискреция и имеются проблемы законодательного регулирования, а в отдельных сферах сохраняется высокий уровень правовой неопределенности. Эти факторы свидетельствуют о возможности проявления коррупционных рисков. Искусственный интеллект в этих направлениях уголовного судопроизводства может привлекаться для решения следующих задач: сбор первичных данных о заявителе, о событии, о лицах, располагающих сведениями о событии, обеспечивается формирование фабулы и др.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства — закономерный, объективный и необходимый этап его современного развития. Высокотехнологичное уголовное судопроизводство должно быть создано путем масштабного, системного, целенаправленного внедрения доступных и потенциально возможных цифровых технологий и их использования для достижения его назначения на основании оптимизации законодательного регулирования. В настоящее время нет оснований утверждать, что в уголовном судопроизводстве происходит именно цифровая трансформация ввиду весьма осторожной политики законодателя в деле внедрения цифровых технологий.

Цифровая трансформация способна позитивно повлиять на преодоление коррупционных рисков в уголовном судопроизводстве в дух аспектах:

- путем усиления познавательной составляющей (использование цифровых технологий при сборе фактических данных), что положительно воздействует на формирование внутреннего убеждения, формирование усмотрения и использование дискреционных полномочий на более высоком и объективном уровне;
- посредством оптимизации процессуальных алгоритмов и снижения непроизводительной нагрузки на органы досудебного и судебного производства (электронная коммуникация с участниками, поддержание блок-чейн общения, подбор имеющихся в уголовном деле оснований для принятия процессуальных решений, принятие формализованных процессуальных решений, сопровождающихся четкими процессуальными алгоритмами и др.).

Список источников

1. Андреева Ю. И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 8. С. 147–152.
2. Афанасьев А. Ю. Коррупционные риски доказательственного права в уголовном процессе (досудебное производство) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
3. Афанасьев А. Ю. Усмотрение следователя как коррупционный фактор // Библиотека криминалиста. 2016. № 3 (26). С. 51–56.
4. Белякова Г. Я., Аврамчиков В. М. Современные подходы к цифровой трансформации экономики региона // Фундаментальные исследования. 2023. № 5. С. 71–75.
5. Бугаевская Н. В. Перспективы использования искусственного интеллекта как средства противодействия коррупции в деятельности органов предварительного расследования и суда // Вестник Югорского государственного университета. 2023. № 3. С. 63–70.
6. Воскобитова Л. А. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства и роли прокуратуры как организатора такой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 18–31.
7. Гадецкий В. Г., Корякина А. А. Особенности цифровизации на муниципальном уровне // Вестник Гжельского государственного университета. 2020. № 5. С. 23–30.
8. Глебов И. Н. Искусственный юридический разум // Сетевой научный юридический журнал «Гуманитарное право». 1 января 2018.
9. Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе : локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
10. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of digital technologies and law. 2023. № 1 (1). С. 270–295.
11. Загребин В. В., Серова Е. А. Процесс цифровизации в условиях глобальной неопределенности / В кн.: Возможности и угрозы цифрового общества. Ярославль : Цифровая типография, 2020. С. 79–84.

12. Зайцев О. А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 108–126.
13. Зуев С. В., Зазулин А. Н. Цифровой УПК : новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 67–77.
14. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 7 марта 2023 г. по делу № 77-30 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Курочкин А. В., Кулакова Т. А., Коверзнева С. А. Антикоррупционный потенциал инструментов «цифровой экономики» : политико-управленческий анализ // Креативная экономика. 2019. № 12. С. 2349–2360.
16. Кучеров Г. Н. Дискреционная модель правового регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования : pro et contra // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 214–222.
17. Лаврушко Е. А. Обеспечение конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе : сравнительно-правовой анализ на примере Российской Федерации и Республики Казахстан // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10. С. 149–156.
18. Макарова О. В. Специфика возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности / В кн.: Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): науч.-практ. пособие. М., 2020.
19. Мичурина О. В. Коррупционные аспекты нарушений уголовно-процессуальных норм государственными органами и должностными лицами, осуществляющими досудебное производство по уголовному делу // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 112–117.
20. Панарина М. М. Цифровой комплаенс как эффективный способ минимизации информационных рисков // Журнал российского права. 2025. № 1. С. 141–154.
21. Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва от 20 декабря 2024 г. по делу № 1-336/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Приговор Шебалинского районного суда Республики Алтай от 2 апреля 2025 г. по делу № 1-9/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
23. Рагимов И. М.-оглы, Аликперов Х. Д.-оглы «Электронные весы правосудия» (цели, возможности, преимущества) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 8–14.
24. Рамалданов Х. Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видео-конференц-связи // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 124–131.
25. Решение Верхнепышминского городского суда Свердловской области от 23 июля 2024 г. по делу № 2-1258/2024// СПС «КонсультантПлюс».
26. Решение Московского городского суда от 17 октября 2025 г. по делу № 3а-2794/2025// СПС «КонсультантПлюс».
27. Россинский С. Б., Рябцева Е. В. Предупреждение коррупционных рисков в уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 5. С. 629–637.
28. Рязанцева М. В. Цифровая трансформация государственного управления // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 11. С. 6951–6962.
29. Семенцов В. А. Коррупционные риски и нарушения закона в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2024. Ч. 2. С. 170–180.
30. Семенцов В. А., Глимейда В. В. Особенности использования технических средств и технологии при производстве следственных действий : монография. М., 2025.
31. Скляренко М. В. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве : использование новейших компьютерных разработок в апелляции и кассации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 190–102.
32. Сушина Т. Е., Собенин А. А. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 21–25.
33. Фарахиев Д. М. Государственная информационная система «Посейдон» : современный взгляд на противодействие коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 250–254.
34. Чукин Д. С., Маллаалиев И. Р. Посейдон : как бог морей поможет бороться с коррупцией // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 3 (8). С. 116–121.
35. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence // Computer law security review. 2015. № 31 (3). P. 376–389.

References

1. Andreeva Yu. I. Electronic evidence in criminal

proceedings // Law and pravo. 2025. № 8. P. 147–152.
2. Afanasyev A. Y. Corruption risks of evidentiary law in criminal proceedings (pre-trial proceedings) : abstract of the dissertation ... candidate of Legal Sciences. N. Novgorod, 2016.
3. Afanasyev A. Y. Discretion of the investigator as a corruption factor // Library of criminalist. 2016. № 3 (26). P. 51–56.
4. Belyakova G. Ya., Avramchikov V. M. Modern approaches to the digital transformation of the region's economy // Fundamental Research. 2023. № 5. P. 71–75.
5. Bugaevskaya N. V. Prospects of using artificial intelligence as a means of countering corruption in the activities of pre-trial investigation and judicial authorities // Bulletin of the Ugra State University. 2023. № 3. P. 63–70.
6. Voskobitova L. A. Digital transformation of the Russian criminal justice system and the role of the prosecutors office as the organizer of such a transformation // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2024. № 1. P. 18–31.
7. Gadetsky V. G., Koryakina A. A. Features of digitalization at the municipal level // Bulletin of the Gzhel State University. 2020. № 5. P. 23–30.
8. Glebov I. N. Artificial legal mind // Online scientific law journal «Humanitarian Law». January 1, 2018.
9. Golovko L. V. Digitalization in criminal proceedings : local digitalization or global revolution? // Bulletin of Economic Security. 2019. № 1. P. 15–25.
10. Dmitrieva A. A., Pastukhov P. S. The concept of electronic evidence in criminal proceedings // Journal of digital technologies and law. 2023. № 1 (1). P. 270–295.
11. Zagrebin V. V., Serova E. A. The process of digitalization in conditions of global uncertainty / In: Opportunities and Threats of the digital Society. Yaroslavl : Digital Printing House, 2020. P. 79–84.
12. Zaitsev O. A. Procedural guarantees of ensuring the rights and legitimate interests of entrepreneurs in criminal proceedings // Journal of Russian Law. 2021. № 10. P. 108–126.
13. Zuev S. V., Zazulin A. N. Digital Criminal Procedure Code : a new concept of legal development // Law and order: history, theory, practice. 2024. № 1 (40). P. 67–77.
14. Cassation ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated March 7, 2023 in case № 77-30 // LRS «ConsultantPlus».
15. Kurochkin A.V., Kulakova T. A., Koverzneva S. A. The anti-corruption potential of digital economy tools : a political and managerial analysis // Creative Economics. 2019. № 12. P. 2349–2360.
16. Kucherov G. N. A discretionary model of legal regulation of the termination of criminal proceedings and criminal prosecution : pro et contra // Actual problems of Russian law. 2020. № 11. P. 214–222.
17. Lavrushko E. A. Ensuring confidentiality and inviolability of private life in criminal proceedings : comparative legal analysis on the example of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Actual problems of Russian law. 2024. № 10. P. 149–156.
18. Makarova O. V. Specifics of the initiation of criminal proceedings on crimes committed in the field of entrepreneurial activity / In: Criminal Law and Economic activity (correlation of private and public interests) : scientific and practical manual. M., 2020.
19. Michurina O. V. Corruption aspects of violations of criminal procedure norms by state bodies and officials conducting pre-trial proceedings in a criminal case // Law: history and modernity. 2019. № 2. P. 112–117.
20. Panarina M. M. Digital compliance as an effective way to minimize information risks // Journal of Russian Law. 2025. № 1. P. 141–154.
21. Verdict of the Kyzylsky City Court of the Republic of Tyva dated December 20, 2024 in case № 1-336/2024 // LRS «ConsultantPlus».
22. Verdict of the Shebalinsky District Court of the Altai Republic dated April 2, 2025 in case № 1-9/2025 // LRS «ConsultantPlus».
23. Ragimov I. M.-ogly, Alikperov H. D.-ogly «Electronic scales of justice» (goals, opportunities, advantages) // Criminal proceedings. 2019. № 3. P. 8–14.
24. Ramaldanov H. H. Digital evidence obtained by using video conferencing systems // Actual problems of Russian law. 2022. № 11. P. 124–131.
25. Decision of the Verkhnepyshminsky City Court of the Sverdlovsk region dated July 23, 2024 in case № 2-1258/2024// LRS «ConsultantPlus».
26. Decision of the Moscow City Court of October 17, 2025 in case № 3a-2794/2025// LRS «ConsultantPlus».
27. Rossinsky S. B., Ryabtseva E. V. Prevention of corruption risks in criminal proceedings // All-Russian Journal of Criminology. 2022. Vol. 16. № 5. P. 629–637.
28. Ryazantseva M. V. Digital transformation of public administration // Economics, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14. № 11. P. 6951–6962.
29. Sementsov V. A. Corruption risks and violations of the law at the stage of criminal proceedings // Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure

and anti-corruption activities: proceedings of the International Scientific and Practical Conference: in 2 hours Krasnodar : Kuban State University, 2024. Part 2. P. 170–180.
30. Sementsov V. A., Glimeida V. V. Features of the use of technical means and technology in the production of investigative actions: monograph. M., 2025.
31. Sklyarenko M. V. Artificial intelligence in criminal proceedings: the use of the latest computer developments in appeal and prosecution // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3. P. 190–102.
32. Sushina T. E., Sobenin A. A. Prospects and risks of using artificial intelligence in criminal proceedings // Russian Investigator. 2020. № 6. P. 21–25.
33. Farakhiev D. M. The Posey-don State information system : a modern view on combating corruption // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1. P. 250–254.
34. Chukin D. S., Mallaaliev I. R. Poseidon : how the god of the seas will help fight corruption // Proceedings of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops. 2022. № 3 (8). P. 116–121.
35. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence // Computer law security review. 2015. № 31 (3). P. 376–389.

Информация об авторах

О. В. Гладышева — заведующая кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани;

В. А. Семенцов — профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.

Information about the authors

O. V. Gladysheva — Head of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Kuban;

V. A. Sementsov — Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Kuban.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 01.12.2025.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 01.12.2025.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-53-61
EDN: https://elibrary.ru/fipvpw
NIION: 2003-0059-6/25-409
MOSURED: 77/27-004-2025-06-608

О факторах, влияющих на правовое регулирование частноправовой ответственности в российском праве

Алла Владимировна Добровинская
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия, Alla-dobro@list.ru

Аннотация. Анализируются факторы, отражающие значимые обстоятельства современной жизни, которые оказывают существенное влияние как на весь имущественный оборот, так и на отдельные правовые институты. При этом особое внимание уделяется факторам, развитие и появление которых требует внесения изменений в нормативную основу правового регулирования частноправовой (гражданско-правовой) ответственности. В качестве основных факторов оцениваются — цифровизация современного общества, разработка программ ЭВМ, пандемия COVID, популярность маркетплейсов, участие Российской Федерации в СВО, введение санкций и пр.

Рассматривается их влияние на нормативно-правовое регулирование гражданско-правовой ответственности и необходимость внесения изменений в действующее гражданское законодательство, с учетом сложившейся судебной практики.

Ключевые слова: факторы, частноправовая ответственность, формы и виды гражданско-правовой ответственности, цифровизация, смарт-контракты, нормативно-правовое регулирование, разработка программ для ЭВМ, маркетплейсы, пандемия, санкции, правовые риски, убытки, вред, механизм правового регулирования

Для цитирования: Добровинская А. В. О факторах, влияющих на правовое регулирование частноправовой ответственности в российском праве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 53–61. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-53-61. EDN: FIPVPW.

Original article

On factors affecting the legal regulation of private liability in Russian law

Alla V. Dobrovinskaya
Russian State Social University, Moscow, Russia, Alla-dobro@list.ru

Abstract. Analyzed factors reflecting significant circumstances of modern life, which have a significant impact on both the entire property turnover and individual legal institutions. At the same time, special attention is paid to factors, the development and emergence of which requires amendments to the regulatory framework for the legal regulation of private (civil) liability. The main factors are assessed — the digitalization of modern society, the development of computer programs, the COVID pandemic, the popularity of marketplaces, the participation of the Russian Federation in SVOs, the introduction of sanctions, etc.

Their impact on the regulatory regulation of civil liability and the need to amend the current civil legislation, taking into account the established judicial practice, are considered.

Keywords: factors, private liability, forms and types of civil liability, digitalization, smart contracts, regulatory regulation, development of computer programs, marketplaces, pandemic, sanctions, legal risks, losses, harm, legal regulation mechanism

For citation: Dobrovinskaya A. V. On factors affecting the legal regulation of private liability in Russian law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):53–61. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-53-61. EDN: FIPVPW.

В настоящий момент, ввиду активного развития цифровых технологий, перехода к безграничным пространствам в экономике и торговле, представляется необходимым выделить появление целого ряда новых факторов, влияющих на правовую систему, а также гражданский оборот [7].

Особо актуальным, в современных реалиях, видится выделение ряда факторов, которые требуют

© Добровинская А. В., 2025

внесения изменений в нормативную основу правового регулирования частноправовой ответственности.

В данном исследовании рассматриваются гражданско-правовые отношения, которые связаны с гражданско-правовой ответственностью и представляют собой — один из видов частноправовых отношений.

В качестве первого, наиболее заметного и значимого фактора, можно назвать мировую цифровизацию, которая, в том числе, затронула и Россию. Цифровизация общества предполагает автоматизацию процессов вычислительными машинами вместо людей, либо совместно с людьми. Цифровизация затрагивает все сферы жизнедеятельности человека, в связи с чем, в контексте рассматриваемой тематики следует изучить изменение правового регулирования гражданско-правовой ответственности при становлении цифровизации в России.

Как известно, цифровизация затронула процессы производства, документооборота, передачи данных и даже процедуру заключения контрактов. Цифровые технологии вносят свой вклад во все сферы жизнедеятельности. Рассмотреть все особенности влияния цифровизации на правовое регулирование гражданско-правовой ответственности, в рамках научной статьи, крайне проблематично. Рассмотрим подробно часть из них.

Бесспорно, заключение договоров купли-продажи при помощи смарт-контрактов может существенно упросить сделку, а значит улучшить жизни россиян.

Если говорить о содержании понятия договор купли-продажи, то можно отметить традиционное понятие: «По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену)» [11].

Сегодня допускается заключение контрактов в цифровом виде, т.е. смарт-контрактов. Это стало возможным путем включения в гражданское законодательство возможности исполнения сделки путем применения информационных технологий.

Правовой институт смарт-контракта впервые появился в России в 2019 г. Однако нормативно содержание понятия было закреплено лишь в 2022 г. Банком России. Сегодня под смарт-контрактом, или умным контрактом, понимается контракт, заключенный в цифровом виде, который предусматривает не только автоматизацию исполнения сделок и платежей, но также учет и контроль над значимыми событиями и действиями [9].

Смарт-контракт представляет собой форму договора, т. е. технический способ его заключения. Главное отличие смарт-контракта от традиционного договора в том, что он заключается в цифровом виде, и исполняется аналогично, без дублирования в бумажной традиционной форме.

Смарт-контракт — это определенный алгоритм, который совершается автоматизировано. Алгоритм составляется специалистом в сфере информационных технологий по заданным параметрам [2]. При создании смарт-контракта посредством присоединения зачастую используются модели click-wrap и browse-wrap-соглашения [3]. Эти модели пришли к нам из Америки, и представляют собой дачу согласия на заключение контракта путем клика мышью, либо иной отметке варианту ответа «согласен». Подобная форма заключения договора удобна, в первую очередь, быстротой заключения договора и отсутствием временных затрат.

Однако, в онлайн режиме сложно подтвердить действительное намерение стороны договора, нужно учитывать техническую ошибку, а также использование чужих данных для заключения договора. Исправить совершенные ошибки в короткие сроки не получится.

В цивилистической науке до 2022 г. было принято считать, что смарт-контракт – это не договор, а лишь возможный порядок исполнения договора, заключенного в естественной форме [10]. Это было обусловлено отсутствием правового регулирования и практики применения. В отсутствие специальной нормы следует руководствоваться общими нормами о гражданско-правовой ответственности, либо условиями договора.

Однако, положения о гражданско-правовой ответственности, заложенные в нормах главы 25 ГК РФ, не рассчитаны на использование современных технологий при заключении смарт-контрактов.

Напомним, что ключевым основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности является наличие вины со стороны правонарушителя. Отследить виновные действия с учетом автоматизации процесса практически невозможно. Это объясняется тем, что подписание договора происходит без консервативного способа идентификации, т. е. уже на первом этапе установить личность сторон весьма проблематично, так как кликать на кнопки может любое лицо, в том числе наемный сотрудник.

Как правило, программа ЭВМ для заключения и исполнения смарт-контракта создается третьим лицом, не имеющим отношение к сделке. На практике, дефекты программы могут повлечь причинение убытков любой из сторон. Привлечение к ответственности стороны, в данном случае, нецелесообразно, а привлечение к ответственности создателя программы ЭВМ невозможно. Особенно это невозможно в случае, если создатель не является резидентом России либо вовсе неизвестен. Проблема проявляется в том, что при привлечении к гражданско-правовой ответственности того или иного субъекта суд обязан установить и проверить лично все обстоятельства дела, в том числе, и наличие вины конкретного субъекта.

Однако, изучение программы ЭВМ, которая частично или полностью организовывала реализацию

смарт-контракта, не представляется возможным. Это объясняется, во-первых, компетенцией суда, точнее ее отсутствием, во-вторых, отсутствием доступа к коду программы ЭВМ. Следовательно, установление фактических обстоятельств дела затрудняется, а, значит, затрудняется и реализация механизма привлечения к гражданско-правовой ответственности виновного субъекта.

Таким образом, можно отметить, что на сегодня правовое регулирование использования смарт-контрактов в России не позволяет их использовать широко и полностью ввиду отсутствия надлежащего правового регулирования гражданско-правовой ответственности.

Очевидно, что смарт-контракты могли бы существенно упростить процедуру приобретения и продажи лекарственных препаратов и медицинского оборудования в России.

Так же, автоматическое исполнение условий контрактов могло бы уменьшить нагрузку на судебную систему РФ в части рассмотрения дел о спорах по договорам купли-продажи лекарственных препаратов и медицинского оборудования. С учетом темпов развития современных технологий использование смарт-контрактов это то, что нас ждет в будущем.

В настоящий же момент недостаток правового регулирования порождает правовые и информационные проблемы в части создания контрактов на естественном привычном для нас и понятном для суда языке, который при этом может быть легко и автоматически переведен в программный код для компьютера, создав смарт-контракт.

Учитывая указанные причины, в настоящий момент, законодатель вынужден разрабатывать изменения в нормативные основы правового регулирования гражданско-правовой ответственности применения смарт-контрактов. На примере смарт-контракта можно определить, что был выделен явный фактор, влияющий на нормативные основы.

В данном контексте, нельзя не отметить, что на изменения современной нормативной основы влияет также политическая обстановка в стране, и иные общественные явления.

Особый интерес представляет и гражданско-правовая ответственность разработчика программного обеспечения.

Представляется, что в данных правоотношениях, изначально, необходимо учитывать два фактора, влияющих на правовое регулирование гражданско-правовой ответственности в рамках использования смарт-контрактов.

Во-первых — приобретение программного обеспечения в собственность, позволяющего заключать и использовать смарт-контракты и его непосредственное использование в своих интересах.

Во-вторых — заключение смарт-контракта с использованием программного обеспечения, принадлежащего третьему лицу и предоставленного для временного использования [10].

При заключении смарт-контракта на электронной площадке, которая принадлежит третьему лицу, не являющемся стороной смарт-контракта вопрос об ответственности посредника, в действующих нормах закона, не урегулирован вовсе. Аналогичная ситуация возникает при использовании электронного портала для заключения смарт-контракта. Собственник сайта выступает в качестве посредник, оказывающего услугу обеим сторонам.

Следовательно, в случае, если стороны при заключении смарт-контракта решили воспользоваться услугами посредника — посредник несет ответственность только пропорционально стоимости оказываемой им услуги, т. е. посредничества. Все иные правовые риски распределяются между сторонами согласно заключенному смарт-контракту.

Однако, в случае приобретения программного обеспечения для возможности самостоятельного заключения смарт-контракта сторона, являющаяся собственником программного обеспечения, будет вынуждена нести убытки самостоятельно, т. к. внутри правоотношения между сторонами третье лицо — отсутствует. При этом частноправовая ответственность автора программного обеспечения не исчезает, а временно остается за приобретателем, который в последующем вправе взыскать в порядке регресса либо напрямую убытки с разработчика программного обеспечения. При этом, возможно, взыскать все убытки, которые понес приобретатель программного обеспечения, либо убытки, взысканные с него второй стороной. Подобная позиция была бы логична и обоснована, исходя из концепции гражданского законодательства. Но в настоящий момент это невозможно, так как данная позиция не закреплена в законе.

В связи с чем, представляется разумным закрепить ответственность разработчика программного обеспечения за недостатки, которые были выявлены в любой момент после передачи заказчику такого обеспечения и повлекли за собой причинение убытков заказчику либо иным третьим лицам.

Введение гражданско-правовой ответственности разработчика программного обеспечения актуально не только для смарт-контрактов, но также и для любых других правоотношений, в которых применяются современные цифровые технологии. В данной статье был рассмотрен лишь пример на базе применения смарт-контракта.

На основании изложенного следует внести в ГК РФ ст. 1262.1 следующего содержания: «Статья 406.2. Ответственность разработчика за качество программного обеспечения, программы для ЭВМ.

1. Разработчик программного обеспечения, программы для ЭВМ несет гражданско-правовую ответ-

ственность за качество созданного им программного обеспечения, программы для ЭВМ в соответствии с нормами гражданского законодательства.

2. Гражданско-правовая ответственность включает в себя полное возмещение причиненных убытков передачей некачественного программного обеспечения, программы для ЭВМ.

3. Применение п. 3 настоящей статьи возможно в случае соблюдения пользователем либо покупателем программного обеспечения и программы для ЭВМ всех требований и рекомендаций, указанных разработчиком».

Указанная статья устанавливает полную имущественную ответственность разработчика. При этом данная статья также вменяет разработчику обязанность дачи рекомендаций и инструкций. В случае не соблюдения данных рекомендаций и инструкций со стороны пользователя либо покупателя — разработчик освобождается от ответственности. Данная статья также указывает, что убытки могут быть возмещены как покупателю, так и пользователю. Это обеспечивает возможность самостоятельного предъявления требований пользователей напрямую к разработчику.

Внесение данной статьи позволит урегулировать порядок имущественной ответственности разработчика программы для ЭВМ. Разработчик программного обеспечения, а также программы для ЭВМ должен нести ответственность за созданное им, а также проверять свою программу до внедрения ее в гражданский оборот.

Введение указанной статьи напрямую коррелируется с действующими направлениями цифровизации и факторами, влияющими на нормативность гражданско-правовой ответственности.

В данном случае речь идет о применении п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ. Согласно этому пункту, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, т. е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

Статья 401 ГК РФ раскрывает обстоятельства непреодолимой силы и на основании них освобождение от ответственности. Верховный Суд в своем обзоре подробно описывает, как квалифицировать такую «непреодолимую силу». Исходя из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», суды выделяют следующие характеристики, при которых можно говорить о непреодолимой силе:

- обстоятельство должно быть чрезвычайным и необъяснимым в данных условиях;
- данное обстоятельство должно быть внешним и не зависеть от деятельности должника. Иными словами, любой участник гражданского оборота, занимающийся аналогичной деятельностью, не мог бы избежать наступления такого обстоятельства.

Личные предпринимательские проблемы, которые не являются чрезвычайными, не могут считаться непреодолимой силой. Если бы другой человек справился с такими проблемами, то и должник мог бы справиться.

Помимо этого, Верховный Суд РФ приводит обстоятельства, которые не могут быть признаны непреодолимой силой: ситуации, где наступление зависело от воли или действий стороны обязательства, например, неправомерные действия представителей должника или нарушение обязательств его контрагентами.

«Существование обстоятельств непреодолимой силы должно быть установлено с учетом конкретной ситуации (срока исполнения обязательства, характера неисполненного обязательства, разумности и добросовестности действий должника и т. д.)» — поясняет Верховный суд РФ.

Анализируя, возникающие, за последний период, обстоятельства непреодолимой силы, влияющие на освобождение от гражданско-правовой ответственности нельзя не отметить ситуацию с пандемией COVID-19.

Интересным представляется вопрос о том, в каких случаях, меры, принятые для борьбы с распространением COVID-19, могут быть признаны непреодолимой силой?

Следует полагать, что введенные в рамках режима самоизоляции и повышенной готовности меры могут считаться непреодолимой силой, если они удовлетворяют вышеуказанным критериям и между этими обстоятельствами и неисполнением обязательства имеется причинная связь. При этом необходимо указать, что существует большое количество примеров из судебной практики, в которых суды трактуют пандемию как обстоятельство непреодолимой силы (форс-мажор).

Изначально в 2020 г. была разъяснена позиция Верховного суда РФ, согласно которой некоторые обстоятельства, вызванные эпидемиологической обстановкой могут быть названы обстоятельства непреодолимой силы, однако не все [12].

В частности, Верховный суд РФ отмечал, что непреодолимой силой могут быть признаны лишь те обстоятельства, которые на основе изучения причинно-следственной связи объективно не позволяли исполнить обязательства.

При этом, суды, с учетом разъяснений ВС РФ отказывали в признании факта непреодолимой силы на основании следующего: Договор был заключен 17 сентября 2020 г., когда стороны имели объективную возможность учитывать эпидемиологические

обстоятельства, в связи с чем, распространение короновирусной инфекции не может быть признана обстоятельством непреодолимой силы, препятствующим исполнению обязательств [13].

В отдельных случаях, если сторона вела себя добросовестно и объективно не имела возможности исполнить обязательства вследствие распространения короновирусной инфекции, суды освобождали сторону от ответственности, признавая факт действия обстоятельства непреодолимой силы.

Например, по делу, рассмотренному Арбитражным судом Западно-Сибирского округа, суд установил, что оплата по договору возмездного оказания услуг должна быть произведена в полном объеме, так как услуги были оказаны максимально возможно, хоть и не полностью [14]. Оказание услуг в полном объеме было невозможно, с учетом обстоятельства непреодолимой силы (короновирусная инфекция), что не может являться основанием для уменьшения цены по договору.

Пандемия короновирусной инфекции закончилась, гражданский оборот восстановился. Указанный фактор не стал основой для внесения изменений в нормативно-правовые акты. А правовое регулирование гражданско-правовой ответственности в период пандемии было крайне несовершенным и не подготовленным, в связи с чем, все субъекты гражданского оборота вынуждено понесли убытки.

Еще одним значимым, на сегодняшний день, фактором, влияющим на правовое регулирование гражданско-правовой ответственности, является изменение рынка сбыта товаров и услуг.

Пандемия короновируса внесла свои коррективы в обычную жизнь граждан, существенно увеличив спрос на дистанционную продажу товаров, открыв все их преимущества. Популярность электронных площадок возрастает на постоянной основе. По итогам 2023 г. популярность маркетплейсов увеличилась в 1,5 раза, а количество транзакций выросло на 63 %, согласно исследованию от 29 января 2024 г. проведенному Tinkoff eCommerce [4].

Однако, очевидно, что рост популярности маркетплейсов не обеспечен продуманным правовым регулированием. В настоящий момент отсутствует специальное правовое регулирование, обеспечивающее привлечение маркетплейса либо пункта выдачи (отдельное лицо) либо покупателя, который отказался от товара к ответственности за повреждение товара, выявленного до принятия его покупателем. Расходы в связи с повреждением товара при доставке, примерке, проверке товара возлагаются целиком на продавца [8]. Механизм привлечения фактического виновника к гражданско-правовой ответственности в настоящий момент не разработан.

Так же, остается актуальным вопрос разработки механизма привлечения к гражданско-правовой ответственности виновного лица при обнаружении брака либо повреждения товара после принятия и выкупа его покупателем.

В настоящий момент покупатель должен создавать обращение на имя маркетплейса, с описанием недостатков товара. Маркетплейс вправе принять товар обратно и вернуть его продавцу, в таком случае убытки несет продавец [6]. Кроме того, маркетплейс будет вправе отказать в принятии поврежденного товара и, в подобной ситуации, убытки понесет покупатель. В обоих, указанных выше, случаях виновником может выступать как маркетплейс, так и лица, осуществляющие доставки и выдачу товара, так как полноценный механизм привлечения данных лиц к гражданско-правовой ответственности не предусмотрен. Более того, суды указывают, что маркетплейсы являются информационными посредниками, что, не редко, освобождает их от ответственности по искам [15].

Здесь стоит отметить, что вступление нового закона о платформенной экономике — с 1 октября 2026 г., существенно изменяющего правила работы различного рода цифровых площадок, к сожалению, не изменит правового регулирования гражданско-правовой ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение договорных обязательств по купле-продаже товаров на маркетплейсах[1].

В качестве следующего фактора, существенно влияющего на нормативные основы правового регулирования гражданско-правовой ответственности, следует назвать участие Российской Федерации в специальной военной операции с февраля 2022 г.

Данное обстоятельство повлекло следующие юридически значимые последствия.

Во-первых, часть мужского трудоспособного населения, задействованная изначально в различных сферах жизнедеятельности была изъята из гражданского оборота. Как следствие — невозможность исполнения обязательств перед банками (кредиты, ипотеки); невозможность исполнения обязательств перед контрагентами/заказчиками — ввиду отсутствия исполнителя; невозможность реализации задач на производствах и предприятиях в отсутствие кадров.

Рассмотрим на конкретном примере: после смерти должника при участии в специальной военной операции, ПАО Росбанк обратился с иском в суд о взыскании задолженности по кредитному договору с наследника, после получения уведомления о гибели. Банк пытался взыскать задолженность, т. е. привлечь к гражданско-правовой ответственности должника, выбывшего из гражданского оборота, в случае, когда привлечение к гражданско-правовой ответственности не допускалось. За указанные действия ПАО Росбанк был привлечен к административной ответственности, в связи с тем, что гибель в специальной военной опе-

[1] URL: https://kontur.ru/markirovka/news/80350-zakon_o_platformennoy_ekonomike

рации явилась новым основанием для прекращения обязательств в полном объеме, на основании Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 ноября 2023 г. [16].

Во-вторых, введение санкций зарубежными государствами в отношении России. В первую очередь, данный фактор влияет на курсы валют, а в результате на волатильность российского рубля. Цены на все товары и услуги растут, а, следовательно, подрядчики, изготовители повышают цены и вынуждены отказываться от исполнения раннее заключенных договоров, ввиду несоответствия определенной заранее цены рынку. В противном случае, исполнители по договорам будут вынуждены работать себе в убыток.

Вместе с тем, участие РФ в специальной военной операции принимается судами как обстоятельство непреодолимой силы, и влечет за собой освобождение от применения санкций гражданско-правовой (имущественной) ответственности.

Рассмотрим примеры: судом установлено, что введение санкций против РФ в связи с участием в специальной военной операции на Украине является обстоятельством непреодолимой силы, что исключает применение гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательства. Такую позицию занял Второй кассационный суд общей юрисдикции [17].

Аналогичную позицию занял Седьмой арбитражный апелляционный суд [18]. Так, суд указал, что поставщик не несет ответственности перед заказчиком за невозможность исполнения договора поставки товара, ввиду введения санкций — обстоятельств непреодолимой силы.

Рассмотрим пример: для строительства школы, либо иного бюджетного учреждения необходимо выполнить ряд этапов: составление сметы и определение предварительной стоимости строительства; оформление заявки на субсидирование с целью определения на будущий календарный год расходов бюджета на строительство. На данном этапе определяется (1–2 г.); проведение изыскательский и подготовительных работ, получение разрешения на строительство (1–2 г.); строительство (1–2 г.); ввод объекта в эксплуатацию. Можно отметить, что с момента определения предварительной стоимости для закладывания ее в субсидирование до фактической закупки материалов и проведения расходов проходит не менее трех лет. Как следствие к моменту строительства составленная смета — не актуальна, ввиду чего подрядчики не заявлены на торги по строительству бюджетных объектов, из-за низкой цены [1].

Проанализируем конкретный пример: так, подрядчик обратился с иском в суд об обязании произвести перерасчет стоимости сметы, проведенной для строительства детского садика.

В качестве обоснования истец-подрядчик указал, что фактическая стоимость на момент строительства изменилась, что подтверждено государственной экспертизой.

Судом исковые требования были удовлетворены, что явилось основанием для получения дополнительных бюджетных денежных средств, впоследствии выделенных для строительства детского сада — Решение АС Красноярского края от 12 апреля 2022 г. [19].

Согласно позиции Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 декабря 2023 г. [20] судом принято во внимание, что в связи с объявлением РФ 24 февраля 2022 г. о начале специальной военной операции существенно увеличилась стоимость строительства объекта, что законно явилось основанием для пересмотра стоимости строительства и выделения дополнительных бюджетных денежных средств.

Аналогичная ситуация обстоит с проведением капитального ремонта: ввиду несоответствия цен в конкурсе и на рынке — подрядчики отсутствуют [5]. Более того, те подрядчики, которые выиграли торги, но обнаружили, что смета не соответствует рыночным ценам, пытаются избежать ответственности и не достраивают объект, так как финансовые последствия неисполнения контракта ниже, чем строительство в убыток своими средствами.

В данном случае, наглядно видно, что действующий механизм правового регулирования гражданско-правовой ответственности по общему правилу не учитывает инфляцию и фактический рост цен. Как следствие, исполнители оказываются в проигрышной ситуации и вынуждены нести гражданско-правовую ответственность.

Существующий механизм правового регулирования имущественной ответственности не учитывает изменение ключевых факторов гражданского оборота — изменение рынка цен, инфляцию, обесценивание и иные финансовые факторы. Это касается не только обозначенного фактора, а всего механизма в целом. Например, по делу № А53-32203/2020 три инстанции арбитражных судов не позволили исполнителю уйти от ответственности ввиду невозможности исполнения обязательств на основании увеличения цен на продукцию и взыскали убытки в пользу заказчика в полном объеме, сославшись на тот факт, что рост цен не является основанием для невозможности исполнения договора [21].

Стоит затронуть и введение санкций Российской Федерации в отношении зарубежных государств. Данный фактор существенно повлиял на договорные обязательства зарубежных компаний и российских компаний. В связи с чем, было не исполнено большое количество договорных обязательств. Вместе с тем, причина неисполнения обязательств, представляется, специфической и нестандартной. Однако, правовое регулирование гражданско-правовой ответственности, на сегодняшний день, наоборот — остается стандартным и не учитывает исключительность факторов,

влияющих на неисполнение договора в современных условиях.

Следующим, представляющим интерес для аналитики, фактором является внедрение параллельного импорта с целью обеспечения России товарами, не поставляемыми в нашу страну прямыми производителями. Так, параллельный импорт был введен в 2022 г. на основании Постановления Правительства РФ № 506 [22], согласно которому в отношении определенного перечня товаров, установленного Минпромторгом, не применяются требования о наличии обязательного согласия правообладателя на ввоз и продажу товара. Данный фактор исключителен ввиду его новизны и уникальности. Фактически введение параллельного импорта противоречит всем нормам российского и международного права. Оно нарушает авторские права, интеллектуальные права, права собственности, волеизъявление сторон и многие другие нормы права. Однако, в настоящий период, параллельный импорт имеет место быть. Товары зарубежных производителей поставляются в Россию при запрете первоначального производителя. Ясно, что такая деятельность влечет определенные правовые последствия, среди которых следует выделить — невозможность использования авторизованных сервисных центров, невозможность гарантийного ремонта от производителя, невозможность предъявления любых требований к производителю. Но самое главное — невозможность подтверждения оригинальности/производства товара. При продаже товара ненадлежащего качества фактически отсутствует реальная возможность реализации механизма правового регулирования гражданско-правовой ответственности ввиду того, что производитель товара был против, с юридической точки зрения, его невозможно будет привлечь к ответственности в отношении качества товара, количества, сроков годности и службы, а также иных характеристик.

В данной ситуации негативные экономические последствия несут как покупатели, так и продавцы, и поставщики товаров. Из чего явно вытекает тот факт, что современное правовое регулирование не учитывает особенности параллельного импорта в России, а действующее законодательство не адаптировано под такой поворот событий.

Еще одним существенным фактором является — уход с российского рынка ряда зарубежных компаний, так как данные обстоятельства повлекли неисполнение гарантийных и договорных обязательств ушедших компаний. Более того, так как компании иностранные, в большинстве случаев, они не имели или не имеют имущества в России, либо успели распродать свое имущество, из чего вытекает, что фактически привлекать к гражданско-правовой ответственности становится некого. Следовательно, действующее правовое регулирование частноправовой ответственности не может быть реализовано надлежащим образом.

Принимая во внимание рассмотренные выше факторы, следует прийти к выводу о том, что участие России в специальной военной операции было не запланировано, и существенно повлияло на практику применения положений действующего законодательства о гражданско-правовой ответственности.

При этом, нормативная основа регламентирующая данную ответственность не претерпела никаких изменений, не подстроилась, не адаптировалась и не учитывает указанные особенности современного имущественного оборота.

Для того чтобы учитывать все обстоятельства, влияющие на нормативность гражданско-правовой ответственности необходимо законодательно закрепить механизм выявления факторов, влияющих на нормативность гражданско-правовой ответственности. Далее, все факты, влияющие на нормативность необходимо изучить и определить необходимые изменения в законодательстве, сформировать законопроекты и внести изменения в законодательство. При появлении любого фактора, требующего внесения изменений в соответствующие нормы права необходимо строго следовать следующему авторскому алгоритму:

- четко определить фактор, влияющий на механизм правового регулирования гражданско-правовой ответственности;
- обозначить правовые последствия и риски, которые может повлечь за собой не внесение изменений в нормативную базу;
- определить перечень действий, в отношении которых требуется применять нормы гражданско-правовой ответственности, но их правовое регулирование отсутствует в современных реалиях;
- определить субъектный состав гражданско-правовой ответственности;
- определить причинно-следственную связь конкретных событий и последствий для субъектов гражданско-правовой ответственности;
- определить применяемые виды и формы гражданско-правовой ответственности, их степень и меру;
- определить существенные условия договоров по разным критериям, чтобы можно было регламентировать условия ответственности до нарушения и необходимости привлечения к ответственности;
- определить перечень вопросов, подлежащих доказыванию в судебном порядке при привлечении к гражданско-правовой ответственности;
- сформулировать законопроект о внесении изменений в нормы права с последующим его утверждением и опубликованием в соответствии с этапами законотворчества в России.

Обозначенный алгоритм позволит учесть все об-

стоятельства, требующие внесения изменения в нормативные основы, регулирующие правовое регулирование гражданско-правовой ответственности.

Список источников

1. Аукцион на строительство школы № 57 не состоялся — подрядчики не заинтересовались // URL: https://sibkray.ru/news/1/965721/
2. Вахабава М. Проблемы правовых последствий, порождаемых смарт-контрактами // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 22–30.
3. Воронцов М. И., Горчакова А. П. Click-wrap-соглашение как форма смарт-контракта // Право и бизнес. 2023. № 2. С. 33–38.
4. Главные итоги работы маркетплейсов в 2023 году // URL: https://www.cossa.ru/news/328426/
5. Даром не надо : почему подрядчики не интересуются капремонтом // URL: https://iz.ru/1248762/sofia-smirnova/darom-ne-nado-pochemu-podriadchiki-ne-interesuiutsia-kapremontom
6. Исмаилов И. Ш. Правовое регулирование деятельности финансовых платформ и маркетплейсов в контексте развития инструментов финансирования бизнеса : отечественный и зарубежный опыт // Финансовое право. 2022. № 11. С. 26–32.
7. Леднева Ю. В. Правотворчество в сфере цифровизации публичных финансов // Финансовое право. 2021. № 9. С.12–16.
8. Митрахович А. За что взыскивают деньги с «Вайлдберриз» // Жилищное право. 2023. № 10. С. 77–84.
9. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов (разработаны Банком России) // Вестник Банка России. 2022. № 63.
10. Цепов Г. В., Иванов Н. В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3. С. 149–172.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 сентября 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
12. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.
13. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04 декабря 2023 г. № Ф03-5280/2023 по делу № А51-13760/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из «СПС КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.09.2023 № Ф04-4538/2023 по делу № А75-23150/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление суда по интеллектуальным правам от 30 марта 2023 г. по делу № А41-6042/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.11.2023 № 09АП-67546/2023 по делу № А40-150978/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24 октября 2023 г. № 88-26636/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2023 № 07АП-5933/2023 по делу № А45-1561/2023// СПС «КонсультантПлюс».
19. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12 апреля 2022 г. по делу № А33-2886/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/lsTUFn44YgZm/
20. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 декабря 2023 г. № 17АП-12483/2023-ГК по делу № А50-9767/2023 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
21. Дело № А53-32203/2020 // URL: https://kad.arbitr.ru/Card/c60a841d-5885-46eb-955a-60258c872167
22. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 (ред. от 28 июня 2023 г.) «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 14. Ст. 2286.

References

1. The auction for the construction of School № 57 failed — contractors were not interested // URL: https://sibkray.ru/news/1/965721/
2. Vakhabava M. Problems of legal consequences generated by smart contracts // Law and Digital Economy. 2021. № 4. P. 22–30.
3. Vorontsov M. I., Gorchakova A. P. Click-wrap agreement as a form of smart contract //

Law and Business. 2023. № 2. P. 33–38.
4. Key Results of Marketplaces in 2023 // URL: https://www.cossa.ru/news/328426/
5. No need for free : why contractors are not interested in major repairs // URL: https://iz.ru/1248762/sofia-smirnova/darom-ne-nado-pochemu-podriadchiki-ne-interesuiutsia-kapremontom
6. Ismailov I. Sh. Legal regulation of financial platforms and marketplaces in the context of business financing instruments development : domestic and foreign experience // Financial Law. 2022. № 11. P. 26–32.
7. Ledneva Yu. V. Lawmaking in the sphere of digitalization of public finance // Financial Law. 2021. № 9. P. 12–16.
8. Mitrakhovich A. Why are they collecting money from Wildberries // Housing Law. 2023. № 10. P. 77-84.
9. Key development directions for the financial market of the Russian Federation for 2023 and the period 2024–2025 (developed by the Bank of Russia) // Bank of Russia Bulletin. 2022. № 63.
10. Tsepov G.V., Ivanov N.V. Toward a civilistic theory of smart contracts // Law. 2022. № 3. P. 149–172.
11. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 № 14-FZ (as amended on July 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on September 12, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
12. Review of Certain Issues of Judicial Practice Related to the Application of Legislation and Measures to Counteract the Spread of the Novel Coronavirus Infection (COVID-19) in the Russian Federation № 1 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 21, 2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 5.
13. Resolution of the Far Eastern District Arbitration Court dated December 4, 2023 № F03-5280/2023 in case № A51-13760/2022 // The document was not published. Accessed from LRS «ConsultantPlus».
14. Resolution of the West Siberian District Arbitration Court dated September 5, 2023 № F04-4538/2023 in case № A75-23150/2022 // The document was not published. Accessed from LRS «ConsultantPlus».
15. Resolution of the Intellectual Property Court dated March 30, 2023 in case № A41-6042/2022 // The document was not published. Access from the LRS «ConsultantPlus».
16. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated November 17, 2023 № 09AP-67546/2023 in case № A40-150978/2023 // LRS «ConsultantPlus».
17. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated October 24, 2023 № 88-26636/2023 // LRS «ConsultantPlus».
18. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal dated August 30, 2023 № 07AP-5933/2023 in case № A45-1561/2023 // LRS «ConsultantPlus».
19. Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated April 12, 2022, in case № A33-2886/2022 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/lsTUFn44YgZm/
20. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated December 11, 2023 № 17AP-12483/2023-GK in case № A50-9767/2023 // The document was not published. Accessed from the LRS «ConsultantPlus».
21. Case № A53-32203/2020 // URL: https://kad.arbitr.ru/Card/c60a841d-5885-46eb-955a-60258c872167
22. Resolution of the Government of the Russian Federation of March 29, 2022 № 506 (as amended on June 28, 2023) «On goods (groups of goods) in respect of which certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of exclusive rights to the results of intellectual activity expressed in such goods, and means of individualization with which such goods are marked, may not be applied» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. № 14. Art. 2286.

Информация об авторе

А. В. Добровинская — доцент кафедры общей юриспруденции Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Dobrovinskaya — Associate Professor of the Department of General Jurisprudence of the Russian State Social University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 14.10.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 14.10.2025.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-62-69
EDN: https://elibrary.ru/fkqwjk
NIION: 2003-0059-6/25-410
MOSURED: 77/27-003-2025-06-609

Теория экспертной профилактики в ракурсе прогностической функции судебной экспертологии

Оксана Геннадьевна Дьяконова
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, oxana_diakonova@mail.ru

Аннотация. представлена профилактическая составляющая, которая должна выступать неотъемлемой частью судебно-экспертной деятельности, поскольку она способна повлиять на снижение количества и в определенной мере на качество преступной деятельности и правонарушений в целом. Теоретическая основа профилактической деятельности судебных экспертов была заложена в криминалистической науке, но в большей степени разрабатывалась в русле судебной экспертологии. Судебная экспертология как наука об использовании специальных знаний в судопроизводстве выполняет целый ряд функций, среди которых выделяются методологическая, информационная, объяснительная, синтезирующая, эвристическая и практическая функции. Одной из наиболее значимых функций является прогностическая, которая находит свое выражение прежде всего в разработках, связанных с теорией экспертной профилактики. Представляется важным проследить развитие теории экспертной профилактики, учесть предыдущие разработки и усилить их в целях выполнения задач экспертной профилактики. Кроме того, имеется необходимость выявления проблем практической судебно-экспертной профилактики, формулирование рекомендаций по их минимизации и устранению. Изложенные аспекты рассматриваются в представленной статье.

Ключевые слова: наука, судебная экспертология, функции науки, частная теория экспертной профилактики, судебно-экспертная деятельность, экспертная профилактика

Для цитирования: Дьяконова О. Г. Теория экспертной профилактики в ракурсе прогностической функции судебной экспертологии // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 62–69. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-62-69. EDN: FKQWJK.

Original article

The theory of expert prevention in the perspective of the prognostic function of forensic expertise

Oksana G. D'yakonova
Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA), Moscow, Russia, oxana_diakonova@mail.ru

Abstract. The preventive component should be an integral part of forensic expertise, since it can affect the reduction of the number and, to a certain extent, the quality of criminal activity and offenses in general. The theoretical basis of the preventive activities of forensic experts was laid in criminalistic science, but to a greater extent it was developed in line with forensic expertise. Forensic expertise as the science of using special knowledge in legal proceedings performs a number of functions, among which methodological, informational, explanatory, synthesizing, heuristic and practical functions stand out. One of the most significant functions is prognostic, which finds its expression primarily in developments related to the theory of expert prevention. It is important to follow the development of the theory of expert prevention, take into account previous developments and strengthen them in order to fulfill the tasks of expert prevention. In addition, there is a need to identify problems of practical forensic prevention, formulate recommendations for their minimization and elimination. The described aspects are considered in the presented article.

© Дьяконова О. Г., 2025

Keywords: science, forensic expertise, functions of science, private theory of expert prevention, forensic expert activity, expert prevention

For citation: D'yakonova O. G. The theory of expert prevention in the perspective of the prognostic function of forensic expertise. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):62–69. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-62-69. EDN: FKQWJK.

Введение. Теория экспертной профилактики в судебной экспертологии является одной из основополагающих частных теорий наряду с теориями экспертной идентификации, экспертной диагностики, экспертного прогнозирования и цифровизации судебно-экспертной деятельности. Несмотря на то, что развитие теории экспертной профилактики началось более пятидесяти лет назад, в настоящее время прослеживается необходимость переосмысления основных постулатов данной теории с целью их актуализации в соответствии с современными тенденциями.

Экспертно-профилактическая деятельность осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, это деятельность лиц, занимающих должности экспертов в судебно-экспертных организациях, вне зависимости от государственного участия и формы организации, а также руководителей таких организаций по предотвращению экспертных ошибок, некорректного с точки зрения нравственности, этики и права поведения эксперта. Во-вторых, это деятельность самого судебного эксперта или специалиста, выявляющего в процессе соответственно судебной экспертизы или участия в процессуальном действии, причины и условия, способствующие совершению правонарушения. Научной основой для обоих направлений в судебной экспертологии служит частная теория экспертной профилактики.

1. Судебная экспертология — наука об использовании специальных знаний в судопроизводстве

Современные тенденции глобализации, унификации и дифференциации научного знания влияют на судебную экспертологию и обусловливают необходимость комплексного изучения как правовых и организационных, так и исторических аспектов использования специальных знаний в судопроизводстве. Сравнительно-исторический метод помогает выявить истоки формирования научного знания в данной сфере, проследить этапы его эволюции и определить направления дальнейшего совершенствования. Анализ судебной экспертизы и участия специалиста вне контекста истории и науки судебной экспертологии приведет к неполному пониманию предмета исследования и, соответственно, повлияет на качество выводов.

Будучи комплексной синтетической наукой, судебная экспертология уделяет внимание изучению правовых аспектов судебно-экспертной деятельности. Исследование универсальных принципов и закономерностей, определяющих сущность судебной экспертизы, начиная с ее назначения и производства и заканчивая рекомендациями по проверке и оценке заключения судебного эксперта, а также участия специалиста и оценке результатов его деятельности, имеет существенное значение для обеспечения всестороннего подхода к изучению судебно-экспертной деятельности и ее дальнейшему совершенствованию. В правовые основы включается также нормативное регулирование функционирования различных систем государственных судебно-экспертных учреждений, а также негосударственных судебно-экспертных организаций, существующих вне системы. Правовые закономерности находятся в тесной взаимосвязи с судопроизводством и другими видами юрисдикционной деятельности, в которой используются специальные знания, что обусловливает их изучение и выработку рекомендаций по эффективному использованию специальных знаний с учетом специфики процесса, но опираясь на унифицированные положения, характеризующие виды использования специальных знаний.

Организационные аспекты использования специальных знаний складываются из следующих элементов:

- обеспечение судебно-экспертной дидактики;
- формирование профессиональной этики;
- формирование и реализация нравственной и психологической составляющих в деятельности судебного эксперта и специалиста;
- функционирование систем государственных судебно-экспертных учреждений;
- функционирование государственных неэкспертных учреждений, осуществляющих судебно-экспертную деятельность;
- развитие и совершенствование организационного обеспечения частных судебно-экспертных и неэкспертных организаций, осуществляющих судебно-экспертную деятельность.

Перечисленные аспекты также должны изучаться в русле судебной экспертологии, поскольку они универсальны для судебно-экспертной деятельности вне зависимости от субъекта ее осуществления. Судебно-экспертной дидактике, профессиональной этике, нравственной и психологической составляющим деятельности судебного эксперта и специалиста должное внимание ни в какой иной области науки не уделяется, что в целом оправдано, поскольку, например, наука управления разрабатывает общие принципы и основы управленческой деятельности, которые углубленно исследуются в рамках отдельных областей научного знания, имеющих свой собственный объект и предмет исследования.

Таким образом, изучение правовых и организационных аспектов использования специальных знаний в рамках судебной экспертологии способствует устранению пробелов и разногласий в законодательстве, регулирующем данную область. Это напрямую касается и формированию правовой основы профилактической деятельности судебного эксперта. Фактически, судебная экспертология исследует закономерности использования специальных знаний в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности, не посягая на предмет исследования процессуального права, доказательственного права и иных правовых научных областей. Однако имеются точки пересечения закономерностей, изучаемых разными юридическими науками, включая судебную экспертологию. Это касается правового статуса сведущих лиц, вопросов их привлечения к участию в судопроизводстве, доказательственного значения результатов их деятельности и некоторых других. При этом очевидно, что совместное изучение в рамках разных наук указанных закономерностей обеспечивает комплексный подход к решению проблем судебно-экспертной деятельности, расширяет границы науки и обогащает ее взаимодействие с другими науками.

2. Функции судебной экспертологии

В. А. Штофф [16], Г. И. Рузавин [12] определяют в качестве основных объяснительную и предсказательную (прогностическую) функции науки. «Объяснить явление — значит открыть его сущность. Теория потому и является основой научного объяснения, что она представляет собой систематизированное отражение сущности явлений, что в ее утверждениях, принципах, законах, понятиях и категориях отражаются различные существенные связи и отношения действительности» [16, с. 249].

«Научное предсказание позволяет познать ход событий, перспективы развития в ближайшем и более далеком будущем. <…> Характер и точность предвидения определяются сочетанием различных факторов: содержанием фундаментальной теории, знанием конкретных условий, в которых должно находиться предсказываемое явление, характером логических средств, с помощью которых осуществляется вывод предложений о будущем» [16, с. 260]. Эти функции, безусловно, присущи и судебной экспертологии и вполне действенным является и правило о том, что «в процессе объяснения для ранее известных фактов подыскивается теория, из которой логически выводятся предложения, совпадающие по содержанию с описанием этих фактов, в то время как предсказание состоит в логическом выведении из данной теории следствий, описывающих неизвестные еще факты (свойства, явления), т. е. события, которые могут и должны произойти в будущем, и факты, которые уже существуют, но неизвестны и должны быть открыты в будущем» [16, с. 260].

Прогностическая функция судебной экспертологии является важнейшим инструментом для развития судебно-экспертной деятельности, а также частных теорий в структуре судебной экспертологии, в том числе теории экспертного прогнозирования и теории экспертной профилактики.

Н. П. Майлис предлагает выделять в судебной экспертологии новую функцию — профилактическую, находящуюся в тесной взаимосвязи с практической, синтезирующей и с прогностической функциями. «Исходя из профилактической деятельности процессуальных субъектов, прежде всего, следователя и эксперта, формируются закономерности, которые проявляются в их взаимодействии, благодаря которому происходит взаимное обогащение новыми знаниями, своевременности назначения экспертизы, как фактора влияющего на организацию расследования преступлений и т. п.» [8, с. 63]. Можно поддержать данное предложение и отметить при этом, что профилактическая функция дополняет прогностическую, уточняя и конкретизируя ее целенаправленное действие.

Применительно к теории экспертной профилактики прогностическая и профилактическая функции науки реализуются в накоплении и систематизации знаний, формулировании рекомендаций и/или указаний экспертам и правоприменителям, направленных на предупреждение обстоятельств, причин и условий, способствовавших совершению правонарушения, а также минимизации его последствий. Получению знаний, на основе которых могут быть созданы упомянутые рекомендации и/или указания, предшествует собирание и тщательный анализ данных о причинах и условиях совершения правонарушений, выдвижение гипотез о возможных путях предотвращения правонарушений, устранения их причин и условий, создание моделей различными методами, в том числе мыслительных, их проверку и подтверждение научной достоверности.

И. А. Алиев конкретизировал функции судебной экспертологии (общей теории судебной экспертизы), выделив методологическую, информационную, объяснительную, синтезирующую, эвристическую, практическую и прогностическую [2]. Т. В. Аверьянова, поддерживая выделение вышеприведенных функций, отмечала, что «следует говорить не о методологической, а о мировоззренческой функции, поскольку методологическую роль играют все функции теории» [1], при этом также поддерживала прогностическую функцию, как одну из основополагающих.

Помимо указанных, полагаем, что судебной экспертологии присуща также технико-юридическая и нормативно-юридическая функции, выражающиеся в общем виде в формулировании рекомендаций для правового регулирования деятельности по использованию специальных знаний и их нормативного закрепления.

Перечисленные функции в целом поддерживаются большинством ученых и не вызывают острых дискуссий, напротив, выступают проявлением самостоятельности судебной экспертологии как науки, а также всех теорий, которые являются ее составляющими. При этом каждая частная теория в судебной экспертологии обеспечивает выполнение каждой из обозначенных функций, составляя тем самым едино ядро научного знания.

3. Развитие теории экспертной профилактики

Значительный вклад в формирование частной теории экспертной профилактики внесли труды таких ученых, как В. П. Колмаков [7], И. Я. Фридман [15], И. А. Алиев, А. Р. Шляхов, Р. С. Белкин [4], Ю. Г. Корухов [10], Т. В. Аверьянова, Е. Р. Россинская, А. М. Зинин, Н. П. Майлис [8], М. Ш. Махтаев [9], Ф. Г. Аминев [3], В. Ю. Федорович и др. Многие ученые писали об экспертной профилактике как одного из средств профилактики преступлений, осуществляемой экспертными учреждениями при производстве криминалистических экспертиз. Тем не менее, имеющиеся серьезные научные разработки не обеспечивают эффективное применение экспертной профилактики на практике по ряду причин, среди которых и все время возрастающая нагрузка на следственно-судебные органы и экспертные учреждения, отсутствие нормативного регулирования и не соответствующая современным реалиям теоретико-методологическая основа экспертной профилактики и др.

Одним из фундаментальных трудов, аккумулирующих научные разработки того времени и фактически положивших начало существованию частной теории экспертной профилактики, стала работа И. А. Алиева.

И. А. Алиев, избрав объектом исследования экспертную профилактику как социальную систему, в основе функционирования которой находится закономерная возможность выявления на основе специальных познаний криминогенных факторов и разработка профилактических мер по их устранению в целях предупреждения преступности, не только убедительно аргументировал потребность в создании теории экспертной профилактики, но и разработал ее основополагающие принципы, функциональные особенности, содержательную сторону и внутреннюю организацию, раскрыл предмет теории экспертной профилактики и предмет экспертно-профилактической деятельности [2, с. 19].

И. А. Алиев разделял экспертную профилактику как теорию, некую общую модель, и экспертную профилактическую деятельность, как ее выражение. «Предмет экспертной профилактики составляют имманентно присущие эксперту возможности (реализуемые в повседневной практике) установления на основе специальных познаний обстоятельств, которые фигурируют в качестве условий (а иногда и причин) совершения преступлений; взаимодействие субъектов экспертной профилактики друг с другом и с субъектами более общих систем по предупреждению преступности; организационные, координационные и методические условия, обеспечивающие их деятельность по предупреждению преступлений; комплексы профилактических мероприятий и целевые программы применительно к категориям преступлений, объектам экспертного исследования, региональной профилактической деятельности и т. п.; оценка результативности экспертной профилактической деятельности; способы познания, методы и методики исследования, терминология, операционные понятия, прогнозирование дальнейшего развития экспертной профилактики» [2, с. 19]. Предметом же экспертной профилактической деятельности, по мнению И. А. Алиева, выступают фактические данные (факты и обстоятельства) как организационного, так и технического характера, которые устанавливаются экспертом в процессе проведения им экспертного исследования и относятся к обстоятельствам, способствующим совершению правонарушений, а также разрабатываемые на этой базе рекомендации, направленные к устранению этих обстоятельств [2, с. 20]. По мнению Т. В. Аверьяновой, суть приведенных понятий одна и та же [1, с. 399]. Однако очевидно, что первый термин, как и подчеркивал И. А. Алиев, является более широким и фактически включает в себя второй, что позволяет говорить о частичном пересечении определяемых сущностей.

В диссертации И. А. Алиева сформулированы ключевые научные категории, формирующие сущность теории экспертной профилактики: содержание и понятие специальных познаний, используемых для разработки экспертно-профилактических рекомендаций; свойства и отношения объектов, выявление которых служит основанием для разработки профилактических рекомендаций; виды общих и частных экспертно-профилактических задач; исследования, проводимые экспертом в целях профилактики; характер выявляемых обстоятельств, способствовавших совершению (сокрытию) преступлений и иных правонарушений; характер разрабатываемых экспертом профилактических рекомендаций; субъекты экспертно-профилактической деятельности; формы отражения результатов проведения профилактической деятельности; адресат экспертно-профилактических рекомендаций.

Глубокий анализ закономерностей и компонентов экспертной профилактической деятельности позволил И. А. Алиеву составить логически обоснованную структуру теории экспертной профилактики, включив в нее:

- предмет теории экспертной профилактики;
- объекты экспертной профилактики;
- субъекты экспертной профилактики, их функции в системе, связи и отношения между ними;
- методы экспертной профилактики.

Полагаем, приведенная структура остается актуальной и может приниматься как основа дальнейшего развития частной теории экспертной профилактики.

4. Проблемы практической судебно-экспертной профилактики

Выделяются различные формы и виды экспертной профилактической деятельности. Формы определяются в зависимости от того, на каком этапе судебно-экспертной деятельности она реализуется. Так, если экспертная профилактика осуществляется в рамках любого вида судопроизводства в процессе проведения судебной экспертизы, участия специалиста или эксперта в процессуальных действиях, то она относится к процессуальной форме. В остальных случаях речь может идти о непроцессуальной форме. Например, сведущее лицо, занимающее должность эксперта в судебно-экспертном учреждении или частной организации при даче консультаций, проведении экспертных либо научных исследований выявляет причины и условия, способствующие совершению противоправных действий, и формулирует рекомендации по их устранению или минимизации последствий.

Непроцессуальная форма экспертной профилактики тесно связана с так называемой «внутренней профилактикой» экспертных ошибок, которая осуществляется в судебно-экспертных организациях, обеспечивающих высокое качество судебных экспертиз и экспертных исследований. В этой связи важными звеньями экспертной профилактической деятельности выступают руководитель судебно-экспертной организации и судебный эксперт, а также адресат, которому направляются рекомендации. В случае если экспертная профилактическая деятельность осуществляется в рамках судопроизводства, одной из важных фигур является правоприменитель, через которого экспертные рекомендации направляются адресату, уполномоченному их реализовывать.

Ф. Г. Аминев предложил в качестве основания классификации видов экспертной профилактики объект и направление воздействия экспертной профилактической деятельности и разделять экспертную профилактику на внутреннюю и внешнюю профилактику [3, с. 349]. Под внешней, фактически, им понимается экспертная профилактика в процессуальной форме, а под внутренней «выявление и предупреждение преступлений (правонарушений) судебных экспертов, в деятельности которых выявлены признаки правонарушений, либо факты, потенциально способствующие совершению правонарушения, как внутри судебно-экспертной организации в отношении конкретных своих работников, так и в отношении судебных экспертов иных судебно-экспертных организаций» [3, с. 350]. Действительно, выступая ключевым элементом системы контроля качества судебно-экспертной деятельности, так называемая внутренняя профилактическая деятельности имеет большое значение. Она направлена не только на повышение качества экспертных исследований и судебных экспертиз, но и на предотвращение нарушений, связанных с осуществлением судебно-экспертной деятельности, выявление потенциальных рисков и их нейтрализацию. Обеспечение постоянного мониторинга деятельности лиц, занимающих должности экспертов в судебно-экспертной организации, контролирование соблюдения ими этических норм и своевременного прохождения повышения квалификации, позволит оптимизировать судебно-экспертную деятельность в отдельно взятой организации, повысить доверие к такой организации, снизить репутационные риски.

Выделив профилактическую деятельность судебно-экспертного учреждения и непосредственно судебного эксперта, процессуальную и непроцессуальную формы экспертной профилактики, И. А. Алиев определил конкретные направления выражения каждого вида, а также предложил основные принципы разработки АИПС «Экспертная профилактика», но на практике это реализовано не было. Возможной причиной является тот факт, что экспертная профилактика является как бы дополнительной и необязательной функцией судебно-экспертных учреждений.

В этой связи интересно предложение Е. Р. Россинской о создании в рамках правоохранительных структур Центра судебно-экспертной профилактики, который мог бы аккумулировать информацию в виде экспертных заключений, поступающую как от государственных судебных экспертов, сотрудников систем государственных судебно-экспертных учреждений, так и от иных экспертов, для обобщения и выработки единых профилактических мероприятий [11, с. 211]. Следует поддержать эту идею. Но, несмотря на цифровизацию, все более охватывающую практически все области общественной жизни, невзирая на попытки межведомственного взаимодействия, следует отметить, что создание такого центра может вызвать проблемы его функционирования. Проблематика может проявляться в следующем:

- во-первых, отсутствие нормативного закрепления экспертно-профилактической функции в ФЗ ГСЭД, как и в многочисленных проектах (и поправках к ним) нового закона о судебно-экспертной деятельности;
- во-вторых, отсутствие механизма экспертной профилактики, который представляет собой «систему функционирования экспертной профилактики, включающая формирование, последующую реализацию и контроль за выполнением рекомендаций, сформулированных экспертом в целях предупреждения обстоятельств, причин и условий, способствовавших совершению правонарушения, а также минимизации его последствий» [5, с. 263–265]. Один из возможных и вполне работоспособный ме-

ханизм профилактической деятельности судебного эксперта предлагался нами ранее [6];

- в-третьих, при наличии работающего механизма экспертной профилактики при направлении экспертных заключений или уведомлений по материалам судебной экспертизы (по терминологии И. А. Алиева), содержащим профилактические рекомендации, необходима работа по обеспечению конфиденциальности, обезличиванию фактических данных, касающихся участников уголовного дела;
- в-четвертых, важность обеспечения недоступности профилактической информации широкой общественности, за исключением соответствующих органов государственной власти, государственных организаций, которым адресуются профилактические рекомендации. Кроме того, обеспечение межведомственного взаимодействия неизбежно столкнется с вопросами допустимости разглашения определенных данных (обеспечение секретности и допуска к различным видам тайны), что сделает невозможным распространение таких сведений, пусть даже и в профилактических целях. В связи с этим представляется важным определить специальный документ, составляемый экспертом прежде всего в рамках процессуальной формы судебно-экспертной профилактики — уведомление. Именно в этом документе, а не в заключении судебного эксперта, которое предоставляется для ознакомления, проверки и оценки всем участникам судопроизводства, должны быть изложены профилактические рекомендации по предотвращению правонарушений. В противном случае смысл их формулирования утратит свое профилактическое значение;
- в-пятых, отсутствие осуществляемого должным образом информационного обеспечения экспертов и правоприменителей. Это связано в первую очередь с отсутствием специального курса по экспертной профилактической деятельности [13; 14] или хотя бы отдельной темы, в рамках которой в полном объеме могло бы быть раскрыто содержание и возможности экспертной профилактики.

Однако наличие вышеуказанных проблем не должно быть безусловным препятствием для обеспечения функционирования механизма экспертной профилактики. Отметим, что механизм экспертной профилактики должен различаться в зависимости от ее формы и вида (процессуальной или непроцессуальной). Когда речь идет о процессуальной форме экспертной профилактики, то вполне можно говорить о необходимости создания если не центра, то отдела в каждой системе государственных судебно-экспертных учреждений, негосударственных организациях, судебно-экспертная деятельность для которых является одной из основных, а также в государственных организациях, для которых судебно-экспертная деятельность является одной из осуществляемых. Возможно также возложение функций по обобщению профилактических рекомендаций на эксперта, определенного руководителем экспертной организации. Непроцессуальная форма экспертной профилактики может осуществляться сведущими лицами, не имеющими процессуально-правового статуса. В некоторых случаях специалистами, привлеченными к участию в следственных и иных процессуальных действиях, могут быть сформулированы профилактические рекомендации. Однако этот вопрос требует отдельного углубленного исследования.

Следует подчеркнуть, что формулирование профилактических рекомендаций в рамках реализации экспертной инициативы должно оставаться правом эксперта. В случаях, когда следователь или суд ставят перед экспертом конкретный вопрос о возможных причинах и условиях, способствовавших совершению правонарушения, эксперт обязан обеспечить выполнение экспертного задания в этой части, т. е. сформулировать по возможности необходимые рекомендации: обоснованные, практикоориентированные и реально выполнимые, а также в целом соответствующие цели — предотвращению правонарушений в будущем.

Отметим, что систематизацию экспертно-профилактических рекомендаций, поступающих из государственных судебно-экспертных учреждений и частных организацией, может осуществлять Федеральная палата судебных экспертов (далее — ФПСЭ). А именно созданный в рамках ФПСЭ комитет по экспертной профилактике, подчиненный Коллегиальному исполнительному органу (совету) [5; 6]. В его функции должен быть включен контроль за доведением экспертно-профилактических рекомендаций до сведения соответствующих государственных органов и их выполнением в установленный срок. Алгоритм действий данного комитета по принятию экспертно-профилактических рекомендаций, их направлению в соответствующие органы и организации и контроль за их выполнением может быть установлен в совместной инструкции ФПСЭ и государственных ведомств, в рамках которых функционируют судебно-экспертные организации [5, с. 263–266]. Никаких препятствий в представлении экспертно-профилактических рекомендаций от частных экспертов в данном случае быть не может, поскольку все аспекты их взаимодействия с ФПСЭ должны быть урегулированы упомянутой выше инструкцией. Отметим, что И. А. Алиев одним из первых писал о необходимости «принятия единого подзаконного акта (Единой инструкции), детально регламентирующего экспертную профилактическую ра-

боту» [2], однако речь шла только о судебно-экспертных учреждениях ведомственной принадлежности, что было обусловлено ситуацией, сложившейся на тот момент времени.

Заключение. Частная теория экспертной профилактики представляет собой систему научных знаний и практических рекомендаций по применению различных способов, приемов и научно-технических средств, применяемых в целях предупреждения обстоятельств, причин и условий, способствующих совершению правонарушения, а также минимизации его последствий. Ее развитие, как составляющей судебной экспертологии, является, безусловно, важным для деятельности по защите прав и законных интересов личности, общества и государства. Наиболее важным сейчас в рамках этой теории является разработка и нормативное регулирование механизма экспертной профилактики, инструктивное закрепление практических наставлений для экспертов (в рамках процессуальной формы экспертной профилактики) и сведущих лиц (в рамках непроцессуальной формы) по реализации экспертно-профилактических рекомендаций.

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М. : Норма, 2006.
2. Алиев И. А. Проблемы судебно-экспертной профилактики : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. Киев, 1990.
3. Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации : современные проблемы и пути их решения : дисс. …д-ра юрид. наук. Уфа, 2016.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для студентов вузов. 3 изд., доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
5. Дьяконова О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств – членов ЕАЭС : теория и практика : дисс. …д-ра юрид. наук. М., 2021.
6. Дьяконова О. Г. О регламентации механизма профилактической деятельности эксперта // Судебная экспертиза. 2021. № 4. С. 21–31.
7. Колмаков В. П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 106–109.
8. Майлис Н. П. Современные проблемы научных и методологических основ судебной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 63–68.
9. Махтаев М. Ш. Экспертно-криминалистическая профилактика : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.
10. Основы судебной экспертизы. Часть I. Общая теория / Отв. ред. Ю. Г. Корухов. М., 1997.
11. Россинская Е. Р. Экспертная профилактика в условиях цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 208–212.
12. Рузавин Г. И. Методы научного познания. М. : Мысль, 1975.
13. Федорович В. Ю. Особенности компетенции судебного эксперта в профилактической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 181–185.
14. Федорович В. Ю. Значение профессиональной этики экспертов в реализации задач экспертной профилактики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 24. № 4. С. 208–212.
15. Фридман И. Я. Судебная экспертиза и вопросы предупреждения преступлений : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М., 1974.
16. Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания : монография. М. : Высшая школа, 1978.

References

1. Averyanova T. V. Forensic examination : a course of general theory. M. : Norma, 2006.
2. Aliev I. A. Problems of forensic prevention : abstract of the diss. ... doctor of legal sciences. Kiev, 1990.
3. Aminev F. G. Forensic expertise in the Russian Federation : current problems and ways to solve them : diss. ... doctor of legal sciences. Ufa, 2016.
4. Belkin R. S. Course of criminalistics : study guide for university students. 3rd ed., supplement. M. : UNITY-DANA, 2001.
5. Dyakonova O. G. Special knowledge in judicial and other jurisdictional activities of the EAEU Member States : theory and practice: diss. ... doctor of legal sciences. M., 2021.
6. Dyakonova O. G. On the regulation of the mechanism of preventive expert activity // Forensic examination. 2021. № 4. P. 21–31.
7. Kolmakov V. P. Some issues of criminalistic crime prevention // Soviet State and law. 1961. № 12. P. 106–109.
8. Mailis N. P. Modern problems of scientific and methodological foundations of forensic examination // Bulletin of Economic Security. 2016. № 4. P. 63–68.
9. Makhtaev M. S. Expert and criminalistic prevention : monograph. M. : Yurlitinform, 2018.
10. Fundamentals of forensic examination. Part I. General theory / Ed. by Yu. G. Korukhov. M., 1997.
11. Rossinskaya E. R. Expert prevention in the context of digitalization of forensic expertise // Bulletin of Economic Security. 2020. № 2. P. 208–212.

12. Ruzavin G. I. Methods of scientific knowledge. M. : Mysl, 1975.
13. Fedorovich V. Yu. Features of the competence of a forensic expert in preventive activities // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (100). P. 181–185.
14. Fedorovich V. Y. The importance of professional ethics of experts in the implementation of the tasks of expert prevention // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2022. Vol. 24. № 4. P. 208–212.
15. Friedman I. Ya. Forensic examination and crime prevention issues : abstract of the diss. ... doctor of legal sciences. M., 1974.
16. Stoff V. A. Problems of methodology of scientific cognition : monograph. M. : Higher School, 1978.

Библиографический список

1. Аминев Ф. Г. О некоторых проблемах профилактики в судебно-экспертной деятельности и путях их решения // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. Том 10. № 1. С. 73–77.
2. Дьяконова О. Г. Организация профессионального сообщества судебных экспертов на основе судебной экспертологии // Судебная экспертиза. 2023. № 1 (73). С. 8–21.
3. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник для студентов вузов. М. : Юрайт, 2002.

Bibliographic list

1. Aminev F. G. On some problems of prevention in forensic expertise and ways to solve them // Actual problems of law and the state in the 21st century. 2018. Vol. 10. № 1. P. 73–77.
2. Dyakonova O. G. Organization of a professional community of forensic experts based on forensic expertise // Forensic examination. 2023. № 1 (73). P. 8–21.
3. Zinin A. M., Mailis N. P. Forensic examination : textbook for university students. M. : Yurayt, 2002.

Информация об авторе

О. Г. Дьяконова — профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

O. G. D'yakonova — Professor of the Department of Forensic Examinations of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSLA), Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 08.12.2025.
The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 341.1/8
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-70-76
EDN: https://elibrary.ru/gyzewi
NIION: 2003-0059-6/25-411
MOSURED: 77/27-003-2025-06-610

Цифровизация международного сотрудничества по противодействию незаконной миграции

Ольга Игоревна Жукова
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, zhukova-oi@ranepa.ru

Аннотация. Исследуются тенденции, направленные на цифровизацию международного сотрудничества по противодействию незаконной миграции на современном этапе. Анализируются трансформации механизмов сотрудничества на универсальном, региональном и двустороннем уровне (с учетом опыта Российской Федерации) под влиянием внедрения новых технологий. В частности, внимание уделено созданию общих баз данных, использованию новаторских систем пограничного контроля, внедрению технологий блокчейн и др. Особое роль уделяется участию Российской Федерации в деятельности региональных организаций (СНГ, ОДКБ, ШОС), а также взаимодействию с Республикой Беларусь в рамках Союзного государства.

Ключевые слова: международное сотрудничество по противодействию незаконной миграции, цифровизация, Организация Договора о коллективной безопасности, Содружество Независимых Государств, базы данных, пограничный контроль, Интерпол

Для цитирования: Жукова О. И. Цифровизация международного сотрудничества по противодействию незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 70–76. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-70-76. EDN: GYZEWI.

Original article

Digitalization of international cooperation to combat illegal migration

Olga I. Zhukova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, zhukova-oi@ranepa.ru

Abstract. The trends aimed at digitalizing international cooperation to combat illegal migration at the present stage are examined. The transformations of cooperation mechanisms at the universal, regional and bilateral levels (taking into account the experience of the Russian Federation) are analyzed influenced by the introduction of new technologies. In particular, attention is paid to the creation of common databases, the use of innovative border control systems, the introduction of blockchain technologies, etc. A special role is given to the participation of the Russian Federation in the activities of regional organizations (CIS, CSTO, SCO), as well as cooperation with the Republic of Belarus within the framework of the Union State.

Keywords: international cooperation on combating illegal migration, digitalization, Collective Security Treaty Organization, Commonwealth of Independent States, databases, border control, Interpol

For citation: Zhukova O. I. Digitalization of international cooperation to combat illegal migration. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):70–76. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-70-76. EDN: GYZEWI.

©Жукова О. И., 2025

Незаконная миграция, несмотря на все прикладываемые государствами усилия, продолжает оставаться угрозой не только национальной безопасности отдельно взятых развитых государств (к числу которых относится и Российская Федерация), но и угрозой общемировой безопасности в целом. Она, несомненно, оказывает значимое влияния на все сферы функционирования общества: приводит к формированию теневой экономики, способствуя «утеканию» денежных средств из легальной рыночной экономики, что, в свою очередь, порождает рост совершаемых транснациональных преступлений (и преступности внутри государства назначения в целом); ухудшает контролируемость (со стороны государственных органов) санитарно-эпидемиологической обстановки; приводит к недополучению налогов государством назначения, увеличению нагрузки на национальные бюджеты, перенаселению отдельных районов (или городов), приводящему к активному росту недовольства коренного населения и другим последствиям. Что же касается Российской Федерации, то имеет место увеличение числа преступлений, совершенных мигрантами, в особенности тяжких и особо тяжких (возросли также общественный резонанс и освещение данных вопросов в средствах массовой информации). Это сказалось на настроениях коренного населения относительно сложившейся в государстве миграционной ситуации: в частности, набирают популярность самосуды, организуемые аналогами современной народной дружины, формируемой и состоящей из членов общественных объединений и организаций.

Не только вышеперечисленные факты, но и многие иные обстоятельства, сопряженные с незаконной миграцией, обусловливают заинтересованность международного сообщества в решении такой проблемы (или первостепенно — минимизации причиняемого данным противоправным явлением вреда), а также положительно влияют на усиление мер в области противодействия данному глобальному явлению и стимулируют их.

На современном этапе практически все сферы функционирования общества подвергаются модернизации посредством цифровизации, — для улучшения их контролируемости, прозрачности предоставляемых услуг, а также для повышения эффективности в целом. На современном этапе легального определения «цифровизации» не сложилось, однако при анализе отдельных нормативно-правовых актов, рекомендаций, доктрины в данной сфере, представляется, что под ней можно понимать процесс, направленный на преобразование социально-экономических, политических, правовых и иных отношений, связанный с повсеместным внедрением информационно-телекоммуникационных технологий в целях повышения эффективности их функционирования и более качественного обеспечения национальной безопасности. В частности, цифровизация может осуществляться через «создания специализированных платформ и сервисов; оптимизацию управленческих и иных процессов; разработку единого безопасного цифрового пространства, основанного на стандартизированных данных и технологиях и др.» [см. подробнее: 10].

Миграционная сфера не стала исключением в вопросе цифровизации, при этом многие функции, которые раньше были возложены на людей, стали реализовываться с использованием информационных технологий. В частности, основные векторы (в том числе и международного сотрудничества Российской Федерации) по цифровизации миграционной сферы в целом и противодействию незаконной миграции в частности отражены в новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы (далее — Концепция) [9]. Так, в Концепции отмечается, что развитие новых технологий и биометрических решений необходимо для усиления контроля за мигрантами и облегчения обмена данными с международными партнерами. К тому же, Концепцией предусмотрены меры, направленные на снижение количества перемещений нелегальных мигрантов через государственные границы, а также иные шаги в сфере противодействия незаконной миграции, что, при условии их реализации в рамках скоординированного и плотного международного сотрудничества с надежными партнерами Российской Федерации, позволит в долгосрочной перспективе значительно снизить эффекты, вызываемые указанной проблемой.

Перейдем непосредственно к международному сотрудничеству по противодействию незаконной миграции и его трансформации, связанной с глобализацией и всеобщей интеграцией. Сразу следует отметить, что оно реализуется на универсальном, региональном и двустороннем уровне.

В 31 марта 2023 г. была принята новая Концепция внешней политики Российской Федерации, в которой уже отмечалось, что внешнеполитическая ситуация, особенно после начала специальной военной операции, значительно изменилась, «…серьезное давление оказывается на ООН и другие многосторонние институты, предназначение которых в качестве площадок для согласования интересов ведущих держав искусственно обесценивается… осложняется выработка коллективных ответов на транснациональные вызовы и угрозы, такие как… нелегальная миграция…» [7, п. 9]. В сложившихся условиях «в целях противодействия нелегальной миграции и совершенствования регулирования международных миграционных процессов Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание укреплению взаимодействия в этой сфере с государствами – участниками СНГ…» [7]. Тем самым Российская Федерация фактически признала неэффективность универсальных механиз-

мов противодействия незаконной миграции. Однако в порядке информации стоит рассмотреть и универсальный уровень.

Так, в компетенцию Организации Объединенных Наций (ООН) противодействие незаконной миграции напрямую не входит, однако являясь международной организацией общей компетенции, этот вопрос не может оставаться в стороне. В 2022 г. был проведен первый Международный форум по обзору миграции для обсуждения прогресса, достигнутого в результате следования дорожной карте, предусмотренной принятым в 2018 г. Глобальным договором о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (ГДМ — GCM) [4]. Также в рамках Форума была разработана специализированная Декларация [5]. И в дорожной карте, и в принятой Декларации заданы основные векторы, направленные на цифровизацию международного сотрудничества по регулированию миграции в целом и противодействию незаконной миграции в частности. Так, эти источники предусматривают укрепление государствами-участниками систем сбора и анализа дезагрегированных данных в сфере противодействия незаконной миграции, внедрения технологий Big Data для выявления и точечного пресечения нелегальных каналов перемещения мигрантов, и иные меры. Дорожная карта, в свою очередь, выступает продуманным планом активизации основных двадцати трех целей, обозначенных в ГДМ [4; 5], реализация многих из которых опосредованно или напрямую связана с повсеместной цифровизацией миграционной сферы (в частности, это Цели 1, 3, 11–12) [4].

Для дальнейшей успешной реализации ГДМ было предусмотрено создание Сети ООН по миграции (UN Network on Migration), в которую вошли «…те члены системы ООН <…>, для которых миграция имеет отношение к их мандатам» [19]. В частности, данная сеть не только способствует обмену передового опыта по вопросам внедрения информационно-телекоммуникационных технологий в рассматриваемую сферу, но и оказывает значительную помощь в преодолении так называемого цифрового разрыва между развитыми и развивающимися государствами, а также занимается разработкой и внедрением общих стандартизированных руководств по этичному использованию данных и биометрии в миграционной сфере. В целом тезис о соблюдении прав человека в контексте противодействия деанонимизации и утечки персональных конфиденциальных данных мигрантов играет не последнюю роль в трансформации международного сотрудничества в миграционной сфере.

Таким образом, при комплексном использовании ГДМ, дорожной карты и принятой в 2022 г. Декларации, на универсальном уровне под эгидой ООН постепенно формируется более скоординированная, целенаправленная и структурированная система, направленная на цифровизацию международного сотрудничества в сфере миграции: так, благодаря дорожной карте первоначальные (довольно абстрактные) принципы, заложенные в ГДМ, трансформировались в конкретные положения по цифровизации, с определенными сроками и механизмами предоставления отчетности. К тому же, на современном этапе происходит становление различных форумов и консилиумов, на которых заинтересованные государства совместно с различными технологическими компаниями могут разрабатывать и внедрять конкретные цифровые решения. Примерами такого продуктивного взаимодействия могут являться: ТАН — Traffik Analysis Hub (совместная платформа Международной организации по миграции (МОМ), УНП ООН, финансовых институтов, правоохранительных органов заинтересованных государств, построенная на технологии blockchain, которая позволяет выявлять подозрительные финансовые операции, связанные с торговлей людьми и незаконной контрабандой мигрантов) [17]; CTI — инициатива по борьбе с траффикингом и контрабандой мигрантов, запущенная Интерполом, которая позволяет использовать облачные технологии и искусственный интеллект для быстрого анализа Даркнета и открытых источников в целях поиска потенциально опасных объявлений [16] и др.

Не последнюю роль в вопросах противодействия незаконной миграции на универсальном уровне играет Интерпол. В частности, помимо выше обозначенной CTI, в Интерполе широко применяется иные информационно-телекоммуникационные технологии. Например, SLTD (база данных, в которую заносятся украденные или утерянные проездные документы) позволяет сотрудникам пограничных органов быстро осуществить проверку подлинности и легальности предоставляемого мигрантами документа [12], а AFIS (база данных по отпечаткам пальцев) дает возможность сравнивать найденные образцы (на месте происшествия) с глобальной базой данных для установление контрабандистов, занимающихся незаконной перевозкой мигрантов, и выявления нелегальных каналов, по которым лица попадают на территорию государств назначения [20]. Помимо этого, в Интерполе широко используется система I-24/7 (защищенная телекоммуникационная сеть, позволяющая оперативно взаимодействовать НЦБ из разных государств) [18].

Перейдем к региональному уровню. Для России наиболее важным и приоритетным является сотрудничество, вектор которого сместился с Европы на государства евразийского региона из-за событий, произошедших в 2022 г., хотя тенденции к этому наблюдались и ранее. Под эгидой Содружества Независимых Государств (СНГ) реализуются скоординированные действия государств-участников по оптимизации контроля над миграцией и, в том числе, по противодействию незаконной миграции с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Важно отметить, что Российская Федерация в данном контексте выступает флагманом внедрения цифровых технологий. Так, под эгидой СНГ была создана, внедрена, а на современном этапе активно используется Единая информационно-аналитическая система (ЕИАС), которая представляет собой набор данных о лицах, въехавших на территорию государств — участников СНГ; случаях нарушение миграционного законодательства; отказах во въезде и др. Система представляет собой динамичную модель, которая постоянно развивается, например, сейчас идет работа по интеграции в нее биометрических данных, что позволит повысить эффективность контроля за перемещениями незаконных мигрантов [11]. Помимо прочего, государства — участники СНГ начинают повсеместно внедрять электронные визы, а в большинстве из них функционируют порталы государственных услуг, позволяющие иностранцам удаленного получить требующиеся для легального пребывания документы [14]. К тому же в СНГ уже давно используется база данных «Учет «Запретники», за ведение которой отвечает Российская Федерация в лице своего компетентного органа — ФСБ России [6].

Перейдем к модернизации международно-правового сотрудничества по противодействию незаконной миграции, реализуемого под эгидой Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Незаконная миграция в соответствии с Уставом ОДКБ представляет собой «…угрозу безопасности государств — членов» [1, ст. 8], поэтому в ОДКБ реализуется комплекс мероприятий по противодействию данному негативному явлению. Так, начиная с 2008 г. ежегодно проводятся оперативно-профилактические мероприятия «Нелегал» или «Нелегальный мигрант», при которых широко применяются инновационные технологии государств-членов. Кроме того, под эгидой ОДКБ ежегодно проводятся учения миротворческих сил «Нерушимое братство», в рамках которых в том числе отрабатываются задачи приема мигрантов, прибывших из зон вооруженных конфликтов. При их реализации государства-члены стали все чаще прибегать не только к использованию информационно-телекоммуникационных технологий, но и активно применять БПЛА (например, для мониторинга всей протяженности границы в целях недопущения нелегального ее перехода) [15].

Также как и в ОДКБ, незаконная миграция в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) рассматривается в качестве угрозы безопасности государств. Ежегодно проводится операция «Граница дружбы», в которой традиционно принимают участие компетентные органы Российской Федерации (ФСБ России, Росгвардия и др.). Ее основной целью являются пресечение, выявление правонарушений и преступлений, совершаемых при пересечении государственных границ, в том числе в сфере незаконной миграции. Данная операция также подверглась цифровой трансформации – в частности, государствами-членами стали более активности использоваться информационно-телекоммуникационные технологии, в том числе направленные на идентификацию мигрантов. Исключением не стало и применение БПЛА – цифровая передача видео в режиме реального времени в единый штаб операции позволяет фиксировать попытки нелегального пересечения государственных границ и своевременно их пресекать. Таким образом, операция «Граница дружбы» постепенно трансформируется в высокотехнологичную сетецентрическую операцию, в ходе которой происходит высокоскоростной обмен данными с разных источников (например, камер, установленных на/в БПЛА; биометрических сканеров) для оперативного выявление случаев незаконной миграции.

На двустороннем уровне активно внедряется цифровизация международно-правового сотрудничества по противодействию незаконной миграции Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства. Постепенно создается интегрированное пространство пограничных ведомств для недопущения нелегального проникновения в государства граждан третьих стран или лиц без гражданства. В частности, оно осуществляется практически в режиме реального времени при использовании автоматизированных информационных систем (АИС) [13]. Также широко применяются технологии сбора и обработки биометрических данных на внешних границах [3].

В Российской Федерации уже произошло внедрение технологии «Цифрового профиля мигранта» [8] — нового инструмента, позволяющего компетентным ведомствам (МВД России, ФСБ России, ФНС России и др.) в рамках своих полномочий быстро получать доступ к интересующей информации о мигранте, что, несомненно, улучшает, во-первых, прозрачность и доступность услуг в сфере миграции; во-вторых, сокращает коррупцию и бюрократию; в-третьих, снижает уровень незаконной миграции; в-четвертых, позволяет повысить эффективность контроля. Конечно, в данном вопросе не обошлось и без недостатков и проблем, например, повышаются риски утечки конфиденциальной информации; из-за своего новаторского характера система не лишена так называемых багов и ошибок; к тому же не все мигранты обладают достаточными навыками владения компьютером для работы с данной структурой и др. Однако это не отменяет эффективности внедряемой повсеместно системы, что, соответственно, и предопределило пошаговое становление «сквозных» цифровых профилей мигрантов для того, чтобы упростить контроль за лицами, которые потенциально могут стать незаконными мигрантами, перемещаясь через границы Союзного государства.

Также заслуживает внимание и модернизация международного сотрудничества по противодей-

ствию незаконной миграции России и Казахстана. Основой данного сотрудничества является Соглашение о межрегиональном сотрудничестве и приграничном сотрудничестве [2], которое сформировало основы для общего доступа и активного использования информационных систем и баз данных. Плотное сотрудничество позволило приблизиться к так называемому режиму «умные границы», т. е. произошла цифровизация пограничного контроля, интеграция систем, что оказало влияние на усиление мер безопасности. К тому же, в Казахстане идет активная работа по внедрению единой цифровой системы учета миграционных потоков. До 1 ноября 2025 г. планируют запустить Единую цифровую платформу учета миграционных процессов [14].

Таким образом, на современном этапе для Российской Федерации приоритетной целью в сфере международного сотрудничества по противодействию незаконной миграции является не только поиск наиболее эргономичных и эффективных инструментов по его цифровизации, но и соблюдение баланса между обеспечением собственной национальной безопасности и оказанием помощи партнерам (которые обычно являются государствами происхождения мигрантов). На универсальном уровне продолжают формироваться основные векторы в сфере цифровизации международного сотрудничества по противодействию незаконной миграции. Несомненно, политическая конъектура накладывает свои отпечатки на участие России в данном сотрудничестве, не позволяя в полной мере активно содействовать реализации поставленных целей. При этом базы данных Интерпола продолжают активно применяться и использоваться в повседневной деятельности правоохранительных органов государства.

Сотрудничество на региональном уровне является возможностью для Российской Федерации апробации и проецирования технологических и управленческих ноу-хау на пространстве соседних и дружественных государств в целях укрепления пограничного контроля, оперативного доступа к информации, позволяющей унифицировать миграционный контроль и эффективно противодействовать транснациональным вызовам и угрозам, к числу которых относится и незаконная миграция. Наиболее эффективным и «точечным» остается сотрудничество Российской Федерации на двустороннем уровне: наиболее легко добиться максимальной глубины интеграции и свободно обмениваться информацией с учетом проблем, представляющих угрозу на локальном уровне в конкретном случае. Полагаем, что дальнейшее внедрение новых технологий позволит создать более прозрачные и безопасные миграционные коридоры, а также выровнять баланс между жестким миграционным контролем в целях обеспечения национальной безопасности государств и правами самих перемещающихся лиц, при этом, не создав миграционный кризис.

Список источников

1. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. // URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о межрегиональном сотрудничестве и приграничном сотрудничестве от 6 июля 2012 г. // URL: https://docs.cntd.ru/document/902240036
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании виз и по иным вопросам, связанным с въездом иностранных граждан и лиц без гражданства на территории государств — участников Договора о создании Союзного государства от 19 июня 2020 г. (вместе с «Перечнем используемых путей автомобильного сообщения, через которые иностранные граждане и лица без гражданства въезжают на территорию каждого из государств Сторон и выезжают с этой территории») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438425/4dd248e0f29bd2ec7f9da1f647c3f7e4f88af9ff/
4. Резолюция Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций от 19 декабря 2018 г. A/RES/73/193 «Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» // URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/73/195
5. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 7 июня 2022 г. A/RES/76/266 «Декларация о прогрессе Форума по рассмотрению проблем международной миграции» // URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/76/266
6. Решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о Положении об общей базе данных о незаконных мигрантах и лицах, въезд которым в государства — участники Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией закрыт в соответствии с их действующим национальным законодательством, и порядке обмена информацией о незаконной миграции от 25 января 2000 г. // URL: https://eccis.org/page/1956/polozenie-ob-obsej-baze-dannyh-o-nezakonnyh-migrantah-i-licah-vezd-kotorym-v-gosudarstva-ucastniki-soglasenia-o-sotrudnicestve-gosudarstv-ucastnikov-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-v-borbe-s-nezakonnoj-migraciej-zakryt-v-sootvetstvii-s-ih-dejst
7. Указ Президента Российской Федерации от 31

марта 2023 г. № 229 «О Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/
8. Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О Государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509510/
9. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. «Об утверждении Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // URL: http://static.kremlin.ru/media/events
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472443/
11. Единая информационно-аналитическая система // URL: https://new.cisstat.org/eias
12. Передовые практики в области безопасности границ и пограничного контроля в контексте противодействия терроризму и пресечения потока «иностранных боевиков» // URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/221004_good_practices_bsm_ru.pdf
13. Проведение единой пограничной политики // URL: https://belrus.ru/info/provedenie_edinoi_pogranichnoi_politiki/
14. Цифровизация против нелегальной миграции : как страны СНГ перестраивают рынок труда // URL: https://e-cis.info/news/566/130415/
15. Шесть военных новинок «Нерушимого братства» // URL: https://kazan.bezformata.com/listnews/voennih-novinok-nerushimogo-bratstva/99514544/
16. About CTI // URL: https://www.interpol.int/
17. About us // URL: https://stopthetraffik.org/what-we-do/traffik-analysis-hub/
18. Databases (I-24/7) // URL: https://www.interpol.int/How-we-work/Databases
19. United Nations Network on Migration: About // URL: https://migrationnetwork.un.org/
20. WAPIS/AFIS // URL: https://www.interpol.int/How-we-work/Capacity-building/Capacity-building-projects/WAPIS-Programme/WAPIS-AFIS-Project

References

1. Charter of the Collective Security Treaty Organization dated October 7, 2002 // URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded
2. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Kazakhstan on Interregional cooperation and Cross-border cooperation dated July 6, 2012 // URL: https://docs.cntd.ru/document/902240036
3. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on the mutual recognition of visas and on Other Issues Related to the Entry of Foreign Citizens and Stateless Persons into the Territory of the States Parties to the Treaty on the Establishment of the Union State dated June 19, 2020 (together with the «List of used automobile routes through which foreign citizens and persons stateless persons enter the territory of each of the States of the Parties and leave this territory») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438425/4dd248e0f29bd2ec7f9da1f647c3f7e4f88af9ff
4. Resolution of the United Nations General Assembly dated December 19, 2018 A/RES/73/193 «Global Compact for Safe, Orderly and Legal Migration» // URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/73/195
5. Resolution of the United Nations General Assembly dated June 7, 2022 A/RES/76/266 «Declaration on the progress of the Forum on International Migration» // URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/76/266
6. Decision of the Council of Heads of Government of the Commonwealth of Independent States on the Regulation on the general database of illegal migrants and persons whose entry into the Member States of the Agreement on Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in Combating Illegal Migration is closed in accordance with their current national legislation, and the procedure for exchanging information on illegal migration dated January 25 2000 // URL: https://eccis.org/page/1956/polozenie-ob-obsej-baze-dannyh-o-nezakonnyh-migrantah-i-licah-vezd-kotorym-v-gosudarstva-ucastniki-soglasenia-o-sotrudnicestve-gosudarstv-ucastnikov-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-v-borbe-s-nezakonnoj-migraciej-zakryt-v-sootvetstvii-s-ih-dejst
7. Decree of the President of the Russian Federation № 229 dated March 31, 2023 «On the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation» // URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/
8. Decree of the President of the Russian Federation dated July 9, 2025 № 467 «On the State Information resource «Digital Profile of a foreign citizen» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509510/

9. Decree of the President of the Russian Federation dated October 15, 2025 «On approval of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030» // URL: http://static.kremlin.ru/media/events
10. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 16, 2024 № 637-r «On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of public administration» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472443/
11. Unified Information and Analytical System // URL: https://new.cisstat.org/eias
12. Best practices in the field of border security and border control in the context of countering terrorism and stemming the flow of «foreign fighters» // URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/221004_good_practices_bsm_ru.pdf
13. Implementation of a unified border policy // URL: https://belrus.ru/info/provedenie_edinoi_pogranichnoi_politiki/
14. Digitalization against illegal migration: how the CIS countries are rebuilding the labor market // URL: https://e-cis.info/news/566/130415/
15. Six military novelties of the «Indestructible Brotherhood» // URL: https://kazan.bezformata.com/listnews/voennih-novinok-nerushimogo-bratstva/99514544/
16. About CTI // URL: https://www.interpol.int/
17. About us // URL: https://stopthetraffik.org/what-we-do/traffik-analysis-hub/
18. Databases (I-24/7) // URL: https://www.interpol.int/How-we-work/Databases
19. United Nations Network on Migration: About // URL: https://migrationnetwork.un.org/
20. WAPIS/AFIS // URL: https://www.interpol.int/How-we-work/Capacity-building/Capacity-building-projects/WAPIS-Programme/WAPIS-AFIS-Project

Информация об авторе

О. И. Жукова — преподаватель кафедры международного и интеграционного права Юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

O. I. Zhukova — Lecturer of the Department of International and Integration Law Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 08.12.2025.

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-77-81
EDN: https://elibrary.ru/isxfxi
NIION: 2003-0059-6/25-412
MOSURED: 77/27-003-2025-06-611

К вопросу предупреждения семейно-бытового насилия: теоретический и практический аспект

Ольга Николаевна Ивасюк
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ivasuk-o@mail.ru

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема современного российского общества — семейно-бытовое насилие. Анализируются статистические данные, отражающие масштабы и особую жестокость данного явления, с акцентом на виктимизацию несовершеннолетних. Исследуются теоретические подходы к противодействию насилию в семье, включая репрессивную (уголовно-правовую) модель и восстановительное правосудие. Выявляются системные недостатки действующего правового регулирования, в частности, отсутствие единого понятийного аппарата и доминирование карательных мер над превентивными. На основе анализа международного опыта и существующих научных позиций предлагаются направления формирования комплексной системы профилактики, сочетающей меры раннего выявления, медико-психологической помощи и социально-правовой поддержки семей группы риска.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, профилактика преступлений, виктимизация несовершеннолетних, восстановительное правосудие, уголовно-правовое воздействие, социальная реабилитация, кризисные центры, раннее выявление

Для цитирования: Ивасюк О. Н. К вопросу предупреждения семейно-бытового насилия: теоретический и практический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 77–81. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-77-81. EDN: ISXFXI.

Original article

On the issue of preventing domestic violence: theoretical and practical aspects

Olga N. Ivasyuk
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. Considered an urgent problem of modern Russian society — domestic violence. Statistical data reflecting the scale and particular cruelty of this phenomenon are analyzed, with an emphasis on the victimization of minors. The article examines theoretical approaches to countering domestic violence, including the repressive (criminal law) model and restorative justice. The systemic shortcomings of the current legal regulation are revealed, in particular, the lack of a unified conceptual framework and the dominance of punitive measures over preventive ones. Based on the analysis of international experience and existing scientific positions, directions for the formation of a comprehensive prevention system are proposed, combining early detection measures, medical and psychological assistance and socio-legal support for families at risk.

Keywords: family and domestic violence, crime prevention, victimization of minors, restorative justice, criminal law impact, social rehabilitation, crisis centers, early detection

For citation: Ivasyuk O. N. On the issue of preventing domestic violence: theoretical and practical aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):77–81. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-77-81. EDN: ISXFXI.

© Ивасюк О. Н., 2025

Актуальность проблемы предупреждения семейно-бытового насилия обусловлена усугублением кризисных явлений в сфере внутрисемейных отношений, что находит непосредственное отражение в динамике соответствующей категории преступлений. Современная социальная политика Российской Федерации в числе стратегических приоритетов выделяет переориентацию на укрепление института семьи, обеспечение гарантированной защиты прав и интересов ее членов. Формирование комплексной системы государственных мер, направленных на предотвращение насилия в семейной среде и социальную реабилитацию пострадавших, представляет собой одну из ключевых задач [3].

Несмотря на регулярное рассмотрение судами дел, связанных с домашним насилием, и определенные позитивные сдвиги в правоприменительной практике, кардинального улучшения ситуации не наблюдается. Более того, на фоне общей социальной напряженности уровень агрессии имеет тенденцию к возрастанию, что неизбежно сказывается на микроклимате в семьях. Согласно данным криминальной статистики, на долю агрессивных действий, совершенных в рамках семейно-бытовых отношений, приходится более 40 % всех зарегистрированных тяжких насильственных преступлений. Лица, пострадавшие в результате подобных внутрисемейных конфликтов, составляют абсолютное большинство в общей массе жертв, погибших или получивших вред здоровью от преступных посягательств. Детальное изучение материалов уголовных дел выявляет шокирующие особенности совершаемых деяний: в 14,3 % случаев насилие в семье носило признаки особой жестокости, более чем в 8 % эпизодов оно сочеталось с систематическими издевательствами, а 1,5 % инцидентов были сопряжены с применением пыток. При этом 16,5 % преступлений, что эквивалентно каждому шестому, были направлены против заведомо беспомощных лиц, не способных оказать сопротивление или защититься [1].

Наиболее острую общественную озабоченность провоцирует криминальная виктимизация детей и подростков. Согласно официальной информации, предоставленной Генеральной прокуратурой, в течение прошлого года в каждой третьей криминальной ситуации, возникшей в рамках российских семей, жертвами становились несовершеннолетние. При этом фиксируется стабильная негативная динамика роста указанных значений. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что массив тяжких и особо тяжких противоправных действий в отношении детей возрос на 10 %, а количество выявленных фактов сексуального насилия над несовершеннолетними демонстрирует еще более резкий прирост — 15 %. Цифры, обнародованные Следственным комитетом РФ, иллюстрируют трагические последствия этой тенденции: в 2024 г. около одной тысячи детей погибло от преступных посягательств, а официальный статус потерпевших получили почти 17 тысяч несовершеннолетних. Председатель Следственного комитета Александр Бастрыкин в интервью ТАСС констатировал, что криминальные деяния против несовершеннолетних приобретают все более безнравственный характер.

Принятие в 2017 г. законодательных изменений, связанных с декриминализацией побоев в семье, привело к формальному снижению статистических показателей, однако не решило проблему по существу. Оценка масштабов семейного неблагополучия требует учета целого комплекса факторов: роста количества нарушений законодательства о защите прав детей, увеличения исков прокуроров в защиту несовершеннолетних, ежегодного прироста сообщений о детях, находящихся в условиях, опасных для жизни и здоровья, фиксации фактов жестокого обращения, а также увеличения числа смертей несовершеннолетних от неестественных причин.

Значительной проблемой остается недостаточная эффективность ранней профилактики тяжких насильственных преступлений в семейной сфере. Речь идет о своевременном выявлении и адекватном превентивном воздействии на лиц, совершающих правонарушения и преступления небольшой и средней тяжести, которые зачастую предшествуют тяжким деяниям [1].

Под семейно-бытовым насилием понимается система действий или бездействий, носящих физический, психологический или сексуальный характер, совершаемых одним членом семьи против другого с целью установления контроля, унижения или принуждения. Это определение охватывает широкий спектр ситуаций, начиная от открытого физического нападения и заканчивая скрытыми, но разрушительными формами эмоционального давления и экономического принуждения.

Отсутствие в действующем российском законодательстве легального определения «домашнего (семейного, бытового) насилия» существенно затрудняет системное противодействие данному явлению. В настоящее время его разнообразные проявления охватываются лишь отдельными, разрозненными составами Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях. Подобная фрагментарность правового регулирования не позволяет сформировать единообразную правоприменительную практику и эффективные механизмы межведомственного взаимодействия.

Доминирование уголовно-правовых средств борьбы с насилием в семье, хотя и является необходимым в случаях тяжких преступлений, не позволяет обеспечить его действительное предупреждение на ранних стадиях, а также комплексную социальную реабилитацию пострадавших и, где это возможно, сохранение семейных связей. Низкий уровень выявления фактов насилия усугубляется нежеланием зависимых членов

семьи идти на контакт с правоохранительными органами из-за опасений потерять кормильца, столкнуться с общественным порицанием или усугубить ситуацию [2].

В научной и профессиональной среде сформировались два основных, зачастую противопоставляемых друг другу, подхода к решению проблемы семейно-бытового насилия.

Первый подход акцентирует внимание на ограниченной эффективности классического уголовного права, имеющего строго публичный характер и ориентированного преимущественно на наказание виновного. В рамках данной позиции обосновывается целесообразность применения стратегий примирения и посредничества, основанных на концепциях восстановительного правосудия и уголовно-правовой медиации. Смысл этих концепций заключается в смещении акцента с репрессии в отношении правонарушителя на восстановление нарушенных общественных отношений, заглаживание вреда и удовлетворение потребностей жертвы [4].

Сторонники такого подхода аргументируют свою позицию рядом весомых доводов. Во-первых, уголовное правосудие ориентировано преимущественно на наказание, а не на реабилитацию и редко предусматривает программы поддержки, снижающие вероятность рецидива. Во-вторых, применяемые меры уголовного наказания (например, лишение свободы кормильца) могут негативно сказаться на материальном положении и судьбе всех членов семьи, включая саму жертву. В-третьих, криминализация способна привести к стигматизации и изоляции жертвы в традиционных сообществах. Восстановительное правосудие, в свою очередь, фокусируется на конкретной жертве, предоставляет ей возможность быть услышанной, а правонарушителю — осознать вину, возместить ущерб и изменить деструктивное поведение, что особенно значимо в работе с несовершеннолетними правонарушителями [3].

Второй подход, напротив, исходит из защитной функции закона и необходимости равноценного отношения к насилию в семье и иным насильственным преступлениям. Его адепты полагают, что уголовное преследование является неотъемлемым атрибутом государства, демонстрирующим общественное осуждение поведения правонарушителя и гарантирующим жертве защиту со стороны власти. В рамках этого подхода интересы и безопасность потерпевшего ценятся выше сохранения формальной целостности семьи. Страх перед реальным уголовным наказанием может выступать мощным сдерживающим фактором, в то время как посредничество, по мнению критиков, способно преуменьшать опасность насилия, нивелировать его общественную вредность и неявно возлагать на жертву часть ответственности за произошедшее. В контексте данного подхода подчеркивается, что эффективная профилактика бытовых преступлений должна обеспечивать неотвратимость наказания, сочетая индивидуальную профилактику с общей превенцией.

Представляется, что противопоставление этих подходов является малопродуктивным. Комплексное решение проблемы требует их разумного сочетания и дифференциации. Тяжкие и особо тяжкие преступления, сопряженные с систематическим насилием или угрозой жизни и здоровью, безусловно, должны влечь за собой адекватное уголовное наказание. В то же время, в случаях правонарушений небольшой и средней тяжести, особенно на начальных стадиях эскалации конфликта, приоритет следует отдавать восстановительным программам и мерам психолого-педагогического воздействия, направленным на разрыв цикла насилия.

Как показывает практика, существующая в России система профилактики носит во многом фрагментарный и реактивный характер. Основное внимание уделяется уже свершившимся фактам насилия, а не их предупреждению. Отсутствует единый координирующий орган, ответственный за выработку и реализацию государственной политики в этой сфере. Деятельность органов внутренних дел, социальной защиты, образования и здравоохранения зачастую не скоординирована, что приводит к «выпадению» семей группы риска из поля зрения.

Особую озабоченность вызывает недостаточность мер, направленных на работу с лицами, совершающими насилие. В настоящее время в России практически отсутствует сеть специализированных программ по коррекции поведения агрессоров. Без решения этой задачи разрыв порочного круга насилия представляется крайне затруднительным, так как лицо, склонное к насилию, с высокой долей вероятности будет воспроизводить его модели в текущей или последующих семьях.

Еще одним системным пробелом является дефицит услуг по оперативной и доступной помощи жертвам. Неразвитость сети кризисных центров, приютов, служб психологической и юридической поддержки оставляет пострадавших один на один с их проблемой, вынуждая мириться с ситуацией из-за отсутствия альтернатив.

Современная охранно-защитная концепция профилактики предполагает переход от административно-карательных мер к комплексной медико-психологической, психолого-педагогической и социально-правовой поддержке семей группы риска. Международный опыт реализации превентивных программ позволяет выделить ряд универсальных принципов, которые могут быть положены в основу российской модели:

- профессионализация деятельности: Подготовка специалистов (социальных работников,

психологов, реабилитологов, юристов), обладающих специальными знаниями в области психологии насилия, семейной кризисологии и технологий социальной работы. Это предполагает как введение соответствующих образовательных стандартов, так и систему повышения квалификации действующих сотрудников;

- создание сети специальных служб: формирование разветвленной инфраструктуры помощи, включающей круглосуточные телефоны доверия, кризисные центры и приюты для жертв, консультационные пункты, а также программы коррекции для лиц, совершивших насилие;
- принцип межведомственного взаимодействия: налаживание эффективного информационного обмена и координации действий между органами правопорядка, социальными службами, образовательными и медицинскими учреждениями. Создание единых баз данных о семьях группы риска (с соблюдением требований защиты персональных данных) и алгоритмов межведомственного реагирования;
- признание ведущей роли семьи в социализации: оказание приоритетной помощи семье как единому целому, где это не противоречит интересам безопасности ее членов. Акцент на сохранение и укрепление семейного потенциала, а не на изъятие детей, кроме случаев прямой угрозы их жизни и здоровью [4];
- принцип раннего вмешательства: смещение фокуса профилактической работы на самые ранние стадии возникновения проблем в семье. Это требует развития системы выявления неблагополучия, в первую очередь, через институты системы образования и здравоохранения.

В соответствии с этими принципами требуется глубокая реорганизация деятельности отечественных социальных институтов. Она должна предполагать, с одной стороны, сужение сферы вмешательства органов ранней профилактики в частную жизнь благополучных семей, а с другой — интенсификацию и повышение адресности работы с семьями, находящимися в социально опасном положении. Необходимо внедрение в систему образования и здравоохранения универсальных скрининговых программ, позволяющих выявлять признаки насилия, а также создание разветвленной сети служб помощи семье и детям.

На законодательном уровне первоочередной задачей является принятие комплексного федерального закона о профилактике семейно-бытового насилия. Данный закон должен:

- дать четкое определение семейно-бытового насилия и его форм;
- ввести систему охранных ордеров, позволяющих пострадавшему на период рассмотрения дела обезопасить себя от приближения агрессора;
- закрепить обязанность лиц, совершивших насилие, пройти программы коррекции поведения;
- установить правовые основы деятельности кризисных центров и иных служб помощи.

На организационном уровне необходимо:

- развитие системы информирования и общественного сознания: проведение масштабных информационных кампаний, направленных на изменение общественных установок, толерирующих насилие в семье. Пропаганда ценностей ненасильственного воспитания и гендерного равенства. Обеспечение доступности информации о том, куда можно обратиться за помощью;
- подготовка специалистов: внедрение в учебные программы вузов, готовящих социальных работников, педагогов, психологов и сотрудников правоохранительных органов, специальных курсов по проблематике семейно-бытового насилия;
- внедрение технологий оценки риска: разработка и внедрение в практику правоохранительных органов и социальных служб стандартизированных методик оценки степени опасности и риска рецидива насилия в каждой конкретной семье. Это позволит дифференцировать меры воздействия и сосредоточить ресурсы на наиболее криминогенных случаях;
- поддержка институтов гражданского общества: государственное содействие некоммерческим организациям, оказывающим помощь жертвам насилия, в форме грантов, социального заказа и предоставления помещений.

Проблема семейно-бытового насилия представляет собой сложный, многогранный социальный феномен, коренящийся в глубоких пластах общественной психологии, экономических отношениях и культурных стереотипах. Ее решение не может быть достигнуто исключительно силами правоохранительной системы или путем ужесточения уголовного наказания.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости формирования в России целостной государственной политики, основанной на комплексном, междисциплинарном подходе. Такой подход должен интегрировать в себе как меры уголовно-правового характера в отношении неисправимых агрессоров, так и широкий спектр восстановительных, профилактических и реабилитационных практик.

Ключевыми элементами будущей системы должны стать: прочная законодательная база, обеспечивающая защиту жертв и возлагающая на агрессоров ответственность за изменение своего поведения; раз-

ветвленная сеть специализированных служб помощи; эффективное межведомственное взаимодействие; и, наконец, последовательная работа по изменению общественного сознания, направленная на неприятие любых форм насилия в семье.

Только такой системный, последовательный и ресурсно обеспеченный подход позволит переломить тревожную статистику, снизить уровень виктимизации наиболее уязвимых членов общества — женщин и детей — и реализовать конституционные гарантии защиты семьи, материнства и детства.

Список источников

1. Ивасюк О. Н. Актуальные вопросы защиты прав потерпевших от семейно-бытовых преступлений / В сб.: Актуальные проблемы защиты прав человека в России и за рубежом. 2017. С. 201–207.
2. Ивасюк О. Н. Особенности причинного комплекса современных бытовых преступлений и проблемы их предупреждения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 97–102.
3. Ивасюк О. Н. Проблемы профилактики семейно-бытовых преступлений // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. С. 352–355.
4. Ивасюк О. Н. Современные проблемы предупреждения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 2. С. 230–235.

References

1. Ivasyuk O. N. Topical issues of protecting the rights of victims of domestic crimes / In the collection: Current problems of human rights protection in Russia and abroad. 2017. P. 201–207.
2. Ivasyuk O. N. Features of the causal complex of modern domestic crimes and problems of their prevention // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4 (88). P. 97–102.
3. Ivasyuk O. N. Problems of prevention of domestic crimes // Russian criminological view. 2015. № 1. P. 352–355.
4. Ivasyuk O. N. Modern problems of crime prevention in the sphere of family and household relations // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2020. Vol. 6. № 2. P. 230–235.

Библиографический список

Ивасюк О. Н. Криминологические особенности семейно-бытовых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7.

Ивасюк О. Н. Роль органов внутренних дел в предупреждении бытовой преступности и минимизации ее социальных последствий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 121–124.

Bibliographic list

1. Ivasyuk O. N. Criminological features of family and domestic crimes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 7.
2. Ivasyuk O. N. The role of law enforcement agencies in preventing domestic crime and minimizing its social consequences // Bulletin of Economic Security. 2016. № 2. P. 121–124.

Информация об авторе

О. Н. Ивасюк — доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. N. Ivasyuk — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 349.22
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-82-88
EDN: https://elibrary.ru/hotumj
NIION: 2003-0059-6/25-413
MOSURED: 77/27-003-2025-06-612

Узаконенный эйджизм при приеме на работу

Олеся Алексеевна Ищенко[1], Екатерина Алексеевна Мельникова[2]
[1] Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия, ishenkolesya@mail.ru
[2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kandidat23@mail.ru

Аннотация. Анализируя положения ст. 59 Трудового кодекса РФ, соотнося их с международными нормами и приводя примеры из судебной практики, делается вывод о наличии в данной норме признаков дискриминации лиц пенсионного возраста при приеме на работу в части возможности заключения с ними трудовых договоров ограниченного срока действия без достаточных на то оснований, продиктованных характером работы или иными обстоятельствами. В связи с чем предлагается скорректировать абз. 3 ч. 2 ст. 59 ТК РФ.

Ключевые слова: дискриминация по возрастному признаку, работники, достигшие пенсионного возраста, равенство прав трудящихся, срочный трудовой договор

Для цитирования: Ищенко О. А., Мельникова Е. А. Узаконенный эйджизм при приеме на работу // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 82–88. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-82-88. EDN: HOTUMJ.

Original article

Institutionalized ageism when applying for a job

Olesya A. Ishchenko[1], Ekaterina A. Melnikova[2]
[1] Far East legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russia, ishenkolesya@mail.ru
[2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kandidat23@mail.ru

Abstract. Analyzing the provisions of Art. 59 of the Labor Code of the Russian Federation, correlating them with international norms and giving examples from judicial practice, it is concluded that this norm contains signs of discrimination against persons of retirement age when applying for a job in terms of the possibility of concluding employment contracts with them for a limited period of validity without sufficient grounds dictated by the nature of work or other circumstances. In this regard, it is proposed to amend paragraph 3 of part 2 of Art. 59 of the Labor Code of the Russian Federation.

Keywords: age discrimination, employees who have reached retirement age, equality of workers' rights, fixed-term employment contract

For citation: Ishchenko O. A., Melnikova E. A. Institutionalized ageism when applying for a job. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):82–88. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-82-88. EDN: HOTUMJ.

Проблемам дискриминации в различных сферах посвящено немало научных исследований. Умаление трудовых прав отдельных категорий граждан также является предметом пристального внимания ученых-исследователей, правозащитников и международных организаций. Однако, складывающая в нашей стране судебная практика указывает на то, что работники пенсионного возраста зачастую лишаются работы без выражения собственной воли на вполне законных основаниях и не могут оспорить решение работодателя, так как оно основано на положениях Трудового Кодекса.

Эйджизм (англ. ageism) — это дискриминация отдельных людей или групп людей по возрастному признаку [20]. Исходя из определения, данного в ст. 5.62 КоАП РФ под дискриминацией понимается любое нарушение прав и свобод гражданина, связанное с его происхождением, полом, расой, национальностью, языком, возрастом, местом жительства, имущественным положением, убеждениями и иными проявлениями человека в обществе.

© Ищенко О. А., Мельникова Е. А., 2025

В Глобальном докладе о проблеме эйджизма [22] Всемирная Организация Здравоохранения, Управление Верховного комиссара по правам человека, Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам и Фонд ООН в области народонаселения призывают государства принять безотлагательные меры по борьбе с данным явлением, защитив лиц пенсионного и предпенсионного возраста от дискриминации. Как было отмечено, среди пожилых людей с эйджизмом связаны ухудшение физического и психического здоровья, социальная изоляция и одиночество, финансовая незащищенность, снижение качества жизни и преждевременная смерть. Наряду с иными сферами жизни (социальной, здравоохранения, образования и пр.) были названы и часто встречающиеся случаи дискриминации в трудовых правоотношениях. Помимо обозначенных, в Глобальном докладе приводятся следующие негативные данные. Так, по результатам проведенного в 2020 г. в Соединенных Штатах Америки исследования, расходы на лечения заболеваний, возникших из-за негативных возрастных стереотипов и самовосприятия, увеличились на 63 млрд долл. США. А исследователи из Австралии установили, что увеличение доли работающих людей в возрасте 55 лет и старше всего на 5 % принесло бы национальной экономике ежегодную пользу в размере 48 млрд австралийских долларов. В свою очередь, российские исследователи отмечают, что с эйджизмом при трудоустройстве сталкиваются работники от 40 лет, а лица старше 55-ти в 90 % случаев получают отказы работодателей [21].

Право на труд является одним из фундаментальных прав личности, и его защита обеспечивается любым социальным государством. Как в межгосударственных (ст. 6–9 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [2]), так и в национальных (ст. 2–4 Трудового кодекса РФ [6]) правовых актах провозглашаются: свобода труда, запрет дискриминации в трудовых правоотношениях, равный доступ к труду.

Вместе с тем, гарантированное ст. 19 и 37 Конституции РФ [1], ст. 3 Трудового кодекса осуществление гражданами своих трудовых прав без какой-либо дискриминации не согласуется, на наш взгляд, с положением ч. 2 ст. 59 ТК РФ, предоставляющей работодателю право заключать срочные трудовые договоры с лицами, достигшими пенсионного возраста. При этом законодатель не увязывает такую возможность ни с характером выполняемой работы, ни с какими-либо иными объективными обстоятельствами, позволяя основывать решение исключительно на возрасте работника.

Несмотря на то, что возраст прямо не указан в числе дискриминационных признаков ст. 19 Конституции РФ, которая, впрочем, имеет открытый перечень обстоятельств, указание на запрет ограничения в трудовых правах, в том числе в зависимости от возраста, содержится в ст. 3 ТК РФ, а также в Рекомендации МОТ № 162 «О пожилых трудящихся» [5], которая исходит из недопустимости дискриминации этих лиц в области труда и занятий (ст. 3) и необходимости обеспечить пожилым трудящимся равенство возможностей и обращения наравне с другими относительно доступа к работе по их выбору (ст. 5). Примечательно, что по данному вопросу уже сформирована устойчивая правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении от 19 ноября 1992 г. № 9-П, вынесенном по делу о проверке конституционности положения ч. 2 ст. 33 Кодекса законов о труде РСФСР (в редакции Закона РСФСР от 25 сентября 1992 г.), Суд, рассматривая жалобы Б. А. Альтговзена и М. Ф. Стадниковой, пришел к выводу о несоответствии Конституции РСФСР практики увольнения работников в связи с достижением пенсионного возраста. Обосновывая свою позицию, Конституционный Суд указал, что запрет дискриминации, вытекающий из совокупного толкования ряда конституционных норм (в частности, ст. 19, 37 и 64), носит универсальный характер: перечень запрещенных дискриминационных оснований, прямо названных в Конституции, не является исчерпывающим и подлежит расширительному толкованию, что позволяет включать в него и иные, не названные прямо признаки — в том числе возраст, когда его использование в качестве критерия увольнения ведет к необоснованному ограничению трудовых прав граждан [10]. Данная позиция указывает на отсутствие необходимости расширять ст. 19 Конституции РФ дополнительными основаниями, в том числе указанием на возраст как основу для дискриминации, воспринимая ее расширительное толкование, относительно ограничений прав личности по любым признакам.

Нельзя не отметить, что в нашем государстве проводится политика защиты прав лиц пенсионного и предпенсионного возраста, работодателей привлекают к ответственности за дискриминацию прав работников. Однако, хотелось бы отметить тот факт, что законодатель, предпринимая меры по борьбе с возрастной дискриминацией в трудовой сфере, в частности, ужесточая ответственность работодателя введением в Уголовный кодекс ст. 144.1. «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста» [7], тем не менее не считает возможность заключения срочных трудовых договоров с лицами пенсионного возраста, по непонятным нам причинам, разновидностью ущемления трудовых прав данной категории работников.

Анализируемое положение абз. 3 ч. 2 ст. 59 ТК РФ вызывает значительные дискуссии в научном сообществе. В разное время ставили под сомнение справедливость рассматриваемой нормы такие ученые как А. М. Куренной [17, с. 63], И. К. Дмитриева [15, с. 22], Е. А. Ершова [16, с. 81], А. С. Лада [18] и др. Так, А. С. Лада в своем научном исследовании приходит к выводу, что «возможность заключения срочного трудового договора с пенсионером на практике превратилось в обязательность такого заключения, что не соответствует ч. 2 ст. 58 ТК РФ» [18, с. 195].

А. С. Сагандыков, анализируя данную проблему [19, с. 25], отмечает, что позиция законодателя и Конституционного Суда РФ свидетельствует о формировании устойчивой тенденции, согласно которой возраст рассматривается как относительно допустимый критерий дифференциации в трудовом праве. В отличие от таких несомненных признаков дискриминации, как пол, раса, национальность или семейное положение — использование которых категорически недопустимо в качестве основания для ухудшения положения работника, — возраст, согласно отдельным нормам законодательства и сложившейся правоприменительной практике, может легитимно влиять на объем предоставляемых государством трудовых гарантий, в том числе в сторону их ограничения. Данная особенность наиболее остро проявляется в отношении лиц предпенсионного и пенсионного возраста и создает препятствия для полноценной реализации конституционного принципа свободы труда.

Соглашаясь с выводами указанных авторов, в свою очередь, считаем возможность заключения трудовых договоров ограниченного срока действия с пенсионерами по возрасту не справедливым по следующим основаниям.

Учитывая то, что трудовой договор, заключаемый на определенный срок, не способствует стабильности трудовых отношений и не вызывает у работника уверенности в завтрашнем дне, законодатель, закрепляя условия оформления срочных трудовых договоров, исходил, в первую очередь, из необходимости и невозможности более длительных правоотношений с работником в зависимости от особых обстоятельств. При этом, рассматривая такие условия как временный характер деятельности организации, либо срок полномочий, предусмотренный законами, чрезвычайные обстоятельства или сезонность определенной работы, можно проследить логику краткосрочности подобных правоотношений работодателя и работника. Однако мотивы законодателя, включившего в перечень лиц, с которыми может быть заключен срочный трудовой договор по соглашению сторон, работников, достигших пенсионного возраста, остаются неясными.

Исходя из положений ст. 58 ТК РФ о запрете заключения срочных трудовых договоров в целях уклонения от предоставления прав и гарантий, предусмотренных для работников, с которыми заключается бессрочный трудовой договор, можно сделать вывод, что одним из ключевых отличий между трудовым договором на неопределенный срок и срочным является объем гарантий, предоставляемых работнику. Следует полагать, что заключение таких договоров представляет интерес для работодателя, поскольку их прекращение по истечении срока не обусловлено какими-либо дополнительными требованиями и не требует проведения проверок или расследований. В то же время расторжение трудового договора, заключенного на неопределенный срок, по инициативе работодателя возможно лишь при наличии оснований, предусмотренных ст. 81 ТК РФ (а не ст. 79, которая регулирует прекращение договора в связи с истечением срока его действия), и должно быть подтверждено соответствующими доказательствами, полученными в ходе внутренней проверки или иной процедуры. Кроме того, подобное увольнение не сопровождается компенсационными выплатами, что также выгодно работодателю, но не работнику.

Анализируя судебную практику, можно прийти к выводу, что работодатели достаточно часто заключают срочные трудовые договоры, не всегда четко обосновывая причины, что приводит к трудовым спорам и признанию в судебном порядке увольнений не соответствующими закону, с указанием на необходимость заключения с работником трудового договора на неопределенный срок. Как, например, в случае с отклоненным в трех судебных инстанциях и возвращенным судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации [12] на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции требованием работника к ООО «Свод Интернешнл». В указанном деле заключение срочного трудового договора работодатель обосновал необходимостью осуществления работы в связи с заключением гражданско-правового договора ООО «Свод Интернешнл» с ПАО «Газпром». Не соглашаясь с выводами судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, Верховный Суд со ссылкой на международные нормы, а именно на п. 3 ст. 2 Конвенции МОТ от 22 июня 1982 г. № 158 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» [3], пп. 2 «а» п. 3 Рекомендации МОТ № 166 [4] и Правовую Позицию Конституционного Суда, изложенную в Постановлении № 25-П от 19 мая 2020 г. [8], указал на необходимость правильного применения судами норм материального права, учитывая ограничение для заключения срочного трудового договора установленными законом случаями и недопущение произвольного определения сроков их действия работодателем.

В упомянутой выше Конвенции МОТ № 158 содержатся рекомендации о создании системы гарантий работникам в случаях уклонения работодателя от предоставления всех предусмотренных законодательством льгот и компенсаций при заключении договоров о найме на определенный срок, а в принятой в ее развитие Рекомендации МОТ № 166 в качестве одной из основных мер предотвращения уклонения работодателей от предоставления гарантий работникам названа необходимость ограничения использования срочных трудовых договоров случаями, когда характер работы или условия ее выполнения явно указывают на то, что данное соглашение не может быть заключено на неопределенный срок.

Что касается заключения срочных трудовых договоров с лицами, достигшими пенсионного возраста, то обжаловать подобное оформление практически невозможно, так как суды апеллируют к их добровольности, не учитывая тот факт, что у работника зачастую просто нет выбора, а закон позволяет по соглашению сторон заключать с данной категорией работников договоры

ограниченного срока действия. Так, было отказано в двух инстанциях в требовании К. Н. к МУП «Сокур» о признании увольнения по ст. 79 ТК РФ не законным и заключении договора на неопределенный срок [14] со ссылкой на добровольный характер отношений и недоказанность воздействия работодателя на работника при заключении срочного трудового договора.

Нормы трудового законодательства не раз проверялись на соответствие Основному Закону. Так, в 2007 г. Конституционный Суд РФ выработал правовую позицию, отказав в принятии к рассмотрению запроса Амурского городского суда Хабаровского края о проверке конституционности ч. 2 ст. 59 ТК РФ, касающегося заключения срочных трудовых договоров с лицами пенсионного возраста. В Определении № 378-О-П [11] Суд указал на отсутствие нарушений прав граждан со ссылкой на характер добровольности подобных договоров, заключаемых лишь по соглашению сторон и дополнительный характер источника заработка для лиц, получающих пенсионное обеспечение. Данная правовая позиция, по сути, лишила пенсионеров права на обжалование действий работодателя в части предложения данной категории работников к заключению договоров срочного характера за исключением оспаривания добровольности подобных соглашений. Не согласившись с данной точкой зрения, Судья О. С. Хохрякова сформировала Особе мнение [12], в котором отметила, что положение абз. 3 ч. 2 ст. 59 Трудового кодекса РФ, допускающее заключение срочных трудовых договоров с пенсионерами по возрасту, нарушает их права, обеспечивая трудовую стабильность лишь на заранее определенный срок. А тот факт, что возможность продления договора полностью зависит от усмотрения работодателя, ставит работника в уязвимую позицию. Добровольность же подобного соглашения также ставится под сомнение. В своем особом мнении Ольга Сергеевна указывает на то, что степень свободы выбора у лиц, устраивающихся на работу, может быть ограничена такими факторами как безработица, конкуренция на рынке труда, отсутствие достаточных средств к существованию, что вынуждает гражданина соглашаться на заведомо невыгодные условия.

Соглашаясь с точкой зрения судьи КС РФ О. С. Хохряковой, полагаем, что данная норма способствует дискриминации лиц, достигших пенсионного возраста, так как при отсутствии объективных оснований для заключения срочного договора с данной категорией работников, рассматриваемое положение закона ставит их в заведомо невыгодное положение по сравнению с другими гражданами, ограничивает равные возможности реализации трудового потенциала и, следовательно, требует оценки. Кроме того, хотелось бы отметить тот факт, что минимальный срок действия такого договора законодателем не указан и остается на усмотрение работодателя, что также противоречит международным нормам, Конституции РФ и ранее рассмотренным позициям Конституционного Суда РФ [8; 9; 10].

Помимо изложенного, считаем, что позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в Определении № 378-О-П от 15 мая 2007 г., не согласуется с ранее высказанными. Так, при рассмотрении дела о проверке конституционности положений п. 3 ст. 20 Федерального закона от 22 августа 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [9], Конституционный Суд признал указанные положения не советующими Основному Закону в части установления возрастных ограничений для лиц, замещающих должности заведующих кафедрами в государственных и муниципальных высших учебных заведениях, признав указанную норму, по сути, дискриминацией по возрастному принципу. Помимо этого, в упомянутой выше правовой позиции Конституционного Суда, изложенной в Постановлении от 19 мая 2020 г. № 25-П, указано, что законодательное ограничение случаев применения срочных трудовых договоров фактически направлено на предоставление работнику как экономически более слабой стороне в трудовом правоотношении защиты от произвольного определения работодателем срока действия трудового договора, и данное правило согласуется с вытекающим из Конституции Российской Федерации (ст. 17, ч. 3) требованием соблюдения баланса конституционных прав и свобод работника и работодателя.

Т. е., в изложенных выше правовых позициях Суд указывает на необходимость ограничения применения срочных трудовых договоров и защиты работника от дискриминации по возрастному признаку, тогда как при анализе абз. 3 ч. 2 ст. 59 ТК РФ по запросу Амурского городского суда приходит к выводу об отсутствии нарушений прав работников пенсионного возраста.

Подводя итог исследованию, считаем необходимым отметить, что основные гарантии защищенности работника предоставляются ему с момента заключения трудового договора. По общему правилу трудовые договоры являются бессрочными, и заключать их на определенный срок работодатель может только в установленных законом случаях. Аналогичная позиция закреплена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [13]. Согласно разъяснению Пленума, срочный трудовой договор допустим, если объективные обстоятельства — характер предстоящей работы или условия ее выполнения — не позволяют установить трудовые отношения на неопределенный срок, а само заключение срочного договора подтверждено соглашением сторон. Более того, даже при отсутствии связи с характером работы срочный договор признается законным, если он заключен по взаимному согласию сторон и соответствует основаниям, перечисленным в ч. 2 ст. 59 ТК РФ. Вместе с тем, в случае установления судом факта вынужденного заключения срочного договора (например, под давлением со стороны работодателя), такие отношения подлежат правовой квалификации как трудовые отношения, возникшие на неопределенный срок, с применением соответствую-

щих норм Трудового кодекса, что, как уже отмечалось выше, указывает на необходимость ограничения возможности заключения срочных трудовых договоров в связи с их менее стабильным характером по сравнению с трудовым договором на неопределенный срок.

Приведенные в настоящем исследовании примеры из судебной практики указывают на то, что доказывание вынужденного характера заключения срочного трудового договора (в частности, под давлением работодателя или в условиях формального согласия работника) представляет собой значительную процессуальную сложность. Нередко по истечении срока действия договора работники обращаются в суд с иском о признании условий о срочности недействительными, ссылаясь на отсутствие объективных оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 59 ТК РФ, и выражая намерение сохранить трудовые отношения на условиях бессрочного договора. Однако при разрешении таких споров судебная практика, как правило, исходит из презумпции добросовестности волеизъявления сторон при заключении договора и признает правомерность срочного характера трудового договора, если работником не были представлены достаточные доказательства, указывающие на принудительный характер соглашения.

Совокупность приведенных выше фактов позволяет сделать вывод о наличии в Российской Федерации устойчивой проблемы возрастной дискриминации (эйджизма) в сфере трудовых отношений. По нашему мнению, ее преодоление требует, прежде всего, правовых мер, направленных на устранение нормативных предпосылок для дискриминационной практики. В частности, необходимо признать недопустимым установление срочного характера трудового договора исключительно на основании возраста работника, поскольку такой подход формализует и легитимизирует неравное обращение с работниками.

В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в ст. 59 Трудового кодекса Российской Федерации, исключив из ч. 2 абзац 3, допускающий заключение срочных трудовых договоров с лицами, достигшими пенсионного возраста. Указанная норма противоречит положениям ст. 19 Конституции РФ, гарантирующей равенство прав и свобод граждан, ст. 3 ТК РФ, закрепляющей принцип недопустимости дискриминации в сфере труда, а также международным Конвенциям и Рекомендациям, призывающим социальные государства принимать все возможные меры для защиты работников и недопущения умаления прав отдельных категорий трудящихся.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 27. Ст. 4453.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Конвенция № 158 Международной организации труда «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» (Женева, 22 июня 1982 г.) // Бюллетень международных договоров. 1992. № 10. С. 3–10.
4. Рекомендация № 166 Международной организации труда «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» (принята на 68-й сессии Генеральной конференции МОТ) (Женева, 22 июня 1982 г.) // Бюллетень международных договоров. 1992. № 10. С. 11–16.
5. Рекомендация № 162 Международной организации труда «О пожилых трудящихся» (принята в г. Женеве 23 июля 1980 г. на 66-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // URL: https://zaki.ru/pagesnew.php?id=1286
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29 сентября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
7. Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 352-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 2020 г. № 25-П «О проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. А. Сысоева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 23. Ст. 3602.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 1999 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В. П. Малкова и Ю. А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1992 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1993. № 1.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 378-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Амурского городского суда Хабаровского края о проверке конституционности положения статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 22. Ст. 2653.

12. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ О. С. Хохряковой к Определению Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 № 378-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Амурского городского суда Хабаровского края о проверке конституционности положения статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69672/f604e47f79fdbe7da53e0fb4fedcdccd715cfee1/
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 20 апр. 2004. № 80.
14. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 27 октября 2016 г. по делу № 33-10559/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Дмитриева И. К. Гарантии трудовых прав граждан в сфере труда и социального обеспечения : практика применения трудового законодательства и законодательства о социальном обеспечении : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2006.
16. Ершова Е. А. Заключение срочного трудового договора // Трудовое право. 2007. № 2.
17. Куренной А. М. Правовое регулирование заключения трудового договора и перевода на другую работу // Законодательство. 2002. № 11.
18. Лада А. С. К проблеме заключения срочного трудового договора с отдельными категориями работников // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 194–196.
19. Сагандыков С. М. Запрещение возрастной дискриминации в контексте реализации конституционного принципа свободы труда // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 9 (19) С. 18–27.
20. Словарь гендерных терминов // URL: http://a-z-gender.net/ejdzhizm.html
21. Сотрудники сталкиваются с дискриминацией по возрасту уже с 40 лет // URL: https://rg.ru/2024/01/23/sroki-godnosti.html
22. Эйджизм — глобальная проблема // URL: https://www.who.int/ru/news/item/18-03-2021-ageism-is-a-global-challenge-un

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 27. Art. 4453.
2. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) of the UN General Assembly) // LRS «ConsultantPlus».
3. Convention № 158 of the International Labour Organization «On Termination of Employment relations on the initiative of an Entrepreneur» (Geneva, June 22, 1982) // Bulletin of International Treaties. 1992. № 10. P. 3–10.
4. Recommendation № 166 of the International Labour Organization «On termination of employment relations at the initiative of an entrepreneur» (adopted at the 68th session of the ILO General Conference) (Geneva, June 22, 1982) // Bulletin of International Treaties. 1992. № 10. P. 11–16.
5. Recommendation № 162 of the International Labour Organization «On Older workers» (adopted in Geneva on July 23, 1980 of the 66th session of the ILO General Conference) // URL: https://zaki.ru/pagesnew.php?id=1286
6. Labor Code of the Russian Federation № 197-FZ dated December 30, 2001 (as amended on September 29, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (P. 1). Art. 3.
7. Federal Law № 352-FZ of October 3, 2018 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 19, 2020 № 25-P «On checking the constitutionality of paragraph eight of the first part of Article 59 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I. A. Sysoev» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 23. Art. 3602.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 27, 1999 № 19-П «On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 3 of Article 20 of the Federal Law on Higher and Postgraduate Professional Education in connection with the complaints of citizens V. P. Malkov and Yu. A. Antropov, as well as the request of the Vakhitovsky District Court of Kazan» // LRS «ConsultantPlus».
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 4, 1992 № 2-P «On the case of checking the constitutionality of the law enforcement practice of termination of an employment contract on the grounds provided for in paragraph 1.1 of Article 33 of the Labor Code of the RSFSR» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1993. № 1.
11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 15, 2007 № 378-O-П «On refusal to accept for consideration the request of the Amur City Court of the Khabarovsk Territory to verify the constitutionality of the provision of Article 59 of the Labor Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 22. Art. 2653.
12. Dissenting opinion of Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation

O. S. Khokhryakova on the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 15, 2007 № 378-O-P «On the refusal to accept for consideration the request of the Amur City Court of the Khabarovsk Territory to verify the constitutionality of the provision of Article 59 of the Labor Code of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69672/f604e47f79fdbe7da53e0fb4fedcdccd715cfee1/
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2004 № 2 «On the application of the Labor Code of the Russian Federation by the Courts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. April 20, 2004. № 80.
14. Appeal ruling of the Novosibirsk Regional Court dated October 27, 2016 in case № 33-10559/2016 // LRS «ConsultantPlus».
15. Dmitrieva I. K. Guarantees of labor rights of citizens in the sphere of labor and social security : the practice of applying labor legislation and legislation on social security : materials of the International scientific and practical conference. M., 2006.
16. Yershova E. A. Conclusion of a fixed-term employment contract // Labor law. 2007. № 2.
17. Kurennoy A. M. Legal regulation of the conclusion of an employment contract and transfer to another job // Legislation. 2002. № 11.
18. Lada A. S. On the problem of concluding a fixed-term employment contract with certain categories of employees // Law and the state: theory and practice. 2022. № 2 (206). P. 194–196.
19. Sagandykov S. M. Prohibition of age discrimination in the context of the implementation of the constitutional principle of freedom of labor // Actual problems of Russian law. 2024. № 9 (19) P. 18–27.
20. Dictionary of gender terms // URL: http://a-z-gender.net/ejdzhizm.html
21. Employees have been facing age discrimination since they were 40 years old // URL: https://rg.ru/2024/01/23/sroki-godnosti.html
22. Ageism is a global problem // URL: https://www.who.int/ru/news/item/18-03-2021-ageism-is-a-global-challenge-un

Библиографический список

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 марта 2024 г. № 18-КГ23-222-К4 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2353870

Bibliographic list

1. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 18, 2024 № 18-KG23-222-K4 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2353870

Информация об авторах

О. А. Ищенко — профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Е. А. Мельникова — старший научный сотрудник отдела изучения положительного опыта в служебной деятельности ОВД и обеспечения научного сотрудничества Управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. A. Ishchenko — Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. A. Melnikova — Senior Researcher of the Department for the Study of Positive Experience in the Work of the Department of Internal Affairs and Ensuring Scientific Cooperation of the Office for the Organization of Scientific, Editorial and Publishing Activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 08.12.2025.

The article was submitted 24.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 342
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-89-96
EDN: https://elibrary.ru/hvswcu
NIION: 2003-0059-6/25-414
MOSURED: 77/27-003-2025-06-613

Особенности реализации прокурорских полномочий при осуществлении надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности в условиях цифровизации

Сергей Яковлевич Казанцев[1], Ильяс Дамирович Гайнов[2]
[1] Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, menedgment-kfu@mail.ru
[2] Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Казань, Россия, gainov@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности реализации прокурорских полномочий при осуществлении надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности в условиях цифровизации. На основе анализа статистических данных, практики прокурорской деятельности, результатов анкетирования прокурорских работников предложены пути совершенствования механизмов противодействия экстремистской деятельности в сети Интернет.

Ключевые слова: экстремистская деятельность в сети Интернет, противодействие экстремизму в условиях цифровизации, прокурорский надзор, искусственный интеллект

Для цитирования: Казанцев С. Я., Гайнов И. Д. Особенности реализации прокурорских полномочий при осуществлении надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности в условиях цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 89–96. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-89-96. EDN: HVSWCU.

Original article

Specifics of the exercise of prosecutorial powers in overseeing the implementation of laws on countering extremist activities in the context of digitalization

Sergey Ya. Kazantsev[1], Ilyas D. Gainov[2]
[1] Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia, menedgment-kfu@mail.ru
[2] Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Kazan, Russia, gainov@yandex.ru

Abstract. Considered the specifics of the implementation of prosecutorial powers in the supervision of the implementation of laws on countering extremist activities in the context of digitalization. Based on the analysis of statistical data, the practice of prosecutorial activity, and the results of a survey of prosecutors, ways to improve mechanisms for countering extremist activities on the Internet are proposed.

Keywords: extremist activity on the Internet, countering extremism in the context of digitalization, prosecutor's supervision, artificial intelligence

For citation: Kazantsev S. Ya., Gainov I. D. Specifics of the exercise of prosecutorial powers in overseeing the implementation of laws on countering extremist activities in the context of digitalization. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):89–96. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-89-96. EDN: HVSWCU.

© Казанцев С. Я., Гайнов И. Д., 2025

Экстремистская деятельность направлена на разрушение фундаментальных основ современного государства. Особую актуальность вопросы повышения эффективности противодействия экстремизму приобрели в условиях современных вызовов и угроз, что потребовало кардинального изменения подходов к формированию законодательства в рассматриваемой сфере и механизмов его реализации [1, с. 39].

Проявления экстремизма трансформируются сообразно происходящим в обществе изменениям, в том числе связанным с ускорением информационного обмена, вызванного процессами цифровизации, широкого использования сети Интернет. В последние годы масштабы указанных процессов приняли угрожающий характер, выразившийся в возросшем негативном влиянии экстремизма на общественно-политическую ситуацию в стране. Указанное обстоятельство подтверждается результатами соответствующих научных исследований [4, с. 164] и данными официальной статистики [10].

От чего же зависит эффективность противодействия экстремизму в современных условиях? По мнению А. М. Ишина, основными проблемами, оказывающими наиболее значимое влияние на эффективность борьбы с проявлениями экстремизма в сети Интернет, являются: несовершенство законодательства; сложность установления собственника информации; доступность информации для неопределенного круга лиц; анонимность пользователей; большой объем информации [6, с. 127]. При этом отмечается высокий уровень латентности экстремизма в сети Интернет. Среди ее причин Р. Р. Кучинаев отмечает несовершенство методик выявления и дефицит специалистов, обладающих необходимыми компетенциями [7, с. 260].

Проведенное нами исследование показало, что интернет-пространство активно применяется в целях координации экстремисткой деятельности; поиска новых членов экстремистских сообществ; совершенствования методов противоправной деятельности; распространения противоправной информации.

Федеральное законодательство устанавливает критерии, при которых распространение информации, в том числе в сети Интернет, может считаться законным [11]. При этом установлен запрет распространения информации, направленной на разжигание расовой, религиозной, национальной ненависти и вражды, а также иной информации, распространение которой запрещено административным или уголовным законом.

Наиболее распространенным источником общественно значимой информации являются средства массовой информации. Их деятельность, в этой части, также строится с учетом вышеуказанных законодательных установлений и дополнительно регламентирована профильными законами [12, ст. 11; 13, ст. 4].

При отсутствии должного противодействия распространению экстремистской информации создаются условия для расширения аудитории, подверженной влиянию экстремистской идеологии, что способно привести к росту числа правонарушений и преступлений экстремистского характера.

Благодаря широкому распространению информационных технологий, экстремистские и террористические группы получили больше возможностей при продвижении радикальных идеологий в обществе. В ряде ситуаций, они даже создают ощутимую конкуренцию официальным источникам информации, контролируемым государством.

Информационное противодействие экстремизму и терроризму должно быть основано на комплексном подходе, включающем информационные, идеологические, юридические, организационные и другие меры. Его цель — предотвращение и нейтрализация вредного психологического влияния экстремистских и террористических групп на отдельных людей и общество в целом. Другими словами, информационное противодействие создает барьер для распространения запрещенной и вредоносной идеологии и предотвращает ее проникновение в сознание людей, а также пресекает попытки использовать все возможные средства коммуникации для вербовки, пропаганды и координации преступной деятельности.

Среди органов, деятельность которых направлена на противодействие экстремистской и террористической деятельности, прокуратура занимает уникальную позицию. Например, только прокурор обладает исключительным правом обратиться в суд для решения вопроса о признании определенных материалов экстремистскими и наложения запрета на их дальнейшее распространение.

Об актуальности обеспечения органами прокуратуры информационной безопасности, вызванной ростом числа интернет-ресурсов, содержащих запрещенную информацию, неоднократно сообщалось в официальных источниках, в том числе на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации [14].

Учитывая высокую значимость противодействия экстремистской деятельности, Генеральным прокурором Российской Федерации изданы организационно-распорядительные акты по вопросам организации надзора за исполнением законов в данной сфере [15, п. 2.3; 16, п. 2.6]. Они определяют задачи, порядок организации и основные направления надзорной деятельности органов прокуратуры.

При реализации прокурорских полномочий важно правильно определить предмет надзора. При этом, необходимо учитывать, что прокурорский надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности является частью прокурорского надзора за исполнением законов. В этой связи, на первый взгляд, следует исходить из содержания ст. 21

Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [17] (далее — Федеральный закон о прокуратуре), согласно которой в него можно включить соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов поднадзорными органами и их должностными лицами. Однако, профильный приказ Генерального прокурора Российской Федерации [15] ориентирует на обеспечение комплексного подхода, что фактически влечет за собой расширение предмета надзора и включение в него также вопросов законности правовых актов, издаваемых объектами надзорной деятельности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Более того, по мнению ряда ведущих ученых, предмет прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, за исключением общенадзорных направлений, должен включать исполнение законов органами, осуществляющими предварительное расследование, оперативно-розыскную деятельность, соблюдение прав и обязанностей лиц, подвергаемых уголовному преследованию и осужденных [5, с. 40].

Таким образом, при определении предмета надзора необходимо также исходить из содержания ст. 26, 29, 32 Федерального закона о прокуратуре, а при организации надзора руководствоваться не только профильным приказом Генерального прокурора Российской Федерации, но и другими организационно-распорядительными актами в вышеуказанных сферах.

Исходя из предмета надзорной деятельности, можно определить круг объектов. В их число в первую очередь входят федеральные органы исполнительной власти. При этом особое внимания необходимо уделять исполнению требований закона Министерством внутренних дел (далее — МВД), Министерством юстиции (далее — Минюст), Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций (далее — Роскомнадзор), Федеральной службой исполнения наказаний (далее — ФСИН), Федеральной таможенной службой (далее — ФТС).

Кроме того, к числу объектов надзора необходимо отнести: органы власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления; военного управления; органы контроля; органы управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций в сфере межнациональных отношений и противодействия экстремистской деятельности.

Исходя из обозначенного предмета надзора в сфере противодействия экстремистской деятельности, можно определить его пределы. В частности, проверки исполнения закона должны проводиться на основании информации о нарушениях, требующих использования прокурорских полномочий. При этом осуществление надзора за законностью правовых актов не зависит от поступления соответствующей информации и носит постоянный характер. Кроме того, в своей деятельности органы прокуратуры не должны подменять контролирующие органы и вмешиваться в оперативную и хозяйственную деятельность проверяемых организаций. При организации работы прокурорам следует учитывать, что важная роль в обнаружении контента, указывающего на экстремистскую деятельность, в том числе в рамках расследований уголовных дел, отведена правоохранительным органам, в частности МВД и ФСБ.

Поводом для прокурорской проверки могут служить материалы уголовных, гражданских, арбитражных и административных дел, результаты анализа правоприменительной практики и статистических данных.

При организации и осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности, необходимо исходить из обеспечения ее профилактической направленности, заключающейся, главным образом, в выявлении и устранении тех причин и условий, которые способствуют распространению экстремизма. Надзорные действия необходимо сочетать с мерами по укреплению правопорядка.

На практике органами прокуратуры выявляется информация, угрожающая национальным интересам, в том числе направленная на дестабилизацию общественной и политической ситуации в стране, разрушение традиционных культурных и нравственных ценностей, возбуждение межнациональной и межконфессиональной ненависти и вражды, содержащая призывы к массовым беспорядкам и т. п.

В научных исследованиях, посвященных рассматриваемому аспекту прокурорской деятельности, отмечается, что такая работа чаще всего осуществляется в ручном режиме и требует значительных временных затрат [3, с. 57].

В целях решения задач, возложенных на органы прокуратуры в сфере противодействия экстремистской деятельности в условиях цифровизации, прокурорам представлены достаточно широкие полномочия, предусмотренные не только Федеральным законом о прокуратуре, но и другими федеральными законами [12, ст. 8, 11]. В большей степени, они направлены на предотвращение распространения экстремистской информации в средствах массовой информации.

Вместе с тем, стоит отметить, что на практике зарегистрированные средства массовой информации, осознавая возможность аннулирования лицензии, редко допускают нарушения ст. 4 Закона «О средствах массовой информации». Поэтому наибольшее количество нарушений допускается в сети Интернет, в том числе незарегистрированными сетевыми изданиями (сайт, сообщества в социальных сетях и т. п.).

Ст. 265.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [18] (далее — КАС РФ) предусматривает полномочие прокурора по обращению в суд с заявлением о признании распростра-

няемой в сети Интернет информации, в том числе экстремистского характера, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. Рассмотрение дел данной категории происходит в особом порядке, предусматривающем сокращенные сроки и возможность принятия мер предварительной защиты в виде ограничения доступа к материалам.

Важно отметить, что, для блокировки так называемых «Веб-зеркал» интернет-сайтов, содержащих экстремистские материалы [19] и ранее уже признанных в судебном порядке экстремистскими, достаточно официального письма прокурора в Роскомнадзор.

В соответствии с требованиями приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 16 марта 2016 г. № 159 «О порядке реализации прокурорами полномочий по направлению в суд заявлений о признании информационных материалов экстремистскими» [20] прокурорам городов и районов и приравненным к ним прокурорам специализированных прокуратур запрещено самостоятельное предъявлять в суд заявления о признании информационных материалов экстремистскими. Такое полномочие реализуется через профильный отдел вышестоящей прокуратуры.

Кроме того, важно исключить факты повторной блокировки. С этой целью при подготовке документов следует удостовериться в отсутствии блокируемого ресурса в соответствующем реестре на сайте Роскомнадзора.

Также необходимо надлежащим образом фиксировать содержание интернет-ресурса. Предлагается делать снимки экрана, где отчетливо запечатлены наименование доменного имени, подлежащего блокировке, информация, распространяемая с нарушением закона, а также время производства такого снимка. Формат направляемых документов должен позволять произвести копирование ссылок из текста заключения в проект требования.

Нужно отметить, что Федеральным законом № 149-ФЗ (ст. 15.1-1, 15.3) предусмотрен механизм незамедлительного ограничения доступа к интернет-ресурсам, распространяющим, в том числе экстремистскую информацию. Это возможно по требованию Генерального прокуратура Российской Федерации или его заместителей.

В соответствии со ст. 15.3-2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Федеральный закон № 149-ФЗ), Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители уполномочены требовать постоянного ограничения доступа к интернет-ресурсам неоднократно нарушающим законодательство в рассматриваемой сфере. Последующее снятие ограничения доступа к такому информационному ресурсу не допускается. Учитывая, что постоянная блокировка всего интернет-ресурса является существенным ограничением гражданских прав, заключение должно быть мотивированным и содержать указание на неоднократность публикаций, их даты, а также оценку на предмет нарушения закона в отношении каждой из них с приложением снимков.

В ходе реализации прокурором указанных полномочий сформировалась положительная практика признания запрещенными к распространению приложений интернет-магазинов Google Play и App Store распространяющих приложения, позволяющие обеспечивать доступ к заблокированным интернет-ресурсам (VPN-сервисы и т. п.) [9, с. 49].

Вместе с тем, при выборе мер реагирования следует иметь ввиду, что основная их цель состоит в корректировке и приведении в соответствие с законом общественных отношений. В связи с этим, в каждом конкретном случае требуется проводить оценку возможных негативных последствий исполнения требований прокурора.

К примеру, результаты поискового запроса в какой-либо поисковой системе могут содержать ресурсы с запрещенной информацией. В то же время блокировка доменного имени поискового ресурса не только не приведет к ограничению доступа к запрещенной информации, но и затруднит неопределенному кругу пользователей возможность осуществления поисковых запросов в поисковом сервисе.

В целях оперативного пресечения распространения информации, нарушающей закон, на тех интернет-ресурсах, где предусмотрена модерация информации (социальные сети, форумы, интернет-сообщества и т. д.), предлагается направлять соответствующие обращения в адрес администрации сайта с требованием об удалении запрещенной информации.

При осуществлении полномочий по блокировке запрещенной, в том числе экстремистской, информации прокурорам необходимо учитывать положения ст. 3 Федерального закона № 149-ФЗ, в соответствии с которой ограничению подлежат только те части информационного ресурса, которые содержат информацию нарушающую закон. Так, если пользователем социальной сети на личной странице опубликована информация экстремистского характера, то ограничению подлежит доступ к конкретной личной странице.

Особую значимость имеет своевременное предупреждение экстремистских проявлений среди несовершеннолетних. В этой связи одним из направлений деятельности органов прокуратуры является обеспечение информационной безопасности детей во время их пребывания в образовательных организациях, библиотеках, детских интернет-клубах и т. п.

При проверке необходимо обратить внимание на наличие контент-фильтрации на компьютерах, используемых в организации. Установленное на компьютерах программное обеспечение должно в автоматическом режиме блокировать доступ пользователей к интернет-ресурсам, содержащим источники, вклю-

ченные в Федеральный список экстремистских материалов. Также должен блокироваться доступ к сайтам, относящимся к деятельности экстремистских и террористических организаций.

Очевидно, что в современных условиях цифровизации общественных отношений, эффективность противодействия экстремизму в целом, а также деятельность органов прокуратуры на данном направлении в частности, всецело зависит от скорости внедрения и масштабов использования информационных технологий, позволяющих автоматизировать процессы выявления и блокировки запрещенной информации. Среди всех существующих информационных технологий, наиболее широкое распространение получили автоматизированные информационные системы. При этом на практике наибольшую эффективность показали те из них, принцип работы которых основан на использовании поисковых роботов (например, АИС компании «СЕУСЛАБ» (Российская Федерация), АИС компании «Крибрум» и др.) [8, с. 63].

Кроме того, на официальном сайте Роскомнадзора имеется дополнительный механизм взаимодействия посредством электронной формы ЕАИС Единый реестр, размещенной по адресу: http://eais.rkn.gov.ru/feedback/. Ее целью является повышение эффективности пресечения распространения в сети Интернет материалов, отнесенных к категории экстремистских. Таковыми считаются материалы, включенные в Федеральный список экстремистских материалов, ведение которого возложено на Минюст. Еще раз отметим, что в современных условиях цифровизации общественных отношений эффективность противодействия экстремизму во многом зависит от скорости информационного обмена. Применение электронных форм позволяет обеспечить данное условие и упростить процесс направления обращений и подтверждающих материалов. Соответственно, сокращается время с момента обнаружения до момента ограничения доступа.

Среди полномочий, имеющихся у Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителей в сфере противодействия распространению в сети Интернет экстремистской информации, можно особо отметить — обращение в Роскомнадзор с требованием об ограничении доступа к информационным ресурсам. Это возможно при обнаружении запрещенной информации, а именно информации создающей угрозу для жизни и здоровья граждан, имущества, общественного порядка и безопасности, содержащей призывы к массовым беспорядкам, экстремистской деятельности, создающей угрозу в критически важных сферах транспорта, энергетики, промышленности и т. п.

Очевидно, что большой объем данных, содержащихся в сети Интернет, не позволяет осуществлять его оперативный мониторинг даже в том случае, если все работники правоохранительных органов и содействующих им общественных организаций будут вовлечены в данный процесс. По нашему мнению, в данной сфере целесообразно использовать технологии искусственного интеллекта, что подтверждается результатами проведенного нами анкетирования. В частности, 54 % опрошенных нами работников органов прокуратуры отметили среди наиболее востребованного функционала искусственного интеллекта: компьютерное зрение и распознавание речи.

Для более быстрого и эффективного пресечения распространения ложной и противозаконной информации в интернете, ряд экспертов считает необходимым предоставить прокурорам субъектов Российской Федерации больше возможностей. В частности, предлагается наделить их правом направлять в Роскомнадзор требования о немедленной блокировке подобного контента. В связи с этим, предлагается скорректировать ч. 1 ст. 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ, внеся в нее соответствующие изменения [2, с. 303].

Таким образом, предполагается, что расширение полномочий прокуроров позволит оперативно реагировать на нарушения в информационной сфере и предотвращать дальнейшее распространение недостоверных сведений. Данная мера направлена на защиту интересов граждан и обеспечение информационной безопасности в сети Интернет [2, с. 303].

По мнению Р. Д. Ахмадуллиной [2, с. 303], в целях повышения эффективности деятельности прокурора в указанном направлении, процесс поиска незаконного контента в сети Интернет должен быть автоматизирован, что возможно посредством применения соответствующих программных продуктов. К примеру, прокуратурой Республики Татарстан ранее эксплуатировался программно-аналитический комплекс «Система противодействия правонарушениям в Интернете I.C.M.» (IllegalContentManager), зарекомендовавший себя с положительной стороны [21; 22; 23].

Обращает на себя особое внимание вопрос использования алгоритмов искусственного интеллекта с учетом реализации Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [24], Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры [25], Плана по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации на 2024–2026 гг. [26].

Более того, в целях проработки эффективной системы борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма нельзя не отметить необходимость выработки предложений законодательного характера о деанонимизации сети Интернет [2, с. 303].

Необходимость внесения изменений в законодательство, регламентирующее функционирование сети Интернет с целью противодействия экстремистской деятельности, отметили большинство опрошенных прокурорских работников (82 %).

Таким образом, среди органов, деятельность которых направлена на противодействие экстремистской деятельности, прокуратура занимает уникальную позицию, что обусловлено не только характером ее деятельности как органа высшего надзора, но и спецификой представленных полномочий.

Деятельность органов прокуратуры по противодействию экстремистской деятельности в условиях цифровизации в большинстве случаев сосредоточена на блокировку информационных, в том числе цифровых ресурсов, содержащих экстремистскую информацию.

С учетом данного обстоятельства, эффективность деятельности органов прокуратуры по противодействия экстремизму в современных условиях цифровизации общественных отношений всецело зависит от скорости внедрения и масштабов использования информационных технологий, позволяющих автоматизировать процессы выявления и блокировки запрещенной информации.

Список источников

1. Антонов И. А., Кульпин А. А. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации (ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) : манипулятивное использование метафоры и ее исследование при проведении экспертиз по уголовным делам // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2 (27).
2. Ахмадуллина Р. Д. Отдельные аспекты совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму и терроризму : конституционные основы прокурорской деятельности (Сухаревские чтения) : сб. мат. X Всероссийской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (г. Москва, 11 октября 2024 г.). М. : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2025.
3. Глибовец И. С. Деятельность органов прокуратуры по профилактике экстремизма в сети Интернет // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3 (89). С. 57–64.
4. Данилова Н. А., Честнов И. Л. Уголовное дело : проблематизация понятия // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3 (101).
5. Коршунова О. Н., Головко И. И., Плугарь Д. М. и др. Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму, терроризму и их финансированию : учебное пособие. СПб : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023.
6. Ишин А. М., Мешков В. М. Ситуационный подход и проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет : криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения) : сб. статей Всероссийской науч.-практ. конф. (Москва, 17 ноября 2017 г. М. : Академия управления МВД России, 2018. С. 127–133.
7. Кучинаев Р. Р. Актуальные проблемы развития экстремизма и терроризма в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4.
8. Смирнов А. А. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом : научно-практическое пособие. М., 2020.
9. Расторопова О. В. Предупреждение распространения информации экстремистского характера в информационно-телекоммуникационных сетях // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 1 (57). С. 49–54.
10. По состоянию на январь-сентябрь 2025 г. зарегистрировано 1760 преступлений, что на 28,1 % больше, чем в аналогичном периоде прошлого года // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/72174303/
11. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Краснова И. В. на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2025 г. // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/76484
15. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 мая 2018 г. № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

19. Федеральный список экстремистских материалов // URL: http://minjust.ru/extremist-materials
20. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16 марта 2016 г. № 159 «О порядке реализации прокурорами полномочий по направлению в суд заявлений о признании информационных материалов экстремистскими» // СПС «КонсультантПлюс».
21. URL: https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/567138509a79473a0aebef22
22. URL: https://roskomsvoboda.org/ru/13900/
23. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/ia-regnum-20-02-unikalnaya-sistema-kontrolya-zapreschennogo-kontenta-zapuschena-v-kazani
24. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».
25. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») // СПС «КонсультантПлюс».
26. План по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры РФ на 2024–2026 гг. (утв. Генеральным прокурором РФ 22 марта 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Antonov I. A., Kulpin A. A. Public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation (art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) : manipulative use of metaphor and its study during examinations in criminal cases // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2024. № 2 (27).
2. Akhmadullina R. D. Selected aspects of improving prosecutorial supervision over the implementation of laws on countering extremism and terrorism : constitutional foundations of prosecutorial activity (Sukharev readings) : collection of materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation) (Moscow, October 11, 2024). M. : University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2025.
3. Glibovets I. S. Activities of the prosecutor's office to prevent extremism on the Internet // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2022. № 3 (89). P. 57–64.
4. Danilova N. A., Chestnov I. L. Criminal case : problematization of the concept // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. № 3 (101).
5. Korshunova O. N., Golovko I. I., Plugar D. M. and others. Activities of the Prosecutor's Office in countering extremism, terrorism and their financing : textbook. St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023.
6. Ishin A. M., Meshkov V. M. Situational approach and problems of countering extremism on the Internet : criminalistics and new challenges of our time (58th criminalistic readings) : collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference (Moscow, November 17, 2017). M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. P. 127–133.
7. Kuchinaev R. R. Actual problems of extremism and terrorism in the field of information and telecommunication technologies // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. № 4.
8. Smirnov A. A. Organization of counter-propaganda in the field of combating terrorism and extremism : a scientific and practical guide. M., 2020.
9. Rastoropova O. V. Prevention of the dissemination of extremist information in information and telecommunication networks // Bulletin of the Samara Law Institute. 2024. № 1 (57). P. 49–54.
10. As of January-September 2025 1760 crimes were registered, which is 28,1 % more than in the same period last year // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/72174303/
11. Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» // LRS «ConsultantPlus».
12. Federal Law № 114-FZ of July 25, 2002 «On Countering Extremist Activities» // LRS «ConsultantPlus».
13. The Law of the Russian Federation dated December 27, 1991, № 2124-1 «On Mass Media» // LRS «ConsultantPlus».
14. Report of the Prosecutor General of the Russian Federation Krasnov I. V. of an expanded meeting of the Board of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation on March 19, 2025 // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/76484
15. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated March 21, 2018 № 156 «On the organization of prosecutorial supervision of the implementation of laws on countering extremist activities» // LRS «ConsultantPlus».
16. Order of the Prosecutor General of the Russian

Federation dated May 17, 2018 № 295 «On the organization of prosecutorial supervision of the implementation of laws on countering terrorism» // LRS «ConsultantPlus».
17. Federal Law № 2201-1 of January 17, 1992 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
18. The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation // LRS «ConsultantPlus».
19. Federal list of extremist materials // URL: http://minjust.ru/extremist-materials
20. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated March 16, 2016 № 159 «On the procedure for the exercise by prosecutors of their powers to send applications to the court for the recognition of information materials as extremist» // LRS «ConsultantPlus».
21. URL: https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/567138509a79473a0aebef22
22. URL: https://roskomsvoboda.org/ru/13900/
23. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/ia-regnum-20-02-unikalnaya-sistema-kontrolya-zapreschennogo-kontenta-zapuschena-v-kazani
24. Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 № 490 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» (together with the «National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030») // LRS «ConsultantPlus».
25. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated September 14, 2017 № 627 «On approval of the Concept of digital transformation of bodies and organizations of the Prosecutor's Office until 2025» (together with the «Concept of digital transformation of bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation until 2025») // LRS «ConsultantPlus».
26. Plan for the introduction of artificial intelligence technologies and automation of activities in the Prosecutor's Office of the Russian Federation for 2024–2026. (approved by the Prosecutor General of the Russian Federation on March 22, 2024) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

С. Я. Казанцев — профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

И. Д. Гайнов — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. Ya. Kazantsev — Professor of the Department of Criminology of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

I. D. Gainov — Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 08.12.2025.

The article was submitted 24.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-97-103
EDN: https://elibrary.ru/juvibx
NIION: 2003-0059-6/25-415
MOSURED: 77/27-003-2025-06-614

Влияние изменений федерального законодательства на правовой статус муниципальных учреждений здравоохранения

Ашот Владимирович Камалян
Международный научно-исследовательский центр судебной экспертизы и исследований, Москва, Россия, 9262465066@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-6139-0898, SPIN-код: 7603-6169, Web of Science: OKR-5851-2025, Author ID: 30305933, Google Scholar Citations ID-eqi-53YAAAAJ

Аннотация. Рассмотрено воздействие изменений федерального законодательства на правовой статус муниципальных учреждений здравоохранения, включая перераспределение полномочий, трансформацию имущественных отношений и изменение учредительных функций. Проанализировано влияние централизации на организационную автономию учреждений, их участие в имущественных и финансовых правоотношениях, а также их включенность в региональные механизмы планирования, модернизации и контроля. Показано, что реформирование нормативной базы сформировало новую модель правового положения муниципальных учреждений как элементов региональной системы здравоохранения с ограниченной самостоятельностью в управленческих и имущественных решениях.

Ключевые слова: муниципальные учреждения здравоохранения, правовой статус, федеральное законодательство, полномочия муниципалитетов, региональная система здравоохранения, централизация, имущественные отношения, финансирование здравоохранения, обязательное медицинское страхование, государственные гарантии, контроль в здравоохранении, организационная реформа, субъект Российской Федерации

Для цитирования: Камалян А. В. Влияние изменений федерального законодательства на правовой статус муниципальных учреждений здравоохранения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 97–103. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-97-103. EDN: JUVIBX.

Original article

Influence of federal legislative changes on the legal status of municipal healthcare institutions

Ashot V. Kamalyan
International Scientific Research Center for Forensic Examination and Research, Moscow, Russia, 9262465066@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-6139-0898, SPIN-код: 7603-6169, Web of Science: OKR-5851-2025, Author ID: 30305933, Google Scholar Citations ID-eqi-53YAAAAJ

Abstract. The impact of changes in federal legislation on the legal status of municipal healthcare institutions, including the redistribution of powers, the transformation of property relations and the change of constituent functions, is considered. The impact of centralization on the organizational autonomy of institutions, their participation in property and financial legal relations, as well as their involvement in regional planning, modernization and control mechanisms is analyzed. It is shown that the reform of the regulatory framework has formed a new model of the legal status of municipal institutions as elements of the regional healthcare system with limited independence in management and property decisions.

Keywords: municipal healthcare institutions, legal status, federal legislation, powers of municipalities, regional healthcare system, centralization, property relations, financing of healthcare, compulsory medical insurance, state guarantees, control in healthcare, organizational reform, subject of the Russian Federation

For citation: Kamalyan A. V. Influence of federal legislative changes on the legal status of municipal healthcare institutions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):97–103. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-97-103. EDN: JUVIBX.

© Камалян А. В., 2025

Правовой статус муниципальных учреждений здравоохранения в последние годы подвергся масштабной трансформации под воздействием комплексных изменений федерального законодательства, ориентированных на выстраивание единой государственной системы здравоохранения и перераспределение полномочий между уровнями публичной власти. Вектор реформирования оказался связан с переходом от децентрализованной модели, в которой муниципальный уровень играл значимую роль в организации медицинской помощи, к системе, ставящей в центр субъектовый уровень как основной элемент управления ресурсами, инфраструктурой и кадровым обеспечением. Эти изменения затронули ключевые характеристики правосубъектности муниципальных учреждений, изменив структуру управления, имущественные отношения, финансовые механизмы и степень организационной самостоятельности [1].

Фундаментальные сдвиги начались после поэтапных поправок в Федеральный закон № 131-ФЗ [2], которые пересмотрели содержание вопросов местного значения. Ранее муниципальные образования обладали полномочиями по созданию медицинских организаций, формированию условий их деятельности, обеспечению инфраструктуры и участию в финансировании функции первичного звена. Такая модель отражала исторически сложившееся понимание здравоохранения как социальной сферы, тесно связанной с местными потребностями и локальным самоуправлением. Однако тенденция к централизации в сфере здравоохранения и необходимость модернизации инфраструктуры привели к корректировке полномочий. Исключение положения о создании муниципальных учреждений здравоохранения из перечня вопросов местного значения означало формальное и фактическое уменьшение пространства управленческого влияния муниципальных органов и сокращение их роли в развитии отрасли.

Перераспределение полномочий сопровождалось корректировкой норм Федерального закона № 323-ФЗ [3], обозначившего субъект Российской Федерации как основной уровень управления системой здравоохранения. Это изменение отразило стратегическую задачу обеспечения единообразия условий оказания медицинской помощи на всей территории страны. Субъект получил полномочия по организации медицинской помощи, формированию маршрутизации, управлению кадровыми ресурсами, модернизации инфраструктуры, планированию бюджетных расходов и контролю качества. Муниципальный уровень перестал быть самостоятельным управленческим субъектом. Он оказался интегрированным в вертикально выстроенную систему, где учредительные функции, имущественные права и финансовая ответственность сместились в сторону регионального звена. Отдельные муниципальные учреждения сохранили свой статус, но способы осуществления их полномочий стали зависеть от региональных решений, что существенно ограничило их автономию.

Правовой статус муниципальных учреждений оказался измененным и в части имущественных отношений. Модернизация инфраструктуры здравоохранения требовала концентрации ресурсов на региональном уровне, что стало причиной масштабной передачи имущества из муниципальной собственности на уровень субъекта Российской Федерации. Этот процесс осуществлялся поэтапно, и во многих регионах именно через него были созданы объединенные медицинские организации, способные управлять крупными имущественными комплексами. Передача зданий, оборудования, земельных участков и иного имущества означала, что муниципальные учреждения либо преобразовывались в филиалы региональных учреждений, либо продолжали функционировать как юридические лица, но без прежних имущественных полномочий. Эти преобразования изменили правовое содержание их хозяйственной деятельности: они лишились полномочий распоряжения основными фондами, что исключает возможность самостоятельного развития материально-технической базы.

Изменение имущественного режима муниципальных учреждений здравоохранения стало ключевым фактором трансформации их правового статуса, поскольку именно имущественный комплекс определяет возможности организации лечебного процесса, уровень оснащенности, способность учреждения выполнять функции, предусмотренные территориальными программами государственных гарантий. Передача объектов недвижимого и движимого имущества на региональный уровень была направлена на формирование единых стандартов оснащения и исключение различий между муниципалитетами, которые ранее формировали значительную административно-имущественную фрагментацию. В прежней модели учреждения зависели от имущественного состояния конкретного муниципального образования, что приводило к неравномерности развития инфраструктуры первичного звена. Регионализация имущества позволила устранить эту зависимость, однако она полностью изменила содержание правоспособности учреждений [4].

После передачи имущества муниципальные учреждения утратили возможность самостоятельно формировать материально-техническую базу для оказания медицинских услуг. Любые изменения в составе и структуре используемого имущества стали осуществляться исключительно на основании решений региональных органов власти. Это существенно ограничи-

ло способность учреждений оперативно реагировать на локальные потребности населения и поставило их деятельность в зависимость от более сложных процедур согласования.

В результате учреждения фактически превратились в структурные элементы централизованной модели управления, в рамках которой право оперативного управления подменяет полноценное распоряжение имуществом. Учредитель контролирует каждый этап модернизации инфраструктуры, определяет направления обновления материальных фондов и объемы ресурсного обеспечения. В таких условиях учреждение выступает не инициатором имущественных изменений, а получателем ресурсов в пределах утвержденных региональных программ, что снижает его адаптивность и ограничивает возможности развития.

Отдельного внимания заслуживает изменение учредительных полномочий. В прежней конструкции муниципалитет выступал не только как собственник имущества, но и как орган, определяющий стратегию развития учреждения, участие в муниципальных программах, организацию профилактических мероприятий, структуру подразделений, профили оказываемой помощи и кадровую политику. После реформы эта функция была существенно ограничена, поскольку учредительные полномочия были переданы органам власти субъекта Российской Федерации. Это привело к изменению характера управленческого воздействия: муниципальные учреждения стали элементами региональной сети медицинских организаций, где каждое решение интегрировано в территориальную схему управления здравоохранением.

Передача учредительных полномочий повлияла и на юридический статус муниципальных учреждений как участников гражданских правоотношений. Если ранее учреждение могло рассматриваться как самостоятельный субъект с возможностью заключать договоры, формировать структуру затрат, определять приоритеты кадровой политики, то после реформы организация оказалась в положении, когда эти решения принимаются на уровне субъекта, а учреждение реализует их в рамках операционной деятельности. Это делает невозможным прежний формат участия муниципальных учреждений в локальных социальных проектах: их участие в подобных инициативах теперь возможно только при согласовании с региональными органами власти, поскольку участие в программах, не предусмотренных региональной системой планирования, потенциально выходит за рамки их полномочий.

Существенные изменения произошли в вопросах ответственности. Переход имущества и полномочий на уровень субъекта привел к перераспределению имущественной, финансовой и организационной ответственности между уровнями публичной власти. Муниципальные учреждения перестали быть объектом непосредственной ответственности муниципалитета в части обеспечения надлежащих условий оказания помощи. Теперь обеспечение материально-технической базы, соответствующей утвержденным порядкам оказания медицинской помощи, находится в компетенции субъекта, что юридически определяет именно регион как носителя ответственности за соответствие учреждений нормативным требованиям. Это позволило создать единую систему стандартов, но одновременно ограничило возможности муниципалитетов оперативно участвовать в устранении дефицитов.

Новая модель создала и дополнительную зависимость муниципальных учреждений от региональных планов модернизации, которые формируются на основе федеральных требований и целевых программ. Такие планы определяют очередность капитального ремонта, реконструкции, закупки оборудования и цифровой модернизации. В прежней модели муниципалитет мог инициировать изменения, руководствуясь локальными потребностями, однако теперь модернизация проводится в рамках региональных схем. Это уменьшает гибкость, но повышает системность, поскольку каждый объект включен в общую логическую цепочку развития региональной отрасли.

Изменения затронули и правовой режим земельных участков, используемых муниципальными учреждениями. Передача земель в региональную собственность привела к изменению основания пользования земельными участками. Теперь земельные участки предоставляются учреждениям на праве постоянного (бессрочного) пользования, что обеспечивает стабильность имущественных прав, но исключает возможность самостоятельного распоряжения объектами и использования их в инвестиционных проектах. Это особенно важно в контексте проектов государственно-частного партнерства, где требования к объекту и имущественному праву строго регламентированы. Для муниципальных учреждений участие в таких проектах стало возможно только при прямом участии регионального уровня.

Следствием централизации имущественных ресурсов стало и изменение механизма управления медицинским оборудованием. Введение региональных центров ответственности за эксплуатацию, ремонт и обслуживание оборудования позволило оптимизировать распределение ресурсов и снизить нагрузку на учреждения, но одновременно исключило их самостоятельность в определении приоритетов закупки и обновления техники. Эта модель позволила добиться более высоких темпов модернизации, поскольку решения принимаются централизованно с учетом потребностей всей региональной системы. Однако она уменьшила свободу муниципальных учреждений

адаптировать техническое оснащение под особенности конкретных населенных пунктов [5].

В совокупности эти изменения сформировали новую архитектуру имущественных отношений, в которой муниципальные учреждения утратили статус самостоятельных участников имущественного оборота и стали элементами региональной инфраструктуры. Правовой режим имущества и механизм его распределения отражают стратегию построения централизованной системы здравоохранения, что определяет современную модель правового статуса муниципальных учреждений.

Изменение имущественного режима муниципальных учреждений здравоохранения стало ключевым фактором трансформации их правового статуса, поскольку именно имущественный комплекс определяет возможности организации лечебного процесса, уровень оснащенности, способность учреждения выполнять функции, предусмотренные территориальными программами государственных гарантий. Передача объектов недвижимого и движимого имущества на региональный уровень была направлена на формирование единых стандартов оснащения и исключение различий между муниципалитетами, которые ранее формировали значительную административно-имущественную фрагментацию. В прежней модели учреждения зависели от имущественного состояния конкретного муниципального образования, что приводило к неравномерности развития инфраструктуры первичного звена. Регионализация имущества позволила устранить эту зависимость, однако она полностью изменила содержание правоспособности учреждений.

После передачи имущества муниципальные учреждения оказались лишены возможности самостоятельно формировать материальную базу для оказания медицинских услуг, а любые изменения в структуре используемого имущества стали возможны только на основании решений региональных органов. Это ограничило их способность реагировать на локальные потребности населения и потребовало включения в более сложную систему согласований. Эти изменения привели к тому, что учреждения стали объектами, функционирующими в рамках централизованной модели, где право оперативного управления заменяет полноценное имущественное распоряжение, а учредитель контролирует каждый этап модернизации инфраструктуры. В такой модели учреждение не является инициатором имущественных изменений, а получает необходимые ресурсы в рамках утвержденных региональных программ.

Отдельного внимания заслуживает изменение учредительных полномочий. В прежней конструкции муниципалитет выступал не только как собственник имущества, но и как орган, определяющий стратегию развития учреждения, участие в муниципальных программах, организацию профилактических мероприятий, структуру подразделений, профили оказываемой помощи и кадровую политику. После реформы эта функция была существенно ограничена, поскольку учредительные полномочия были переданы органам власти субъекта Российской Федерации. Это привело к изменению характера управленческого воздействия: муниципальные учреждения стали элементами региональной сети медицинских организаций, где каждое решение интегрировано в территориальную схему управления здравоохранением.

Передача учредительных полномочий повлияла и на юридический статус муниципальных учреждений как участников гражданских правоотношений. Если ранее учреждение могло рассматриваться как самостоятельный субъект с возможностью заключать договоры, формировать структуру затрат, определять приоритеты кадровой политики, то после реформы организация оказалась в положении, когда эти решения принимаются на уровне субъекта, а учреждение реализует их в рамках операционной деятельности. Это делает невозможным прежний формат участия муниципальных учреждений в локальных социальных проектах: их участие в подобных инициативах теперь возможно только при согласовании с региональными органами власти, поскольку участие в программах, не предусмотренных региональной системой планирования, потенциально выходит за рамки их полномочий.

Существенные изменения произошли в вопросах ответственности. Переход имущества и полномочий на уровень субъекта привел к перераспределению имущественной, финансовой и организационной ответственности между уровнями публичной власти. Муниципальные учреждения перестали быть объектом непосредственной ответственности муниципалитета в части обеспечения надлежащих условий оказания помощи. Теперь обеспечение материально-технической базы, соответствующей утвержденным порядкам оказания медицинской помощи, находится в компетенции субъекта, что юридически определяет именно регион как носителя ответственности за соответствие учреждений нормативным требованиям. Это позволило создать единую систему стандартов, но одновременно ограничило возможности муниципалитетов оперативно участвовать в устранении дефицитов.

Новая модель создала и дополнительную зависимость муниципальных учреждений от региональных планов модернизации, которые формируются на основе федеральных требований и целевых программ. Такие планы определяют очередность капитального ремонта, реконструкции, закупки оборудования и цифровой модернизации. В прежней модели муници-

палитет мог инициировать изменения, руководствуясь локальными потребностями, однако теперь модернизация проводится в рамках региональных схем. Это уменьшает гибкость, но повышает системность, поскольку каждый объект включен в общую логическую цепочку развития региональной отрасли.

Изменения затронули и правовой режим земельных участков, используемых муниципальными учреждениями. Передача земель в региональную собственность привела к изменению основания пользования земельными участками. Теперь земельные участки предоставляются учреждениям на праве постоянного (бессрочного) пользования, что обеспечивает стабильность имущественных прав, но исключает возможность самостоятельного распоряжения объектами и использования их в инвестиционных проектах. Это особенно важно в контексте проектов государственно-частного партнерства, где требования к объекту и имущественному праву строго регламентированы. Для муниципальных учреждений участие в таких проектах стало возможно только при прямом участии регионального уровня.

Следствием централизации имущественных ресурсов стало и изменение механизма управления медицинским оборудованием. Введение региональных центров ответственности за эксплуатацию, ремонт и обслуживание оборудования позволило оптимизировать распределение ресурсов и снизить нагрузку на учреждения, но одновременно исключило их самостоятельность в определении приоритетов закупки и обновления техники. Эта модель позволила добиться более высоких темпов модернизации, поскольку решения принимаются централизованно с учетом потребностей всей региональной системы. Однако она уменьшила свободу муниципальных учреждений адаптировать техническое оснащение под особенности конкретных населенных пунктов [6].

В совокупности эти изменения сформировали новую архитектуру имущественных отношений, в которой муниципальные учреждения утратили статус самостоятельных участников имущественного оборота и стали элементами региональной инфраструктуры. Правовой режим имущества и механизм его распределения отражают стратегию построения централизованной системы здравоохранения, что определяет современную модель правового статуса муниципальных учреждений.

Механизмы финансового обеспечения также были перераспределены. Ранее муниципальные учреждения функционировали в условиях многоканальной системы финансирования, в которой местные бюджеты играли заметную роль. Сложности муниципальных бюджетов существенно ограничивали возможности развития инфраструктуры и оплаты труда медицинского персонала, что приводило к дифференциации качества медицинской помощи. Введение новых финансовых механизмов, основанных на усилении роли региональных бюджетов, субсидий и средств обязательного медицинского страхования, постепенно изменило финансовую модель. Уточнение положений Бюджетного кодекса и закона об обязательном медицинском страховании привело к увеличению доли регионального финансирования, что усилило зависимость муниципальных учреждений от решений органов субъекта. Территориальные программы государственных гарантий стали основным документом, определяющим доступность и объем медицинской помощи, которую могут оказывать муниципальные учреждения, сохранившие статус медицинской организации. Это означает, что муниципальные учреждения больше не управляют своими финансовыми потоками, а действуют в рамках регионально утвержденных нормативов.

Существенные изменения произошли в сфере регулирования трудовых отношений в здравоохранении. Усиление роли субъекта привело к формированию единых региональных систем оплаты труда и унифицированных подходов к кадровому обеспечению. Если ранее муниципальные учреждения обладали значительной свободой при разработке собственных механизмов стимулирования, что вызывало заметную дифференциацию условий труда внутри региона, то переход к региональной модели позволил выровнять практики, повысить управляемость кадровой политики и обеспечить единые стандарты для всех организаций. Одновременно это сократило пространство для самостоятельных управленческих решений на муниципальном уровне: учреждения лишились возможности гибко распределять стимулирующие выплаты, формировать собственные критерии нагрузки и адаптировать мотивационные инструменты к локальным особенностям.

Изменения федерального законодательства затронули и контрольные механизмы. Принятие Федерального закона № 248-ФЗ [7] усилило применение риск-ориентированного подхода и трансформировало систему контроля качества медицинской помощи. Региональные органы получили расширенные полномочия по проверке соблюдения порядков и стандартов оказания помощи, корректности применения медицинских технологий, соответствия оснащения требованиям и ведения медицинской документации. В условиях жесткой регламентации муниципальные учреждения утратили значительную часть автономии, поскольку их деятельность стала оцениваться в соответствии с едиными требованиями и прозрачными индикаторами. Это повысило предсказуемость и сравнимость результатов, но одновременно ограничи-

ло возможности для индивидуальных управленческих решений, ориентированных на специфику конкретного муниципального образования.

Система обязательного медицинского страхования также была скорректирована с учетом изменения баланса полномочий. Региональные программы и механизмы контроля в сфере ОМС стали основой для распределения финансовых средств. Уточнение порядка расчетов с медицинскими организациями, введение единых тарифов, усиление требований к соблюдению стандартов привели к тому, что даже сохранившие юридическую самостоятельность муниципальные учреждения максимально зависят от региональной тарифной политики. Изменения в законодательстве привели к унификации финансовых потоков и снижению роли муниципальных решений в вопросах финансирования первичного звена.

Трансформация правового статуса муниципальных учреждений проявилась и в их организационной структуре. В ряде регионов проведена масштабная реорганизация, в рамках которой бывшие муниципальные учреждения были объединены в крупные медицинские центры, созданные субъектами Российской Федерации. Такая модель позволила сосредоточить управление в руках региональных органов, повысить эффективность распределения ресурсов, обеспечить единый уровень оснащения и стандартизации процессов. Вместе с тем эти изменения привели к тому, что многие муниципальные учреждения потеряли статус самостоятельных юридических лиц и превратились в структурные подразделения региональных организаций. Это повлияло на их правосубъектность: исчезла возможность заключать договоры, управлять финансовыми потоками, распоряжаться имуществом и осуществлять кадровые решения.

Влияние федеральных изменений затронуло и взаимодействие муниципальных учреждений с населением. Переход к единой системе маршрутизации пациентов дал возможность оптимизировать доступность медицинской помощи, но одновременно ограничил роль муниципального уровня в определении локальных механизмов работы с населением. Ранее муниципалитеты могли самостоятельно регулировать порядок работы учреждений с учетом местных условий. Теперь такие вопросы определяются региональными нормативными актами, что устраняет возможность оперативного учета местной специфики.

Обобщая последствия изменений, можно утверждать, что федеральное законодательство сформировало новую модель правового статуса муниципальных учреждений здравоохранения, где их автономия существенно сокращена, а ключевые полномочия переданы субъектам Российской Федерации. Изменения в правовом регулировании ликвидировали многовариантность моделей, существовавших в регионах, обеспечив единообразную нормативную основу функционирования системы здравоохранения. Муниципальные учреждения стали элементами региональной вертикали управления, где их правовой статус определяется решением субъекта и направлен на выполнение территориальных программ государственных гарантий.

Современная модель правового регулирования ориентирована на стандартизацию процессов, оптимизацию ресурсов и повышение качества медицинской помощи, что достигается путем централизации организационных и имущественных полномочий. Такая трансформация обеспечила формирование более устойчивой и управляемой системы здравоохранения, но одновременно существенно сократила сферу влияния муниципального уровня.

Муниципальные учреждения лишились значительной части тех полномочий, которые ранее позволяли им разрабатывать собственные организационные решения, гибко распоряжаться ресурсами и адаптировать деятельность к потребностям конкретных территорий. В результате их правовой статус теперь определяется преимущественно государственной стратегией, ориентированной на формирование единой, нормативно согласованной и структурно целостной системы здравоохранения. В этой системе ключевые управленческие и публичные функции сконцентрированы на региональном уровне, что минимизирует возможности муниципалитетов оказывать влияние на развитие отрасли.

Список источников

1. Лебедев А. А., Эрдыниева Л. С. О влиянии государственного регулирования на развитие предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов в сфере охраны здоровья и извлечения добавленной стоимости (прибыли) на рынке медицинских услуг // Медицина в Кузбассе. 2025. Т. 24, № 3. С. 73–81.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Аракелян Н. А., Воробцова Е. С. Актуальные вопросы нормативного правового регулирования наставничества в сфере здравоохранения // Здоровье мегаполиса. 2025. Т. 6, № 2. С. 85–93.

5. Давыдова М. Л. Экспериментальный правовой режим в российской правовой системе : теоретическая модель и практика реализации // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 33–39.
6. Алешкова И. А. Принципы охраны здоровья как основа социального государства // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2025. № 2. С. 26–37.
7. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Lebedev A. A., Erdynieva L. S. On the impact of state regulation on the development of entrepreneurial activity of business entities in the field of health protection and value-added (profit) extraction in the medical services market // Medicine in Kuzbass. 2025. Vol. 24, № 3. P. 73–81.
2. Federal Law № 131-FZ of October 6, 2003 (as amended on 20.03.2025) «On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Federal Law № 323-FZ of November 21, 2011 (as amended on 23.07.2025) «On the Fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation» (as amended and supplemented, intr. effective from 01.09.2025) // LRS «ConsultantPlus».
4. Arakelyan N. A., Vorobtsova E. S. Current issues of regulatory legal regulation of mentoring in the field of healthcare // Megapolis Health. 2025. Vol. 6, № 2. P. 85–93.
5. Davydova M. L. Experimental legal regime in the Russian legal system : theoretical model and implementation practice // Legal technique. 2025. № 19. P. 33–39.
6. Aleshkova I. A. Principles of health protection as the basis of a welfare state // Social sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 4, State and Law: An Abstract Journal. 2025. № 2. P. 26–37.
7. Federal Law № 248-FZ of July 31, 2020 (as amended on 24.06.2025) «On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
8. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. В. Камалян — старший научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра судебной экспертизы и исследований, кандидат медицинский наук.

Information about the author

A. V. Kamalyan — Senior Researcher of the International Scientific Research Center for Forensic Examination and Research, Candidate of Medical Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 10.12.2025.
The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 03.12.2025; accepted for publication 10.12.2025.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-104-109
EDN: https://elibrary.ru/kgohpn
NIION: 2003-0059-6/25-416
MOSURED: 77/27-004-2025-06-615

О мерах предупреждения киберпреступности на современном этапе, проблемах их реализации, об использовании искусственного интеллекта и иных цифровых технологий

Елена Николаевна Клещина
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, elena-kleshchina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу системы мер предупреждения киберпреступности. Рассматриваются общесоциальные и специально-криминологические меры. Подчеркивается, что для эффективного предупреждения киберпреступности требуется широкое участие институтов гражданского общества, развитие государственно-частного партнерства и формирование культуры цифровой безопасности как элемента правосознания граждан. Важное значение имеет реализация технических мер, которые включают внедрение систем мониторинга и раннего обнаружения киберугроз, использование технологий искусственного интеллекта для прогнозирования и предупреждения киберпреступлений. Организационные меры предполагают совершенствование деятельности специализированных подразделений по борьбе с киберпреступностью, подготовку кадров, обладающих необходимыми знаниями и навыками для предупреждения, выявления и расследования киберпреступлений.

Ключевые слова: киберпреступность, меры предупреждения киберпреступности, цифровая безопасность, искусственный интеллект, цифровая грамотность, информационные технологии, киберпространство

Для цитирования: Клещина Е. Н. О мерах предупреждения киберпреступности на современном этапе, проблемах их реализации, об использовании искусственного интеллекта и иных цифровых технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 104–109. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-104-109. EDN: KGOHPN.

Original article

On measures to prevent cybercrime at the present stage, the problems of their implementation, the use of artificial intelligence and other digital technologies

Kleshchina Elena Nikolaevna
Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, elena-kleshchina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the system of cybercrime prevention measures. General social and special criminological measures are considered. It is emphasized that the effective prevention of cybercrime requires the broad participation of civil society institutions, the development of public-private partnerships and the formation of a culture of digital security as an element of citizens' legal awareness. It is important to implement technical measures, which include the introduction of monitoring and early detection systems for cyber threats, and the use of artificial intelligence technologies to predict and prevent cybercrimes. Organizational measures include improving the activities of specialized units to combat cybercrime, training personnel with the necessary knowledge and skills to prevent, identify and investigate cybercrime.

Keywords: cybercrime, cybercrime prevention measures, digital security, artificial intelligence, digital literacy, information technology, cyberspace

For citation: Kleshchina E. N. On measures to prevent cybercrime at the present stage, the problems of their implementation, the use of artificial intelligence and other digital technologies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):104–109. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-104-109. EDN: KGOHPN.

© Клещина Е.Н., 2025

Прогрессивное развитие цифровых технологий определили проблему противодействия киберпреступности и обеспечения безопасности в информационном пространстве, как одну из наиболее актуальных в современный период.

Киберпреступность как сложное многоаспектное явление представляет собой динамично развивающуюся форму криминальной активности, требующую пересмотра традиционных криминологических подходов и разработки новых решений по противодействию. Криминологическое исследование данного явления приобретает особую значимость в контексте национальной безопасности Российской Федерации, поскольку масштабы киберпреступности достигли критических показателей, угрожающих стабильности экономических и социальных институтов [1; 2].

Статистические данные свидетельствуют о негативных тенденциях киберпреступности. Так, по данным ГИАЦ МВД России, количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в 2024 г. составило 765 400, что составляет 40 % от всех зарегистрированных преступлений [3]. Ретроспективный анализ динамики преступности в цифровой сфере демонстрирует экспоненциальный рост: если в 2019 г. было зарегистрировано 294 тысячи преступлений данного вида, то к 2024 г. данный показатель увеличился в 2,6 раза. Материальный ущерб, причиненный киберпреступлениями, превысил 200 млрд рублей [4], что отражает рост общественной опасности данного вида преступности. В текущем 2025 г. согласно статистике ГИАЦ МВД России зафиксировано некоторое снижение рассматриваемых преступлений [5], однако при этом следует учитывать высокий уровень их латентности.

С учетом отмеченного важнейшее значение имеет исследование детерминантов киберпреступности. Как отмечается в научной литературе, проблемы детерминантов преступности в криминологической теории являются центральными и наиболее сложными, однако «их исследование позволяет представить комплекс результативных мер по предупреждению рассматриваемой разновидности преступности» [6, с. 27–28].

Детерминанты киберпреступности носят комплексный характер и обусловлены взаимодействием правовых, социально-экономических, технологических, организационных, личностных и иных факторов. К числу основных детерминант относятся: активная цифровизация финансово-экономических отношений, в которой появляются новые объекты преступных посягательств; недостаточный уровень цифровой грамотности населения [7]; отставание темпов изменения законодательства от темпов развития информационных технологий [8]; анонимность киберпространства, облегчающая совершение преступлений и затрудняющая идентификацию преступников; транснациональный характер киберпреступности, усложняющий деятельность правоохранительных органов; высокая доходность киберпреступной деятельности при относительно низких рисках наказания; дефицит высококвалифицированных кадров в правоохранительных органах, способных эффективно противодействовать киберугрозам [9; 10].

Исследование мер предупреждения киберпреступности на предмет их эффективности и выработки новых подходов к ее предупреждению определяется не только масштабами распространения данного явления, но и его качественными характеристиками. Киберпреступность трансформируется в высокоорганизованную, профессиональную деятельность с использованием передовых технологий, включая искусственный интеллект, машинное обучение, технологии блокчейн и криптовалюты. Появляются новые формы киберпреступности, такие как создание дипфейков, атаки на критическую информационную инфраструктуру, использование программ-вымогателей для шифрования данных [11]. Высокая латентность киберпреступности свидетельствует о существенных проблемах в выявлении преступлений данной категории [12].

Значимым событием в сфере международного сотрудничества по предупреждению киберпреступлений, актуализирующем исследование обозначенных проблем, стало подписание 25 октября 2025 г. в Ханое Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности [13], разработанной по инициативе Российской Федерации. К Конвенции в первый день присоединились 65 государств, что свидетельствует о признании мировым сообществом необходимости консолидации усилий в борьбе с транснациональной киберпреступностью [14]. Конвенция создает правовую основу для усиления международного сотрудничества, обмена информацией, оказания взаимной правовой помощи и унификации подходов к криминализации деяний в киберпространстве.

Система предупреждения киберпреступности включает общесоциальные и специально-криминологические меры. Общесоциальное предупреждение, как известно, охватывает широкий спектр мер по устранению социально-экономических, культурных и технологических детерминант киберпреступности на макроуровне. По справедливому замечанию А. И. Алексеева, общесоциальное предупреждение преступлений является определяющей подсистемой процесса предупреждения преступности [15, с. 161].

Специально-криминологическое предупреждение в большей степени реализуется через организационные и технические меры, непосредственно направленные на предупреждение и предотвращение конкретных видов киберпреступлений.

Повышение уровня жизни населения и сокращение имущественной дифференциации является одной

из ключевых мер предупреждения киберпреступности. Исследования показывают, что значительная часть киберпреступников совершает преступления в целях улучшения своего материального положения [16]. Развитие цифровой экономики на законных основаниях с созданием легальных возможностей для самореализации в сфере информационных технологий является важной мерой по снижению криминогенного потенциала, что включает поддержку стартапов, развитие рынка IT-услуг, создание рабочих мест для специалистов в области информационных технологий, обеспечение конкурентоспособной системы оплаты труда специалистам по кибербезопасности [17].

Еще одной общесоциальной мерой выступает формирование культуры цифровой безопасности через систему непрерывного образования, охватывающую все уровни от дошкольного воспитания до повышения квалификации работающего населения. Цифровая грамотность включает в себя не только базовые навыки владения компьютером и работы с сетью «Интернет», но и критическое мышление при оценке информации в сети, понимание принципов кибербезопасности, умение распознавать мошеннические схемы, навыки защиты персональных данных. Согласно индексу цифровой грамотности, разработанному Аналитическим центром НАФИ, базовый уровень цифровой грамотности имеют две трети населения России, однако продвинутым уровнем владеют только 32 % граждан [18]. Это свидетельствует о необходимости масштабного повышения цифровых компетенций всех слоев населения.

Укрепление духовно-нравственных ценностей общества и воспитание ответственного отношения к использованию информационных технологий требует комплексной работы образовательных учреждений, семьи, средств массовой информации. Необходимо формировать осознание того, что киберпреступления причиняют реальный вред конкретным гражданам и обществу в целом, приводят к финансовым потерям, нарушению частной жизни, подрыву доверия к цифровым системам и государственным институтам. Развитие институтов гражданского общества, способных осуществлять общественный контроль за соблюдением законности в цифровой сфере, включает создание экспертных сообществ, проведение общественных обсуждений проблем кибербезопасности, формирование инициативных групп граждан, занимающихся просвещением в области информационной безопасности.

В августе 2025 г. Правительство Российской Федерации утвердило комплексный План реализации Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [19], который предусматривает ряд приоритетных мероприятий как уголовно-правового, так и организационно-технического характера. Особое внимание уделяется профилактике вовлечения несовершеннолетних в киберпреступную деятельность и повышению цифровой грамотности населения посредством реализации межведомственных образовательных программ.

Создание условий для развития отечественной индустрии информационной безопасности, стимулирование научных исследований в области защиты информации, поддержка отечественных производителей программного обеспечения и технических средств защиты представляют собой важное направление общесоциального предупреждения. Обозначенные меры позволят снизить зависимость от зарубежных разработок, создадут рабочие места, будут способствовать развитию экономики и повышению общего уровня цифровой безопасности страны.

Меры специально-криминологического предупреждения киберпреступности включают создание и развитие специализированных подразделений в системе правоохранительных органов, подготовку кадров, совершенствование методик расследования киберпреступлений, координацию деятельности различных субъектов борьбы с киберпреступностью, развитие государственно-частного партнерства [20].

Проблема квалифицированных кадров остается одной из самых острых в системе противодействия киберпреступности. Одной из мер выступает формирование у выпускников образовательных организаций, в которых осуществляется подготовка следователей и оперативных сотрудников, компетенций по эффективному применению в противодействии киберпреступности информационно-телекоммуникационных технологий, специализированного программного обеспечения [21].

Эффективное противодействие киберпреступности требует координации деятельности различных государственных органов. Координация осуществляется путем создания межведомственных рабочих групп по вопросам кибербезопасности, проведения совместных операций по выявлению и пресечению киберпреступлений, обмена информацией о выявленных угрозах и инцидентах (в том числе в рамках создаваемой межведомственной информационной платформы), разработки совместных методических рекомендаций по вопросам профилактики [22].

Помимо кадровых и организационных проблем, в число специально-криминологических мер входят и такие, как разработка и внедрение программно-аппаратных средств защиты информации, создание систем мониторинга и раннего обнаружения киберугроз, использование технологий искусственного интеллекта для прогнозирования и предупреждения киберпреступлений.

Разработка реестра официальных интернет-ресурсов представляет собой важную техническую меру [23]. Этот реестр позволит гражданам проверять

подлинность сайтов перед совершением финансовых операций и снизит вероятность стать жертвой мошеннических схем. Внедрение в мобильные приложения банков модулей предупреждения о рисках мошенничества с использованием технологий искусственного интеллекта представляет собой эффективную меру противодействия интернет-мошенникам. Эти модули анализируют поведение пользователя, выявляют признаки возможного мошенничества и предупреждают пользователя о рисках.

Уголовно-правовые меры предупреждения киберпреступности включают совершенствование уголовного законодательства с целью адекватного отражения новых форм киберпреступности, усиления уголовной ответственности за наиболее общественно опасные деяния.

Значительным шагом в совершенствовании уголовно-правовых мер стало введение в июне 2025 г. уголовной ответственности для дропперов — лиц, предоставляющих свои банковские счета и платежные карты для обналичивания похищенных мошенниками денежных средств. Криминализация действий дропперов направлена на разрушение инфраструктуры киберпреступности, поскольку без возможности легализации похищенных средств эффективность мошеннических схем существенно снижается [24].

Однако анализ российского уголовного законодательства выявляет серьезные пробелы в регулировании новых форм киберпреступности. Отсутствие четкого определения понятия «киберпреступление» порождает терминологическую неопределенность и затрудняет правовую оценку деяний [25]. Недостаточная регламентация ответственности за преступления с использованием технологий искусственного интеллекта, дипфейков, криптовалют требует скорейшего законодательного реагирования [26].

По результатам проведенного исследования можно сделать некоторые выводы.

Реализация мер предупреждения киберпреступности требует широкого участия институтов гражданского общества, развития государственно-частного партнерства и формирования культуры цифровой безопасности как элемента правосознания граждан. Необходимо законодательное закрепление обязанностей субъектов цифровой экономики по обеспечению информационной безопасности, разработка стандартов защиты персональных данных, создание системы поощрения организаций, активно участвующих в противодействии киберпреступности.

Уголовно-правовые меры должны включать криминализацию новых форм киберпреступности, усиление ответственности за наиболее общественно опасные деяния.

Организационные меры предполагают совершенствование деятельности специализированных подразделений по борьбе с киберпреступностью, подготовку кадров, обладающих необходимыми знаниями и навыками для расследования киберпреступлений. Технические меры включают внедрение систем мониторинга и раннего обнаружения киберугроз, использование технологий искусственного интеллекта для прогнозирования киберпреступлений.

Список источников

1. Швыряев П. С. Киберпреступность в России : новый вызов для общества и государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 184–185.
2. Жалсанов М. К. Криминальные фактор-риски развития цифровой экономики // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 7. С. 237.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за 2024 год // ГИАЦ МВД России.
4. Ущерб от IT-преступлений в 2024 году вырос почти на треть // URL: https://tass.ru/obschestvo/23183001
5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-август 2025 года // ГИАЦ МВД России.
6. Байханов А. И. Преступная рубка лесных насаждений и ее предупреждение : монография. М., 2015.
7. Глезман Л. В., Елькин С. А., Федосеева С. С. Цифровая грамотность населения как основа развития цифровой экономики в России и регионах // Управленческий учет. 2022. № 11-3. С. 948–955.
8. Капинус О. С. Цифровизация преступности и уголовное право // Baikal Research Journal. 2022. № 1. С. 39.
9. Симоненко А. В. Актуальные вопросы подготовки кадров для противодействия киберпреступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4(54). С. 6–7.
10. Фоменко А. И. К вопросу подготовки специалистов в области борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 4. С. 59.
11. Уголовный кодекс предлагают дополнить нормами об использовании дипфейков // URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20240916/310242023.html
12. Латентность киберпреступности превысила 60 % // URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20240424/309839280.html
13. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене

доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года).
14. «Историческое событие». Путин о подписании конвенции ООН против киберпреступности // URL: https://tass.ru/politika/25450877
15. Алексеев А. И. Избранные труды / [сост. Н. Д. Бут и др. ; предисловие Н. Д. Бут] ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2018.
16. Кобец П. Н., Краснова К. А. Современные особенности, причины, условия и совершенствование мер противодействия киберпреступности // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 1. С. 104.
17. Назмеева Л. Р. Цифровая трансформация экономики: влияние на преступность и проблемы ее предупреждения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1(39). С. 70–71.
18. Аналитический центр НАФИ. Индекс цифровой грамотности населения России : результаты исследования // URL: https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretiy-god-podryad-/
19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 августа 2025 г. № 2207-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 34. Ст. 5150.
20. Осипенко А. Л. Государственно-частное партнерство в сфере противодействия киберпреступности // Вестник ВИ МВД России. 2016. № 4. С. 37–38.
21. Шемелкин Е. Е. Особенности подготовки сотрудников оперативных подразделений, специализирующихся на противодействии преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Научный Лидер. 2024. № 36 (186).
22. Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам переподписал с Positive Technologies соглашение о сотрудничестве // URL: https://ptsecurity.com/about/news/naczionalnyj-koordinaczionnyj-czentr-po-kompyuternym-inczidentam-perepodpisal-s-positive-technologies-soglashenie-o-sotrudnichestve/
23. Скан О. Кабмин утвердил план защиты россиян от телефонных и интернет-мошенников // URL: https://www.garant.ru/news/1845788/
24. Зверев А. А. К вопросу об уголовной ответственности «дропперов»: правовые и организационные проблемы // Уголовное законодательство : вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 19–20 июня 2025 года / под ред. Д. М. Кокин ; сост. Ю. А. Шутова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 156.
25. Кочкина Э. Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 162–169.
26. За преступления с использованием ИИ хотят наказывать строже // URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/za-prestupleniya-s-ispolzovaniem-ii-khotyat-nakazyvat-strozhe/

References

1. Shvyryaev P. S. Cybercrime in Russia : a new challenge for society and the state // Public administration. Electronic bulletin. 2021. № 89. P. 184–185.
2. Zhalsanov M. K. Criminal factor-risks of the digital economy development // Gaps in Russian legislation. 2023. № 7. P. 237.
3. The state of crime in the Russian Federation in 2024 // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Damage from IT crimes increased by almost a third in 2024 // URL: https://tass.ru/obschestvo/23183001
5. The state of crime in the Russian Federation in January-August 2025 // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
6. Baykhanov A. I. Criminal logging of forest stands and its prevention : monograph. Moscow, 2015.
7. Glezman L. V., Yelkin S. A., Fedoseeva S. S. Digital literacy of the population as the basis for the development of the digital economy in Russia and the regions // Managerial accounting. 2022. № 11-3. P. 948–955.
8. Kapinus O. S. Digitalization of crime and criminal law // Baikal Research Journal. 2022. № 1. P. 39.
9. Simonenko A.V. Actual issues of personnel training to counter cybercrime // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4(54). P. 6–7.
10. Fomenko A. I. On the issue of training specialists in the field of combating crimes in the field of high technology // North Caucasian Law Bulletin. 2011. № 4. P. 59.
11. The Criminal Code is proposed to be supplemented

with norms on the use of deepfakes // URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20240916/310242023.html
12. The latency of cybercrime has exceeded 60 % // URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20240424/309839280.html
13. United Nations Convention against Cybercrime; strengthening international cooperation in combating certain crimes committed using information and communication systems and in the exchange of electronic evidence related to serious crimes (adopted by General Assembly resolution 79/243 of December 24, 2024).
14. «Historical event». Putin on signing the UN Convention against Cybercrime // URL: https://tass.ru/politika/25450877
15. Alekseev A. I. Selected works / [comp. N. D. Booth et al. ; preface by N. D. Booth] ; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Russian Federation. Moscow, 2018.
16. Kobets P. N., Krasnova K. A. Modern features, causes, conditions and improvement of measures to counter cybercrime // Penal Enforcement Law. 2024. Vol. 19(1-4), № 1. P. 104.
17. Nazmeeva L. R. Digital transformation of the economy : impact on crime and problems of its prevention // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. Vol. 11, № 1(39). P. 70–71.
18. NAFI Analytical Center. The digital literacy index of the Russian population : the results of the study // URL: https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretiy-god-podryad-/
19. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 14, 2025 № 2207-r «On approval of the action plan for the implementation of the concept of the state system for countering illegal acts committed using information and communication technologies» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 34. Art. 5150.
20. Osipenko A. L. Public-private partnership in the field of countering cybercrime // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4. P. 37–38.
21. Shemelkin E. E. Features of training of employees of operational units specializing in countering crimes committed using information and telecommunication technologies // Scientific Leader. 2024. № 36 (186).
22. The National Computer Incident Coordination Center has re-signed a cooperation agreement with Positive Technologies // URL: https://ptsecurity.com/about/news/naczionalnyj-koordinaczionnyj-czentr-po-kompyuternym-inczidentam-perepodpisal-s-positive-technologies-soglashenie-o-sotrudnichestve/
23. Scan O. The Cabinet of Ministers approved a plan to protect Russians from telephone and Internet scams // URL: https://www.garant.ru/news/1845788/
24. Zverev A. A. On the issue of criminal liability of «droppers» : legal and organizational problems // Criminal legislation : yesterday, today, tomorrow : proceedings of the annual international scientific and practical conference. St. Petersburg, June 19–20, 2025 / edited by D. M. Kokin ; comp. by Yu. A. Shutov. Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. P. 156.
25. Kochkina E. L. Definition of the concept of «cybercrime». Certain types of cybercrimes // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2017. № 3 (17). P. 162–169.
26. They want to punish crimes using AI more severely // URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/za-prestupleniya-s-ispolzovaniem-ii-khotyat-nakazyvat-strozhe/

Информация об авторе

Е. Н. Клещина — профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

E. N. Kleshchina — Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 342.7
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-110-114
EDN: https://elibrary.ru/khxqlk
NIION: 2003-0059-6/25-417
MOSURED: 77/27-004-2025-06-616

Зарубежный опыт (США, Германия, Франция) осуществления предиктивного правосудия и перспективы его внедрения в российскую правовую систему

Давид Александрович Кононов[1,2]
[1] Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия, mail@law-books.ru
[2] Адвокатское бюро «МУР», Москва, Россия

Аннотация. Исследуются вопросы предиктивного правосудия в некоторых зарубежных государствах, сопоставляются модели США, Германии и Франции, фиксируются их нормативные «красные линии» (запрет профилирования судей; ограничения на закрытые риск-скоринги; приоритет судебной независимости и процессуальной справедливости), а также раскрывается европейский регуляторный контекст (квалификация применения ИИ в сфере правосудия как высокорискового). На основе сравнительного анализа предлагается дорожная карта внедрения предиктивных инструментов в России: от «слабого» (вспомогательного) использования для организационных и исследовательских задач до ограниченных режимов рекомендательных систем при обязательных процессуальных гарантиях, алгоритмическом аудите и запрете персонального профилирования судей и «автоматизации усмотрения».

Ключевые слова: предиктивное правосудие, legal analytics, риск-оценка, алгоритмическая транспарентность, судебная независимость, open data судебных решений, COMPAS, Article 33 (France), EU AI Act, российская судебная цифровизация

Для цитирования: Кононов Д. А. Зарубежный опыт (США, Германия, Франция) осуществления предиктивного правосудия и перспективы его внедрения в российскую правовую систему // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 110–114. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-110-114. EDN: KHXQLK.

Original article

Foreign experience (USA, Germany, France) in the implementation of predictive justice and the prospects for its implementation into the Russian legal system

David A. Kononov[1,2]
[1] Scientific Research Institute of Education and Science, Moscow, Russia, mail@law-books.ru
[2] Law Firm «LKP», Moscow, Russia

Abstract. The issues of predictive justice in some foreign countries are examined, the models of the USA, Germany and France are compared, their regulatory «red lines» (banning the profiling of judges; restrictions on closed risk scoring; priority of judicial independence and procedural justice) are fixed, and also the European regulatory context (qualification of the application of AI in the field of justice as high risk) are revealed. Based on a comparative analysis, a roadmap for the introduction of predictive tools in Russia is proposed: from «weak» (auxiliary) use for organizational and research tasks to limited modes of recommendation systems with mandatory procedural guarantees, algorithmic auditing and the prohibition of personal profiling of judges and «automation of discretion».

Keywords: predictive justice, legal analytics, risk assessment, algorithmic transparency, judicial independence, open data of court decisions, COMPAS, Article 33 (France), EU AI Act, Russian judicial digitalization

For citation: Kononov D. A. Foreign experience (USA, Germany, France) in the implementation of predictive justice and the prospects for its introduction into the Russian legal system. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):110–114. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-110-114. EDN: KHXQLK.

Предиктивное правосудие (*predictive justice*) представляет собой комплекс технологий правовой аналитики и машинного обучения, позволяющих прогнозировать исходы судебных споров, параметры решений (сроки, размеры компенсаций, вероятность удовлетворения требований), а в отдельных юрисдикциях —

© Кононов Д. А., 2025

оценивать риски (например, рецидива) для целей мер пресечения, наказания, пенитенциарных и условно-досрочных решений [8].

Цифровизация судопроизводства почти во всех развитых юрисдикциях начиналась с инфраструктуры: электронная подача документов, цифровые досье, видеоконференцсвязь, публикация судебных актов, поисковые платформы. Следующий технологический слой — правовая аналитика, где массивы судебных решений становятся не только «архивом», но и «материалом» для статистических выводов: типовые исходы, средние сроки, вариативность санкций, предикторы удовлетворения требований [12]. Именно здесь возникает, на наш взгляд, предиктивное правосудие как социально-правовой феномен, который меняет баланс между: (а) принципом индивидуализации и усмотрением судьи и (б) ценностью единообразия практики и предсказуемости права. Важно при этом различать:

- во-первых, предиктивную аналитику для сторон/юристов (оценка перспектив, выбор стратегии, предсказание диапазона выплат/сроков);
- во-вторых, предиктивные инструменты внутри судебной системы (распределение нагрузки, прогноз сроков, поиск противоречий практики, «черновики» документов);
- в-третьих, риск-оценку в уголовной юстиции (вероятность рецидива/неявки/нарушений) как наиболее конфликтогенную область.

В рамках настоящей статьи предиктивное правосудие нами понимается как использование алгоритмических моделей (статистических и/или ML/AI) для: прогноза исхода дела или вероятности удовлетворения конкретных требований; прогноза параметров решения (срок, сумма, процессуальные траектории); сопоставления «похожих дел» и диапазонов правоприменения; оценки рисков поведения лица в рамках уголовной юстиции (bail/pretrial, sentencing, parole).

Технология «электронное правосудие» понимается по-разному и включает в себя несколько составляющих.

1. Ведение «электронного дела». Обязательным условием функционирования технологии «электронного правосудия» является ведение дел как на привычном бумажном носителе, так и в электронной версии (все документы, находящиеся в деле, сканируются и вносятся в базу). К преимуществам, несомненно, можно отнести очевидную экономию времени и денежных средств, автоматизацию делопроизводства. В этом случае нет необходимости запрашивать дела из других судов, а также тратить денежные средства на копирование материалов. К тому же хранение материалов дела в электронном виде способствует и более надежной их сохранности. Однако основным проблемным вопросом является вероятность утечки информации через несанкционированный доступ. В то же время определенных затрат требует и сканирование дел, как находящихся в архивах судов, так и вновь поступающих.

2. Подача заявлений и жалоб в суды через Интернет, что, соответственно, уменьшает сроки доставки обращений в суд и расходы на нее. Однако возникают проблемы удостоверения подлинности обращения.

3. Фиксация процесса судебного разбирательства дела на установленные в зале судебного заседания цифровые видеокамеры и микрофоны. Таким образом, фиксируется все происходящее в процессе разбирательства. В случае установки специального автоматического оборудования фальсификация результатов видеосъемки становится практически невозможной. Из недостатков необходимо отметить высокую стоимость оборудования.

4. Обеспечение доступа к текстам судебных решений и к материалам дела всем желающим посредством сети Интернет. При реализации данного аспекта технологии «электронного правосудия» необходимо учитывать конфиденциальность некоторой информации, которая находится в материалах дела. Если открыть доступ к материалам дела для всех желающих, то в определенных случаях могут быть затронуты личные права человека, подвергнута разглашению коммерческая тайна субъекта хозяйствования либо дискредитирована деловая репутация. Тем не менее, конфиденциальность таких материалов может быть гарантирована, например, посредством криптографических средств защиты информации (электронная цифровая подпись, открытые/закрытые ключи пользователей) либо «обезличиванием» персональной информации.

Что касается зарубежной практики, то, например, судебная система США (State Unified Court System) понимает под «электронным правосудием», прежде всего, доступ к судам, получение информации о судебных делах, поиск документов, их направление из и в пределах суда, получение информации о сторонах по делу, о дате подачи и сохранения документа, иной информации, связанной с судопроизводством, а также о практике юридических фирм [7]. В США также действуют системы «Управление делами/Электронный Архив дел» (Case Management/Electronic Case Files (далее - CM/ECF) и «Открытый электронный доступ к судебным материалам» (Public Access to Court Electronic Records (далее — PACER) [1]. Само название системы CM/ECF указывает на комбинацию двух систем, которые выполняют следующие функции: управление делами (CM) и электронный архив дел (ECF). Эти два компонента формируют интегрированную систему, которая, в свою очередь, дополнена технологией «Открытый доступ к судебным электронным данным», позволяющей пользователям получать доступ к электронным файлам дел, созданным с использованием системы CM/ECF. В целом, внедрение и использование систем CM/ECF, PACER основываются на принципе поэтапности, принципе доступности (свободный доступ к системе любого заинтересованного лица, а также простота использования технологий), принципе тождественности (документы на электронных и бу-

мажных носителях должны быть идентичны), принципе учета (фиксация всех обстоятельств, связанных с обменом информацией посредством системы), принципе сопряжения с внутренними системами электронного документооборота и др. [11].

Американская практика наиболее известна применением риск-оценок в уголовной юстиции. Самый цитируемый конфликт — использование COMPAS при вынесении приговора и вопрос о том, нарушает ли закрытость алгоритма право на надлежащую правовую процедуру (due process). В деле State v. Loomis Верховный суд штата Висконсин допустил использование риск-оценки при соблюдении оговорок, а Верховный суд США отказался пересматривать дело (cert. denied). Дискуссия в США разворачивается вокруг трех важных проблем:

- непрозрачность (trade secrets, закрытые модели);
- смещение и дискриминация (bias) и проблема метрик справедливости;
- эффект «автоматизационного уклона»: судья может подсознательно «делегировать» оценку опасности модели.

При этом американский опыт показывает: даже если модель повышает среднюю точность прогноза, она может: во-первых, закреплять структурные перекосы данных (полицейская статистика, практики обвинения); во-вторых, менять распределение бремени ошибки (кому «достанутся» ложноположительные решения).

В США параллельно формируются «мягкие» стандарты корректного использования риск- и needs-assessment при назначении наказания (в т. ч. через экспертные и судебно-административные центры). Таким образом, США демонстрируют, что риск-оценка в уголовной сфере — не столько технический, сколько конституционно-процедурный проект: без механизмов оспаривания, раскрытия допущений и независимого аудита легитимность будет разрушаться.

Вторая ветвь США — прогнозирование исходов гражданских и коммерческих споров для юридического рынка: аналитика по судам, категориям дел, практикам, временным профилям, типовым размерам взысканий. Здесь ключевой драйвер — данные и экономика юридических услуг; пример — платформы типа Lex Machina и аналогичные продукты. Системный риск этой ветви — «информационное неравенство»: крупные игроки получают статистическое преимущество, которое может конвертироваться в давление на слабую сторону и усиление асимметрии доступа к правосудию.

Цифровизация правосудия в Германии развивается не как технократический проект «ускорения судов», а как последовательная перестройка процессуальной инфраструктуры, где допустимость каждой технологии проверяется на совместимость с фундаментальными гарантиями правового государства. В практическом смысле это означает: (1) первичность норм процессуального права, (2) формализованную, стандартизированную и безопасную коммуникацию, (3) федеративно-координационный характер внедрения, (4) осторожное отношение к инструментам, которые способны влиять на оценку фактов и права (включая ИИ) [9].

Немецкий правовой подход к цифровизации правосудия заметно осторожнее американского. В обзорах по Германии подчеркивается, что в уголовной юстиции на данный момент не используется ИИ-инструментарий для алгоритмической оценки рецидива и назначения наказания; правовая литература и институциональные акторы демонстрируют высокий скепсис. При этом допускается идея «базы наказаний» (sentencing database), которая с помощью ИИ может подбирать прецедентно близкие случаи и давать судье ориентир (soft guidance), но не заменять решение. В той же логике фиксируются риски:

- дискриминационные эффекты из-за «biased programming»;
- опасность влияния на независимого судью через непрозрачные стандартизации.

Немецкая модель цифровизации правосудия, таким образом, характеризуется приоритетом процессуальных гарантий и правовой определенности над технологической «скоростью внедрения». Немецкая правовая культура выстраивает цифровизацию как производную от конституционных требований:

1. Судебная независимость (Art. 97 GG): судья независим и подчинен только закону. Это формирует скепсис к инструментам, которые фактически задают «норму по умолчанию» (например, рейтинги судей, скрытые алгоритмические рекомендации по исходу) [6].

2. Право быть выслушанным (Art. 103 Abs. 1 GG): цифровая процедура не должна ухудшать возможности стороны представлять доводы и реагировать на материалы дела [5].

3. Информационная самоопределенность (Volkszählungsurteil, 15.12.1983): конституционно значимый стандарт для любой обработки данных государством, в том числе в судебной ИТ-инфраструктуре (массовые массивы, маршрутизация, метаданные, доступы, логирование) (bundesverfassungsgericht.de) [3].

Именно эта триада объясняет, почему Германия делает ставку на «процессуально надежную» цифровизацию (каналы, подписи, стандарты, подтверждения доставки), а не на широкую экспериментальную алгоритмизацию судебного усмотрения.

Ключевой институт немецкой судебной правовой системы — электронный документ в гражданском процессе (§ 130a ZPO). Норма фиксирует требования к пригодности документа для обработки судом, условия подписи/аутентификации, а также юридически значимый момент поступления (в частности, через хранение на предназначенном судом приемном устройстве и выдачу подтверждения). Электронный документ при этом не является «аналогом бумаги», а представляет собой самостоятельный процессуальный формат с собственными критериями действительности и до-

казуемости доставки. Более того, немецкая модель принципиально различает «право» и «обязанность» пользоваться цифровыми каналами. Для профессиональных участников (прежде всего адвокатов и органов) закреплена активная обязанность подачи процессуальных документов в электронном виде (§ 130d ZPO). В результате цифровизация перестает быть факультативной: электронный правовой оборот превращается в стандартный режим коммуникации, а «бумажная подача» требует специальных оправданий (например, техническая невозможность).

Немецкий правовой подход к цифровизации правосудия можно квалифицировать как модель «цифрового доверия»: технологические решения допускаются постольку, поскольку они встроены в процессуальные формы и не снижают уровень конституционных гарантий. Центральные элементы — электронный документ (§ 130a ZPO), активная обязанность профессиональных участников (§ 130d ZPO), техническая стандартизация (ERVV), защищенная коммуникационная инфраструктура (EGVP и особые Postfächer), стандартизация данных (XJustiz) и переход к eAkte с 01.01.2026 г. для вновь создаваемых дел [2]. Одновременно европейская квалификация ИИ для правосудия как high-risk закрепляет высокую «цену ошибки» и делает предсказуемой немецкую осторожность в зоне алгоритмизации судебного рассуждения [4].

Таким образом, на примере немецкого законодательства допустимы инструменты, усиливающие единообразие через поиск аналогов, но неприемлемы модели, которые подменяют индивидуализированную оценку виновности/личности и встраивают «скрытую норму» в код.

Европейский AI-регуляторный тренд — квалифицировать ИИ-системы, применяемые в правосудии/администрировании правосудия, как high-risk, что влечет повышенные требования к управлению рисками, качеству данных, документации, надзору и др. Практически это означает: Европа институционально предполагает, что ошибка предиктивной модели в суде — не «технический дефект», а риск для фундаментальных прав. В публичном дискурсе часто фигурирует «эстонский робот-судья». Однако официальные разъяснения Минюста Эстонии прямо указывали, что государство не разрабатывает «AI judge», заменяющего судью; речь при этом идет о снижении административной нагрузки и поиске ИКТ-решений. Это важно для России: опаснее всего не «ИИ в суде», а маркетинговая легенда, которая запускает неправильные ожидания общества и провоцирует регуляторные ошибки (например, преждевременную легализацию автоматических решений без гарантий) [10].

Российская судебная цифровизация уже обсуждает ИИ как инструмент, прежде всего, вспомогательный: подготовка проектов судебных актов, расшифровка аудиопротоколов, интеллектуальный поиск и анализ практики — именно в такой постановке вопроса тема присутствует в материалах судебного сообщества и связанных проектов цифровых сервисов. Отсюда ключевой, на наш взгляд, вывод: для России технологически и институционально наиболее естественен путь «weak AI in justice» (ИИ как помощник), а не «algorithmic adjudication».

Французская модель показывает, что predictive justice возникает там, где государство открывает массивы судебных решений и тем самым создает рынок вторичной обработки данных. Министерство юстиции Франции прямо описывает режим open data судебных решений и календарь раскрытия массивов, включая поэтапность публикации по видам юрисдикции и категориям дел (Ministère de la justice). Следствие: предиктивность во Франции в значительной степени — рыночный продукт (legal tech), а не «автономная судебная машина».

Ключевой французский урок — ограничение «judge analytics». Закон о реформе правосудия 2019 г. (известная в дискуссии «норма статьи 33») закрепил запрет повторного использования идентификационных данных магистратов и сотрудников аппарата в целях их оценки, сравнения, ранжирования или профилирования. (Légifrance). Смысл запрета прагматичен: предотвратить (а) коммерческое «ранжирование судей», (б) давление на независимость, (в) стратегическое «judge shopping» на основе персональных профилей и (г) риски безопасности. Таким образом, французская модель фактически легализует предиктивность по делу, но блокирует предиктивность по судье. Это тонкая конструкция: государство одновременно стимулирует доступ к праву и инновации через open data, но удерживает институт судебной независимости от превращения в «объект рейтинга».

Таким образом, проведенное обзорное сравнение законодательства о цифровизации судопроизводства во Франции, США и Германии показывает, что предиктивное правосудие не является универсальным для всех стран «единым продуктом». Скорее, оно представляет собой набор инструментов, которые либо усиливают доступ к праву и управляемость системы (безопасная зона), либо создают системный конфликт с процессуальной справедливостью и судебной независимостью (опасная зона). Например, Франция демонстрирует нормативный прием «открыть решения — но запретить профилирование судей». США показывают, что закрытые риск-скоринги в уголовной сфере неизбежно становятся предметом конституционного спора (Loomis/COMPAS), а также объектом общественной критики из-за bias-дебатов. Германия показывает современную модель «soft guidance» и институциональный скепсис к автоматизации уголовно-правового усмотрения.

Список источников

1. About Case Management // URL: http://www.uscourts.gov/cmecf/cmecf_about.html
2. Bundestag. Материалы о регулировании внедрения eAkte и переходных решений (2025) // URL: https://www.bundestag.de/dokumente/

textarchiv/2025/kw46-de-e-akte-1123406
3. Bundesverfassungsgericht. Urteil vom 15. Dezember 1983 (Volkszählungsurteil), Az. 1 BvR 209/83 u. a. // URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/rs19831215_1bvr020983.html
4. European Commission (AI Act Service Desk). Annex III: High-risk AI systems (в т. ч. для судебных органов) // URL: https://ai-act-service-desk.ec.europa.eu/en/ai-act/annex-3
5. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Art. 103 // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_103.html
6. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Art. 97 // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_97.html
7. New York State Unified Court Systems // URL: http://iapps.courts.state.ny.us/caseTrac/jsp/ecourt.htm/
8. Белоусов Д. В. Электронное правосудие и его роль в организации судебной защиты в России // Администратор суда. 2015. № 3. С. 20–22.
9. Грудцына Л. Ю. Предиктивное судопроизводство : сравнительный анализ правоприменительной практики США, Германии, Франции и Китая // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 162–167.
10. Грудцына Л. Ю. Цифровизация правосудия в Европейском Союзе // Международный научный вестник. 2025. № 7. С. 198–204.
11. Грудцына Л. Ю. Электронное правосудие в США // Экономика и право. XXI век. 2025. № 1. С. 35–38.
12. Рысков О. И. Управление документами в европейских странах : обзор нормативной базы // Делопроизводство. 2006. № 4. С. 8–14.

References

1. About Case Management // URL: http://www.uscourts.gov/cmecf/cmecf_about.html
2. Bundestag. Materials on the regulation of eAkte implementation and transitional solutions (2025) // URL: https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2025/kw46-de-e-akte-1123406
3. Bundesverfassungsgericht. Urteil vom 15. Dezember 1983 (Volkszählungsurteil), Az. 1 BvR 209/83 u. a. // URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1983/12/rs19831215_1bvr020983.html
4. European Commission (AI Act Service Desk). Annex III: High-risk AI systems (including for judicial authorities) // URL: https://ai-act-service-desk.ec.europa.eu/en/ai-act/annex-3
5. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Art. 103 // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_103.html
6. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Art. 97 // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_97.html
7. New York State Unified Court Systems // URL: http://iapps.courts.state.ny.us/caseTrac/jsp/ecourt.htm/
8. Belousov D. V. Electronic justice and its role in the organization of judicial protection in Russia // Court administrator. 2015. № 3. P. 20–22.
9. Grudtsyna L. Y. Predictive legal proceedings : a comparative analysis of law enforcement practice in the USA, Germany, France and China // International Scientific Bulletin. 2025. № 4. P. 162–167.
10. Grudtsyna L. Y. Digitalization of justice in the European Union // International Scientific Bulletin. 2025. № 7. P. 198–204.
11. Grudtsyna L. Y. Electronic justice in the USA // Economics and law. XXI century. 2025. № 1. P. 35–38.
12. Ryskov O. I. Document management in European countries : an overview of the regulatory framework // Office work. 2006. № 4. P. 8–14.

Информация об авторе

Д. А. Кононов — научный сотрудник Научно-исследовательского института образования и науки, руководитель практики «Сопровождение процедур банкротства и антикризисный консалтинг» Юридической компании «ЛКП», кандидат юридических наук.

Information about the author

D. A. Kononov — Researcher of the Scientific Research Institute of Education and Science, Head of the Practice «Support of Bankruptcy Procedures and Anti-Crisis Consulting» of the Law Firm «LKP», Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 347.682.1
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-115-120
EDN: https://elibrary.ru/mlhkgg
NIION: 2003-0059-6/25-418
MOSURED: 77/27-003-2025-06-617

Наследственная трансмиссия как способ приобретения наследства

Ирина Георгиевна Крысанова-Кирсанова[1], Виктория Александровна Гук[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] gajde@mail.ru
[2] vira-6@yandex.ru

Аннотация. Анализируются нормы гражданского права, определяющие специфику юридического положения субъектов наследственных отношений. Особое внимание уделяется наследникам, имеющим право наследования, но не успевшим его принять в установленные законом сроки в связи с кончиной после открытия наследства. Также изучаются вопросы правового регулирования перехода права собственности в рамках наследственной трансмиссии.

Ключевые слова: право наследования, субъекты наследственных правоотношений, наследственная трансмиссия, сроки принятия наследства, защита гражданских прав

Для цитирования: Крысанова-Кирсанова И. Г., Гук В. А. Наследственная трансмиссия как способ приобретения наследства // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 115–120. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-115-120. EDN: MLHKGG.

Original article

Hereditary transmission as a way of acquiring inheritance

Irina G. Krysanova-Kirsanova[1], Victoria A. Guk[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] gajde@mail.ru
[2] vira-6@yandex.ru

Abstract. The norms of civil law that determine the specifics of the legal status of subjects of hereditary relations are analyzed. Special attention is paid to heirs who have the right to inherit, but who did not manage to accept it within the time limits established by law due to their death after the opening of the inheritance. The issues of legal regulation of the transfer of ownership rights within the framework of hereditary transmission are also being studied.

Keywords: inheritance rights, subjects of inheritance relations, hereditary transmission, terms for accepting an inheritance, protection of civil rights

For citation: Krysanova-Kirsanova I. G., Guk V. A. Hereditary transmission as a way of acquiring inheritance. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):115–120. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-115-120. EDN: MLHKGG.

Наследственные правоотношения в любую историческую эпоху представляют существенный интерес для субъектов права. За последние десятилетия российское законодательство, регулирующее наследственные правоотношения, претерпело значительные изменения, в том числе, касающиеся сущностных положений подотрасли, например, введено новое основание наследования — наследственный договор, стало возможным совершение совместного завещания супругами, расширен круг лиц, которые могут быть призваны к наследованию, скорректированы правила распределения наследственного имущества и многие новеллы. Изменениям подверглись и процедуры, осуществляемые участниками наследственных отношений при переходе наследственной массы, в которые все более включаются процессы цифровизации общественных отношений.

Наследственные права являются совокупностью

© Крысанова-Кирсанова И. Г., Гук В. А., 2025

гражданско-правовых норм, которые предоставляют гражданам фактические права по передаче частной собственности своим правопреемникам.

Если говорить об общей исторической тенденции, то совершенствование наследственного законодательства идет по пути расширения правовых инструментов регулирования, внедрения новых институтов, детализации процедур, связанных с реализацией наследственных прав и обязанностей. Не являются исключением и нормы, регулирующие порядок наследования.

С точки зрения исторической ретроспективы институт наследственной трансмиссии претерпел существенные изменения, начав свое возникновение еще в Древнем Риме в постклассический период. Данный институт изначально не находил своего места в системе норм, поскольку классическое понимание открытия наследства предполагало возникновение у наследника субъективного права на приобретение наследства. В России в ходе реформ Александра II и принятием кодекса законов гражданских Российской империи 1832 года появились положения о возможности замены умершего наследника его собственными наследниками. В это же время вводится система наследования по принципу очередности, определяющая приоритет наследников первой очереди над последующими линиями родства, основывалась на кровном родстве и степени близости к наследодателю.

Следует отметить, что в течение всего исторического периода до нынешних дней предпринимались различные попытки установления четких норм, которые позволили бы решить судьбу имущества в случаях смерти наследника и максимально избежать последующих правовых коллизий. При этом законодатель изменял круг наследников, устанавливал различные сроки, в течение которых заинтересованные лица могли реализовать свои права на наследство трансмиттента и первоначального наследодателя. Преобразования правовых моделей XIX века оказали большое влияние на становление современного института наследственной трансмиссии, сделав его неотъемлемой частью современной цивилистики и правового регулирования имущественных отношений. Сегодня наследственная трансмиссия продолжает оставаться актуальной и востребованной правовой конструкцией, обеспечивающей эффективность процесса наследования и защищая интересы наследников и иных участников гражданских правоотношений.

Особое внимание уделялось и основаниям наследования, данный институт также трансформировался с учетом развития общества. На сегодняшний день мы видим расширение личных распоряжений имуществом на случай смерти путем составления завещания как индивидуальных, так и совместных. При этом возможность совершения совместного завещания супругов в России появилась только с 1 июня 2019 г., с введением в действие Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [1].

Понятие завещания в российском праве практически не меняется с течением времени и в связи с изменением законодательства. Конечно же, его «наполнение», как юридическое, так и практическое, трансформируется вслед за экономическими и особенно политическими процессами [2].

Отечественное гражданское право также сталкивалось с изменениями в области передачи права на принятие наследства. В нормах ГК РСФСР 1964 г. законодатель впервые определил наследственную трансмиссию как самостоятельный правовой механизм. В действующем Гражданском кодексе определено, что право на принятие наследства не является частью самого наследства и рассматривается как самостоятельное условие, позволяющее вступить в наследственные права и нести обязанности. В науке встречаются мнения [3, с. 42] о том, что наследственная трансмиссия имеет признаки основания наследования. Существуют научные воззрения ученых о том, что данный институт является процедурой, которая может быть использована как универсальная при различных способах принятия наследства. Научная дискуссия по этому вопросу остается актуальной по сегодняшний день ввиду того, что субъектный состав правоотношения имеет четкую конструкцию, и всем потенциальным участникам доступно свободное выражение своей воли в данных обстоятельствах.

На современном этапе развития наследственного права присутствует значительный ряд проблем правоприменительного характера, связанных с реализацией института наследственной трансмиссии. Среди них такие вопросы как определение статуса трансмиттента, очередности наследования, наследование недостойными наследниками, наследование отдельных видов имущества, имущественных прав и иные. Проанализируем некоторые из них.

Институт наследственной трансмиссии имеет самостоятельное правовое значение. Наследственная трансмиссия отличается от наследования по праву представления и по праву подназначения. Например, право представления возникает только, если имеет место наследование по закону. Наследственная трансмиссия подразумевает возможность наследования как по закону, так и по завещанию. Кроме этого право представления подразумевает наследование в ситуации, когда наследник умер до открытия наследства и не был призван к наследованию. Условием возникновения права на наследственную трансмиссию является смерть наследника после открытия наследства и призвания его к наследованию, но при нереализованном при жизни наследником права наследования в течение установленного законом срока.

В ходе наследственной трансмиссии образуется своеобразная сложная субъектная связь между тремя участниками (при этом подобного рода связь не имеет прямого характера, поскольку два из этих субъектов последовательно умирают, давая тем самым возможность наследования для последующих лиц:

- первоначальный наследодатель, указывающий в завещании, либо передающий в порядке наследования по закону своё имущество, имущественные права и обязанности;
- наследник «первой степени» (трансмиттент), который призывается к наследству после смерти наследодателя, но при этом умирающий после открытия наследства до истечения срока его принятия и не успевший его принять;
- трансмиссар — лицо (либо лица), которые получают право наследования в отношении трансмиттента, «окончательно» реализующие имущество, входящее в наследственную массу первоначального наследодателя.

Анализируя положения ГК РФ, можно определить сложную правовую конструкцию наследственной трансмиссии:

- в качестве наследника по закону или завещанию призывается лицо, обладающее правом принять наследство либо отказаться от такового;
- данное лицо умирает до окончания срока принятия наследства, не успевая осуществить фактические или формальные действия, свидетельствующие о принятии наследства, отсутствие доказательств, которые подтверждают наличие таких действий;
- наличие у такого наследника собственных наследников, которые призываются по закону или завещанию для осуществления прав собственного трансмиттента в отношении наследства первоначального наследодателя.

Отметим, что принцип универсальности наследственного правопреемства наиболее важный принцип наследственного права, сущность которого заключается в том, что между волей наследодателя направленной на то, чтобы наследство перешло именно к тем, к кому оно перейдет, и волей наследника, который принимает наследство, должен быть прямой переход, кроме случаев, прямо предусмотренных законом (например, если наследник недееспособен, то наследство принимает за него его законный представитель). Универсальность наследственного правопреемства означает, что акт принятия наследства распространяется на все наследство, в чем бы таковое ни выражалось и у кого бы ни находилось. Наследство нельзя принять частично, под условием или с оговорками. Принцип универсальности наследственного правопреемства является важным элементом системы гражданского права, позволяющим поддерживать экономическую безопасность и ясность в распределении наследуемого имущества.

Анализируя нормы, посвященные использованию института наследственной трансмиссии, необходимо отметить особый субъектный состав этого правоотношения, а также сингулярность правопреемства в данных правоотношениях, так как согласно нормам Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), право на вступление в наследство в порядке наследственной трансмиссии не входит в состав наследства, открывшегося после смерти такого наследника.

Также важным является аспект, связанный с тем, что между наследниками, которые наследуют имущество первоначального наследователя и имущество трансмиттента, могут возникать противоречия, которые зачастую могут разрешиться только в судебном порядке. И получается, что, несмотря на то, что существуют строгие правила возникновения механизма трансмиссии, содержащиеся в законе, неопределенность субъектного состава остается, а иногда полностью исчезает только спустя несколько лет после открытия наследства.

В случае, когда наследник, указанный в завещании или определенный законом, умирает после открытия наследства, не успев заявить о своих правах на него, право на принятие наследства, принадлежавшего умершему наследнику, переходит к преемникам. Они получают это право в полном объеме и с теми же возможностями, какими обладал первоначально призванный к наследованию, но ушедший из жизни наследник. Таким образом, мы видим действие механизма по обеспечению преемственности имущественных прав и защиту интересов правопреемников умершего наследника.

Интересным представляется случай, когда наследник, признанный безвестно отсутствующим, не совершит действия, свидетельствующие о принятии наследства, и до истечения полугода не будет признан умершим. Верховный суд Российской Федерации в своем разъяснении указал на то, что в таком случае право на наследственную трансмиссию не возникает, и восстановление срока для принятия наследства возможно лишь по заявлению самого наследника (безвестно отсутствующего лица) [4].В этой связи защита прав участников специальной военной операции (далее — СВО) требует законодательной конкретизации, и, не смотря на логичность выводов Верховного Суда, данная категория граждан, имея специальный статус и особые внешние условия, все же нуждается в дополнительных мерах правового регулирования со стороны законодателя.

В контексте обсуждаемых вопросов следует упомянуть, что с 15 июля 2025 г. начали действовать обновленные нормы [5], касающиеся упрощения процедуры оформления наследства для членов семьи погибших в зоне СВО или лиц, проживающих на этих территориях.

Внесенные поправки дают возможность наследникам участников СВО, пропустившим установленный законом срок, унаследовать имущество без судебного разбирательства. В подобных случаях отсчет времени для принятия наследства начинается не с момента гибели участника СВО, а с даты внесения записи о его смерти в актах гражданского состояния.

Данное правило применяется, если точная дата смерти участника СВО не установлена, или если дата смерти, указанная в документах, отличается от даты выдачи справки о смерти более чем на квартал. Важно отметить, что полученное наследство считается собственностью наследника с момента смерти наследодателя.

Основаниями наследования согласно ГК РФ являются завещание, наследственный договор и закон (ст. 1111 ГК РФ). Кодексом определены лица, к которым переходит право на принятие наследства в указанных случаях, к ним относятся наследники по закону, а если все наследственное имущество было завещано — наследники по завещанию. Правила наследственной трансмиссии применимы и в случае призвания к наследованию по закону, так и на основании завещания. Однако правила перехода прав в порядке наследственной трансмиссии, не всегда могут быть реализованы. В частности, это касается ситуаций, когда в первоначальном завещании наследодателем указан запасной наследник, или когда у наследника возникает право на получение обязательной доли в наследстве, или если смерть наследодателя и наследника произошли в один день (ст. 1114 ГК РФ).

Однако встречаются случаи, когда не все наследственное имущество завещано, а какая-то часть имущества умершего наследника остается незавещанной, право на принятие наследства в порядке наследственной трансмиссии переходит к наследникам по закону. В этом контексте свободное волеизъявление наследодателя имеет принципиальное значение и во многом определяет дальнейшие условия перехода имущества к правопреемникам. В качестве примера можно привести наследование родителями после детей, в отношении которых они были лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства, применяя к ним положения ст. 1117 ГК РФ. В целом, подобные ситуации могут происходить при злоупотреблении правом недобросовестными родителями.

Отметим, что при выборе наследственного договора как одного из правовых инструментов выражения своей воли сторонами, законом предусмотрены более широкие возможности для гарантирования сторонам правового результата подобной сделки, поскольку договорная конструкция согласно ст. 1140.1 ГК РФ предполагает подназначение наследника.

Помимо прочих на практике имеются спорные ситуации при использовании правил о наследственной трансмиссии в случае включения в состав наследственной массы особые объекты собственности (например, криптовалют, виртуальных игровых объектов, NFT, бизнес-аккаунтов в социальных сетях и т. д.). К примеру, суд разрешил включать в состав передаваемого трансмиссару (действующему от его имени финансовому управляющему) имущества информации о сайте расположения крипоткошелька и входных данных [6]; при этом остальные цифровые объекты, которые могут иметь ценность в виртуальном пространстве, не всегда признаются судом в качестве потенциального наследственного имущества (к примеру, согласно решению Курчатовского районного суда г. Челябинск в соответствии с лицензионным соглашением, которое заключается пользователем в рамках игровой системы Blizzard, т. н. «внутриигровая валюта» (средства, очки для приобретения внутриигровых улучшений и повышения прогресса в игре, в том числе и если они покупаются за реальные деньги) не могут быть переданы (в том числе и в порядке «обычного» наследования, наследственной трансмиссии) другим лицам, так как не имеют денежной стоимости [7]. Как представляется, в случае закрепления максимально возможному количеству видов электронных объектов статуса имущества (в том числе и в целях правопреемства в порядке наследственной трансмиссии) данные пробелы будут решены на уровне руководящих положений Верховного Суда РФ.

Положения ст. 1113 ГК РФ согласно Федеральному закону от 24 июня 2025 г. № 164-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» применяются к гражданам, участвовавшим в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области или в ходе вооруженной провокации на Государственной границе Российской Федерации и приграничных территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, в том числе в качестве лиц, проходивших военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, лиц, находившихся на военной службе (службе) в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в воинских формированиях и органах, указанных в п. 6 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», лиц, заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, а также к лицам, заключившим контракт (имевшим иные правоотношения) с организацией, содействующей выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, к находившимся на указанных территориях

служащим (работникам) правоохранительных органов Российской Федерации, к лицам, выполнявшим служебные и иные аналогичные функции на указанных территориях, к гражданам, проживавшим или временно находившимся на указанных территориях, с учетом особенностей, предусмотренных законодательством.

Несмотря на особый сложный юридический состав и наличие условий, при которых применяется наследственная трансмиссия, ее нельзя считать отдельным основанием наследования, поскольку она связана именно с переходом уже существующего (возникшего ранее) права на наследство, а не возникновение нового права наследования. Поскольку именно завещание или закон определяют круг потенциальных наследников и размер долей каждого из них. Однако наличие наследственной трансмиссии никак не влияет на первоначальный выбор оснований наследования, а лишь определяет дальнейший порядок действий при возникновении специфической ситуации для реализации уже возникших прав. Таким образом, служит инструментом продолжения процедуры наследования, обеспечивая реализацию и соблюдение интересов оставшихся претендентов на имущество.

Проводя анализ действующих правовых норм, можно сделать вывод, о том, что наследственная трансмиссия представляет собой особый правовой механизм, который используется заинтересованными субъектами права, но по определенным критериям, где волеизъявления наследователя и трансмиттента складываются в единый состав как основание возникновения наследственных правоотношений. При этом судом в каждом конкретном случае использования перехода права на принятие наследства учитываются основания наследования, а значит и особенности распределения долей наследников, субъектный состав лиц, участвующих в наследственном правоотношении и сроки, необходимые для реализации установленного законом права.

Наследственная трансмиссия, являясь правовым инструментом, играет важную роль в защите интересов близких родственников наследодателя и обеспечивает справедливое распределение имущества среди всех заинтересованных лиц. Благодаря наследственной трансмиссии удается избежать ситуации, когда ценности остаются невостребованными вследствие внезапной кончины наследника.

Кроме того, этот институт способствует стабильности гражданского оборота, поскольку четкое определение порядка наследственного правопреемства предотвращает возможные конфликты, злоупотребления и судебные споры вокруг распределения имущества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наследственная трансмиссия является эффективным механизмом защиты законных интересов наследников, обеспечивающим непрерывность передачи имущества от поколения к поколению даже в сложных жизненных ситуациях. А правильное понимание и применение положений о наследственной трансмиссии помогает предотвратить юридические коллизии и сохранить целостность семейных активов.

Список источников

1. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2018. № 160. 25 июля.
2. Зайцева Т. И., Крашенинников П.. Наследственное право : комментарий законодательства и практика его применения. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2005.
3. Смирнов С. А. История наследственной трансмиссии в российском праве в досоветский период // История государства и права. 2016. № 15.
4. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 августа 2025 г. № 66-КГ25-6-К8 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 164-ФЗ «О внесении изменения в ФЗ «О введении в действие части третьей ГК РФ» // Российская газета, 27 июня 2025 г. № 139.
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09-АП16416/2018 по делу А40-124668/2017 // Информационная база «СудАкт».
7. Решение Курчатовского суда города Челябинска от 10 августа 2021 г. по делу № 2-3802/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law № 217-FZ of July 19, 2018 «On amendments to Article 256 of Parts One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2018. № 160. July 25.
2. Zaitseva T. I., Krasheninnikov P.. Inheritance law : commentary on legislation and practice of its application. 4th ed., revised M. : Statute, 2005.
3. Smirnov S. A. The history of hereditary transmission in Russian law in the pre-Soviet period // History of the State and Law. 2016. № 15.
4. Ruling of the IC on Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 5, 2025 № 66-KG25-6-K8 // LRS «ConsultantPlus».
5. Federal Law № 164-FZ dated June 24, 2025 «On amendments to the Federal Law «On the Enactment of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta, June 27, 2025 № 139.
6. Resolution of the Ninth Arbitration Court of

Appeal dated May 15, 2018 № 09-AP16416/2018 in the case A40-124668/2017 // SudAkt information Base.
7. The decision of the Kurchatov Court of Chelyabinsk dated August 10, 2021 in case № 2-3802/2021 // LRS «ConsultantPlus».

Библиографический список

1. Белова О. А. Особенности наследственной трансмиссии по гражданскому законодательству РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 6-2.
2. Корючина И. А. Наследственная трансмиссия : проблемы правового регулирования // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 19(3).
3. Могилевский Г. А. Наследственная трансмиссия как правовой субъинститут перехода прав на принятия наследства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 9-2 (84).
4. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 августа 2025 г. № 66-КГ25-6-К8 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Репетунова А. Д. Наследственная трансмиссия : понятие и сущность // Новый юридический вестник. 2020. № 10 (24). С. 21.
6. Смирнов С. А. Наследственная трансмиссия в гражданском праве : генезис и развитие : монография. М. : Статут, 2019.

Bibliographic list

1. Belova O. A. Features of hereditary transmission under the civil legislation of the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 6-2.
2. Koryuchina I. A. Hereditary transmission: problems of legal regulation // Siberian Legal Review. 2022. № 19(3).
3. Mogilevsky G. A. Hereditary transmission as a legal sub-institution for the transfer of rights to the acceptance of inheritance // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 9-2 (84).
4. Definition of the IC on civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 5, 2025 № 66-KG25-6-K8 // LRS «ConsultantPlus».
5. Repetunova A.D. Hereditary transmission : concept and essence // New Legal Bulletin. 2020. № 10 (24). P. 21.
6. Smirnov S. A. Hereditary transmission in civil law : genesis and development : monograph. Moscow : Statute, 2019.

Информация об авторах

И. Г. Крысанова-Кирсанова — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

В. А. Гук — заместитель начальника кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

I. G. Krysanova-Kirsanova — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

V. A. Guk — Deputy Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 10.12.2025.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 03.12.2025; accepted for publication 10.12.2025.

Научная статья
УДК 343.2
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-121-130
EDN: https://elibrary.ru/ngekdh
NIION: 2003-0059-6/25-419
MOSURED: 77/27-003-2025-06-618

Теоретические и статистические аспекты уголовно-правовой дифференциации лиц, совершивших преступление

Валентина Николаевна Куфлева
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, val_swatch@mail.ru

Аннотация. Обосновывается необходимость разработки типологии лиц, совершивших преступление, которая была бы значима именно с точки зрения уголовного права, а именно — для дифференциации уголовной ответственности. Подчеркивается, что дифференциация лиц, совершивших преступление, является сложной и многоуровневой проблемой уголовного права, выходящей за рамки простого текстуального толкования закона. Проблема построения устойчивой, значимой с уголовно-правовой точки зрения типологии лиц, совершивших преступления, остается нерешенной, и нуждается в дальнейшем развитии. Выделяется необходимость теоретически обоснованной и практически значимой дифференциации лиц, совершающих преступления на: лиц, совершивших преступление впервые, и лиц, совершивших преступление не в первый раз. Анализируется состояние, динамика и структура преступности в различных типологических группах преступников с акцентом на кратность совершаемых преступлений. Раскрываются методологические сложности статистического учета. Отмечается значительное сокращение доли первоначальных правонарушителей и увеличение повторно осужденных за последние 25 лет.

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление, лицо, впервые совершившее преступление, лицо, совершившее преступление не в первый раз, дифференциация уголовной ответственности, типология лиц, совершивших преступление, рецидив, судимость

Для цитирования: Куфлева В. Н. Теоретические и статистические аспекты уголовно-правовой дифференциации лиц, совершивших преступление // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 121–130. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-121-130. EDN: NGEKDH.

Original article

Theoretical and statistical aspects of criminal legal differentiation of persons who committed a crime

Valentina N. Kufleva
Kuban State University, Krasnodar, Russia, val_swatch@mail.ru

Abstract. Substantiated the need to develop a typology of individuals who have committed crimes that would be meaningful specifically from a criminal law perspective, namely, for the differentiation of criminal liability. Emphasized that the differentiation of individuals who have committed crimes is a complex and multi-layered issue in criminal law that goes beyond a simple textual interpretation of the law. Despite attempts, the problem of constructing a stable, criminally meaningful typology of individuals who have committed crimes remains unresolved and requires further development. The need for a theoretically sound and practically meaningful differentiation of individuals who commit crimes into first-time offenders and repeat offenders is emphasized. The status, dynamics, and structure of crime in various typological groups of criminals are analyzed, with an emphasis on the frequency of crimes committed. The methodological complexities of statistical recording are revealed. A significant reduction in the proportion of first-time offenders and an increase in repeat offenders over the past 25 years are noted.

Keywords: a person who has committed a crime, a person who has committed a crime for the first time, a person who has committed a crime repeatedly, differentiation of criminal liability, typology of persons who have committed a crime, recidivism, criminal record

For citation: Kufleva V. N. Theoretical and statistical aspects of criminal legal differentiation of persons who committed a crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):121–130. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-121-130. EDN: NGEKDH.

© Куфлева В. Н., 2025

Понятие «лицо, совершившее преступление» своим содержанием охватывает все возможные варианты проявления и, соответственно, описания такого лица в уголовном законе. При этом сам термин «лицо, совершившее преступление» встречается в УК РФ лишь в изложении принципов уголовного права — в ст. 4 и ст. 6, 7 УК РФ, а также в ст. 10 УК РФ. В остальных ситуациях законодатель, следуя логике и задачам уголовно-правового регулирования, конкретизирует признаки лица, совершившего преступление, и проводит содержательную классификацию таких лиц по самым разным основаниям (ст. 12, 13, 23, 24, 33, 75, 87 УК РФ).

Внимание законодателя к классификации лиц, совершивших преступление, не случайно, классификация — основа для максимально конкретизированного, «точечного» уголовно-правового воздействия, обеспечивающего конституционно необходимую дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности.

Вместе с тем, вопрос дифференциации лиц, совершивших преступление, как самостоятельная исследовательская проблема, во многом выходит за пределы простого системологического анализа текста уголовного закона в область теоретического конструирования и моделирования. И от этого становится особенно важным для развития уголовно-правовой науки.

Проблематика такой типологии в отечественной правовой науке составляет удел не уголовно-правовых, а преимущественно криминологических исследований [1, с. 300–302; 2, с. 148]. При всей безусловной ценности криминологических типологий, в основе построения которых лежит необходимость решения задач предупреждения преступности (особенно ранней и индивидуальной профилактики), ни одна из них не может быть прямо использована в качестве основания нормативной дифференциации уголовной ответственности. Уголовному праву требуется своя, особенная типология (или классификация), акцентирующая внимание на таких признаках и свойствах лица, совершившего преступление, которые имеют именно уголовно-правовое значение. Речь идет о градации лиц, совершивших преступления, значимой именно для целей дифференциации уголовной ответственности.

Представляется, что не будет большой ошибки в утверждении о том, что проблема значимой для решения вопросов дифференциации уголовной ответственности типологической характеристики лиц, совершивших преступления, в целом остается открытой. Решение этой проблемы, как видится, должно учитывать несколько методологических требований:

1) в основе типологии лиц, совершающих преступление, должны быть расположены критерии, независимые от содержания уголовного закона (типология должна формировать закон, а не формироваться им);

2) типология должна быть построена на основе учета признаков, характеризующих именно лицо, совершившее преступление, а не само совершаемое преступление или особенности процесса его совершения или участия в нем;

3) уголовно-правовая типология лиц, совершивших преступление, должна коррелировать с криминологическими представлениями о личности преступника, иметь криминологическое основание;

4) поскольку типология предназначается для законодательной дифференциации уголовно-правовых предписаний, она должна быть максимально лишена оценочных компонентов, иметь в своей основе строгие, объективные, верифицируемые критерии;

5) типология должна иметь сквозное уголовно-правовое значение, обладать способностью участвовать в дифференциации уголовной ответственности на всех этапах или участках уголовно-правового регулирования — от конструирования основания уголовной ответственности до выбора вида наказания или определения специфики его исполнения;

6) типология лиц, совершивших преступление, должна охватывать такие их признаки, содержание которых имеет прямое значение для оценки общественной опасности этих лиц, поскольку именно параметры опасности в современной уголовно-политической концепции выступают основным критерием дифференциации уголовной ответственности.

Соблюдение этих методологических требований обеспечит связь реальной криминальной ситуации и ее оптимальной нормативной модели, гарантирует уголовно-политическую и криминологическую обусловленность нормативных решений, будет способствовать системному отражению в уголовном законе данных о личности лица, совершившего преступление.

Нельзя сказать, что данный вопрос полностью игнорируется уголовно-правовой наукой или ей неизвестен [3]. Однако создание значимой для решения уголовно-политических задач уголовно-правовой типологии лиц, совершающих преступление, никогда не ставилось в центр научных разработок, не было самостоятельной исследовательской задачей.

Представляется, что разработка такой типологии не требует каких-то особых, специальных усилий. Она интуитивно ощущается юристами, хотя прямо и отчетливо никогда не конструируется, а ее уголовно-политическое значение явно недооценивается. Со всей очевидностью такая типология предполагает градацию лиц, совершивших преступление, на тех, кто совершает преступление впервые и не в первый раз. Именно в такой дифференциации отчетливо соблюдаются все указанные выше методологические требования, и именно такая дифференциация лиц, совершивших преступление, может стать основой для дифференциации личностно ориентированной уголовной политики.

В качестве необходимого эмпирического сопровождения и поддержки этой теоретической типоло-

гии лиц, совершивших преступление, целесообразно представить результаты статистического анализа данных, отражающих состояние и тенденции преступности лиц, различающихся кратностью совершения преступлений, и судебной практики реагирования на преступные деяния таких лиц.

Источником статистической информации послужат официальные данные ГИАЦ МВД России о лицах, выявленных за совершение преступлений[1], и данные Судебного Департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости[2]. Все необходимые статистические расчеты в рамках реализации методов сводки и группировки данных, сплошного статистического наблюдения выполнялись нами лично. Глубина статистического наблюдения будет варьироваться (от 2 до 25 лет) в зависимости от предмета, целей анализа, требований репрезентативности, а равно доступности необходимой информации. Такой подход в определении периодов наблюдения согласуется с новейшими достижениями науки и методологическими требованиями, сформулированными в рамках исторической криминологии [4], которые в равной степени применимы и для проведения уголовно-социологических исследований.

Предваряя изложение результатов исследования, важно обратить внимание на некоторые сложности статистического анализа. Несопоставимость критериев статистического наблюдения в различных ведомствах, размытый характер информации об объемах именно «первичной» преступности, различающиеся показатели для оценки преступлений лиц, впервые и не впервые совершающих уголовно-противоправные деяния, отсутствие в официальной статистике криминологически значимой информации о характере взаимосвязи первого и последующих преступлений, и некоторые иные обстоятельства вызывают существенные сложности в статистическом и социологическом исследовании. Однако эти сложности, во-первых, не являются непреодолимыми; при соответствующих оговорках и комментариях неполная сопоставимость статистических данных может быть вполне успешно сглажена. Во-вторых, что особенно важно при проведении социологических исследований, надо помнить о недопустимости абсолютизации показателей (процентов, коэффициентов и т. д.) статистического анализа. М. М. Бабаев пишет: «Цель анализа состоит не в том, чтобы «добыть» какую-то конкретную цифру, но чтобы определить более или менее устойчивую тенденцию динамики преступности, направление развития, общие темпы и масштабы изменений тех или иных показателей, точки «перелома» тенденций и т. д. Что же касается конкретных цифр, которые являются естественным и неизбежным итогом любого статистического анализа и прогноза, то они должны рассматриваться в данном случае лишь как относительно точные или даже просто условные» [5, с. 53].

Анализ статистической информации свидетельствует, что устойчивой тенденцией начала XXI в. является сокращение общего числа лиц, выявленных за совершение преступлений (что выступает закономерным следствием общего сокращения масштабов регистрируемой преступности). В период с 2000 г. по 2024 г. общее число выявленных за совершение преступлений лиц сократилось на 62 % — с 1741439 до 662260 человек. К аналогичным выводам приводит и увеличение глубины статистического наблюдения: в 1990 г. было выявлено 1383552 человека, совершивших преступления, а в 1986 г. — 1706148 человек.

На этом фоне обращает на себя внимание устойчивый рост удельного веса лиц, ранее совершавших преступления, в общем массиве выявленных за совершение преступлений лиц — с 25,4 % в 2020 г. до 56,3 % в 2024 г. В 1990 г. этот показатель составлял 21,6 % (298528 из 1383552 человек), в 1986 г. — 22 % (374574 из 1706148 человек)[3]. И, кроме того, столь же отчетливый и устойчивый нисходящий тренд показателей удельного веса лиц, ранее судимых в общем числе лиц, ранее совершавших преступления, и вновь выявленных за совершение преступления. Соответствующий показатель снизился с 82,6 % в 2005 г. до 51,3 % в 2014 г. (в официальных сборниках соответствующий показатель стал отдельно выделяться с 2003 г.).

Представляется, что сокращение удельного веса судимых лиц выступает в данном случае отчетливым следствием изменения настроений в судебной практике, ее ориентации на сокращение общего объема судимых лиц в стране, в том числе за счет масштабного применения института освобождения от уголовной ответственности. Что касается тенденции увеличения доли лиц, ранее совершавших преступления, в общем массиве выявленных лиц, то ее объяснение следует искать за пределами практики применения уголовного закона, в более широкой области работы правоохранительных органов, пенитенциарной системы и системы профилактики преступности. Не углубля-

---

[1] Если не оговорено иное, статистические данные о выявленных за совершение преступлений лицах приводятся на основании статистического ежегодника «Состояние преступности в Российской Федерации». Сборник за период с 2003 г. по 2024 г. размещены на официальном интернет-сайте МВД России. URL: https://мвд.рф/reports (дата обращения: 17.08.2025). Данные за более ранние периоды приводятся по печатным версиям сборников: Преступность и правонарушения в СССР. 1990. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1991; Преступность и правонарушения (1997–2001). Статистический сборник. М.: Б.И., 2002.

[2] Необходимая информация извлечена из Формы № 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления», Раздел 2 «Характеристика преступления, его рецидива и повторности», а также из Формы № 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской». Соответствующая информация размещена на официальном интернет-сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/?id=79

[3] Преступность и правонарушения в СССР. 1990. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1991.

ясь в объяснения причин формирования указанных трендов, отметим, что начиная с 2015 г. наблюдается уже достаточно устойчивое на протяжении последних 10 лет соотношение удельного веса лиц, впервые совершивших преступление, и удельного веса ранее судимых лиц в общей массе лиц, выявленных за совершение преступление (57:43). На каждого впервые совершившего преступление приходится 1,3 ранее совершавших преступные деяния. Столь же устойчив и показатель ранее судимых в группе лиц, ранее совершавших преступление. Он составляет в последние 10 лет в среднем 52,5 %. Иными словами, более половины от общего числа лиц, выявленных за совершение преступлений, ранее совершали преступления, а из них примерно половина ранее были судимы.

Такой контингент преступников является базой формирования категории осужденных лиц. Очевидно, не все выявленные за совершение преступлений лица предстают перед судом, а из представших перед судом — не все осуждаются. В отношении определенной категории выявленных лиц уголовное преследование прекращается на досудебных стадиях или в суде. Не учитывая экстраординарные ситуации прекращения уголовного преследования, связанные с правоприменительными ошибками, с декриминализацией деяний, амнистиями и т. п., то основной массив лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращается — это лица, освобождаемые от уголовной ответственности. Ежегодно объем таких лиц составляет порядка 180–200 тысяч человек [6] (в последние годы наблюдается некоторое его сокращение). Не затрагивая изучение этой группы лиц, совершивших преступление, учитывая, что с точки зрения кратности совершенных деяний, освобождению от ответственности подлежат лица, не имеющие судимости, вне зависимости от того, совершали ли они ранее преступление фактически или нет. Гораздо более информативными с точки зрения анализа кратности совершенных преступлений и ее влияния на уголовную ответственности являются данные Судебного департамента при Верховном Суде о состоянии и динамике судимости.

Общий массив осужденных лиц за первую четверть XXI в. снизился в 2,3 раза (с 1183631 до 512845 человек), что закономерно является следствием совпадения двух базовых тенденций: улучшения криминальной ситуации за счет сокращения масштабов преступности и гуманизации правоприменительной практики за счет активного применения альтернативных уголовной ответственности форм разрешения уголовно-правового конфликта.

Но на этом фоне обращает на себя внимание устойчивый рост в общей массе осужденных удельного веса лиц, которые имели неснятую или непогашенную судимость — с 22 % в 2000 г. до 34,5 % в 2024 г.

Такой рост начался еще в середине 80-х XX в., когда анализируемый показатель варьировался в районе 20 %, и стабилизировался к 2015–2020 гг. на среднем уровне в 35 %. Можно утверждать, что у лиц, ранее совершавших преступление, вероятность быть осужденными, существенно выше, нежели у лиц, которые совершили преступление впервые (в том числе, если слово «впервые» понимать с нормативной точки зрения, как «при отсутствии судимости»). Она составляет в последние десять лет 96–98 %, в то время как у лиц, не имеющих судимости колеблется на уровне 64–69 %.

Если не обстоятельства, связанные с болезнью, истечением сроков давности привлечения к ответственности, декриминализацией или амнистией, лицо, совершившее преступление, при наличии у него неснятой или непогашенной судимости будет со стопроцентной вероятностью осуждено. У лиц, не имеющих судимости, такая вероятность заметно ниже. Отмечаемое в последние годы увеличение удельного веса осужденных среди лиц, не имеющих судимости, (с 63,7 % в 2020 г. до 69,1 % в 2024 г.) происходит за счет корректировки масштабов освобождения от уголовной ответственности, прежде всего, в связи с назначением судебного штрафа (если в 2020 г. на основании ст. 76.2 УК РФ было освобождено от ответственности 56980 человек или 7,9 % от общего числа лиц, представших перед судом, в а 2024 г. — 13060 человек, то есть 2 %) [7].

Таким образом, судебная практика отчетливо свидетельствует: примерно каждое третье из представших перед судом лиц ранее было судимо, имело неснятую или непогашенную судимость на момент совершения преступления; такое лицо в случае совершения повторного преступления почти с неизбежностью будет осуждено вновь.

Вместе с тем, контингент судимых лиц, как известно, неоднороден с точки зрения предписаний уголовного закона о рецидиве. Собственно удельный вес лиц, совершивших преступление при наличии рецидива, в общем массиве осужденных лиц в последние 25 лет колеблется в пределах 14–20 %.

Дифференцированный анализ осужденных лиц, имеющих судимость, показывает, что заметной тенденцией последней четверти века стало сокращение удельного веса рецидивистов, корректируемое ростом удельного веса лиц, имеющих судимость при отсутствии признаков рецидива (см. рис. 1).

За период, начиная с 2000 г., доля лиц, совершивших преступление при наличии рецидива, сократилась с 62,8 % до 46,9 %, а имеющих судимость при отсутствии рецидива — возросла с 37,2 % до 46,9 %. Точкой пересечения разнонаправленных тенденций стал 2020 г. Вместе с тем, еще задолго до 2020 г. их соотношение установилось на уровне примерно 1:1 и с тех пор остается относительно стабильным. Доля рецидивистов среди лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость, в последние 10 лет в статистическом отношении крайне ненамного меньше удельного веса лиц, не обладающих таковым статусом.

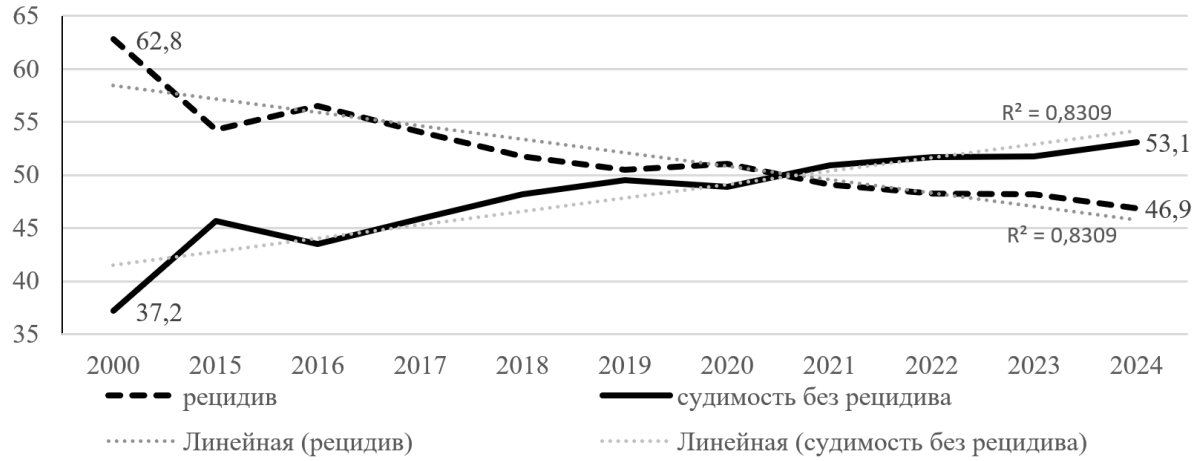


Рис. 1. Динамика структуры ранее судимых лиц

Такое положение в статистическом отношении зафиксировано с 2004–2005 гг., как итог известной крупной уголовно-правовой реформы, установившей существенные изъятия для признания совершенного преступления рецидивным [8, с. 20–21]. Эта же реформа привела к существенному изменению статистических показателей, отражающих распределение осужденных рецидивистов по видам рецидива (см. таблица 1).

Таблица 1

Виды рецидива

Год	Простой рецидив	Опасный рецидив	Особо опасный рецидив	Всего при рецидиве
2024	67556	10859	4548	82963
	81,4	13,1	5,5	100
2015	101320	18872	7128	127320
	79,6	14,8	5,6	100
2000	73799	72515	17007	163321
	45,2	44,4	10,4	100

Удельный вес лиц, осужденных за совершение преступления при «простом» рецидиве, вырос за 25 лет в 1,8 раза, тогда как доля совершивших преступление при опасном рецидиве сократилась в 3,4 раза, а при особо опасном рецидиве — в 1,9 раз.

Осужденные, имеющие неснятую или непогашенную судимость (включая лиц, совершивших преступление при наличии признаков рецидива) — не единственная группа лиц, которые ранее (до момента осуждения по последнему приговору) совершали преступление. Как известно, в уголовном праве объективно существует группа так называемых «юридически несудимых лиц». В нее можно включить лиц, которые ранее совершали преступления, но не были осуждены (например, в связи с освобождением от уголовной ответственности), а также лиц, которые были осуждены за ранее совершенные преступления, но судимости были сняты или погашены к моменту совершения последнего преступления. Сюда же включается группа лиц, которые действительно, фактически (а не только юридически) впервые совершили преступление. Соотношение этих категорий осужденных лиц представляет отдельный исследовательских интерес.

Анализ и соответствующие расчеты показывают, что в последние 25 лет удельный вес лиц, которые фактически совершили преступление впервые в общей массе юридически несудимых лиц, является достаточно стабильным и составляет в среднем 73,3 %.

Вместе с тем серьезные изменения наблюдаются при обращении к группе юридически несудимых, но ранее совершавших преступление. Внутри данной группы меняется ее структурное наполнение. Удельный вес лиц, осуждаемых за впервые совершенные два или более преступления, неуклонно растет (с 31,7 % в 2000 г. до 49,3 % в 2024 г.) на фоне устойчивого сокращения — с 63,9 % до 42,6 % — удельного веса лиц, которые имели снятую или погашенную судимость на момент совершения преступления, и стабильно небольшого (немногим более 4 %) удельного веса лиц, ранее освобождавшихся от уголовной ответственности.

Увеличение удельного веса лиц, осуждаемых за совершение впервые сразу нескольких преступлений, как отчетливая тенденция мониторинга и специального внимания с точки зрения объясняющих факторов. По-видимому, здесь играют свою роль и недостатки предупредительной деятельности, и изменения в правилах квалификации некоторых распространенных сложных преступлений с альтернативными признаками (прежде всего, связанных с оборотом наркотических средств).

Таким образом, сведения о динамике состава лиц,

совершающих преступления и осуждаемых за совершение преступлений, позволяют выявить несколько общих тенденций:

1) сокращение числа лиц, выявляемых за совершение преступлений, и осуждаемых по приговорам судов;

2) рост и стабилизация на уровне +/- 50 % удельного веса лиц, ранее совершавших преступления, в общем массиве выявленных за совершение преступлений;

3) последовательное сокращение и стабилизация на уровне +/- 50 % удельного веса ранее судимых лиц в общем массиве лиц, ранее совершавших преступление;

4) последовательный рост и стабилизация на уровне +/- 35 % удельного веса ранее судимых лиц в общем массиве осужденных;

5) сокращение и стабилизация на уровне +/- 50 % удельного веса рецидивистов в общем массиве ранее судимых лиц и вновь совершивших преступление;

6) сокращение и стабилизация на уровне +/- 65 % удельного веса осужденных лиц, юридически не имевших судимости на момент совершения преступления;

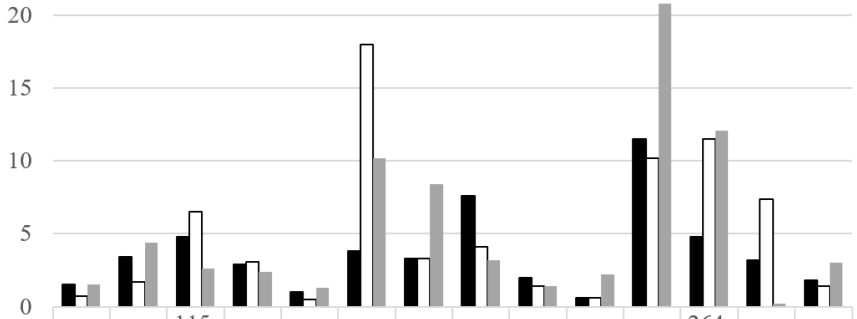
7) увеличение среди юридически несудимых лиц удельного веса лиц, не имеющих судимости и одновременно привлекаемых к ответственности за совершение нескольких преступлений.

В глобальном измерении и оценках эти данные свидетельствуют о том, что результатом отмеченных тенденций в преступности, выявляемости преступлений и в судебной практике стало:

1) сокращение среди лиц, совершивших преступление, тех, кто совершает его впервые (при отсутствии судимости), и рост тех, кто совершает преступление не в первый раз (при наличии судимости);

2) сокращение среди лиц, фактически совершающих несколько преступлений, доли рецидивистов с одновременным увеличением доли судимых при отсутствии рецидива и доли впервые осуждаемых за совершение нескольких преступлений.

Такая ситуация для своей всесторонней и объективной оценки требует проведения качественного анализа специфических особенностей преступлений, которые совершаются лицами, принадлежащими к различным типологическим группам. Это необходимо в том числе и для того, чтобы правильно оценить различия (если таковые имеются) в практике назначения уголовных наказаний лицам, в зависимости от кратности совершаемых ими преступлений. Для этих целей воспользуемся данными о числе осужденных лиц. При этом, принимая во внимание динамику закона (особенно в части санкций) и динамику наказательной практики судов, для демонстрации актуального состояния преступности и наказуемости деяний исследуемых категорий граждан нет необходимости углублять период статистического наблюдения. Напротив, полагаем необходимым наглядно представить именно текущие, актуальные данные, отражающие искомые сведения за 2024 г. Анализ позволяет выявить некоторые общие и особенные характеристики в структуре преступности исследуемых категорий граждан (см. диаграмма 2; в целях обеспечения наглядности на диаграмме не отражены сведения об осужденных за кражи).



	105	111	115, 116, 116.1	119	131, 132	157	159 - 159.6	161, 162	166	222 - 226	228 - 229.1	264.1 - 264.3	314 - 314.1	317 - 319
рецидивисты	1,5	3,4	4,8	2,9	1	3,8	3,3	7,6	2	0,6	11,5	4,8	3,2	1,8
судимые без рецидива	0,7	1,7	6,5	3,1	0,5	18	3,3	4,1	1,4	0,6	10,2	11,5	7,4	1,4
не имеющие судимости	1,5	4,4	2,6	2,4	1,3	10,2	8,4	3,2	1,4	2,2	20,8	12,1	0,2	3

Рис. 2. Сравнительный анализ структуры судимости различных категорий лиц (2024 год)

Прежде всего, отметим, что во всех группах осужденных более 50 и до 60 % лиц привлечены к ответственности за совершение трех групп преступлений: кражи, преступления, связанные с оборотом наркотических средств, и умышленные преступления против безопасности движения транспорта с административной преюдицией. В общей массе всех осужденных этот показатель составляет 45,4 %, что позволяет делать осторожное предположение о том, что лица, ранее совершавшие преступление, в целом сосредотачиваются при повторной преступной деятельности именно на этих деяниях. Вероятность ожидать от таких лиц совершения именно указанных трех видов преступлений немного, но выше, чем вероятность их совершения лицами, впервые приобщаемыми к преступной практике. Иными словами, «разнообразие» преступной деятельности сокращается по мере увеличения кратности совершенных преступлений.

Кроме того, закономерным образом определяющим видом преступлений для всех категорий преступников являются кражи, удельный вес которых колеблется от 26 % в массиве лиц, не имевших судимости на момент совершения преступления по последнему приговору, до 48 % в группе лиц, совершивших преступление при наличии рецидива. В общем массиве всех осужденных удельный вес лиц, совершивших кражи составляет сегодня 23,9 %. Это также подчеркивает и общую корыстную направленность преступности, и вполне отчетливо выраженную склонность лиц, ранее совершавших преступления к корыстным деяниям, не отличающимся сложным интеллектуальным механизмом совершения.

За пределами этих общих характеристик преступность различных категорий лиц демонстрирует некоторые значимые отличия. В частности, можно констатировать:

1) для рецидивистов: отчетливо высокий, преобладающий по сравнению с иными группами граждан, удельный вес краж, а также существенно более высокий удельный вес осужденных за насильственные преступления против собственности (грабежи и разбои);

2) для лиц, имеющих судимость без признаков рецидива: отчетливо высокий, преобладающий по сравнению с иными группами граждан, удельный вес осужденных за уклонение от уплаты алиментов и уклонение от исполнения пенитенциарных обязательств, а также относительно высокий удельный вес осужденных за применение не опасного насилия против личности;

3) для лица, считающихся несудимыми: отчетливо высокий удельный вес осужденных за преступления, связанные с оборотом наркотических средств, и мошенничество, а также повышенный удельный вес осужденных за преступления против личности представителя власти и преступления, связанные с оборотом оружия.

Можно подтвердить на основании этих данных: лица, совершающие преступления при наличии рецидива, концентрируются и специализируются на совершении краж и насильственных преступлений против собственности, в то время как преступная деятельность лиц, считающихся несудимыми, в большей степени диверсифицирована с преобладанием (за пределами краж, разумеется) криминальных «бизнес-моделей» (мошенничества и оборота наркотических средств) и нарушения правил поведения (в семье, на дорогах, во взаимоотношениях с контролирующими органами государства).

Такая структура обуславливает и распределение осужденных по группам в зависимости от категории совершенного преступления, и вместе с тем — подход суда к определению меры ответственности (см. таблица 2).

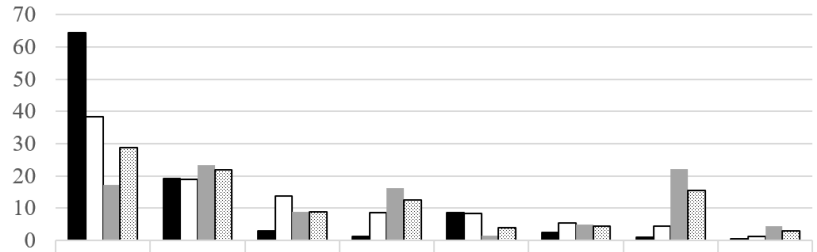
Таблица 2

Категории преступлений, совершенных различными группами лиц (2024 г.)

Категория преступления	Всего	При рецидиве	Судимые на момент совершения преступления при отсутствии рецидива	Юридически несудимые на момент совершения преступления	Ранее совершавших преступление, но несудимые на момент совершения преступления
небольшой тяжести	249726	37413	61535	150775	31394
	48,7	45,1	65,4	44,9	33,2
средней тяжести	89544	21364	15109	53071	16175
	17,5	25,8	16,1	15,8	17,1
тяжкие	137668	19005	13899	104764	33234
	26,8	22,9	14,8	31,2	35,2
особо тяжкие	35910	5181	3516	27213	13556
	7,0	6,2	3,7	8,1	14,5
итого	512845	82963	94059	335823	94359
	100	100	100	100	100

Корректный анализ этой таблицы требует принципиальной оговорки. В ней представлены данные о судимости, о том, за какие преступления осуждены лица, а не какие преступления совершены ими. Отсюда вполне объяснимо, что среди лиц несудимых существенно ниже доля тех, кто осужден за преступления небольшой или средней тяжести, учитывая, что в отношении таких лиц работают правила об освобождении от уголовной ответственности, тогда как среди ранее судимых лиц удельный вес осужденных за преступления небольшой тяжести существенно выше даже средних показателей по всем осужденным (65,4 % против 48,7 %). Вполне уверенно и отчетливо статистика фиксирует факт того, что суды в меньшей степени склонны осуждать за преступления небольшой или средней тяжести лиц, не имеющих судимости, тогда как для лиц, имеющих судимость на момент совершения преступления риск быть осужденными за преступления небольшой или средней тяжести существенно выше. Если среди осужденных за преступления небольшой и средней тяжести соотношение имевших и не имевших судимости равняется 40 на 60, то среди осужденных за преступления тяжкие и особо тяжкие — 75 на 25.

Такой подход находит продолжение и в практике выбора меры наказания. Имеющиеся данные убедительно свидетельствуют, что в отношении рецидивистов и лиц, имеющих судимость при отсутствии признаков рецидива, суды гораздо чаще, нежели в отношении иных категорий подсудимых назначают наказание в виде «реального» лишения свободы. В массе лиц, совершивших преступление при рецидиве, его удельный вес достигает 64,5 %, тогда как в массе юридически несудимых составляет всего 17,1 %. Зеркальный масштаб — у самого мягкого наказания — штрафа, его удельный вес составляет 22 % в массе несудимых и 0,9 % среди рецидивистов. Показательны также данные о применении ареста и принудительных работ, которые демонстрируют существенно более высокой значение у рецидивистов по сравнению с лицами, не имевшими судимости, и показатели применения обязательных работ, в большей степени характерных для лиц, не имеющих судимости (рис. 3).



	лишение свободы	условное лишение свободы	исправительные работы	обязательные работы	арест, принудительные работы	ограничение свободы	штраф	без наказания
рецидив	64,5	19,1	2,8	1,1	8,6	2,4	0,9	0,5
судимость без рецидива	38,4	19	13,7	8,6	8,4	5,4	4,5	1,1
юридически несудимы	17,1	23,4	8,7	16,1	1,5	4,8	22	4,3
все осужденные	28,7	21,9	8,7	12,6	3,9	4,5	15,4	3

Рис. 3. Структура наказаний

Конечно, подход судов к выбору наказания диктуется предписаниями закона (в том числе положениями ст. 68 УК РФ о назначении самого строгого вида наказания рецидивистам и предписаниями главы 11 УК РФ об освобождении от ответственности лиц, впервые совершающих преступления небольшой или средней тяжести). Однако, эти предписания не императивны. Закон позволяет суду и назначить менее строгое наказание при наличии рецидива, и применить наказание к лицу, совершившему преступление небольшой тяжести. Потому, представленная структура наказаний не должна восприниматься только как «слепое» отражение нормативных положений, как ситуация, обусловленная исключительно законом. С учетом положений самого закона она должна восприниматься как адекватно отражающая представления суда об оценке опасности преступлений, совершенных различными категориями граждан, и самих этих граждан, в том числе в зависимости от кратности совершенных ими преступлений.

Представленная информация, подтверждая и уточняя данные о состоянии, динамике, структуре преступности и судимости лиц, относящихся к различным типологическим группам, позволяет сформулировать несколько общих и значимых выводов:

1) необходимым условием обеспечения эффективности уголовно-правового воздействия выступает теоретически обоснованная (то есть имеющая под

собой реальное социально-криминологическое основание) и практически значимая (то есть способная оказывать непосредственное влияние на содержание и применение уголовно-правовых норм) дифференциация лиц, совершающих преступления. Методологическим требованиям к такой дифференциации в полной мере отвечает известная градация лиц, совершающих преступления, на основе критерия кратности совершенного деяния на: лиц, совершающих преступление впервые, и лиц, совершающих преступление, не в первый раз;

2) организация ведомственного статистического наблюдения за преступностью и судимостью лиц, относящихся к различным типологическим граппам на основе кратности совершенного преступления, не отличается единообразием и к тому же концентрируется на отслеживании и оценке множественной преступной деятельности, содержит несколько вариантов учета ее проявления (рецидив, судимость без рецидива, снятая и погашенная судимость, совершение нового преступления без осуждения за прошлое, совершение одновременно двух или более преступлений); в таких условиях «первичная» преступность в ее «чистом» виде (преступления, совершенные впервые в биографии лица) становится слабо верифицируемым объектом наблюдения;

3) преодолевая методические сложности оценки преступности лиц, относящихся к различным типологическим группам кратности совершаемых преступлений, можно констатировать, что итогом существенных трансформаций преступности и практики контроля над ней в последней четверти века стало: сокращение среди лиц, совершивших преступление, тех, кто совершает его впервые (при отсутствии судимости), и рост тех, кто совершает преступление не в первый раз (при наличии судимости), а также сокращение среди лиц, фактически совершающих несколько преступлений, доли рецидивистов с одновременным увеличением доли судимых при отсутствии рецидива и доли впервые осуждаемых за совершение нескольких преступлений;

4) наличие или отсутствие у лица судимости на момент совершения преступления, а равно обстоятельства, связанные с оценкой юридического значения имеющейся судимости и причин отсутствия судимости за ранее совершенные деяния, признается законом и практикой существенным критерием оценки общественной опасности лиц, совершивших преступление, и позволяет ранжировать их по степени возрастания опасности следующим образом: а) совершившие преступление биографически впервые; б) ранее совершавшие преступление, но освобожденные от ответственности; в) ранее совершавшие преступление и имеющие снятую или погашенную судимость; г) ранее совершавшие преступление и имеющие неснятую или непогашенную судимость; д) совершившие преступление при наличии рецидива;

5) ранжированная оценка опасности в зависимости от наличия или отсутствия судимости и связанных с ней обстоятельств непосредственным образом отражается в практике принятия решения по уголовному делу и в практике выбора судом вида уголовного наказания, свидетельствуя о наличии двух полюсов формирования устойчивых правоприменительных тенденций, в качестве которых выступают: с одной стороны, фактически и юридически несудимые лица, с другой стороны, лица, имеющие судимость, сохраняющую уголовно-правовое значение;

6) наличие или отсутствие юридически неаннулированной судимости отражается и на выборе криминальных форм поведения: лица, совершающие преступления при наличии рецидива, сосредотачиваются на совершении краж и насильственных преступлений против собственности, в то время как преступная деятельность лиц, считающихся несудимыми, в большей степени диверсифицирована с преобладанием криминальных «бизнес-моделей» и нарушения юридических обязательств;

7) криминологические сведения о преступлениях, совершаемых лицами, относящимися к различным типологическим группам на основе кратности совершенных деяний, способны существенным образом корректировать представления о совокупной оценке опасности деяния и личности, поскольку более опасные современные преступления (в частности, мошенничества) становятся объектом приложения усилий менее опасных в уголовно-правовом отношении лиц (несудимых);

8) лица судимые и рецидивисты становятся социальной базой традиционной общеуголовной корыстной и корыстно-насильственной преступности, монополизируя ее, тогда как лица не судимые выступают базой криминальной диверсификации, осваивая новые общественно опасные практики, что важно для оценки преступности с точки зрения соотношения ее «ядра и периферии», «традиций и новаций», «устойчивости и изменчивости», а следовательно, важно и для перспективной организации уголовно-правового воздействия.

Список источников

1. Курс советской криминологии : Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. М. : Юридическая литература, 1985. 415 с.
2. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб : Юридический центр Пресс, 2004. 364 с.
3. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России : от генезиса до кризиса. М. : Юрлитинформ 2019. 347 с.
4. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Историческая

криминология. М. : Юрлитинформ, 2024. 304 с.
5. Бабаев М. М. О пределах статистического анализа динамики преступности // Государство и право. 2001. № 9. С. 49–53.
6. Пудовочкин Ю. Е. Социально-криминологическая характеристика освобождения от уголовной ответственности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 4. С. 581–592.
7. Есаков Г. А., Гейнце О. В. Судебный штраф в судебной практике и статистике : современные тенденции // Уголовное право. 2023. № 11. С. 25–38.
8. Щербаков С. В. Рецидивная преступность : криминологическая характеристика и проблемы предупреждения : дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.

References

1. Course of Soviet criminology : Subject. Methodology. Crime and its Causes. Criminal / edited by V. N. Kudryavtsev, I. I. Karpets, B. V. Korobaynikov. Moscow : Legal Literature, 1985. 415 p.
2. Antonyan Yu. M., Kudryavtsev V. N., Eminov V. E. Personality of the criminal. St. Petersburg : Legal Center Press, 2004. 364 p.
3. Korobeev A. I. Criminal-legal policy of Russia : from genesis to crisis. Moscow : Yurlitinform 2019. 347 p.
4. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Historical criminology. M. : Yurlitiinform, 2024. 304 p.
5. Babaev M. M. On the limits of statistical analysis of crime dynamics // State and Law. 2001. № 9. P. 49–53.
6. Pudovochkin Yu. E. Socio-criminological characteristics of exemption from criminal liability // All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14, № 4. . 581–592.
7. Esakov G. A., Geintse O. V. Judicial fine in judicial practice and statistics : current trends // Criminal Law. 2023. № 11. P. 25–38.
8. Shcherbakov S. V. Recidivism : criminological characteristics and problems of prevention : dis. ... cand. legal sciences. M., 2009. 26 p.

Информация об авторе

В. Н. Куфлева — доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Kufleva — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования 29.10.2025; принята к публикации 10.11.2025.
The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing 29.10.2025; accepted for publication 10.11.2025.

Научная статья
УДК 343.13
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-131-136
EDN: https://elibrary.ru/oczmie
NIION: 2003-0059-6/25-420
MOSURED: 77/27-003-2025-06-619

Перспективы вовлечения нотариуса в уголовно-процессуальное доказывание

Елена Ивановна Лагодина
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, lagodinanotarius@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы расширения сферы вовлечения нотариуса в уголовное судопроизводство. Обосновывается высокий уголовно-процессуальный потенциал нотариуса в получении сведений, имеющих доказательственное значение и необходимых для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, особенно в части характера и размера вреда, причиненного преступлением. Предлагается включить нотариуса в число лиц, наделенных необходимыми полномочиями по участию в собирании уголовно-процессуальных доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, собирание, нотариус, полномочия, ответственность

Для цитирования: Лагодина Е. И. Перспективы вовлечения нотариуса в уголовно-процессуальное доказывание // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 131–136. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-131-136. EDN: OCZMIE.

Original article

Prospects for involving a notary in criminal procedural evidence

Elena I. Lagodina
Kuban State University, Krasnodar, Russia, lagodinanotarius@mail.ru

Abstract. The problems of expanding the scope of the notary's involvement in criminal proceedings are considered. Substantiated the high criminal procedure potential of the notary in obtaining information that is evidence-based and necessary for establishing the circumstances to be proven, especially in terms of the nature and extent of the harm caused by the crime. The article proposes to include the notary among the individuals with the necessary authority to participate in the collection of criminal procedure evidence.

Keywords: criminal proceedings, proof, collection, notary, authority, responsibility

For citation: Lagodina E. I. Prospects for involving a notary in criminal procedural evidence. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):131–136. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-131-136. EDN: OCZMIE.

Уголовно-процессуальное доказывание, как известно, может осуществляться путем последовательного совершения процессуальных действий, каждое из которых имеет собственную познавательную ценность и правовую значимость. В совокупности действий по доказыванию особое место принадлежит собиранию доказательств, как начальному его элементу. Способы собирания доказательств, их уголовно-процессуальная форма и средства постоянно находятся в поле зрения ученых и вызывают живую дискуссию. Более того, современная доктрина уголовно-процессуального доказывания находится в состоянии высокой динамики, особенно учитывая активизацию процесса внедрения цифровых средств и технологий в сферу поиска, обнаружения, фиксации и даже оценки собранных доказательств.

© Лагодина Е. И., 2025

Активное научное обсуждение проблематики доказывания и ее первоначального элемента — собирания, причем с использованием цифровых средств и технологий, привело к получению весьма важных для настоящего и будущего уголовного судопроизводства результатов. В их числе отметим разработку единых национальных и международных стандартов собирания, хранения и обработки электронных доказательств, регламентацию обязательных процедур, отличительной особенностью которых служит их «прозрачность» и «контролируемость», внедрение искусственного интеллекта, обеспечивающего, например, производство следственных действий на качественно новом уровне и в сжатые сроки, как поискового инструмента по обнаружению значимой информации, способствуя выдвижению и отработке оптимальных версий, построению процессуальных и организационных алгоритмов деятельности следователя [12, с. 76] и др. К тому же в литературе вполне обоснованно пишут о высоких рисках внедрения отдельных цифровых технологий [6, с. 120].

Разделяя научный интерес к цифровым средствам и технологиям, соглашаясь с необходимостью их развития и совершенствования, в нашем исследовании, в рамках не до конца реализованного потенциала аналоговых, если можно так выразиться, средств, способных по-прежнему давать позитивный для доказывания результат, укажем привлечение к участию в уголовно-процессуальном доказывании нотариуса.

На первый взгляд, привлечение нотариуса к участию в уголовно-процессуальном доказывании в принципе невозможно, поскольку обязанность собирания доказательств лежит на дознавателе, следователе прокуроре и суде (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). Даже адвокат-защитник, как и нотариус призванный оказывать квалифицированную помощь, не собирает доказательства как таковые, а получает лишь сведения, предметы, документы, которые могут быть признаны доказательствами по решению должностных лиц, ведущих производство по делу.

Тем не менее, нотариус указан в тексте УПК РФ, хотя его статус закреплен весьма фрагментарно и исключительно как участника уголовно-процессуальной деятельности по обеспечению реализации подозреваемым или обвиняемым из числа предпринимателей права на оформление доверенности для решения вопросов в сфере их бизнеса (п. 3.1 ч. 4 ст. 46, п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), а его полномочия фактически не раскрываются. Несмотря на лаконичность упоминания в УПК РФ фигуры нотариуса, полагаем, что включение его в число участников уголовного судопроизводства следует оценить как прогрессивный шаг, ведущий к расширению возможности его вовлечения и в иные направления уголовно-процессуальной деятельности. В качестве одного из таких направлений, с учетом профессионального потенциала нотариуса в реализации публично-правовой функции, видим его участие в уголовно-процессуальном доказывании.

Основой нашей позиции служит потребность в надлежащем формировании доказательств в специфических процессуальных ситуациях. Например, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ обстоятельством, подлежащим доказыванию, является характер и размер вреда, причиненного преступлением. Для этого нужны доказательства, касающиеся имущественных прав и законных интересов заинтересованных участников уголовного судопроизводства. И здесь свою роль вполне может сыграть нотариус, имеющий профессиональные навыки и наделенный публичными полномочиями, а также ответственностью, в совокупности обеспечивающими достижение значимого в публичном и частном отношении результата — получении относимых и допустимых доказательств.

В российской науке уголовного процесса проблемы вовлечения нотариуса в уголовное судопроизводство, его участия в доказывании уже стали предметом обсуждения. Получены достаточно интересные и серьезные результаты, позволяющие утверждать, что вовлечение нотариуса в доказательственную деятельность в уголовном судопроизводстве рассматривается как позитивный, хотя во многом и не бесспорный процесс, а расширяющийся спектр изучаемых при этом вопросов обеспечивает глубокую проработку и получение конструктивных результатов.

Одним из основных направлений в данной сфере научных исследований выступает определение потенциальных направлений доказывания, в рамках которых мог бы принимать участие нотариус. Наш научный интерес локализуется в сфере расширения таких направлений, но критические высказывания в этой части также важны. Поэтому и их предлагаем рассмотреть.

Так, А. Р. Белкин считает, что в качестве нотариальных действий по обеспечению потенциальных доказательств могут быть упомянуты только действия по фиксации конкретных документов (в первую очередь, размещенных в электронном виде в Интернете или социальных сетях и подверженных риску уничтожения), но нотариус не может быть привлечен к участию в допросе, ему не может быть поручена экспертиза в уголовном процессе [4, с. 34].

В. Саркисов отмечает: «обеспеченные нотариусом доказательства могут быть использованы адвокатами для отстаивания прав обвиняемого (подозреваемого), представления интересов потерпевшего и иных участников процесса, однако при этом не стоит пытаться подменить реализацией нотариусом его полномочий деятельность органов расследования и суда» [11].

В. С. Ланина предлагает использовать компетенции нотариуса для удостоверения показаний свидетеля, допрошенного на территории другого государства. При этом ею высказывается идея рассматривать деятельность нотариуса в указанной ситуации как форму оказания международной правовой помощи по уголовным делам [7, с. 85].

Представляет безусловный интерес и позиция зарубежных авторов по рассматриваемому вопросу. В частности, корейские ученые высказываются негативно об имеющихся процессуальных средствах защиты коммерческой тайны, отмечая, что эти средства не обеспечивают реальной правовой защиты. При этом констатируется безусловная значимость коммерческой тайны, наличие у нее имущественной ценности. В качестве главного препятствия для защиты коммерческой тайны в уголовном судопроизводстве указываются трудности с ее доказыванием [15, с. 163].

По уголовно-процессуальному закону Латвии (ст. 111.1) [13] предусматривается специальное процессуальное регулирование прав владельца имущества, поврежденного или утраченного в ходе уголовного процесса, а также имущества, на которое наложен арест. Учитывая, что имущество было повреждено в ходе уголовно-процессуальной деятельности или на это имущество наложены правовые обременения, перед судом встает важная задача надлежащим образом защитить права собственника (иного владельца). Лицо, чьи имущественные права подлежат защите наделено определенными правами: высказать свое мнение относительно происхождения имущества, подать заявление в отношении имущества, выступать в судебных прениях в отношении имущества. В этих правах усматриваем заинтересованность законодателя в обеспечении надлежащего доказывания фактов, относящихся к происхождению и правовому статусу имущества.

Приведенные примеры из зарубежной науки и законодательства, дают представление о том, что проблемы доказывания в указанной сфере возникают не только в отечественном уголовном судопроизводстве и участие нотариуса может стать полезным шагом в их преодолении.

Для формирования сбалансированного представления о потенциале нотариуса в сфере доказывания и возможных направлениях его использования в уголовном судопроизводстве, отметим некоторые факты.

Во-первых, имеющееся нормативное правовое регулирование. В гл. XX Основ законодательства о нотариате «Обеспечение доказательств» включены положения, регламентирующие основания, порядок и виды действий нотариуса по обеспечению доказательств в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве в случае, когда имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным. Из содержания ч. 3 ст. 103 Основ следует, что нотариус при выполнении процессуальных действий по обеспечению доказательств руководствуется соответствующими нормами гражданского-процессуального законодательства.

В п. 1.2 Методических рекомендаций по обеспечению доказательств нотариусами отмечается, что такое обеспечение является исключением из принципа непосредственности исследования доказательств судом. В п. 1.3 этого же документа указывается на возможность использования результата такой деятельности нотариуса и в уголовном процессе, несмотря на отсутствие в УПК РФ норм об обеспечении доказательств нотариусом.

По мнению разработчиков Методических рекомендаций, предоставление доказательств, обеспеченных нотариусом, в уголовном процессе допускается в рамках требований п. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ, предусматривающих право подозреваемого, обвиняемого, защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей собирать и представлять письменные документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (например, осмотр информации в сети Интернет, содержащей оскорбления, угрозы или клевету) [8].

Сущность и характер профессиональной нотариальной деятельности убеждает в том, что нотариус наделен государственными властными полномочиями, в том числе и принимать самостоятельные правовые решения, что позволяет объективно оценить профессиональную деятельность нотариуса как публично-правовую. Нотариус способен предотвратить вред охраняемым законом правам и законным интересам реализацией своих профессиональных полномочий. К примеру, есть, как представляется, верное мнение, что «посредством нотариальной деятельности решаются задачи по укреплению законности и предупреждению правонарушений» [14, с. 52].

Публично-правовой характер нотариальной деятельности подтверждается в постановлении Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П [10]. В п. 2.1 Определения Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2206-О, с отсылкой к правовой позиции, сформулированной еще в 1998 г., указано следующее: «деятельность занимающихся частной практикой нотариусов, которые на профессиональной основе обеспечивают защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, является особой юридической деятельностью, которая осуществляется от имени государства, что гарантирует доказательственную силу и публичное признание нотариально оформленных документов и предопределяет специальный публично-правовой статус нотариусов» [9].

В УПК РФ прямого закрепления участия нотариуса в процессуальных действиях, направленных на получение доказательств, не имеется. Препятствием к этому, на наш взгляд, выступает концептуальный императив о том, что доказательства собирает должностное лицо, в производстве которого находится соответствующий материал проверки сообщения о преступлении или уголовное дело. Безусловно, нуждаются в уточнении те рекомендации, которые ранее уже были приведены в качестве примера, демонстрирующего способность нотариуса выступать в качестве субъекта, получающего информацию, имеющую значение доказательства в иных, кроме уголовного, формах судопроизводства. В то же время, считаем, что категорическое отрицание возможности нотариуса быть субъектом уголовно-процессуального доказывания также должно быть скорректировано.

Во-вторых, отметим своеобразно складывающуюся правоприменительную практику. Есть примеры, когда суды не принимают документы, представленные, как правило, стороной защиты, заверенные (удостоверенные) нотариусами в силу их (документов) несоответствия требованиям уголовно-процессуального закона. Например, суд апелляционной инстанции поддержал оценку судом первой инстанции как недопустимого доказательства пояснений, представленных стороной защитой и нотариально заверенных. Основания такого решения: 1) не предупреждение лица, давшего такое пояснение, об ответственности за дачу заведомо ложных показаний; 2) заверение процессуального документа произвел нотариус иностранного государства (Республика Узбекистан); 3) возможность обеспечения нотариусом доказательств по уголовным делам, законом не предусмотрена [3].

В части приведенных судом оснований отметим, что пояснения — это разновидность объяснений, которые по российскому уголовно-процессуальному законодательству не сопровождаются предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, что, на наш взгляд, делает указанное основание отказа в признании доказательством не состоятельным.

В другом уголовном деле суд первой инстанции признал недопустимым доказательством протокол осмотра доказательства, представленного стороной защиты, который был составлен нотариусом по итогам осмотра интернет-сайта, обосновав свое решение несоответствием нормам уголовно-процессуального закона, в том числе ст. 1 и 74 УПК РФ [1], не указав, каким именно требованиям, содержащимся в указанных статьях закона, указанных осмотр не соответствует.

Приведем еще один пример судебного решения, опять же с негативной, по сути, оценкой заверенного нотариусом протокола осмотра телефона с перепиской, с указанием о том, что «по делу собрано достаточно доказательств, на основании которых суд пришел к обоснованному выводу о виновности осужденной» [2]. Подчеркнем, что нотариально заверенные материалы суд не признал недопустимыми доказательствами, и не указал, что эти материалы противоречат иным требованиям УПК РФ, а лишь счел, что в материалах уголовного дела достаточно иных доказательств.

Весьма дискуссионным выглядит следующее решение: суд первой инстанции не принял в качестве доказательств протоколы осмотров страниц в сети интернет, выполненные нотариусами, поскольку они опровергаются совокупностью приведенных в приговоре доказательств [5]. Причина для претензий здесь заключается в том, что признание недопустимыми доказательствами материалов, представленных стороной защитой, суд ставит в зависимость от опровергающих эти материалы доказательств. Но в таком случае, есть повод говорить о том, что суд все-таки рассматривал эти материалы в качестве доказательств, оценил их и пришел к выводу об их недостоверности. Однако, недостоверность и недопустимость — это различные характеристики доказательств и такое различие должно учитываться при их оценке.

Приведенные примеры и их анализ позволяют сделать следующие выводы.

Нотариальное заверение (удостоверение) документов присутствует в уголовном судопроизводстве, а отрицательное к этому действию нотариуса отношение судов не снимает с повестки научного обсуждения вопрос о целесообразности разработки модели процедуры вовлечения заверенных нотариусом документов в доказывание, с последующей ее (процедуры) закреплением в УПК РФ.

Наличие объективных оснований рассматривать деятельность нотариуса как публично-правовую позволяет высказать предположение о возможности наделения нотариуса отдельными уголовно-процессуальными полномочиями в сфере доказывания. Следуя за концепцией процессуального властного положения должностных лиц, в производстве которых находится материал проверки или уголовное дело, нотариус не может обеспечивать своими действиями придание получаемым сведениям силы доказательства, поскольку не уполномочен на производство следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Вместе с тем, нотариус, используя свои профессиональные полномочия, вполне может обеспечить достоверность информации, содержащейся в документе, с последующим его представлением в распоряжение должностных лиц досудебного производства и суда для признания в качестве доказательства.

Список источников

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 13 декабря 2023 г. по делу № 10-23761/2023.
2. Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 24 января 2023 г. по делу № 22-46/2023.
3. Апелляционное постановление Советского районного суда г. Владивостока от 18 ноября 2024 г. по делу № 10-44/2024.
4. Белкин А. Р. Нотариальное обеспечение доказательств в уголовном процессе : спорные моменты // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 32–34.
5. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29 августа 2024 г. по делу № 77-2082/2024.
6. Лавнов М. А., Спесивов Н. В. Риски и угрозы применения технологий искусственного интеллекта в правосудии по уголовным делам // Журнал российского права. 2025. № 8. С. 120–133.
7. Ланина В. С. Особенности получения показаний свидетеля, находящегося на территории другого государства // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 2. С. 82–87.
8. Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами : утв. решением Федеральной нотариальной палаты 26 июня 2023 г., протокол № 10/23 // Сборник методических рекомендаций Федеральной нотариальной палаты. СПб, 2025. С. 50–74.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2206-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Стерховой Марины Ивановны на нарушение ее конституционных прав отдельными положениями Основ законодательства Российской Федерации о нотариате и частью второй статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2491.
11. Саркисов В. Легализация доказательств, обеспеченных нотариусом, в уголовном процессе. В каких случаях это не поможет стороне защиты? // Адвокатская газета. 2022. 28 ноября.
12. Семенцов В. А. Искусственный интеллект в следственных действиях // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности / науч. ред.: Л. Г. Татьянина, Г. А. Решетникова, В. Г. Ившин. Ижевск : Удмуртский университет, 2024. С. 67–77.
13. Уголовно-процессуальный закон Латвии Закон : принят Сеймом 21 апреля 2005 г. и обнародованный Президентом государства 11 мая 2005 г. (с изм. по сост. на 7 ноября 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Цветков А. С. Публично-правовая природа нотариальной деятельности в Российской Федерации // Современное право. 2017. № 11. С. 49–53.
15. Eui-Joo Lee, Byung-Soo Jung. Consideration on the Criminal Legal Limits of Trade Secret Protection // The Korean society of private security. 2024. № 23 (2). P. 163–186.

References

1. Moscow City Court's Appeal Decision dated December 13, 2023, in case № 10-23761/2023.
2. Kamchatka Regional Court's Appeal Decision dated January 24, 2023, in case № 22-46/2023.
3. Appeal Judgment of the Soviet District Court of Vladivostok dated November 18, 2024, in case № 10-44/2024.
4. Belkin A. R. Notary security of evidence in criminal proceedings : controversial issues // Criminal Proceedings. 2024. № 1. P. 32–34.
5. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated August 29, 2024, in case № 77-2082/2024.
6. Lavnov M. A., Spesivov N. V. Risks and threats of applying artificial intelligence technologies in criminal justice // Journal of Russian Law. 2025. № 8. P. 120–133.
7. Lanina V. S. Features of obtaining testimony from a witness located in another state // Legal Bulletin of Samara University. 2022. Vol. 8. № 2. P. 82–87.
8. Methodological recommendations on ensuring evidence by notaries : approved by the Decision of the Federal Notary Chamber on June 26, 2023, Minutes № 10/23 // Collection of Methodological Recommendations of the Federal Notary Chamber. St. Petersburg, 2025. P. 50–74.
9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 25, 2014 № 2206-O «On refusal to accept for consideration

the complaint of citizen Marina Ivanovna Sterkhova on the violation of her constitutional rights by certain provisions of the fundamentals of the Russian Federation's legislation on notaries and Part Two of Article 61 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 15-P dated May 19, 1998 «On the constitutionality of certain provisions of Articles 2, 12, 17, 24, and 34 of the Fundamentals of the notary system of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 22. Art. 2491.
11. Sarkisov V. Legalization of evidence provided by a notary in criminal proceedings. In which cases will this not help the defense? // Advocate newspaper. 2022. November 28.
12. Sementsov V. A. Artificial intelligence in investigative actions // Trends in Russia's criminal policy at the present stage of society's development : collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, dedicated to 25th Anniversary of the Departments of Criminal Law and Criminology, Criminal Procedure, and Law Enforcement / Ed. by L. G. Tatyanina, G. A. Reshetnikova, and V. G. Ivshin. Izhevsk : Udmurt University, 2024. P. 67–77.
13. Latvian Criminal Procedure Law : adopted by the Seimas on April 21, 2005 and promulgated by the President on May 11, 2005 (as amended according to comp. as of November 7, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
14. Tsvetkov A. S. The public-legal nature of notarial activity in the Russian Federation // Modern law. 2017. № 11. P. 49–53.
15. Eui-Joo Lee, Byung-Soo Jung. Consideration on the Criminal Legal Limits of Trade Secret Protection // The Korean society of private security. 2024. №23 (2). P. 163–186.

Информация об авторе

Е. И. Лагодина — доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Кубани.

Information about the author

E. I. Lagodina — Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision at Kuban State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of Kuban.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 08.12.2025.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 342
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-137-141
EDN: https://elibrary.ru/qjczxn
NIION: 2003-0059-6/25-421
MOSURED: 77/27-004-2025-06-620

Современное нормативное правовое регулирование конституционного права граждан на свободу передвижения

Лариса Анатольевна Ларина
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, larinala@list.ru

Аннотация. Рассматривается современное состояние реализации конституционных прав граждан на свободу передвижения гарантировано правовыми нормами государства, разрешается свободное перемещение и выбор места жительства внутри Российской Федерации, выезд за ее пределы, через применение конституционных норм, ограничивающих ее реализацию, в целях интересов национальной безопасности, применения правовых режимов в целях национальных потребностей.

Ключевые слова: правовое регулирование, право на свободу передвижения, права человека

Для цитирования: Ларина Л. А. Современное нормативное правовое регулирование конституционного права граждан на свободу передвижения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 137–141. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-137-141. EDN: QJCZXN.

Original article

Modern legal regulation of the constitutional right of citizens to freedom of movement

Larisa A. Larina
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, larinala@list.ru

Abstract. The current state of the realization of citizens' constitutional rights to freedom of movement is guaranteed by the legal norms of the state, free movement and choice of place of residence within the Russian Federation are allowed, leaving its borders, through the application of constitutional norms restricting its implementation, for the purposes of national security interests, the application of legal regimes for the purposes of national needs.

Keywords: legal regulation, the right to freedom of movement, human rights

For citation: Larina L. A. Modern legal regulation of the constitutional right of citizens to freedom of movement. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):137–141. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-137-141. EDN: QJCZXN.

Системами правового регулирования права на свободу передвижения являются национально-правовая и международная. Следует сказать, что нормативное регулирование представляет собой ряд систематизированных по юридической силе нормативно-правовых актов, призванных упорядочить данное отношение. При изучении всех нормативных правовых актов, следует обратить внимание на выделение как общих, так и особенных черт правового регулирования.

Современное нормативное регулирование права на свободу передвижения в России основано на ст. 27 Конституции РФ и Законе РФ № 5242-1 от

© Ларина Л. А., 2025

25 июня 1993 г., гарантирующих свободное передвижение, выбор места жительства/пребывания и выезд из страны, с ограниченными исключениями (ЗАТО, зоны бедствий, пограничная полоса), регулируемыми федеральными законами, а также международными документами о правах человека, обеспечивая баланс между личной свободой и государственными интересами.

Основными нормативными правовыми актами права граждан на свободу передвижения являются:

Конституция Российской Федерации в ст. 27 закрепляет право каждого законно находящегося в РФ свободно выбирать место жительства и пребывания, передвигаться, выезжать за пределы Российской Федерации, а гражданам Российской Федерации гарантирует право беспрепятственно возвращаться.

Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» детализирует конституционные положения, вводит понятие регистрации (прописки) как уведомительного порядка, а не условия реализации права, устанавливает перечень ограничений (пограничные зоны, ЗАТО, зоны ЧС и т. д.) [3].

Федеральный закон Российской Федерации «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», законы о чрезвычайном положении, обороне и безопасности, санитарно-эпидемиологическом благополучии населения регулируют отдельные аспекты.

Международные акты: Всеобщая декларация прав человека (ст. 13), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 12), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (протокол 4, ст. 2) — также закрепляют это право.

Национально-правовая система построения всех нормативно-правовых актов, закрепляющих нормы, касающиеся права на свободу передвижения. Правовое регулирование конституционного права на свободу передвижения носит комплексный характер, в связи с чем оно является частью государственно – правового регулирования.

Среди особенностей правового регулирования следует отметить тот факт, что рассматриваемое право выступает объектом конституционного и федерального нормативного регулирования. При анализе Конституции Российской Федерации, особое внимание обращается на главу 2, в которой ст. 27 закрепляет основные права человека и гражданина, среди которых право на свободу передвижения занимает свое место [1, с. 8]. Как отмечалось выше, оно является фундаментальным и неотчуждаемым правом индивида, роль которого сводится в предоставлении возможности любому человеку передвигаться как по территорию России, так и за ее пределы.

Федеральный уровень сводится к тому, что в настоящее время в Российской Федерации право на свободу передвижения регулируется следующими нормативными правовыми актами:

1. Федеральный закон Российской Федерации «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ [4];
2. Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (ред. от 27.01.2023) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»;
3. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5];
4. Федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [6].

При анализе норм федерального законодательства, следует сказать, что они, в свою очередь, детализируют конституционные положения, прежде всего, права свободы передвижения. Положения ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», а также ст. 1 Закона РФ) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» подтверждают рассуждения о том, что федеральный уровень правового регулирования не может противоречить конституционному, а лишь детализирует его положения.

Как следует из положений Конституции Российской Федерации, «каждый, кто находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства», законодатель выделяет конкретно лиц, являющихся гражданами, т. е. в таком случае иностранные граждане также имеют право свободно передвигаться по территории Российской Федерации, но с учетом ряда требований законодательных актов, которое приведены выше. Например, нормы Конституции Российской Федерации, касающиеся рассматриваемой тематики, наделяют всех лиц, находящихся на территории Российской Федерации, равными конституционными правами и обязанностями, а иностранные граждане для законного нахождения на территории Россий-

ской Федерации должны иметь на руках миграционные карты, которые не позволяют им бесконтрольно находится на территории страны, а также имеются и другие документы (разрешение на временное проживание, вид на жительство), созданные законодателем с целью контроля за передвижением иностранных лиц по территории государства[1, с. 7].

Кроме того, в Российской Федерации осуществляется миграционный учет иностранных граждан, который создан для обеспечения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод теми лицами, которые находятся на территории страны. Эти положения никак не ограничивают иностранных граждан от реализации ими своего права на свободу передвижения, а лишь направлен на государственное регулирование миграционных процессов.

В то же время, проведение Российской Федерацией специальной военной операции, вносят определенные коррективы в возможность реализации конституционного права граждан на свободу передвижения [1, с. 8]. В связи с принятием Указа Президента Российской Федерации «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», в 2022 г. началась его реализация. Актуальным остаются вопросы ограничения права на свободу передвижения, выбор места жительства и пребывания в соответствии с данным документом. Безусловно, конституционные гарантии касаются всех субъектов права, в том числе и посредством применения ст. 55 ч. 3 Конституции Российской Федерации.

Помимо национального законодательства, следует обратить внимание на международные документы, касающиеся рассматриваемой тематики. Их актуальность продиктована положениями Конституции Российской Федерации о том, что международные договоры и нормы являются частью правовой системы государства. Кроме того, некоторым международным договорам Российской Федерации отдается преимущество, так как в случае наличия противоречия нормам национального законодательства, применяются нормы международного договора. Так, ключевыми нормативными актами международного уровня являются Международный пакт о гражданских и политических правах» (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН), Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.).

Например, в первом не закрепляются напрямую положения об основных правах человека и гражданина, так как право на самоопределение обеспечивается комплексом общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, в нем провозглашается право каждого человека на признание его правосубъектности, т. е. его способности иметь и осуществлять юридические права и обязанности [1, с. 9].

Вместе с тем, право на свободу также закрепляется в ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г., с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом №1» (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.)) [2].

В свою очередь, следует сказать, что международное право и его нормативные документы считаются основами, на которых осуществляется построение правовых систем многих государств. В связи с этим как внутригосударственные, так и международные нормативные документы вносят свой собственный вклад в формирование той правовой системы государства, которая способная обеспечить справедливое, законное и правильное построение норм, направленных на обеспечение правового регулирования права на свободу передвижения.

Следует отметить, что исследование международной юридической конструкции права на свободу передвижения следует начинать с Протоколов к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 1953 г. Например, «Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и Первый протокол к ней» провозглашает принцип законности как основного постулата при осуществлении права на свободу передвижения по территории любой страны, т.е. международным документом гарантируется реализация права на свободу передвижения любым лицом в пределах территории той страны, в которой он находится, только в случае соблюдения установленного национальным законодательством режима въезда на такую территорию. Кроме того, международные документы не ограничивают возможность во въездах в страны или выездах из них, а наоборот позволяет покинуть любую из них в любое время [1, с. 10].

Кроме того, международные нормы гласят, что высылка граждан из собственного государства или въезд в него запрещена, без каких-либо исключений [1, с. 2].

Международные документы, касающиеся прав человека на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства играют свою роль, позволяющую повлиять на законодательную практику государств, которые признали юрисдикцию международно-правовых органов на своей территории, к которым также относится Россия.

Действующее законодательство предусматривает право граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства

в пределах Российской Федерации в соответствии с законами Российской Федерации, которое может быть ограничено [1, с. 3]: в пограничной зоне; в закрытых военных городках; в закрытых административно-территориальных образованиях; в зонах экологического бедствия; на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности; на территориях, где введено чрезвычайное или военное положение, что так же подтверждает ст. 55 ч. 3 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, правовое регулирование права на свободу передвижения осуществляется различными нормативно-правовыми актами, которые имеют свою структуру. Современное регулирование стремится к балансу между обеспечением прав и свобод и защитой интересов государства и общества, закрепляя это право, как фундаментальную гарантию. Права на свободу передвижения регулируется как Конституцией Российской Федерации, так и федеральными законами Российской Федерации, но вместе с тем, весомая роль отводится и международным документам, которые берутся за фундамент при построении национально-правовой системы государства. В данном случае нельзя говорить об умалении роли того или иного документа, так как они представляют собой систему актов, которые направлены на создание такого порядка, который позволит человеку и гражданину в равной мере пользоваться всеми данными ему правами. Следует отметить, что право на свободу передвижения, являясь одним из основных прав всех людей и граждан, не только гарантируется внутренним законодательством государств, но и вытекает из международных документов и договоров, подписанных многими государствами. Право на свободу передвижения является личной свободой, присущей любому физическому лицу, и поэтому не может быть ограничено ни на каких основаниях.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм. от 1 июля 2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г., с изм. от 24.06.2013 г.) вместе с Протоколом № (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16 сентябре 1963 г.), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноябре 1984 г.) // СПС «Консультант Плюс».
3. Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (ред. от 13.12.2024) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон Российской Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СПС «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 as amended dated July 1, 2020) // LRS «Consultant Plus».
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on November 4, 1950, as amended dated June 24, 2013) (together with Protocol № (signed in Paris on March 20, 1952), Protocol № 4 on ensuring certain rights and Freedoms in addition to those already included in the Convention and the First Protocol thereto (signed in Strasbourg on September 16, 1963), Protocol № 7 (signed in Strasbourg on November 22, 1984)) // LRS «Consultant Plus».
3. The Law of the Russian Federation dated June 25, 1993 № 5242-1 (as amended on December 13, 2024) «On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement, choice of place of stay and residence within the Russian Federation» // LRS «Consultant Plus».
4. Federal Law of the Russian Federation dated August 15, 1996 № 114-FZ «On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation» // LRS «Consultant Plus».
5. Federal Law of the Russian Federation dated June 25, 2002 № 115-FZ «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation» // LRS «Consultant Plus».

6. Federal Law of the Russian Federation dated July 18, 2006 № 109-FZ «On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation» // LRS «Consultant Plus».

Библиографический список

1. Смольяков А. А., Гаврилова О. В., Хазова В. Е. Нормативно-правовое обеспечение права человека и гражданина на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территории современной России // Криминологический журнал. 2022. № 4.
2. Третьякова О. В. Реализация конституционного права на свободу передвижения в современных условиях // Журнал Государство и право. Материалы 62-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2024. С. 252–254.
3. Ибрагимова Л. Р. Нормативное содержание права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2.
4. Ибрагимова Л. Р. К вопросу об имплементации международно-правовых норм в сфере конституционного права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2.

Bibliographic list

1. Smolyakov A. A., Gavrilova O. V., Khazova V. E. Regulatory and legal support for the human and citizen's right to freedom of movement, choice of place of residence and residence in the territory of modern Russia // Criminological Journal. 2022. № 4.
2. Tretyakova O. V. Realization of the constitutional right to freedom of movement in modern conditions // Journal of State and Law. Proceedings of the 62nd International Scientific Student Conference. Novosibirsk, 2024. P. 252–254.
3. Ibragimova L. R. The normative content of the right to freedom of movement, choice of place of stay and residence // Gaps in Russian legislation. 2019. № 2.
4. Ibragimova L. R. On the issue of the implementation of international legal norms in the field of the constitutional right to freedom of movement, choice of place of residence and residence // Gaps in Russian legislation. 2019. № 2.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 343.983.25
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-142-145
EDN: https://elibrary.ru/pokory
NIION: 2003-0059-6/25-422
MOSURED: 77/27-003-2025-06-621

Вопросы формирования компетентности судебных экспертов в аспекте профилактики экспертных ошибок

Татьяна Федоровна Моисеева
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Москва, Россия, moiseevatf@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены основные виды экспертных ошибок и их связь с отсутствием должной компетентности судебного эксперта. Обсуждаются имеющиеся в настоящее время способы формирования компетентности судебного эксперта. Обосновывается необходимость профильного фундаментального образования для формирования компетентности эксперта в конкретном роде или виде судебной экспертизы.

Ключевые слова: компетенция и компетентность судебных экспертов, экспертные ошибки, формирование компетентности судебного эксперта, профилактика экспертных ошибок

Для цитирования: Моисеева Т. Ф. Вопросы формирования компетентности судебных экспертов в аспекте профилактики экспертных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 142–145. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-142-145. EDN: POKORY.

Original article

Issues of forming the competence of forensic experts in terms of preventing expert errors

Tatiana F. Moiseeva
Russian State University of Justice named after O.M. Lebedev, Moscow, Russia, moiseevatf@mail.ru

Abstract. The article discusses the main types of expert errors and their relationship to the lack of proper competence of a forensic expert. It also discusses the current methods of developing the competence of a forensic expert. The article substantiates the need for specialized fundamental education to develop the competence of an expert in a specific type of forensic examination.

Keywords: competence and competency of forensic experts, expert errors, formation of competence of a forensic expert, prevention of expert errors

For citation: Moiseeva T. F. Issues of forming the competence of forensic experts in terms of preventing expert errors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):142–145. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-142-145. EDN: POKORY.

Введение

Экспертные ошибки в определенной степени являются следствием некомпетентности судебного эксперта. Компетентность судебного эксперта имеет определяющее значение в достоверности результатов его исследования. Ее оценка является одним из основных факторов, которые учитывает следователь или судья, рассматривая выводы заключения эксперта как доказательство. Не имея специальных знаний для такой оценки, прежде всего, научной обоснованности выводов, правоприменитель может основываться только на формальных критериях. У экспертов государственных судебно-экспертных учреждений имеются свидетельства на право производства судебных экспертиз конкретного рода или вида, которые гарантируют их компетентность. Для частных экспертов до настоящего времени нет процессуально закрепленной системы аттестации, подтверждающих их компетентность. Это приводит к многочисленным экспертным ошибкам, связанным с некомпетентностью лиц, привлекаемых для производства судебной экспертизы.

Недостаточная компетентность эксперта как причина экспертных ошибок

Во всех процессуальных кодексах закреплены об-

© Моисеева Т. Ф., 2025

щие требования для лиц, которые могут привлекаться для производства судебной экспертизы: компетентность и отсутствие заведомой заинтересованности в результатах, связанной со служебной зависимостью, родственными связями и т. п.

Понятие компетентности судебного эксперта раскрывается в ст. 13 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации (далее – ФЗ о ГСЭД)[1], определяющей профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту – это наличие высшего образования в области конкретной науки или техники[2], а также дополнительная подготовка по судебной экспертизе. Очевидно, это требование должно распространяться на всех лиц, осуществляющих судебно-экспертные исследования на профессиональной основе. Дополнительное образование по судебной экспертизе является, как показывает практика, необходимым условием, позволяющим избежать экспертных ошибок. Оно включает процессуальные аспекты судебно-экспертной деятельности, незнание которых может привести к признанию заключения эксперта недопустимым доказательством, и знание методологии судебной экспертизы – методик экспертного исследования, разрабатываемых на основе выявления закономерной связи между расследуемым событием и свойствами и признаками объектов, в которых оно отражено. Значение правовой составляющей в формировании компетенции судебного эксперта и ее роль в обеспечении формирования допустимого доказательства рассматривалось ранее [1]. Ошибки экспертного исследования связаны в целом с отсутствием надлежащей подготовки эксперта в области методологии судебной экспертизы. Не зная экспертных методик, даже будучи высококлассным специалистом своей области научного знания, можно сделать ошибочные выводы, основываясь изучении свойств объекта, несвязанных с рассматриваемым событием. Такие ошибки можно отнести к гносеологическим.

Другой тип экспертных ошибок, который также характеризует недостаточную компетентность эксперта, связан с измерениями и вычислениям, присущими большинству экспертных исследований.

Выделяют следующие типы ошибок измерения [2]: систематические, случайные и промахи. Систематические ошибки связаны со свойствами измеряемого объекта или измерительного прибора, и их компетентный эксперт не делает, учитывая погрешность прибора измерения, используя поправочные коэффициенты, проводя измерения разными методами. Случайные ошибки измерения определяются с использованием теории вероятности. Промахи представляют собой очень грубые ошибки, связанные с невнимательностью эксперта. Такие ошибки достаточно сложно выявить. Обычно они выявляются при проведении исследований другим методом или другим человеком.

Очевидно, что во всех случаях ошибки эксперта определяются в конечном итоге отсутствием необходимой компетентности, и их профилактика связана с эффективностью ее формирования у лиц, привлекаемых для производства судебной экспертизы. Об определяющем значении компетентностного подхода в подготовке судебных экспертов писала в своих работах Е. Р. Россинская [3]. Компетенция эксперта определяется объемом знаний, которыми он должен обладать для решения экспертных задач конкретного рода или вида экспертизы, и тем объемом полномочий, которыми судебного эксперта наделяет закон. А компетентность судебного эксперта определяет, насколько он владеет необходимой компетенцией.

Вопросы формирования компетентности судебного эксперта

Профессиональная подготовка судебных экспертов возможна несколькими путями. Традиционно экспертов-криминалистов готовили для проведения криминалистических экспертиз в учебных заведениях системы МВД России. В 1994 г. Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию была введена специальность 022400 «Судебная экпертиза»[3], и через два года 21 марта 1996 г. был утвержден первый Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования 022400 «Судебная экспертиза». Он был направлен на подготовку экспертов-криминалистов по семи направлениям традиционных криминалистических экспертиз, которая начала осуществляться в образовательных учреждениях системы МВД РФ.

В то же время для экспертных исследований других классов судебных экспертиз (биологических, инженерно-технических, экономических и др). необходимы глубокие фундаментальные знания естественных или технических наук, и для их проведения в экспертные учреждения привлекаются лица, получившие такие знания путем высшего профессионального образования, которые получают дополнительную подготовку по судебной экспертизе в течение определенного срока работы под руководством опытных экспертов. Такой путь формирования компетентности характерен для государственных экспертов.

Наличие высшего профессионального образования определяет компетентность лица в области науки

---

[1] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в редакции от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы (в ред. Федеральных законов от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ, от 26 июля 2019 г. № 224-ФЗ).

[3] Приказ Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию от 5 марта 1994 г. № 180 «Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Классификатор направлений и специальностей высшего профессионального образования».

или техники, а дополнительное образование – в области теории и практики судебно-экспертной деятельности. Однако, в отличие от диплома государственного образца о высшем образовании, подтверждающем наличие необходимых специальных знаний эксперта, для дополнительной подготовки по судебной экспертизе в настоящее время отсутствуют четко регламентированные требования. Отсутствие установленных требований к лицам и организациям, осуществляющим дополнительную подготовку по судебной экспертизе, а также и к программам подготовки, приводит к тому, что ее, в ряде случаев, проводят некомпетентные лица (а порой и вообще не проводят, а только за плату выдают документ), и поэтому документы, подтверждающие дополнительное образование по судебной экспертизе, часто не свидетельствуют о необходимой для судебного эксперта компетентности. Очевидна необходимость разработки образовательного стандарта по дополнительному образованию, который будет устанавливать необходимую компетенцию эксперта в области методологии и правового регулирования судебной экспертизы и унифицирует такую подготовку.

В настоящее время дополнительное образование по судебной экспертизе в системе экспертных учреждений Минюста России проводится в соответствии с Приказом Минюста России от 1 сентября 2025 г. № 219 «Об утверждении Порядка получения дополнительного профессионального образования по экспертной специальности» (зарегистрировано в Минюсте России 4 сентября 2025 г. № 83464) и имеет две формы: профессиональная переподготовки по конкретной экспертной специальности (получение новой компетенции) и повышение квалификации по конкретной экспертной специальности. Этот порядок распространяется не только на сотрудников системы судебно-экспертных учреждений Минюста России, но и на работников судебно-экспертных учреждений (служб) иных организаций, в том числе зарубежных стран.

На обучение по программе профессиональной переподготовки по экспертной специальности принимаются лица, имеющие высшее образование, соответствующее требованиям программы профессиональной переподготовки, и это очень важно, поскольку дополнительное образование не направлено на формирование компетентности эксперта в области фундаментальной науки или техники, определяющие специальные знания конкретного рода или вида судебной экспертизы, а дополняет их в соответствии с требованием ч. 1 ст. 13 и ч. 2 ст. 38 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В результате успешно прошедшие программы дополнительного образования лица получают диплом и направляются на аттестацию на право самостоятельного производства судебных экспертиз по конкретной экспертной специальности.

В системе МВД России дополнительная подготовка судебных экспертов регулируется Приказом МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 (ред. от 10.01.2022) «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»[1] и может осуществляться в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования, не входящих в систему МВД России, на основе государственного заказа.

Но более эффективным представляется профессиональная подготовка судебных экспертов по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», которая осуществляется с 2011 г. в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) 3-его поколения по пяти наиболее значимыми и теоретически и методически разработанными направлениям подготовки: криминалистические экспертизы, речеведческие экспертизы, экономические экспертизы, экспертизы веществ и материалов, инженерно-технические экспертизы. Такая подготовка, по справедливому замечанию Е. Р. Россинской, «это не механическое соединение двух образований юридического и иного, а комплексное интегративное образование, позволяющее сформировать необходимые компетенции, тогда как отдельно два образования плюс курсы повышения квалификации не позволяют сформировать необходимые профессиональные компетенции» [3].

В отличие от лиц, получивших судебно-экспертное высшее образование, эксперты, получившие дополнительное образование по судебной экспертизе, в виду ограниченного времени обучения не получают достаточных знаний в области материального и процессуального права. Высшее судебно-экспертное образование, осуществляемое в более 50-ти ВУЗах России, уже показало свою эффективность на практике. Компетентность судебных экспертов, имеющих высшее судебно-экспертное образование, не вызывает сомнений, и полностью соответствует требованию наличия необходимых для решения задач конкретного рода или вида судебных экспертиз фундаментального знаний, и знаний в области теории и правового обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Представляется, что достаточно эффективным способом формирования компетентности судебного эксперта может быть магистратура по судебной экспертизе. Однако, для этого необходимо соблюдение некоторых условий. Программы магистратуры могут

[1] Приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 (ред. от 10.01.2022) Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации (зарегистрировано в Минюсте России 27 июня 2018 г. № 51459). Приложение. Порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации. IV. Особенности организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам, п. 93.

быть направлены на исследования (углубленное изучение) правовых аспектов судебно-экспертной деятельности, что вполне возможно в течение 2–2,5 лет обучения. При этом наличие профильного первоначального образования в рамках бакалавриата или специалитета для магистранта не обязательно. Если же магистерская программа предусматривает исследования в области конкретного рода или вида экспертиз, то в этом случае имеет большое значение направленность первоначальной подготовки магистранта. Если он не имеет фундаментальных знаний в области того класса судебной экспертизы, которой посвящена магистерская программа, то восполнить этот пробел за время обучения невозможно. Обучение в магистратуре по судебной экспертизе проводится в соответствии с Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция[1], который не содержит требований к профильному образованию лиц, поступающих в магистратуру. Представляется, что для специальности «Судебная экспертиза», такое требование необходимо.

Представляет интерес и анализ зарубежного законодательства, проведенный И. Э. Никитиной [4], по определению понятия «судебный эксперт», которое также основано на требование компетентности лица, проводящего экспертное исследование. При этом показано, что формирование компетентности судебного эксперта – это непрерывный процесс накопления и совершенствования знаний, который включает обмен опытом и получение новой информации о достижениях науки и техники на международных научно-практических конференциях, тематических семинарах и постоянное изучение научной литературы.

Заключение

Таким образом, повышение компетентности судебного эксперта является значимым фактором профилактики экспертных ошибок. Компетентность эксперта в настоящее время формируется разными путями. Выбор наиболее эффективного способа формирования компетентности судебного эксперта в конкретном роде или виде судебной экспертизы зависит от профильного фундаментального образования. Наиболее универсальным представляется высшее судебно-экспертное образование в рамках специалитета. Дополнительное образование или магистратура позволяют формировать или совершенствовать компетентность эксперта, но необходима стандартизация программ подготовки и уточнение требований к лицам, получающим такую подготовку.

[1] Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в редакции от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Моисеева Т. Ф. Правовые аспекты компетенции судебного эксперта // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 110–113.
2. Моисеева Т. Ф. Методы и средства экспертных исследований : учебник. М. : Московский психолого-социальный университет, 2006. 216 с.
3. Россинская Е. Р. Компетентностный подход как основа судебно-экспертной дидактики // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 77.
4. Никитина И. Э. Общие характеристики эксперта в разных странах // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 129–131.

References

1. Moiseeva T. F. Legal aspects of the competence of a forensic expert // Criminological journal. 2024. № 1. P. 110–113.
2. Moiseeva T. F. Methods and means of expert research : textbook. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 216 p.
3. Rossinskaya E. R. Competence-based approach as the basis of forensic expert didactics // Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 5. P. 77.
4. Nikitina I. E. General characteristics of an expert in different countries // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2. P. 129–131.

Информация об авторе

Т. Ф. Моисеева – заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

T. F. Moiseeva – Head of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 10.12.2025.

The article was submitted 24.11.2025; approved after reviewing 03.12.2025; accepted for publication 10.12.2025.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-146-151
EDN: https://elibrary.ru/pucrpf
NIION: 2003-0059-6/25-423
MOSURED: 77/27-003-2025-06-622

Криминологическая оценка состояния судимости за преступления в сфере экономической деятельности

Татьяна Витальевна Молчанова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, molcha@yandex.ru

Аннотация. Представлен криминологический анализ осужденных лиц за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ). Эмпирическую базу исследования составили ведомственные статистические материалы Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Центральный вывод исследования заключается в констатации системно низкой доли осужденных в общем массиве лиц, привлеченных к уголовной ответственности (1,07–1,92 % за 2018–2024 гг.). При этом в рамках самой главы выявлена крайняя неравномерность формирующейся правоприменительной практики. Продемонстрировано, что по ряду составов (ст. 171.2, 171.4, 187 УК РФ) показатели осужденных лиц достигают 75–99 %, в то время как по другим (ст. 173.1, 186, 199 УК РФ) остаются критически низкими (4–25 %). Данное противоречие свидетельствует об избирательном характере уголовного преследования и объективных сложностях в доказывании сложных экономических составов. Делается вывод, что официальная статистика отражает не реальный уровень криминализации экономической деятельности, а приоритеты и возможности правоприменительной практики.

Незначительные абсолютные показатели осужденных по гл. 22 УК РФ подтверждают тезис о том, что ведомственная оптимизация уголовного преследования и проблемы доказывания формируют искусственные ограничения для адекватной оценки масштабов экономической преступности.

Ключевые слова: осужденные, выявленные, женщины, преступления в сфере экономической деятельности, преступность, статистические данные, динамика, структура, правоприменение, уголовная ответственность

Для цитирования: Молчанова Т. В. Криминологическая оценка состояния судимости за преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 146–151. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-146-151. EDN: PUCRPF.

Original article

Criminological assessment of the state of criminal record for crimes in the field of economic activity

Tatyana V. Molchanova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, molcha@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the criminological analysis of convicted persons for crimes in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation). The empirical basis of the study was made up of departmental statistical materials of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. The central conclusion of the study is that there is a systemically low proportion of convicts in the total number of persons brought to criminal responsibility (1.07–1.92 % for 2018–2024). At the same time, the chapter itself reveals the extreme unevenness of emerging law enforcement practice. It has been demonstrated that for a number of formulations (Art. 171.2, 171.4, 187 of the Criminal Code of the Russian Federation), the rates of convicted persons reach 75–99 %, while for others (Articles 173.1, 186, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation) remain critically low (4–25 %). This contradiction indicates the selective nature of criminal prosecution and the objective difficulties in proving complex economic structures. It is concluded that official statistics do not reflect the actual level of criminalization of economic activity, but rather the priorities and opportunities of law enforcement practice. The insignificant absolute

© МолчановаТ. В., 2025

figures of convicts under Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation confirm the thesis that departmental optimization of criminal prosecution and problems of proof create artificial restrictions for an adequate assessment of the scale of economic crime.

Keywords: convicts, identified, women, crimes in the sphere of economic activity, crime, statistical data, dynamics, structure, law enforcement, criminal responsibility

For citation: Molchanova T. V. Criminological assessment of the state of criminal record for crimes in the field of economic activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):146–151. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-146-151. EDN: PUCRPF.

«Низкие показатели осуждений за экономические преступления это не признак законопослушности бизнеса, а симптом симбиоза между властью и капиталом, где уголовное право становится инструментом избирательной справедливости»
Дэвид Фридман

Судимость за преступления в сфере экономической деятельности представляет собой комплексный индикатор, объективно отражающий состояние и динамику одной из наиболее социально опасных форм криминальной активности. Его криминологическая оценка имеет фундаментальное значение для развития теории экономической преступности и формирования адекватной уголовной политики. В условиях модернизации экономических отношений данное направление научного анализа приобретает особую практическую значимость, поскольку его результаты являются основой для разработки дифференцированных мер правового воздействия. Таким образом, глубокое изучение данной проблемы составляет актуальную задачу современной юридической науки и правоприменительной практики.

В этой связи проведение комплексного криминологического исследования лиц, осужденных за преступления в сфере экономической деятельности, позволяет осуществить не только социально-демографический и социально-ролевой анализ данной категории преступников, но и выявить системные противоречия правоприменительной практики лиц, осужденных за конкретные преступные деяния по гл. 22 УК РФ.

Изучение обозначенной проблематики приобретает повышенную актуальность в контексте интенсивной цифровизации сферы экономической деятельности, которая выступает фактором, детерминирующим формирование новых криминогенно значимых личностных свойств у субъектов экономических отношений. Данная тенденция объективно требует научного переосмысления и последующего совершенствования имеющихся пенитенциарных средств и методов, включая разработку дифференцированных моделей исправительного воздействия и ресоциализации указанной категории осужденных, адекватных современным криминальным угрозам.

В рамках заявленной темы проанализируем динамику численности лиц, осужденных по преступлениям [5], предусмотренным гл. 22 УК РФ в сопоставлении с общими показателями судимости в период с 2018 по 2024 гг. Особое внимание уделим удельному весу данной категории осужденных в общей структуре лиц, привлеченных к уголовной ответственности, для выявления ключевых тенденций.

Таблица 1

Динамика количества осужденных лиц по гл. 22 УК РФ в сравнении с общим числом осужденных (2018–2024 гг.) с выделением их доли структуре всех осужденных

Годы	Всего осуждено лиц	Осуждено по 22 гл. УК РФ	Уд. вес
2018	658291	7717	1,17
2019	598207	6375	1,07
2020	530998	7763	1,46
2022	578774	6584	1,14
2023	555742	8199	1,48
2024	512845	9841	1,92

Анализ представленных данных таблицы 1 позволяют сделать два практически взаимоисключающих вывода связанных с выявлением устойчивой тенденции к снижению общего числа осужденных в Российской Федерации при одновременном росте абсолютных показателей, осужденных по преступлениям, предусмотренным гл. 22 УК РФ. Удельный вес осужденных за преступления в сфере экономической деятельности демонстрирует отрицательную динамику, что свидетельствует, возможно, об усилении правоприменительного внимания к данной категории деяний или о росте криминализации экономической сферы отношений.

Статистические данные таблицы 1 также свидетельствует об устойчиво низком удельном весе осужденных за преступления в сфере экономической деятельности в общей структуре уголовной репрессии, колеблющийся в диапазоне 1,07–1,92 %. Несмотря на постепенный рост доли осужденных по гл. 22 УК РФ (с 1,17 % в 2018 г. до 1,92 % в 2024 г.), абсолютные цифры остаются крайне незначительными (от 6 375 до 9 841 лиц), что свидетельствует о системной недооценке преступности в сфере экономической деятельности

в правоприменительной практике.

Проведенный анализ выявляет критическую проблему системного характера – крайне низкий удельный вес осужденных по гл. 22 УК (1,07–1,92 %) обусловлен не объективной криминогенной обстановкой, а структурными недостатками правоприменения. Ключевой фактор – исключительная сложность доказывания преступлений в сфере экономической деятельности. Необходимость специальных познаний, зависимость от экспертных заключений, трудоемкость документальных проверок и высокая квалификация преступных схем формируют «эффект процессуального фильтра», когда до суда доходят лишь единичные дела с бесспорной доказательственной базой. Параллельно наблюдается и систематическая избирательность следственно-судебной практики: рост показателей до 1,92 % (2024) отражает не системную работу, а специальные оперативные мероприятия по «публично ориентированным» судебным делам (особенно по ст.ст. 170.1, 171–174.1 УК РФ), тогда как иные формы криминальной экономической деятельности остаются вне зоны должного уголовного преследования.

Перейдем к сравнительному анализу количественных и качественных показателей выявленных и осужденных лиц по конкретным составам преступлений, предусмотренным гл. 22 УК РФ.

Таблица 2

Сравнительная характеристика выявленных и осужденных лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности за 2022–2024 гг. [4]

Статья УК РФ	2022			2023			2024		
	Выявлено лиц	Число осужденных	Удельный вес, %	Выявлено лиц	Число осужденных	Удельный вес	Выявлено лиц	Число осужденных	Удельный вес, %
Ст. 171	417	185	44,36	391	193	49,36	82	60	73,17
Ст. 171.1	2194	994	45,3	2613	1116	42,7	2557	1229	84,06
Ст. 171.2	748	573	76,6	753	563	74,46	492	488	99,2
Ст. 171.3	700	442	63,14	733	399	54,43	618	363	58,73
Ст. 171.4	946	902	95,34	900	824	91,55	639	594	92,95
Ст. 173.1	6288	1075	17,09	5616	1173	20,88	5515	1382	25,05
Ст. 173.2	6670	3515	52,69	6879	4146	60,27	5673	3671	64,71
Ст. 174.1	866	651	75,17	928	642	69,18	1042	802	76,96
Ст. 175	1062	799	75,23	835	695	83,23	593	458	84,97
Ст. 180	945	492	52,06	681	274	40,23	452	265	58,62
Ст. 186	13008	956	7,34	6983	461	6,60	5115	207	4,04
Ст. 187	4648	2963	63,74	6401	4874	76,14	7246	4658	64,28
Ст. 199	1031	261	25,31	1427	254	17,79	1373	392	28,55

Анализ данных таблицы 2 позволяет сформулировать следующие ключевые выводы: по ст. 171 УК РФ наблюдается интенсивный рост удельного веса осужденных (с 44,36 % до 73,17 %) на фоне значительного сокращения числа выявленных лиц. По ст. 171.1 УК РФ также фиксируется абсолютный и относительный рост числа осужденных лиц (с 45,3 % до 84,06 %).

Увеличение удельного веса осужденных по ст. 171 и 171.1 УК РФ детерминирован формально-определенным характером данных составов преступлений, что минимизирует потребность в установлении реальных общественно опасных последствий и ограничивает

предмет доказывания фактом нарушения нормативно установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности или оборота товаров. Интенсификация правоприменения обусловлена системной оптимизацией механизмов контроля, включая внедрение автоматизированных систем мониторинга (ЕГАИС), и усилением межведомственного взаимодействия, обеспечивающего высокую эффективность документирования противоправных деяний на стадии оперативной разработки.

Правоприменение по ст. 171.2 и 171.4 УК РФ характеризуется исключительно высокой и стабильной интенсивностью (доля осужденных приближается к 100 %), что свидетельствует о явном обвинительном приоритете. Судебно-следственная практика по ст. 171.2 и 171.4 УК РФ характеризуется исключительно высокой интенсивностью в связи с тем, что составы данных преступных деяний в свою очередь тоже носят формальный характер, а их доказательственная база формируется на основе документально зафиксированных нарушений лицензионного порядка или оборота алкогольной продукции. Это позволяет правоохранительным органам эффективно документировать противоправную деятельность на стадии оперативной разработки или проверок контролирующих органов, минимизируя риски оправдательных приговоров. Кроме того, высокая раскрываемость обусловлена отсутствием необходимости доказывать наступление общественно опасных последствий, что упрощает установление объективной стороны преступления и способствует стабильности судимости.

По ст. 173.1 УК РФ сохраняется низкий уровень осужденных (4,04–25,05 %), но с тенденцией роста, что свидетельствует о значительных проблемах в доказывании. Количественно-качественные параметры по ст. 173.2 УК РФ существенно выше (52,69–64,71 %). Увеличение показателей судимости по ст. 173.1 и 173.2 УК РФ детерминировано ужесточением государственной политики в сфере противодействия легализации (отмывания) преступных доходов и теневой экономике, что активизировало правоприменительную практику в отношении институтов номинального руководства и фиктивной регистрации юридических лиц. Объективная сторона указанных преступлений связана с внесением в ЕГРЮЛ заведомо недостоверных сведений, что существенно минимизирует потребность в установлении реальных имущественных последствий и упрощает процесс доказывания. Дополнительным фактором выступает системная интеграция информационных ресурсов Росфинмониторинга, ФНС и МВД, обеспечивающая автоматизированное выявление признаков противоправной деятельности на стадии регистрации субъектов предпринимательства.

По ст. 186 УК РФ при многократном сокращении числа выявленных лиц удельный вес судимости также остается низким (4,04–7,34 %), в то время как по ст. 187 УК РФ наблюдается высокая и стабильная доля осужденных лиц (63,74–76,14 %).

Снижение выявляемости и исключительно низкий удельный вес судимости по ст. 186 УК РФ обусловлены переходом преступной деятельности в цифровую среду, включая использование криптографических инструментов и анонимных платформ, что существенно ограничивает возможности традиционных оперативно-розыскных мероприятий. Усложнение технологий подделки денежных знаков требует привлечения узкоспециализированных экспертиз, доступных лишь единичным учреждениям, а дефицит кадрового и технического ресурса в правоохранительных органах приводит к приоритетному расследованию более простых и массовых составов преступлений.

Высокая и стабильная доля осужденных по ст. 187 УК РФ объясняется тем, что состав преступления имеет формальный характер, а его диспозиция охватывает широкий спектр действий (изготовление, хранение, сбыт и т. д.), что позволяет правоохранительным органам эффективно документировать противоправную деятельность на любой стадии. Кроме того, раскрытию преступлений способствует автоматизированный банковский мониторинг операций с платежными средствами, который обеспечивает оперативное выявление поддельных карт и устройств, а также фиксацию цифровых следов, упрощающих доказывание вины.

По ст. 199 УК РФ сохраняется неравномерный, но низкий удельный вес осужденных (17,79–28,55 %), что свидетельствует о чрезвычайно высокой латентности данных преступных деяний и сложности доказывания. Уголовно-правовая квалификация деяний, предусмотренных ст. 199 УК РФ, сопряжена с необходимостью доказывания умысла в неуплате налогов, что требует установления и анализа целенаправленных действий (или бездействия) физического лица, направленных на уклонение от исполнения обязанностей налогоплательщика. Кроме того, сложности обусловлены потребностью в тщательной проверке финансово-хозяйственных операций, интерпретации бухгалтерских документов и привлечении специалистов в области налогового права для подтверждения факта полной или частичной неуплаты налогов.

Анализ данных выявляет крайнюю избирательность правоприменительной практики: эффективность по оперативно выявляемым составам преступлений (ст. 171, 171.1, 171.2, 171.4, 187 УК РФ) маскирует системную неспособность противодействовать сложным преступлениям в сфере экономической деятельности (ст. 173.1, 186, 199), что создает «режим» структурной безнаказанности для организованных форм экономической преступной деятельности.

В рамках исследования остановимся на рассмотрении отдельных особенностей гендерной структуры лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности.

По справедливому замечанию специалистов изучающих рассматриваемую категорию осужденных «социально-демографическая характеристика личности имеет принципиальное значение для уяснения тех черт и свойств личности, которые важны для уголовно-исправительного воздействия, криминологической профилактики и предупреждения преступного поведения» [1, с. 3]. Особо подчеркнем, что более ранее в рамках «частной криминологической теории криминальной экономической антропологии как учения о личности экономического преступника» [2, с. 356] было представлено статистическое исследование социально-демографических характеристик лиц, осужденных за преступления в сфере экономической деятельности, на основе репрезентативных данных за период 2011–2019 гг. Мы лишь дополним его новыми данными по лицам женского пола, имеющими судимость по гл. 22 УК РФ.

Таблица 3

Динамика осужденных женщин за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) с показателем удельного веса за 2018–2024 гг. [4]

	Всего осуждено (гл. 22)	Женщин	Уд. вес, %
2018	6375	2234	35,04
2019	7763	2229	28,71
2020	6584	1840	27,95
2021	8199	2360	28,78
2022	9841	2983	30,31
2023	11071	3207	28,97
2024	10754	3259	30,31

Криминологический анализ половой дифференциации среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности демонстрирует устойчивую статистическую закономерность, выражающуюся в существенном и достаточно стабильном уровне вовлеченности женского контингента в криминальную деятельность данного вида, что находит количественное выражение в показателях, систематически превышающих 25 % и варьирующихся в пределах 27,95–35,04 % от общего массива осужденных. В то время как доля осужденных женщин к лишению свободы по гл. 22 УК РФ составляет всего 6,9 % [4, с. 5].

На фоне общего роста числа осужденных по преступлениям, предусмотренным гл. 22 УК РФ, удельный вес женщин среди них не демонстрирует положительной динамики, сохраняя стабильные значения в течение анализируемого периода. Данное обстоятельство свидетельствует о сформировавшейся специфике гендерного распределения в структуре преступной экономической деятельности.

Статистически подтвержденная устойчивая гендерная асимметрия в структуре осужденных за преступления, предусмотренные гл. 22 УК РФ отмечается и за совершенные преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ранее нами проведенные исследования) [3, с. 78]. В указанной сфере экономической деятельности зафиксирована высокая доля женской преступности, достигающая почти четверти от общего числа преступлений (22–23 %), что существенно превышает среднестатистические показатели женской криминальной активности по иным категориям уголовно наказуемых деяний.

Указанные факторы позволяют констатировать формирование специфической криминологической модели преступности в сфере экономической деятельности, где традиционные гендерные различия в криминальном поведении нивелируются за счет доминирования интеллектуально-организационных факторов над физическими аспектами противоправной деятельности, создавая условия для относительно равного участия обоих полов в совершении данных видов преступлений.

Проведенный анализ количественных и качественных параметров осужденных лиц по гл. 22 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что статистические данные отражают, в первую очередь, установленные ориентиры уголовно-правовой политики государства (в рамках которой преступления в сфере экономической деятельности не занимают приоритетного значения в системе правоприменительной деятельности). В том числе обусловленные особенностями функционирования органов уголовного преследования (проявляющиеся в объективных сложностях процессуального доказывания по многоэпизодным составам преступлений в сфере экономической деятельности). Фактический уровень криминализации экономических отношений находит лишь частичное отражение в материалах уголовных дел (и, следовательно, в официальной статистике), о чем убедительно свидетельствует устойчиво низкий удельный вес осужденных по гл. 22 УК РФ на фоне общепризнанной высокой латентности данного вида противоправной деятельности.

Минимальная представленность показателей осужденных лиц свидетельствуют не о малой распространенности преступности в сфере экономической деятельности, а об избирательности уголовного преследования и смещении акцентов правоприменения в сторону менее «ресурсоемких» составов. Таким образом, продемонстрированные статистические данные отражают не реальный уровень криминальных угроз, а акценты всей правоохранительной системы, минимизирующие формальные основания для привлечения к ответственности.

Список источников

1. Александрова В. В., Степанов В. В. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы за преступления в сфере экономической деятельности (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся по стражей, декабрь 2022 года) : монография под науч. ред. В. И. Селиверстова. Москва : Проспект, 2024.
2. Марданов А. Б. Социально-демографические и уголовно-правовые признаки осужденных за преступления в сфере экономической деятельности : криминологический анализ статистических сведений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 1.
3. Молчанова Т. В. Технологический вектор преступной активности в сфере экономической деятельности. Москва : ООО «Проспект», 2024. 104 с.
4. Ф. 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id
5. Криминологический анализ состояния судимости по составам преступлений, предусмотренным гл. 22 УК РФ и по лицам их совершивших осуществлен на основе официальных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: https://cdep.ru/index.php?id

References

1. Alexandrova V. V., Stepanov V. V. Characteristics of convicts serving sentences of imprisonment for crimes in the field of economic activity (based on the materials of the special census of convicts and persons in custody, December 2022) : monograph under the scientific editorship of V. I. Seliverstova. Moscow : Prospekt, 2024.
2. Mardanov A. B. Socio-demographic and criminal-legal characteristics of those convicted of crimes in the field of economic activity : criminological analysis of statistical data // Actual problems of the state and law. 2020. Vol. 4. № 1.
3. Molchanova T. V. Technological vector of criminal activity in the sphere of economic activity. Moscow : Prospect LLC, 2024. 104 p.
4. F. 10-a «Report on the number of convicts for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts have been issued in criminal cases» // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://cdep.ru/index.php?id
5. The criminological analysis of the criminal record status according to the elements of crimes provided for in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation and the persons who committed them was carried out on the basis of official statistical data from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL: https://cdep.ru/index.php?id

Информация об авторе

Т. В. Молчанова – доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Molchanova – Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 07.10.2025; принята к публикации 04.11.2025.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 07.10.2025; accepted for publication 04.11.2025.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-152-156
EDN: https://elibrary.ru/sacnmc
NIION: 2003-0059-6/25-424
MOSURED: 77/27-004-2025-06-623

Проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности в кассационной и надзорной инстанциях

Исфандиер Ахмад Одиназода
Академия МВД Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан, diyor-13@mail.ru

Аннотация. Исследуются актуальные аспекты допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности при пересмотре уголовных дел в кассационной и надзорной инстанциях. Показано, что признание доказательств допустимыми зависит не только от соблюдения процессуальных формальностей, но и от законности их происхождения, включая результаты оперативно-розыскной деятельности. На основе анализа кассационных и надзорных актов выявлены характерные дефекты легализации материалов оперативно-розыскной деятельности, приводящие к утрате их доказательственной силы. Обосновывается необходимость нормативного закрепления критерия «исчерпания цели оперативно-розыскного мероприятия» и уточнения роли прокурора в обеспечении законности оперативно-розыскной деятельности. Делается вывод о значении требования допустимости как гаранта прав личности в механизме поддержания справедливости судебного разбирательства, обеспечивающего баланс между публичными интересами государства и защитой частных прав.

Ключевые слова: допустимость доказательств, оперативно-розыскная деятельность, кассационное производство, надзорное производство, проверочная закупка, легализация доказательств

Для цитирования: Одиназода И. А. Проблемы допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности в кассационной и надзорной инстанциях // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 152–156. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-152-156 EDN: SACNMC.

Original article

Problems of admissibility of the results of operational investigative activities in cassation and supervisory instances

Isfandiyor A. Odinazoda
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan, diyor-13@mail.ru

Abstract. The current aspects of the admissibility of the results of operational investigative activities during the review of criminal cases in cassation and supervisory authorities are investigated. It is shown that the recognition of evidence as admissible depends not only on compliance with procedural formalities, but also on the legality of their origin, including the results of operational investigative activities. Based on the analysis of cassation and supervisory acts, characteristic defects in the legalization of materials of operational investigative activities have been identified, leading to the loss of their evidentiary value. The necessity of normative consolidation of the criterion of «exhaustion of the purpose of an operational investigative measure» and clarification of the role of the prosecutor in ensuring the legality of operational investigative activities is substantiated. The conclusion is made about the importance of the requirement of admissibility as a guarantor of individual rights in the mechanism of maintaining the fairness of judicial proceedings, ensuring a balance between the public interests of the state and the protection of private rights.

Keywords: admissibility of evidence, operational-investigative activity, cassation proceedings, supervisory review, test purchase, evidence legalization

For citation: Odinazoda I. A. Problems of admissibility of the results of operational investigative activities in cassation and supervisory instances. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):152–156. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-152-156. EDN: SACNMC.

© Одиназода И. А., 2025

Проблематика определения допустимости доказательств, полученных в результате представления материалов оперативно-розыскной деятельности, сохраняет исключительную значимость для практики уголовного судопроизводства. Расширение объема оперативных данных, используемых при уголовно-процессуальном доказывании, усиливает зависимость правовой оценки совершенного деяния от того, насколько строго соблюдены требования закона при их сборе, фиксации и последующей передаче в процессуальную сферу.

На стадиях пересмотра судебных решений вопросы допустимости приобретают особую остроту, поскольку в кассационной и надзорной инстанциях рассматриваются уголовные дела через призму обеспечения процессуальных гарантий, когда проверяется, соблюдены ли нормы в части законности происхождения доказательств. Поэтому любое отклонение от установленного порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий способно привести к признанию их результатов недопустимыми доказательствами, и, как следствие, к отмене приговора.

Отсутствие единых критериев законности проведения отдельных видов оперативно-розыскных мероприятий, таких как проверочная закупка, наблюдение или прослушивание телефонных переговоров, порождает различие подходов даже между судами одного уровня. При этом правовая неопределенность усиливается из-за расхождений в законодательных конструкциях.

Проблема допустимости не ограничивается техническими аспектами сбора данных. Она затрагивает фундаментальные принципы уголовного процесса — состязательность, презумпцию невиновности, независимость суда [2; 3]. От того, насколько последовательно реализованы эти принципы в оценке результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), зависит баланс между эффективностью раскрытия преступлений и защитой прав личности.

Настоящее исследование направлено на выявление теоретических и процессуальных проблем, связанных с допустимостью результатов ОРД при пересмотре уголовных дел в кассационной и надзорной инстанциях.

Проблема допустимости результатов ОРД имеет двойственную природу. С одной стороны, она выступает элементом института доказательственного права, обеспечивая проверку законности происхождения доказательственной информации; с другой — представляет собой гарантированный механизм ограничения вмешательства государства в частную сферу личности. Однако одного соответствия требованию относимости недостаточно для того, чтобы признать результаты ОРД доказательствами. Необходимо, чтобы они отвечали требованию допустимости, предъявляемому к форме доказательств, то есть были получены из источников, установленных уголовно-процессуальным законом, и в соответствии с предусмотренными им способами.

Допустимость в этом смысле — показатель правомерности всего пути получения сведений от момента оперативного мероприятия до их процессуального закрепления. Решая данный вопрос, «суд должен изучить причины, лежащие в основе проведения оперативного мероприятия, и поведение властей, проводивших его» [7, с. 50].

Результаты ОРД могут участвовать в доказывании лишь при наличии трех условий: законности проведения мероприятия, документальной фиксации его хода и процессуальной легализации сведений в установленной форме.

Так, в ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [9] (далее — УПК РФ) устанавливает, что доказательства, полученные с нарушением требований закона, признаются недопустимыми и не имеют юридической силы, а ст. 89 УПК РФ указывается, что они могут применяться в доказывании только при условии, что добыты в соответствии с законом и закреплены предусмотренным процессуальным способом. К числу общих гарантий, обеспечивающих допустимость, относятся принципы законности (ст. 7 УПК РФ), состязательности (ст. 15), свободы оценки доказательств (ст. 17) и презумпции невиновности (ст. 14).

В положениях ст. 84 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан [8] (далее — УПК РТ) закреплено, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании, если получены в соответствии с оперативно-розыскнымзаконодательствомиоформленыпредусмотренным процессуальным порядком. Из содержания ст. 88 (1) УПК РТ следует, что доказательства, добытые с нарушением закона, не имеют юридической силы и подлежат исключению из уголовного дела.

В теории уголовного процесса указывается, что результаты оперативно-розыскной деятельности представляют собой сведения фактического характера, полученные уполномоченными органами вне рамок процессуального доказывания. Они становятся доказательствами лишь после процессуальной трансформации — через включение в материалы уголовного дела в форме протокола, рапорта, справки, акта передачи либо приобщения к делу в качестве вещественного доказательства [10].

При кассационном и надзорном пересмотре именно эти критерии становятся основой для проверки обоснованности приговора. Суд оценивает, были ли результаты ОРД получены в пределах полномочий, закрепленных законом, и отражены ли они в документах, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Судебная ревизия представляет собой особую форму пересмотра судебных актов, направленную на проверку их законности и обоснованности без повторного исследования доказательств по существу. В отличие от апелляции, где допускается новое рассмотрение дела, ревизионная проверка ограничена анализом соблюдения норм материального и процессуального права. Ее цель — выявление ошибок правоприменения, способных повлиять на выводы суда, и восста-

новление единообразия судебной практики.

Если установлено, что материал ОРД получен с нарушением порядка санкционирования, передачи или оформления, он исключается из числа допустимых доказательств независимо от его фактической достоверности. В России эти пределы детализированы в гл. 47.1 и 48 УПК РФ, регулирующих кассационное и надзорное производство, где в качестве самостоятельного основания отмены приговора названы существенные нарушения уголовно-процессуального закона (ст. 401.15, 412.9 УПК РФ). В Таджикистане аналогичные положения закреплены в ст. 372 и 412 УПК РТ.

В материалах судебной практики использование результатов ОРД часто описывается понятием «легализация», которое предполагает конвертацию фактических сведений в доказательства, обладающие процессуальной силой. Именно на этом этапе проверяется не содержание оперативной информации, а законность ее документирования и передачи в уголовно-процессуальную сферу.

К числу типичных нарушений относятся: отсутствие мотивированных оснований для проведения оперативных мероприятий, повторное проведение проверочных закупок без появления новых обстоятельств, неоформленность акта передачи материалов следствию, а также подмена задач предупреждения преступления целями искусственного создания доказательств [1, с. 50].

Указанные и иные нарушения затрагивают фундаментальные принципы уголовного процесса — презумпцию невиновности, законность и состязательность, поскольку формируют доказательственный массив с нарушением границ допустимого государственного вмешательства. В теоретическом измерении такая практика подтверждает, что процессуальная легализация должна обеспечивать прозрачность доказательственного происхождения. Каждый документ, включенный в материалы дела, обязан иметь прослеживаемое происхождение, понятное суду и сторонам. Отсутствие ясной цепочки — от постановления о проведении мероприятий ОРД до акта их приема-передачи органу досудебного производства или в суд — делает доказательство юридически несуществующим.

Так, постановлением Президиума Приморского краевого суда от 12 августа 2019 г. по делу № 44У-172/2019 [5] отменено решение суда первой инстанции, в рамках которого подсудимый был признан виновным в двух эпизодах покушения на сбыт наркотических средств. Оба эпизода были зафиксированы в ходе оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» с участием одного и того же закупщика.

При рассмотрении кассационной жалобы Президиум суда установил, что после первой закупки органы, осуществляющий ОРД уже располагали достоверной информацией о личности сбытчика и характере его действий, но не пресекли противоправное поведение, а инициировали повторное мероприятие, не указав в постановлении новых оснований для его проведения. Тем самым, оперативные действия утратили характер выявления преступления и приобрели признаки искусственного его воспроизведения. Суд квалифицировал это как нарушение оперативно-розыскного и уголовно-процессуального закона, признав результаты второй закупки недопустимыми. Вследствие этого уголовное преследование по соответствующему эпизоду было прекращено, а осужденный реабилитирован.

Сходная правовая позиция присутствует в постановлении Президиума Верховного суда Республики Калмыкия от 20 августа 2019 г. по делу № 44У-19/2019 [4]. Кассацией установлено, что сотрудники оперативного подразделения провели две последовательные проверочные закупки у одного и того же лица. При этом основания для повторного проведения мероприятия не были документально подтверждены. В материалах отсутствовали сведения о невозможности пресечения преступной деятельности после первой закупки, а в постановлении на проведение оперативно-розыскной мероприятии не приведены данные, указывающие на появление новых эпизодов незаконного оборота наркотиков. Президиум суда квалифицировал подобные действия как нарушение принципа соразмерности оперативных мероприятий их задачам. Согласно позиции суда, допустимость доказательств невозможна, если оперативное вмешательство выходит за пределы предупреждения и пресечения преступления и приобретает характер воздействия на волеизъявление проверяемого лица.

Еще один пример — постановление Президиума Тверского областного суда от 14 июля 2019 г. по делам № 44У-105/2019, № 44У-79/2019, № 4У-342/2019 [6]. Рассматривая жалобы осужденных, Президиум суда пришел к выводу, что результаты оперативно-розыскных мероприятий не могут использоваться в качестве доказательств, если они проведены для фиксации уже известных фактов преступной деятельности. В деле установлено, что сотрудники полиции, располагая полной информацией о причастности конкретного лица к сбыту наркотических средств, организовали повторные закупки без санкции прокурора и без оформления мотивированного постановления, что противоречит требованиям оперативно-розыскного законодательства. Суд отметил, что подобная практика свидетельствует о подмене профилактической функции оперативной работы задачей искусственного подтверждения обвинения, что несовместимо с принципом законности.

Кассационная инстанция в этих делах выполнила функцию последующего контроля, направленного на восстановление нарушенных гарантий допустимости. В результате сформулирована устойчивая позиция: недопустимость доказательства влечет не пересмотр его содержания, а полное исключение из доказательственной системы. В итоге, правовая оценка факта легализации становится центральным элементом пересмотра судебных решений.

Именно поэтому институт допустимости в современных условиях следует рассматривать не как

техническую категорию доказательственного права, а как средство защиты процессуального равновесия и обеспечения правовой определенности судебного разбирательства.

Проведенный анализ судебной практики демонстрирует устойчивую позицию кассационных инстанций: допустимость доказательств предполагает не только соблюдение процессуальных формальностей, но и соответствие оперативных действий их законной цели.

Суд, проверяя приговор, оценивает не содержание представленных материалов, а происхождение каждого доказательства — кто, когда и на каком основании получил его, соблюдались ли требования к документированию и была ли обеспечена прослеживаемость передачи материалов ОРД органу досудебного производства. Это возвращение к исходному смыслу принципа допустимости — обеспечению контроля над источником доказательственной информации.

В отличие от относимости, определяющей логическую связь сведений с предметом доказывания, допустимость выражает правовую оценку способа их получения. Нарушение этого способа разрушает саму возможность использования информации в процессе доказывания, независимо от того, подтверждает она виновность или невиновность лица.

Не соблюдение условий законности проведения оперативно-розыскных мероприятий имеет двоякий эффект. С одной стороны, оно влечет исключение доказательств и пересмотр приговора, а с другой — формирует судебные ориентиры для правоохранительных органов, которые вынуждены соблюдать более строгие стандарты документирования. Признание результатов повторных проверочных закупок недопустимыми стало примером того, как институт судебной ревизии восстанавливает баланс между интересами государства и правами личности.

Развитие института допустимости результатов оперативно-розыскной деятельности требует не столько создания новых правовых конструкций, сколько упорядочивания уже существующих процедур и устранения неоднозначности в их применении. Дальнейшее совершенствование возможно через формирование устойчивого критерия, отражающего пределы допустимого вмешательства оперативных подразделений в сферу частных прав. Таким критерием может стать принцип «исчерпания цели оперативного мероприятия».

По нашему мнению, содержание этого принципа сводится к тому, что после достижения первоначальной задачи — установления лица, совершающего преступление, и фиксации факта противоправного деяния, когда проведение новых мероприятий того же характера утрачивает правовую основу. Такой подход вытекает из практики кассационных судов, где повторные проверочные закупки без новых оснований признавались нарушающими закон. Нормативное закрепление этого принципа предотвратило бы произвольное расширение оперативных действий и обеспечило предсказуемость судебной оценки полученных материалов.

Целесообразно создание единых разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, в которых были бы отражены критерии проверки допустимости результатов оперативно-розыскных мероприятий при кассационном и надзорном пересмотре. Разъяснение должно касаться трех аспектов:

1) наличие объективных оснований для проведения оперативно-розыскного мероприятия;

2) процессуальное оформление и прослеживаемость передачи материалов оперативно-розыскной деятельности органу досудебного производства или в суд;

3) соразмерность оперативно-розыскного вмешательства задачам предупреждения и пресечения преступлений.

Исследование показало, что допустимость результатов оперативно-розыскной деятельности не сводится к проверке формального соответствия документов требованиям процессуального закона. Допустимость отражает более глубокий правовой смысл — обеспечение прозрачности происхождения доказательств и правомерности вмешательства государства в сферу частных прав. Решающим критерием признания материалов ОРД допустимыми является наличие законной цели и соразмерность оперативного вмешательства поставленной задаче. Повторные проверочные закупки, проводимые без появления новых оснований, свидетельствуют о подмене функции выявления преступления задачей искусственного подтверждения обвинения. Предложенные направления совершенствования — формулирование критерия «исчерпания цели оперативного мероприятия» и унификация судебных подходов — отражают необходимость системного подхода к обеспечению законности оперативно-розыскной деятельности.

Список источников

1. Баранов А. М., Наумов К. А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2022.
2. Гаврилов Б. Я. Позволяют ли нормы УПК использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве? // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность : сб. материалов Междунар. науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. И. А. Антонова, М. Р. Глушкова. СПб : Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ, 2022. С. 54–64.
3. Ларин К. И., Чурилов С. Н. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Образование и право. 2021. № 8. С. 260–264.
4. Постановление Президиума Верховного Суда

Республики Калмыкия от 20 августа 2019 г. по делу № 44У-19/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/lPSbu9GEtWUS/
5. Постановление Президиума Приморского краевого суда от 11 августа 2019 г. по делу № 44У-172/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/birpsggeOZoW/
6. Постановление Президиума Тверского областного суда от 14 июля 2019 г. по делу № 1-1/2011 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/uwve3jsHcsHp/
7. Семенцов В. А. Провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 4. С. 45–53.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (с изм. и доп. по сост. на 3 января 2024 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 816.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4929.
10. Чечетин А. Е., Шатохин И. Д. Проверка законности и обоснованности судебных решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. К. Б. Калиновского. СПб : Центр науч.-информ. технологий «Астерион», 2021. С. 223–229.

References

1. Baranov A. M., Naumov K. A. The essence and structure of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia. M. : Yurlitinform Publ., 2022.
2. Gavrilov B. Ya. Do the provisions of the Code of Criminal Procedure allow the use of the results of operational-investigative activities in criminal proceedings? // Procedural and legal features of the interaction of investigative bodies with bodies carrying out operational-investigative activities: Proc. of the Int. Sci. and Pract. Round Table, St Petersburg, Oct 22, 2021 / ed. by I. A. Antonov, M. R. Glushkov. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022. P. 54–64.
3. Larin K. I., Churilov S. N. The use of the results of operational-investigative activities in evidence // Education and Law. 2021. № 8. P. 260–264.
4. Ruling of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Kalmykia № 44U-19/2019 of Aug 20, 2019 in Case № 44U-19/2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/lPSbu9GEtWUS/
5. Ruling of the Presidium of the Primorsky Krai Court № 44U-172/2019 of Aug 11, 2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/birpsggeOZoW/
6. Ruling of the Presidium of the Tver Regional Court № 44U-105/2019 of July 14, 2019 in Case № 1-1/2011 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/uwve3jsHcsHp/
7. Sementsov V. A. Crime provocation in operational-investigative activities // Union of Criminologists and Criminologists. 2020. № 4. P. 45–53.
8. Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan of Dec 3, 2009 (as amended Jan 3, 2024) // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. 2009. № 12. Art. 816.
9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of Dec 18, 2001 № 174-FZ (as amended July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 50. Art. 4929.
10. Chechetin A. E., Shatokhin I. D. Verification of the legality and validity of judicial decisions on the conduct of operational-investigative measures // Verification of the legality and validity of judicial decisions in criminal proceedings: Proc. of the All-Russian Sci. and Pract. Conf., St Petersburg, Oct 16–17, 2020 / ed. by K. B. Kalinovsky. St. Petersburg : Center for Scientific and Information Technologies «Asterion», 2021. P. 223–229.

Информация об авторе

И. А. Одиназода — докторант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information the author

I. A. Odinazoda — Doctoral Student of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Kuban State University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 24.11.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 343.13
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-157-162
EDN: https://elibrary.ru/qxpncl
NIION: 2003-0059-6/25-425
MOSURED: 77/27-004-2025-06-624

Подозрение в системе уголовного преследования: самостоятельная функция или факультативный элемент познавательной деятельности?

Надежда Валерьевна Османова
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,
osmanovanadegda@gmail.com

Аннотация. Анализируется правовая и доктринальная природа подозрения в системе уголовного преследования. Целью исследования явилось проведение комплексного анализа гносеологической, правовой и процессуальной природы подозрения, определение его места в системе уголовного преследования. Актуальность работы обусловлена сближением форм досудебного производства, отсутствием нормативно закрепленного определения подозрения и практикой, согласно которой процессуальный статус зачастую обусловлен формальными условиями и определяется независимо от наличия материальных оснований принятия решений. На основе проведенного анализа сделан вывод о процессуальном (процедурном), а не содержательном различии подозрения и обвинения, а также о необходимости законодательной унификации дефиниции и распространения механизма уведомления о подозрении на предварительное следствие.

Ключевые слова: подозрение, обвинение, уголовное преследование, материальное основание, достаточность доказательств, достаточность данных, уведомление о подозрении, формы расследования

Для цитирования: Османова Н. В. Подозрение в системе уголовного преследования: самостоятельная функция или факультативный элемент познавательной деятельности? // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 157–162. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-157-162. EDN: QXPNCL.

Original article

Suspicion in the criminal prosecution system: an independent function or an optional element of cognitive activity?

Nadezhda V. Osmanova
Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia,
osmanovanadegda@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal and doctrinal nature of suspicion in the criminal prosecution system. The purpose of the study was to conduct a comprehensive analysis of the epistemological, legal and procedural nature of suspicion, and to determine its place in the criminal prosecution system. The relevance of the work is due to the convergence of the forms of pre-trial proceedings, the lack of a legally fixed definition of suspicion and practice, according to which the procedural status is often determined by formal conditions and is determined regardless of the availability of material grounds for decision-making. Based on the analysis, it is concluded that there is a procedural (procedural) rather than substantive difference between suspicion and accusation, as well as the need for legislative unification of the definition and the extension of the mechanism for notification of suspicion to the preliminary investigation.

Keywords: suspicion, accusation, criminal prosecution, material basis, sufficiency of evidence, sufficiency of data, notification of suspicion, forms of investigation

For citation: Osmanova N. V. Suspicion in the criminal prosecution system: an independent function or an optional element of cognitive activity? Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):157–162. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-157-162. EDN: QXPNCL.

© Османова Н. В., 2025

Институт подозрения, являясь отправной точкой в процессе персонализации уголовного преследования, занимает важное, положение в российском уголовном судопроизводстве. Его законодательная конструкция, сложившаяся исторически и закрепленная в ст. 46 УПК РФ, порождает фундаментальную теоретическую и практическую дилемму: является ли подозрение самостоятельной функцией уголовного преследования, обладающей собственными целями, материальным содержанием и правовыми последствиями, или же его следует рассматривать как факультативный элемент познавательной деятельности субъекта уголовного преследования (вспомогательный и не всегда обязательный этап на пути к формулированию обвинения)?

Актуальность данной проблематики обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, наблюдается устойчивая тенденция к сближению форм досудебного производства — дознания и предварительного следствия, что стирает традиционные границы и требует переосмысления всех процессуальных институтов, включая подозрение. Во-вторых, сохраняется нормативная асимметрия: в то время как обвинение обладает нормативно закрепленной дефиницией (п. 22 ст. 5 УПК РФ), подозрение законодательно не определено, а его материальное основание регламентировано весьма фрагментарно. В-третьих, правоприменительная практика демонстрирует, что статус подозреваемого зачастую возникает не как результат оценки «достаточных данных», а как следствие иных процессуальных действий (задержание, избрание меры пресечения), что ставит под сомнение содержательную сторону данного института.

Целью настоящего исследования явилось проведение комплексного анализа гносеологической, правовой и процессуальной природы подозрения, определение его места в системе уголовного преследования. Для ее достижения последовательно решаются следующие задачи:

- провести анализ генезиса подозрения на современном этапе и его соотношения с обвинением в уголовно-процессуальной доктрине;
- исследовать законодательную конструкцию подозрения и выявить системные противоречия, приводящие к его «факультативности» в рамках познавательной деятельности;
- на основе изучения правоприменительной практики (включая данные анкетирования следователей и анализ материалов уголовных дел) определить реальные детерминанты принятия решения следователем и дознавателем о вынесении процессуальных актов, свидетельствующих о подозрении и обвинении;
- определить ключевые тенденции развития института подозрения.

Помимо основных законодательно закрепленных функций — обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, — в теории уголовного процесса выделяют и другие функции. Уголовно-процессуальная доктрина расширяет пределы законодательно установленной триады функций, выделяя уголовное преследование, следственную деятельность, компенсацию вреда, причиненного преступлением, обеспечение прав личности и др.

Предметом научных исследований становятся специфические функции, реализуемые в ходе досудебного производства (доказывание, принятие процессуальных решений), функциональные обязанности отдельных участников процесса, каждому из которых свойственно выполнение самостоятельных процессуальных ролей. Так, следователь осуществляет предварительное расследование, прокурор обеспечивает надзор за законностью действий органов дознания и следствия, а руководители следственных подразделений и органов дознания выполняют функцию внутриведомственного процессуального контроля и т. д. Дифференциация функций участников стороны обвинения подчинена достижению общей цели — выполнению назначения уголовного судопроизводства, что придает их функциям целостный и целевой характер.

Уголовное преследование, будучи одной из ключевых функций уголовно-процессуального права, определяет направление деятельности субъектов, представляющих сторону обвинения. Вместе с тем уголовное преследование является композитной функцией, синтезирующей в себе ряд иных функций — выдвижение подозрения и формулирование обвинения — объединенных субъектами их реализации и единой целью (изобличение лица в совершении преступления).

Историко-правовой анализ генезиса уголовного преследования позволяет утверждать, что в ранних доктринальных конструкциях обвинение не рассматривалось в качестве самостоятельной процессуальной функции или правового института, отличного от самого уголовного преследования. Функция подозрения, по сравнению с классическим обвинением, является продуктом более позднего этапа развития правовой мысли, что делает ее сравнительно новой для уголовно-процессуальной системы.

В продолжении раскрытия вопроса о месте подозрения в механизме уголовного преследования необходимо отметить, что уголовно-процессуальное законодательство, несмотря на значительные изменения, сохранило правовую модель, согласно которой функция защиты начинает реализовываться ровно в тот момент, когда органы уголовного преследования выдвигают утверждение в форме подозрения о причастности лица к совершению преступления. Более того, в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, момент ее возникновения может быть отнесен к еще более ранней стадии уголовного судопроизводства — а именно к началу осуществления любых процессуальных действий, которые затрагивают права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка по сообщению о преступлении.

Таким образом, сегодня универсальность института подозрения обусловлена интеграцией в производство, начинающееся на стадии проверки сообщения о

преступлении. Это свидетельствует о существенном изменении уголовно-процессуальной парадигмы: точка отсчета уголовного преследования сместилась с этапа предварительного расследования на более ранний — досудебный этап возбуждения дела.

Доктрина уголовного процесса определяет подозрение и обвинение в качестве:

- самостоятельных процессуальных функций,
- последовательных этапов уголовного судопроизводства,
- механизмов, обеспечивающих реализацию уголовного преследования.

Подозрение и обвинение являются отражением познавательной деятельности следователя, дознавателя, выражаются в принятии указанными субъектами процессуального решения — предварительного вывода о наличии достаточных данных либо достаточных доказательств, свидетельствующих (на стадии предварительного расследования) о совершении лицом преступления.

Несмотря на предварительность вывода о причастности лица к совершению преступления в процессуальных документах следователя, дознавателя находят отражение выводы, изложенные в утвердительной форме, наличие предположения не допускается.

Решение о подозрении или обвинении лица в совершении преступления оформляются в виде соответствующего процессуального документа, чья форма и содержание детально регламентированы УПК РФ. При этом п. 22 ст. 5 УПК РФ содержит дефиницию категории «обвинение», согласно которой обвинение — это утверждение о совершении конкретным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Ключевым условием для вынесения обвинения, как следует из предписаний ч. 1 ст. 171 УПК РФ, является наличие достаточной доказательственной базы.

Отсутствие в УПК РФ прямой дефиниции подозрения, в отличие от законодательно закрепленного определения обвинения, породило нормативную неопределенность и способствовало появлению асимметрии в правовом регулировании двух ключевых институтов уголовного преследования, что породило доктринальные споры и проблемы в правоприменительной практике. Указанная пробельность в регулировании двух взаимосвязанных институтов ставит под сомнение системность всего механизма уголовного преследования.

В науке уголовного процесса под подозрением предлагается понимать момент персонификации уголовного преследования, представляющий собой основывающееся на собранной процессуальной и не процессуальной информации, выраженное вовне предположение лица, ведущего расследование по уголовному делу, о совершении лицом расследуемого преступления [4].

По нашему мнению, по своей правовой природе представляет собой первичный акт обвинительной деятельности, то есть такое же официальное утверждение о совершении преступления определенным лицом, как и последующее обвинение. Их разделение носит не качественный, а количественный характер и связано со стадией формирования доказательств: подозрение опирается на «достаточные данные», а обвинение — на «достаточные доказательства». Следовательно, различия между этими функциями уголовного преследования носят скорее процессуальный (процедурный) характер, не затрагивая их содержательной стороны.

Указанное позволяет сформулировать авторскую позицию — подозрение является не гипотезой, а юридически значимым предварительным утверждением о виновности (равно как и обвинение на стадии досудебного производства), имеющим ту же правовую форму, что и обвинение.

Как отмечают видные ученые-процессуалисты в современной правовой доктрине наблюдается тенденция к унификации правового положения подозреваемого и обвиняемого, при которой принципиальные различия между ними существенно нивелированы [1, с. 20].

Проведенный комплексный анализ уголовно-процессуальных норм и материалов свидетельствует о том, что ключевым фактором при выборе следователем (дознавателем) между подозрением и обвинением служат не столько критерии достаточности доказательств или данных, сколько ряд иных процессуальных условий и решений. К ним, в частности, относятся:

- наличие фактического основания для изменения статуса лица (задержание лица в порядке ст. 91–92 УПК РФ, избрание меры пресечения, придающие лицу статус подозреваемого);
- требования по соблюдению процессуальной формы расследования. (например, обязанность уведомить лицо о подозрении при возбуждении дела в отношении неустановленного лица или при производстве в форме дознания);
- наличие условий, обусловленных сроком принятия решения (подозреваемому мера пресечения избирается на срок, не превышающий 10 суток, что прогнозируемо стимулирует переход подозрения в обвинение);
- проведение по уголовному делу необходимых действий и формирование доказательственной базы, позволяющей в дальнейшем сделать вывод о виновности лица в совершении преступления и составить обвинительное постановление (ст. 226.7 УПК РФ), обвинительный акт (ст. 225 УПК РФ), обвинительное заключения (ст. 215 УПК РФ);
- требование соответствия предъявленного обвинения фабуле обвинительного заключения. В таких случаях, как правило, при избрании меры пресечения подозреваемому предъявляется «дежурное» обвинение, далее ближе к завершению предварительного следствия формулируется итоговое обвинение, впоследствии

дословно отражающееся в фабуле обвинительного заключения.

И хотя практикующими сотрудниками и учеными-процессуалистами осуществление уголовного преследования в отношении подозреваемого не оспаривается, сегодня подозрение не сильно отличается от обвинения.

Таким образом, изложенное демонстрирует, что решение об определении процессуального статуса часто детерминировано не содержанием и принципами доказывания, а процессуальными требованиями и формально установленными этапами уголовного судопроизводства.

Анализ эмпирических данных, полученных в рамках исследования, демонстрирует единую позицию практикующих следователей и дознавателей. Подавляющее большинство респондентов (91 %) констатируют, что на досудебных стадиях процесса объем гарантий и механизмы реализации прав для подозреваемого и обвиняемого фактически идентичны.

Действительно, законодатель, не предлагая определения дефиниции подозрения, отличного от обвинения, указывает в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, что подозреваемым является лицо:

- в отношении которого возбуждено уголовное дело;
- которое задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ;
- к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ;
- которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ.

Определяя место института подозрения в механизме уголовного преследования Н. Н. Кузнецова полагает, что «подозрение в российском уголовно-процессуальном праве является первой формой осуществления уголовного преследования в отношении определенного лица, ступенью к появлению в досудебном производстве обвиняемого» [5, с. 137].

Представленный тезис отражает классическую логику процессуального развития: от возникновения у следователя (дознавателя) первоначальных оснований предполагать причастность лица, через их формализацию в виде подозрения, к окончательному утверждению — обвинению. При этом в уголовно-процессуальной практике нередки случаи, когда лицо приобретает статус обвиняемого непосредственно из положения свидетеля, минуя промежуточный этап придания лицу статуса подозреваемого.

Подобные ситуации отражают традиционное трехэтапное изменение процессуального статуса и свидетельствуют о сложившемся отношении правоприменителя к институту подозрения и его необязательности.

Более чем по 58 % изученных уголовных дел, возбужденных в отношении неустановленного лица, статус подозреваемого придавался лицу посредством избрания в отношении него меры пресечения. При этом подозреваемый находился в указанном статусе непродолжительное время, что обусловлено не получением новых данных или доказательств, указывающих на причастность лица к совершению преступления, а положениями ч. 1 ст. 100 УПК РФ, устанавливающими следующее правило: «обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения».

Действующая законодательная модель построения системы уголовного преследования представляется методологически уязвимой. Противоречивость нормативной конструкции заключается в том, что статус подозреваемого возникает не из содержательной предпосылки — фактического подозрения, а из процедурных актов: факта задержания лица или применения к нему меры пресечения.

Таким образом, наличие подозрения находится «на втором плане», что вызывает противоречивое отношение к существующей правовой модели института подозрения. Частично рассматриваемые в статье вопросы разрешены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации в п. 2 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», определившем, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого возможно только при наличии обоснованного подозрения, предполагающего наличие данных о том, что лицо причастно к совершению преступления.

Материальное основание для подозрения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве получает лишь фрагментарное регулирование. Так, ст. 223.1 УПК РФ (Уведомление о подозрении в совершении преступления) содержит положения, согласно которым дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении в совершении преступления, если в ходе дознания получены достаточные данные, формирующие убежденность в причастности лица к совершению преступления. Именно наличие такой убежденности у лица, осуществляющего уголовное преследование в форме дознания, влечет обязанность дознавателя уведомить его о подозрении.

Анализ конструкции приведенной нормы права позволяет утверждать о недопустимости составления уведомления о подозрении в совершении преступления при расследовании преступления в форме предварительного следствия. Рассматриваемая формулировка положений уголовно-процессуального закона оставляет вне правового поля основания для подозрения на иных стадиях уголовного судопроизводства и в иных формах производства.

Соответствующие вопросы возникают и у правоприменителей: каким образом в рамках производства, осуществляемого в форме предварительного следствия, должен быть процессуально оформлен статус подозреваемого, если уголовное дело первоначально было воз-

буждено в отношении неустановленного лица?

Законодатель ответа на данный вопрос не дает. Единственный способ устранения имеющегося пробела видится в избрании в отношении лица меры пресечения, однако такое решение свидетельствует о подмене процессуальных институтов и вызывает опасения в злоупотреблении правом субъектами уголовного преследования.

Ограничение сферы применения процедуры уведомления о подозрении (ст. 223.1 УПК РФ) исключительно производством в форме дознания представляется нам искусственным и необоснованным. Более 60 % опрошенных следователей Следственного комитета Российской Федерации высказались за распространение данного механизма на предварительное следствие, что, с другой стороны, еще больше сблизит дознание и предварительное следствие и нивелирует и так незначительные различия форм предварительного расследования.

Говоря про институт подозрения и определение его места в уголовном преследовании нельзя не коснуться вопросов дифференциации форм предварительного расследования.

В настоящее время сложилась такая система предварительного расследования, при которой основным критерием разграничения его форм выступает наличие (или отсутствие) процедур уведомления о подозрении и предъявления обвинения, последнее в установленных случаях допускается и при расследовании в форме дознания.

В 2013 г., с введением упрощенной процедуры производства по уголовному делу, началась перестройка дознания посредством сближения с предварительным следствием. Указанные процессы произошли несмотря на то, что изначально дознание и предварительное следствие являлись двумя независимыми и отличными друг от друга формами предварительного расследования. Дознание в сокращенной форме в свою очередь не получило широкого распространения и применения на практике — в 2024 г. только порядка 8 % направленных уголовных дел окончено в ускоренном порядке.

Недостаточное разделение дознания и предварительного следствия, отсутствия содержательного разграничения категорий и функций «подозрения» и «обвинения», излишняя формализация расследования, а также неэффективность сокращенного дознания обусловили необходимость разработки новой модели досудебного производства.

Исследование аналогичных вопросов профессором Б. Я. Гавриловым позволяет утверждать о необходимости оптимизации уголовного преследования на стадии досудебного производства посредством исключения привлечения лица в качестве обвиняемого. В качестве одного из основных доводов ученого-процессуалиста является анализ практики применения норм УПК РФ дознавателями (начиная с 2002 г.) без реализации в классическом виде предъявления обвинения, по которым осужденные не обращались ни в Конституционный Суд РФ, ни в Европейский Суд по правам человека по поводу возможного ограничения их конституционного права на презумпцию невиновности [2; 3].

Сравнительный анализ обвинения и подозрения, форм и условий их реализации при производстве дознания и предварительного следствия, в том числе ввиду их сближения, порождает новые вопросы об окончании предварительного расследования и форме итогового документа (обвинительного акта, обвинительного заключения), а также об альтернативе уведомления о подозрении в совершении преступления привлечению лица в качестве обвиняемого.

В качестве тенденции развития института уголовного преследования может стать исключение дублирующих процедур, таких как уведомление о подозрении и предъявление обвинения. Предлагаемые изменения должны быть характерны для всех форм расследования, независимо от субъекта уголовного преследования. В свою очередь обвинение на протяжении досудебного производства может уступить место подозрению. А обвинение и его предъявление лицу перенесено на завершающий этап досудебного производства и может быть представлено в форме обвинительного акта и ознакомления с ним. В таком случае, как это свойственно дознанию, — после вынесения обвинительного акта допрос обвиняемого не потребуется, что также будет обеспечивать оптимизацию судопроизводства.

На основании изучения института подозрения как элемента системы уголовного преследования можно выделить ключевые тенденции развития института подозрения, требующие законодательной реализации.

Унификация понятийного аппарата. Требуется разработка концептуально единой трактовки функций подозрения и обвинения, а также их взаимосвязи, с последующим законодательным закреплением соответствующих дефиниций. Особое значение имеет нормативное определение материального основания для признания лица подозреваемым, что позволит отказаться от исключительно формальных оснований придания статуса, перечисленных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Гармонизация досудебных процедур. Целесообразно расширить влияние института подозрения на форму предварительного следствия путем имплементации механизма уведомления о подозрении, что обеспечит единый процессуальный стандарт для обеих форм расследования.

Реформирование финальной стадии расследования. Ввиду объективного сближения дознания и предварительного следствия назрела необходимость в разработке новой, унифицированной модели завершения досудебного производства по уголовному делу.

Представленные выше авторские позиция и предложения являются попыткой преодолеть традиционный взгляд на подозрение и рассмотреть его в более широком контексте с гносеологической позиции. Действующее правовое регулирование и сложившаяся правоприменительная практика фактически нивели-

руют подозрение до факультативного процессуального акта, от которого лицо, осуществляющее уголовное преследование, может отказаться основываясь исключительно на своем отношении к предмету познания, в качестве которого выступают определение на свое усмотрение достаточности данных и доказательств, указывающих на причастность лица к совершению преступления. Исследование вопросов познания принятия следователем процессуальных решений, уведомляющих лицо о начале обвинительной деятельности, имеет значимые последствия для понимания системы уголовного преследования и обеспечения прав граждан в уголовном судопроизводстве.

Список источников

1. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Критика современного УПК РФ : обоснованность, научность, прикладной характер // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 16–22.
2. Гаврилов Б. Я. Необходим ли институт привлечения лица в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве : история и современность? // Криминологический журнал. 2024. № 3. С. 45–51.
3. Гаврилов Б. Я., Муратова Н. Г. Предъявление обвинения : проблемы и видение идей их разрешения // Уголовная политика России на современном этапе : состояние, тенденции, перспективы : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г. А. Аванесова. В 2-х ч. М. : Академия управления МВД России, 2024. С. 56–65.
4. Колбеева М. Ю. Уведомление о подозрении в совершении преступления как альтернатива привлечению в качестве обвиняемого // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 8. С. 108–113.
5. Кузнецова Н. Н. Уголовное преследование по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германии : сравнительно-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023.

References

1. Bozhev V. P., Gavrilov B. Ya. Criticism of the modern Criminal Procedure Code of the Russian Federation : validity, scientific character, applied nature // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1. P. 16–22.
2. Gavrilov B. Ya. Is the institution of bringing a person as an accused in criminal proceedings necessary : history and modernity? // Journal of Criminology. 2024. № 3. P. 45–51.
3. Gavrilov B. Ya., Muratova N. G. Bringing charges : problems and a vision of ideas for their resolution // Criminal policy of Russia at the present stage : state, trends, prospects : Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor G. A. Avanesov. In 2 v. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 56–65.
4. Kolbeeva M. Y. Notification of suspicion of committing a crime as an alternative to involvement as an accused // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 8. P. 108–113.
5. Kuznetsova N. N. Criminal prosecution under the legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany : comparative legal research : dis. ... cand. legal sciences. M., 2023.

Информация об авторе

Н. В. Османова — декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

N. V. Osmanova — Dean of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 342.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-163-169
EDN: https://elibrary.ru/
NIION: 2003-0059-6/25-426
MOSURED: 77/27-003-2025-06-625

Проблемы и перспективы развития законодательства о государственном контроле и надзоре

Оксана Михайловна Попович[1], Анна Владимировна Ольшевская[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] oxana_popovich@mail.ru
[2] Anna-olshevskya@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются ключевые проблемы и перспективы развития законодательства о государственном контроле и надзоре в контексте современной административной реформы в Российской Федерации. Акцентируется внимание на трансформации контрольно-надзорной деятельности из традиционно репрессивной модели, основанной на полицейско-правовых принципах, в профилактическую, риск-ориентированную и цифровизированную систему публичного управления.

Выявлена проблема нормативной раздробленности и дублирования правовых актов, регулирующих порядок проведения проверок и взаимодействие контрольно-надзорных органов, что снижает эффективность государственного контроля. Особое внимание уделено необходимости переосмысления доктрины административно-правовых режимов, процедур и актов реагирования как взаимосвязанных элементов единой правовой конструкции государственного надзора. Обоснована целесообразность отказа от устаревших административных регламентов в пользу типовых положений о видах контроля, закрепления в законе единого перечня административных процедур, введения механизмов оценки результативности контрольно-надзорной деятельности и перехода к цифровой модели управления рисками.

В качестве приоритетных направлений совершенствования законодательства предложены: интеграция положений о видах контроля в систему Федерального закона № 248-ФЗ, унификация подзаконных актов, разработка типовых электронных форм контрольно-надзорных документов и создание единой цифровой платформы взаимодействия органов контроля. По мнению автора, реализация указанных мер обеспечит согласованность правового регулирования, повысит эффективность надзорной практики и укрепит доверие общества к институтам публичной власти.

Ключевые слова: государственный контроль и надзор, административно-правовой режим, контрольно-надзорные процедуры, акты реагирования, нормативное дублирование, цифровизация, риск-ориентированный подход, административная реформа, профилактическая модель надзора

Для цитирования: Попович О. М., Ольшевская А. В. Проблемы и перспективы развития законодательства о государственном контроле и надзоре // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С.163–169. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-163-169. EDN: .

Original article

Problems and prospects of development of legislation on state control and supervision

Oksana M. Popovich[1], Anna V. Olshevsckaya[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] oxana_popovich@mail.ru
[2] Anna-olshevskya@mail.ru

Abstract. The key problems and prospects of the development of legislation on state control and supervision in the context of modern administrative reform in the Russian Federation are considered. Attention is focused on the

© Попович О. М., Ольшевская А. В., 2025

transformation of control and supervisory activities from a traditionally repressive model based on police and legal principles into a preventive, risk-oriented and digitalized public administration system.

The problem of regulatory fragmentation and duplication of legal acts regulating the procedure for conducting inspections and the interaction of regulatory authorities has been identified, which reduces the effectiveness of state control. Special attention is paid to the need to rethink the doctrine of administrative and legal regimes, procedures and response acts as interrelated elements of a unified legal structure of state supervision. The expediency of abandoning outdated administrative regulations in favor of standard provisions on types of control, consolidating a single list of administrative procedures in the law, introducing mechanisms for evaluating the effectiveness of control and supervisory activities and switching to a digital risk management model is substantiated.

The following are proposed as priority areas for improving legislation: the integration of provisions on types of control into the system of Federal Law № 248-FZ, the unification of by-laws, the development of standard electronic forms of control and supervisory documents and the creation of a unified digital platform for interaction between control authorities. According to the author, the implementation of these measures will ensure the consistency of legal regulation, increase the effectiveness of supervisory practices and strengthen public confidence in public authorities.

Keywords: state control and supervision, administrative and legal regime, control and supervisory procedures, response acts, regulatory duplication, digitalization, risk-based approach, administrative reform, preventive supervision model

For citation: Popovich O. M., Olshevsckaya A. V. Problems and prospects of development of legislation on state control and supervision. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):163–169. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-163-169. EDN: .

Современная административная реформа в Российской Федерации направлена на формирование риск-ориентированной, цифровизированной и сервисной модели государственного контроля (надзора).

Риск-ориентированная модель представляет собой концептуально обновленный формат осуществления публичного контроля, основанный на дифференциации контрольных мероприятий в зависимости от степени потенциальной угрозы охраняемым законом ценностям. Контрольные ресурсы концентрируются не на формальном охвате всех подконтрольных субъектов, а на предупреждении наиболее существенных рисков причинения вреда жизни, здоровью граждан, безопасности государства, окружающей среде, имуществу и иным объектам охраны. Субъекты распределяются по категориям риска (значительный, средний, умеренный, низкий), что определяет частоту и интенсивность контрольных мероприятий. Риск-ориентированная модель направлена на переход от репрессивной системы контроля к адресному превентивному государственному воздействию, снижающему административное давление на добросовестных субъектов.

Цифровизированная модель контроля основана на комплексном использовании цифровых технологий для организации, проведения и мониторинга контрольной и надзорной деятельности. Это предполагает: внедрение электронного документооборота, цифровых профилей подконтрольных субъектов, автоматизированных систем анализа данных; использование технологий больших данных, машинного обучения и нейросетей для оценки рисков и выявления отклонений; перевод значительной части контрольных процедур в цифровую среду (электронные проверки и иные дистанционные формы надзора). Цифровизация позволяет сократить трансакционные издержки участников регулирования, повысить прозрачность действий публичной администрации, а также снизить коррупциогенные риски. Цифровизированный контроль выступает одним из элементов формирования электронного государства как качественно новой формы организации публичной власти, основанной на системной цифровизации административной деятельности и трансформации механизмов взаимодействия государства с гражданами и организациями.

Сервисная модель государственного контроля рассматривает его как предоставляемую государством услугу, ориентированную не только на выявление нарушений, но и на поддержание законопослушного поведения подконтрольных субъектов. С этих позиций цель государственных органов контроля состоит в создании условий для добровольного соблюдения установленных требований; приоритет получает консультативно-профилактическая составляющая контроля (предупреждения, разъяснения, методическая помощь); взаимодействие между государством и бизнесом строится на принципах партнерства, транспарентности и доверия.

В современной административно-правовой доктрине риск-ориентированная, цифровизированная и сервисная модели контроля рассматриваются как взаимодополняющие элементы новой парадигмы государственного контроля, основанной на: гибкости; адресности; прозрачности; технологичности; ориентации на результат и минимизацию государственного вмешательства. Реализация этих моделей обеспечивает переход от традиционного инспекционного контро-

ля к формам, соответствующим требованиям XXI в. и стандартам развитых правопорядков.

Принятие Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» стало поворотным моментом в становлении правовых основ контрольно-надзорной деятельности. В этом контексте особое значение приобретает переосмысление доктринальных основ административно-правовых режимов государственного контроля (надзора).

Административно-правовой режим представляет собой особый порядок правового регулирования, закрепляющий совокупность предписаний, ограничений и дозволений, направленных на упорядочение управленческих процессов и обеспечение безопасности публичных отношений. Тем самым, категория «режим» эволюционировала от полицейско-правового к межотраслевым формам регулирования. В свою очередь, режим государственного контроля (надзора) в узком смысле можно определить как порядок функционирования органов исполнительной власти, обеспечивающий предупреждение и пресечение нарушений обязательных требований. В широком — как систему правовых и организационных средств, регулирующих взаимодействие всех субъектов контрольно-надзорных отношений и возможность применения мер административного принуждения.

Контроль и надзор представляют собой одну из базовых форм реализации исполнительной власти, направленную на обеспечение законности в сфере публичного управления. Традиционно в отечественной доктрине данные институты рассматривались сквозь призму полицейско-правовой теории, как проявление принуждения и государственно-властного вмешательства в общественные отношения [3, с. 22]. Исследования последних лет отражают смену парадигмы: контроль перестает быть инструментом наказания и превращается в правовую форму превентивного регулирования [5, с. 20–34]. Эта трансформация проявляется в трех взаимосвязанных направлениях:

- формировании административно-правовых режимов, задающих рамочные условия для деятельности органов надзора;
- разработке административных процедур, обеспечивающих законность и последовательность действий должностных лиц;
- стандартизации административных актов реагирования, закрепляющих правовые последствия выявленных нарушений и мер профилактики.

В совокупности эти элементы формируют институциональную триаду государственного контроля, в которой режим выступает нормативным каркасом, процедура — механизмом функционирования, а акт реагирования — результатом и юридическим воплощением контрольного воздействия.

Административные контрольно-надзорные процедуры охватывают юрисдикционные процессы, в рамках которых осуществляется правоприменительная деятельность органов исполнительной власти. Их сущность состоит в последовательном выполнении действий, направленных на установление соответствия деятельности контролируемых лиц обязательным требованиям и оформляемых правовыми актами индивидуального характера [2, с. 113]. Тем самым процедура становится не просто техническим элементом управленческого процесса, а правовой формой реализации контрольных полномочий, обеспечивающей законность, прозрачность и подотчетность публичной администрации. Именно процедурная урегулированность деятельности органов контроля служит гарантией защиты прав граждан и организаций, а также инструментом предупреждения административного произвола.

Современная система контрольно-надзорных отношений в Российской Федерации формируется на основе Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Данный нормативный акт является центральным звеном реформы административного контроля и закрепляет фундаментальные принципы риск-ориентированного подхода, цифровизации контрольно-надзорных процедур и их прозрачности для граждан и бизнеса [1, с. 460]. Вместе с тем, Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» продолжает сохранять юридическую силу в отношении отдельных видов государственного контроля (в частности, миграционного, оборонного, надзора за деятельностью некоммерческих организаций и ряда других сфер). Срок его действия продлен до 31 декабря 2025 г., что де факто создало правовую неопределенность, обусловленную сосуществованием двух базовых федеральных законов, регулирующих однородные общественные отношения.

С одной стороны, такое решение законодателя призвано обеспечить правовую преемственность и плавность реформирования контрольно-надзорной системы; с другой — оно приводит к дублированию и несогласованности правового регулирования, порождая коллизии между нормами Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ и Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ. В частности, оба закона регулируют порядок проведения проверок, определяют участников и их процессуальные права, закрепляют основания для применения мер реагирования.

Однако различия в терминологии, принципах и объеме полномочий вызывает сложности при их практическом применении, деформируя единообразие правоприменительной практики.

Федеральный закон № 248-ФЗ устанавливает двухуровневую систему государственного контроля и надзора (федерального и регионального), детализируя порядок организации и проведения контрольно-надзорных мероприятий, принципы деятельности уполномоченных органов, правила документирования проверок, а также особенности взаимодействия между уровнями публичной власти. Тем самым, формируется комплексное правовое основание для реализации административного надзора как формы публичного управления, направленной на обеспечение законности и предотвращение ущерба охраняемым законом интересам государства, общества и личности.

Современное правовое регулирование контрольно-надзорных процедур характеризуется многоуровневой структурой: оно включает не только федеральные, но и региональные и муниципальные нормативные правовые акты, а также многочисленные подзаконные документы (положения о видах контроля (надзора), административные регламенты, методические рекомендации и иные акты, конкретизирующие порядок проведения проверок). При этом, отсутствие единой концептуальной иерархии правовых актов приводит к нормативной фрагментации, когда различные источники права регулируют идентичные по содержанию процедуры. Наиболее отчетливо данная проблема проявляется в двойственности правового регулирования: одни и те же вопросы урегулированы как положениями о видах контроля, так и административными регламентами, нередко вступающими в противоречие друг с другом. В ряде случаев одновременно действуют оба документа, регулирующие один и тот же вид надзора, что создает неопределенность для правоприменителя и подконтрольных субъектов.

Системный анализ сложившегося состояния законодательства позволяет утверждать, что современная модель правового регулирования контрольно-надзорных процедур носит переходный характер. Ее главная особенность состоит в сосуществовании норм двух «поколений» законодательства, что объективно снижает управляемость контрольно-надзорных процессов и препятствует становлению единой административно-процессуальной системы. С точки зрения теории административного права, эффективное регулирование контрольно-надзорной деятельности требует единого нормативного ядра, обеспечивающего системность, согласованность и предсказуемость правоприменения. В этом контексте оправданным представляется поэтапный отказ от действия Федерального закона № 294-ФЗ по мере завершения переходного периода и приведения подзаконных актов в соответствие с новой концепцией контроля и надзора.

Значимым направлением совершенствования законодательства является замена административных регламентов, как инструментов детальной регламентации управленческих действий, на положения о видах контроля (надзора), обладающих большей гибкостью и способностью адаптироваться к специфике конкретных сфер государственного управления. Такая мера позволит унифицировать процедуры, исключить дублирование правовых норм и обеспечить их технологическую совместимость с цифровыми платформами государственного контроля.

Трансформация нормативной основы государственного контроля в части замены административных регламентов положениями о видах контроля представляет собой не просто техническое обновление правовой базы, а отражает глубокие институциональные изменения в российской модели публичного администрирования. Подобная рамочная конструкция в большей степени отвечает современной концепции цифрового и сервисного государства, ориентированного на результат и сокращение избыточных административных барьеров.

При этом, отказ от детализированных административных регламентов сопряжен с немалыми правовыми рисками, включая возможность снижения уровня процессуальных гарантий, расширение административного усмотрения и неоднородность правоприменительной практики. С учетом этого, оптимальная модель публичного управления предполагает не полную замену регламентов, а их эволюцию в направлении цифровых процедур, способных обеспечить баланс между гибкостью государственного контроля и неизменностью фундаментальных принципов законности, предсказуемости и защиты прав подконтрольных субъектов.

Представляется целесообразным внести изменения и дополнения в Федеральный закон № 248-ФЗ, направленные на устранение имеющихся пробелов и коллизий. В частности:

- закрепить на уровне закона единый перечень административных процедур, применяемых при осуществлении контроля (надзора), с указанием их стадий, сроков и обязательных элементов документирования;
- ввести норму, предусматривающую приоритет положений о видах контроля над административными регламентами при регулировании аналогичных отношений;
- установить механизм оценки эффективности контрольно-надзорной деятельности, ориентированный не на количественные показатели проверок, а на снижение риска причинения

вреда охраняемым законом интересам;
- предусмотреть возможность разработки типовых электронных форм документов контрольно-надзорных процедур, обязательных к применению во всех органах исполнительной власти;
- законодательно закрепить цифровую модель взаимодействия между федеральными, региональными и муниципальными органами контроля в рамках единого государственного реестра контрольно-надзорных мероприятий.

Реализация указанных предложений позволит сформировать целостную и согласованную правовую архитектуру контрольно-надзорной деятельности, исключающую дублирование нормативного материала, усиливающую гарантии прав подконтрольных субъектов и, в целом, повышающую эффективность публичного администрирования.

В нынешнем виде Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ имеет довольно общий характер, что дает основания для довольно жесткой его оценки экспертным сообществом. «При столь обширно понимаемой факультативности применения базового закона о контроле он перестает выполнять свои функции регулятора и становится рекомендательным документом методического характера» [7, с. 74].

Наличие дублирующих подзаконных актов создает коллизионные ситуации, осложняет правоприменительную практику и снижает эффективность государственного контроля. Для обеспечения единства правового регулирования требуется полная интеграция положений о видах контроля в Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ и отказ от использования устаревших регламентов. Также целесообразно законодательно утвердить типовые положения о видах контроля, заменяющие административные регламенты и исключающие параллельное правовое регулирование.

В качестве приоритетного направления совершенствования правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений также выступает цифровизация контрольно-надзорной деятельности. Речь идет о внедрении инструментов видеоаналитики, искусственного интеллекта, Интернета вещей, роботизированных систем наблюдения и цифровых платформ взаимодействия между надзорными органами и подконтрольными субъектами. При этом, зачастую «технологические решения появляются с такой быстротой, что государство и общество не успевают в полной мере оценить все потенциальные риски, вызванные ими, и разработать соответствующее правовое регулирование» [8, с. 173].

Цифровизация призвана не только автоматизировать документооборот, но и встроить правовые гарантии в цифровые процессы через прозрачность, фиксирование всех действий инспекторов и возможность граждан прослеживать ход проверки в онлайн-режиме [6, с. 124]. В этом заключается переход от бюрократической к сервисно-ориентированной модели контроля.

В этой связи целесообразно:
- внедрить единую цифровую платформу администрирования процедур с обязательной фиксацией всех действий и сроков;
- установить стандарты качества проведения проверок;
- разработать типовые формы актов контроля, утверждаемые на федеральном уровне, для обеспечения единообразия правоприменения;
- ввести обязательное обучение должностных лиц контрольно-надзорных органов по вопросам процессуальной культуры и цифровой компетентности.

Эти меры призваны создать устойчивую правовую систему контроля, где процедурная строгость сочетается с технологической эффективностью. Такой подход способствует переходу от репрессивной к превентивной модели надзора, где ключевую роль играет анализ цифровых данных о рисках [4, с. 24].

Цифровизированный контроль выступает одним из элементов формирования электронного государства как качественно новой формы организации публичной власти, основанной на системной цифровизации административной деятельности и трансформации механизмов взаимодействия государства с гражданами и организациями. Электронное государство — это базирующаяся на цифровых технологиях институциональная форма организации публичной власти, обеспечивающая перераспределение и совершенствование функций государственного управления, контрольной и сервисной деятельности государства, характеризующаяся высокой степенью цифровой интеграции органов власти, прозрачностью административных процедур, алгоритмизацией решений, проактивностью и сервисной направленностью публичной администрации.

С данных позиций административные акты реагирования, принимаемые по результатам контрольно-надзорной деятельности, выступают не только как результат правоприменения, но и как юридическая форма обратной связи между государством и контролируемыми субъектами [10, с. 23–24; 9, с. 10]. Такой акт обладает двойственной природой: с одной стороны он имеет властно-распорядительный характер, с другой — выполняет профилактическую и восстановительную функции, сочетая элементы принуждения и стимулирования правомерного поведения. Административный акт реагирования является финальной стадией контрольно-надзорного производства, а по-

тому должен соответствовать принципам законности, обоснованности и пропорциональности.

Принцип законности в сфере контрольно-надзорной деятельности предполагает, что административный акт реагирования должен быть издан компетентным органом в строгом соответствии с нормами права, регламентирующими основания, пределы и процедуры публичного вмешательства. Законность выступает фундаментальным ограничителем административного усмотрения: орган контроля обязан доказать наличие нарушений, подтвержденных необходимыми и допустимыми доказательствами, соблюсти установленный порядок проверки, сроки, требования к фиксации результатов и обеспечению прав контролируемого субъекта.

Принцип обоснованности означает, что административный акт реагирования должен быть основан на полно и всесторонне установленной фактической основе, подтвержденной доказательствами, полученными в рамках надлежащей процедуры проверки. Обоснованность предполагает логическую, юридическую и доказательственную связь между выявленным нарушением и выбранной мерой воздействия; отсутствие произвола; достаточность и проверяемость фактов, положенных в основу акта.

Принцип пропорциональности в контрольно-надзорной деятельности предполагает необходимость соблюдения баланса между публичными интересами в обеспечении законности и правами контролируемого субъекта. Из него следует, что мера административного реагирования должна быть соразмерна характеру, степени и последствиям нарушения, а также учитывать поведение субъекта, его добросовестность, наличие малозначительности и возможность устранения нарушения без применения санкций.

Переход к профилактической модели надзора формирует новое понимание контрольно-надзорной функции государства: от «поиска нарушителя» к управлению рисками и предупреждению ущерба, что отвечает стратегическим целям административной реформы. Соблюдение названных принципов обеспечивает легитимность административного акта реагирования, устраняет риски произвола, повышает доверие к контрольно-надзорной системе и способствует становлению сервисной, риск-ориентированной модели публичного администрирования.

Таким образом, правовое совершенствование системы государственного контроля требует не только унификации и цифровизации процедур, но и выстраивания новой административно-правовой доктрины, основанной на принципах интеграции, предсказуемости и ориентированности на обеспечение законности и доверия общества к деятельности публичной администрации.

Список источников

1. Агамагомедова С. А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности : теоретическое обоснование и проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 4. С. 460–470.
2. Агапов А. Б. Публичные процедуры : учебник для вузов. 13-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025.
3. Бекетов О. И. Полицейский надзор : теоретико-правовое исследование : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2011.
4. Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 23–32.
5. Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор) : монография. М. : Юридическая фирма Контракт, 2023.
6. Кабытов П. П., Стародубова О. Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 113–126.
7. Плаксин С. М., Абузярова И. А. и др. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации : аналитический доклад 2020–2021. М. : Высшая школа экономики, 2021.
8. Концепция правового регулирования использования информационных технологий в сфере государственного контроля и надзора в условиях «цифровой экономики» : результаты исследования : монография / под науч. ред. А. В. Мартынова. Н. Новгород : Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2021.
9. Мартынов А. В. Административные акты органов государственного контроля и надзора : понятие, особенности и классификация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 11. С. 8–22.
10. Синьков И. А. Специфические черты административного акта реагирования, принимаемого по результатам контрольно-надзорной деятельности // Законность и правопорядок. 2022. № 1. С. 23–25.

References

1. Agamagomedova S. A. Risk-based approach in the implementation of control and supervisory activities : theoretical justification and problems of application // Siberian Legal Review. 2021. № 4. P. 460–470.

2. Agapov A. B. Public procedures : textbook for universities. 13th ed., revised and supplemented. M. : Yurait, 2025.
3. Beketov O. I. Police surveillance : theoretical and legal study : abstract of the diss. ... doctor of legal sciences. Chelyabinsk, 2011.
4. Zubarev S. M. Legal risks of digitalization of public administration // Actual problems of Russian law. 2020. № 6. P. 23–32.
5. Zyryanov S. M. State control (supervision) : monograph. M. : Law Firm Kontrakt, 2023.
6. Kabytov P. P., Starodubova O. E. The impact of digitalization on the exercise of the powers of executive authorities // Journal of Russian Law. 2020. № 11. P. 113–126.
7. Plaksin S. M., Abuzyarova I. A. et al. Control, supervision and licensing activities in the Russian Federation : analytical report 2020–2021. M. : Higher School of Economics, 2021.
8. The concept of legal regulation of the use of information technologies in the field of state control and supervision in the context of the «digital economy» : research results : monograph / under the scientific editorship of A. V. Martynov. N. Novgorod : Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2021.
9. Martynov A.V. Administrative acts of state control bodies and supervision : the concept, features and classification // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. № 11. P. 8–22.
10. Sinkov I. A. Specific features of the administrative act of reaction adopted based on the results of control and supervisory activities // Legality and law and order. 2022. № 1. P. 23–25.

Информация об авторах

О. М. Попович — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Ольшевская — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. M. Popovich — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. V. Olshevsckaya — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 24.11.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 343.85
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-170-177
EDN: https://elibrary.ru/qxwlsk
NIION: 2003-0059-6/25-427
MOSURED: 77/27-004-2025-06-626

Факторы риска и меры виктимологической профилактики противоправного воздействия на несовершеннолетних посредством цифровой онлайн-коммуникации

Маргарита Юрьевна Пучнина
Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, masloy100@mail.ru

Аннотация. Выделяются виктимологические факторы риска, приводящие к повышенной уязвимости несовершеннолетних. Обозначена проблема онлайн-манипуляций и их связь с экстремистскими идеями и иными видами деструктивной деятельности. Выделены основные группы риска и исследованы механизмы вовлечения подростков в деструктивные сообщества, рассмотрены формы манипуляций. В исследовании предлагаются конкретные меры профилактики противоправного воздействия на несовершеннолетних посредством цифровой онлайн-коммуникации, приводятся некоторые примеры. Обосновывается необходимость постоянного совершенствования деятельности сотрудников правоохранительных органов в реальной ситуации с применением современных технологий. В статье подчеркивается, что только скоординированное взаимодействие государства, образовательных организаций, семей и общественных институтов может обеспечить максимальную защиту прав и законных интересов подрастающего поколения в цифровую эпоху. Исследование опирается на современные теоретические и эмпирические данные, предлагая комплексный подход к защите интересов несовершеннолетних в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: несовершеннолетние, подростки, интернет, социальные сети, мессенджеры, цифровые коммуникации, экстремизм, кибербуллинг, деструктивные сообщества, манипуляция, виктимологическая профилактика, социальная реклама, информационная гигиена, цифровая грамотность

Для цитирования: Пучнина М. Ю. Факторы риска и меры виктимологической профилактики противоправного воздействия на несовершеннолетних посредством цифровой онлайн-коммуникации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 170–177. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-170-177. EDN: QXWLSK.

Original article

Risk factors and measures of victimological prevention of unlawful influence on minors through digital communication

Margarita Yu. Puchnina
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, masloy100@mail.ru

Abstract. Highlighted victimological risk factors that lead to increased vulnerability of minors. The problem of online manipulation and its connection with extremist ideas and other types of destructive activity is outlined. The author identifies the main risk groups and analyzes the mechanisms of involving adolescents in destructive communities, provides forms of manipulation. The study proposes specific measures to prevent illegal influence on minors through digital online communication, and provides some examples. The need for continuous improvement of the activities of law enforcement officers in a real situation using modern technologies is substantiated. The article emphasizes that only coordinated interaction between the state, educational organizations, families and public institutions can ensure maximum protection of the rights and legitimate interests of the younger generation in the digital age. The study is based on modern theoretical and empirical data, offering a comprehensive approach to protecting the interests of minors in the virtual space.

© Пучнина М. Ю., 2025

Keywords: minors, teenagers, the Internet, social networks, messengers, digital communications, extremism, cyberbullying, destructive communities, manipulation, victimological prevention, social advertising, information hygiene, digital literacy

For citation: Puchnina M. Yu. Risk factors and measures for victimological prevention of unlawful influence on minors through digital online communication. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):170–177. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-170-177. EDN: QXWLSK.

Современные дети и подростки растут и развиваются в эпоху, когда сеть Интернет стала неотъемлемой частью нашего повседневного существования. Официальная статистика и многочисленные исследования показывают, что количество подростков, использующих интернет ежедневно, продолжает расти и в настоящее время превышает уже 90 % [1]. Это означает увеличение как позитивных возможностей для развития, так и рост рисков для безопасности и психического здоровья подрастающего поколения. Выявление и анализ виктимологических факторов риска становятся критически важными в контексте профилактики деструктивного поведения и сохранения психологического благополучия несовершеннолетних.

В настоящее время несовершеннолетние получают информацию, общаются со сверстниками, знакомятся с новыми людьми и формируют собственную идентичность в большинстве случаев в интернет-пространстве. За последние 25 лет кардинально изменились способы общения, превалирующая часть которого ушла в виртуальное пространство.

Говоря о цифровой коммуникации, мы должны понимать: для нас имеет значение не только то, что она происходит в цифровой среде и закодирована, но и посредством какого софта она происходит, поскольку это дает определенные возможности, а также накладывает определенные ограничения [2, с. 43]. Некоторые исследователи считают, что «цифровых медиа» не существует, есть только софт, применяющийся к медиа или контенту, а свойства цифровых медиа складываются из свойств и возможностей конкретной программы. Взаимодействие с цифровым пространством происходит через конкретное приложение, софт, и возможности потенциальных действий могут значительно видоизменятся в зависимости от используемой программы [3, с. 142–144]. Позволим себе несколько не согласиться с данным суждением, поскольку в нашем понимании определение «цифровые коммуникации» идентично понятию электронная коммуникация, которая рассматривается как социальная информационная коммуникация, где каналом является цифровая среда (в основном — интернет) и исследуется в рамках направления компьютерно-опосредованной коммуникации (от англ. computer-mediated communication) [4, с. 221]. Данным термином обозначается передача информации и любое общение, происходящее при помощи электронных устройств [5, с. 242–245]. Ряд авторов к компьютерно-опосредованной коммуникации относит в том числе взаимодействие в сети Интернет [6, с. 3]. Согласимся, что такое общение невозможно без подключения используемых гаджетов к сети Интернет (или, например, что реже встречается — к локальной сети). Поэтому в данном исследовании говорится о цифровых онлайн-коммуникациях. Стоит отметить, что общение с целью противоправного воздействия происходит не только в социальных сетях и мессенджерах, но и на других площадках, платформах в сети Интернет. Например, на отдельно взятых сайтах (знакомств), форумах, в чатах онлайн видеоигр и т. д., что еще раз подтверждает правильность выбранной нами формулировки обобщения коммуникации во всех вышеуказанных интернет-ресурсах.

Вопросы, связанные с деструктивным воздействием сети Интернет, в частности социальных сетей, на детей и подростков в последнее десятилетие активно обсуждаются в научных кругах. Большое внимание уделяется следующим аспектам.

1. Психологическое благополучие и психические расстройства. Ряд исследователей указывает на связь между интенсивным использованием социальных сетей и повышенным уровнем депрессии и тревожности [7, с. 190–192]. Частое сравнение себя с «идеальными образами» в социальных сетях способствует формированию заниженной самооценки и развитию комплекса неполноценности [8, с. 150–152].

2. Кибербуллинг и виктимизация. Согласно данным ряда ученых кибербуллинг оказывает существенное негативное воздействие на психологическое состояние учащихся старших классов, повышая риск саморазрушительного поведения [9, с. 345]. Анализ интернет-коммуникации показывает, что подростки зачастую не осознают потенциала травматического воздействия цифровой травли и последствий для психического здоровья [10, с. 8–9].

3. Экстремизм и радикализация. С переходом вербовочной деятельности радикальных организаций в онлайн-пространство возросла актуальность исследований механизмов вовлечения молодежи в экстремистские сообщества [11, с. 231–233]. Особое внимание уделяется идентификации групп повышенного риска:

подростков, находящихся в сложной социальной ситуации, испытывающих кризис самоидентификации, а также имеющих проблемы в семье или в отношениях со сверстниками [12].

4. Виктимологические факторы (рассматривается комплекс причин, которые повышают вероятность стать жертвой преступления или деструктивного воздействия). В контексте интернет-среды выделяются факторы, связанные с личностными характеристиками (низкая самооценка, эмоциональная неустойчивость), а также социокультурными условиями (дефицит позитивной социализации, социальная изоляция) [13]. Важно отметить, что наличие данных факторов не только повышает риск кибербуллинга, но и способствует восприятию экстремистских идей как «ответа» на существующие проблемы [14].

5. Роль родителей и образовательных учреждений. Многие исследователи подчеркивают недостаточную цифровую грамотность родителей и учителей [15], что приводит к отсутствию адекватной поддержки подростков в вопросах безопасного поведения в сети. Формирование базовых навыков осознанного интернет-поведения и критического мышления становится важнейшей превентивной мерой против виктимизации и радикализации молодежи.

6. Социальная изоляция и чувство принадлежности. По мнению ряда авторов [16, с. 180–181], подростки, испытывающие нехватку офлайн-коммуникаций и поддерживающих социальных связей, чаще подвержены влиянию деструктивных онлайн-групп, обещающих принять их в «семью» или «сообщество единомышленников». В такой среде легче манипулировать эмоциональным состоянием, формируя готовность к деструктивным действиям.

Таким образом, обзор научной литературы показывает, что проблема комплексна и затрагивает психологические, социологические и педагогические аспекты. Существует взаимосвязь между уровнем цифровой грамотности, психологическим состоянием подростка и его уязвимостью к манипуляциям. При этом исследования подчеркивают важность системного подхода, включающего работу семьи, школы, социальных институтов и специалистов по профилактике экстремизма.

Виктимология как наука о жертвах и процессах виктимизации выделяет комплекс причин, увеличивающих вероятность стать объектом насилия, манипуляции или другой формы негативного воздействия. В контексте исследуемой проблемы можно выделить следующие основные факторы риска, характерные для подростков.

1. Эмоциональная неустойчивость. Подростковый возраст характеризуется перестройкой эмоционально-личностной сферы. Колебания настроения, поиск собственного «Я» и повышенная чувствительность к оценке окружающих создают благоприятную почву для манипуляций.

2. Низкий уровень критического мышления. Подростки нередко воспринимают информацию в интернете без достаточного анализа ее достоверности. Множество ложных новостей, провокационного контента и агитационных сообщений находят благодатную почву, если ребенок не знает азы истории, не обучен проверять источники, сравнивать факты и оценивать авторитетность источника.

3. Дефицит общения и принадлежности. Одним из ключевых факторов, привлекающих подростков к группам деструктивной направленности, является ощущение отчуждения в реальном окружении. Если подросток не чувствует себя принятым и понятым в семье, среди сверстников, он может искать признания и одобрения в онлайн-сообществах, в том числе радикальных [17, с. 125–126].

4. Социальная изоляция и цифровая зависимость. Избыточное времяпрепровождение в интернете и недостаток реального общения снижают адаптивные возможности подростка. Возникает феномен «закрытой информационной среды», где ребенок взаимодействует преимущественно с теми, кто разделяет радикальную или деструктивную повестку.

5. Проблемы в семье. Конфликты, насилие, отсутствие поддержки и взаимопонимания в семье повышают риск виктимизации и делают подростка уязвимым к манипуляциям со стороны третьих лиц, в том числе в сети Интернет.

6. Отсутствие позитивных ролевых моделей. При нехватке положительных примеров поведения подросток может искать ориентиры вне семьи или школы, и такие «ориентиры» могут оказаться носителями экстремистской идеологии.

Все перечисленные факторы создают совокупную уязвимость: чем больше неблагоприятных условий в жизни подростка, тем выше риск, что он станет жертвой манипуляций или будет вовлечен в экстремистскую деятельность.

Манипуляции как социальный феномен на сегодняшний день являются широко обсуждаемой темой и представляют собой определенную систему сценариев, алгоритмов, и техник, непосредственно связанных с реализацией целей заинтересованных лиц [18, с. 37–38]. Важно отметить, что манипуляция в цифровой онлайн-коммуникации может принимать различные формы.

1. Эмоциональное вовлечение. Деструктивные группы зачастую используют эмоциональные триггеры (обида, чувство несправедливости, желание отомстить). Спекулируя на личных переживаниях, они вызывают мнимое ощущение поддержки и дружбы.

2. Создание ощущения дефицита — классический способ заставить человека, у которого есть доля сомнения, действовать. Как правило, это достигается путем употребления фраз-катализаторов по типу: «это твой последний шанс», «осталась одна попытка», «либо сейчас, либо никогда». Такая форма манипуляции используется, когда человек уже проникся идеями деструктивной группы, но все еще не решается присоединиться к ней.

2. Информационная экспансия. Путем постоянного повторения лозунгов, «аналитических материалов» сомнительной достоверности и пропагандистских роликов создается искаженная картина реальной действительности. Подросток, не проводя анализ поступающей информации, под ее влиянием невольно становится сторонником деструктивных взглядов.

3. Изоляция. Вербовщики, путем убеждения, ограничивают круг общения подростка с близким окружением (родители, друзья), выставляя их как непонимающих и не принимающих его «таким, какой он есть». В результате ребенок оказывается в «информационном пузыре», где все субъекты поддерживают деструктивные установки.

4. Использование авторитета лидера. Лидеры деструктивных групп нередко выставляются как «гуру», «пророки» или «опытные борцы за правду», перед которыми подросток ощущает беспрекословное подчинение. Особая роль здесь отводится инфлюенсерам, которые имеют харизму и способность убеждать. Их страницы и каналы в социальных сетях зачастую выглядят профессионально; они активно используют видеоконтент, чем добиваются сильного эмоционального воздействия. Подростки, не обладающие критическим мышлением, могут легко подпасть под такое влияние.

5. Шантаж и угрозы. Если несовершеннолетний уже вовлечен в сомнительную деятельность, его могут удерживать путем психологического давления, публичного унижения или угроз. При этом угрозы могут быть различного характера от распространения компрометирующей информации до причинения вреда жизни и здоровью ему и его близким.

Дополнительную сложность вносит тот факт, что деструктивные сообщества в сети нередко маскируют свою деятельность под легитимные группы по интересам, предлагая подросткам новые социальные связи и иллюзию принадлежности к «особой группе». Участники могут целенаправленно подталкивать несовершеннолетних к участию в деструктивных акциях, формируя представление о «праведной борьбе» или «миссии». Все это создает прямую угрозу общественной безопасности и психическому здоровью молодых людей [19, с. 305–306].

На основе анализа психологических и социальных особенностей можно выделить несколько групп несовершеннолетних, которые наиболее подвержены виктимизации в сети Интернет и потенциально готовы к восприятию деструктивных взглядов и идей.

1. Социально изолированные. Подростки, не имеющие широкого круга общения в школе, зачастую одиноки, и потому пытаются восполнить дефицит общения в онлайн-среде.

2. Испытывающие стресс и кризис идентичности. Переходный возраст связан с активным формированием «Я-концепции». Если этот процесс проходит в условиях постоянного стресса (конфликты в семье, травля в школе), подросток становится более внушаемым и ищет «простые ответы» на сложные вопросы.

3. Дети из неблагополучных или конфликтных семей. Недостаток родительского внимания и поддержки, деструктивные ценности, насилие в семье — все это повышает риск вовлечения в деструктивную деятельность.

4. Подростки с низким уровнем самооценки. Постоянный дефицит положительной оценки извне толкает несовершеннолетнего к поиску мест, где он может получить одобрение, даже если это деструктивное сообщество.

5. Подростки с выраженными интересами в сфере субкультур. Иногда деструктивные группы мимикрируют под молодежные субкультуры, используя музыку, сленг, эстетику. Это привлекает тех, кто стремится отличаться от «массы» и пытается выразить свое «Я».

Важно отметить, что каждая из перечисленных групп нуждается в особом внимании со стороны педагогов, психологов, социальных работников и правоохранительных органов. Разработка программ профилактики должна учитывать специфику той или иной группы риска, предлагая инструменты поддержки и развития, способные уменьшить вероятность виктимизации.

Как уже отмечалось ранее, для снижения уровня виктимности и предупреждения вовлечения подростков в экстремистские сообщества и иную деструктивную деятельность необходим комплексный подход. В связи с этим выделим ряд направлений по повышению эффективности профилактической работы.

Формирование цифровой грамотности и информационной гигиены. Школьные программы и внешкольные курсы должны включать модули о медиабезопасности и критическом мышлении. Подростков нужно учить проверять достоверность источников и фактов, различать манипулятивные тексты и деструктивный контент.

2. Психологическая поддержка и развитие эмоционального интеллекта. Системная работа психологов в школах и центрах помощи подросткам должна быть направлена на укрепление самооценки, умение справляться со стрессом и выстраивать здоровые социальные связи.

3. Поддержка семьи и повышение родительской компетентности. Родители должны понимать и знать, чем занимаются их дети в сети Интернет, как распознавать признаки вовлечения в деструктивные сообщества. Важно формировать доверительные отношения, чтобы подросток мог поделиться проблемами без страха осуждения. К сожалению, в этом направлении мы наблюдаем т.н. проблему «отцов и детей» в ее современной интерпретации — когда родители должны объяснять подрастающему поколению происходящие в обществе перемены, новую культуру, освоение интернет–пространства, однако современная общественная нестабильность, борьба за удовлетворение первичных потребностей не позволяет старшему поколению своевременно освоить технические и информационные технологии, оказать поддержку молодежи и поспособствовать социализации [20, с. 146].

4. Расширение антикриминальной профилактики в сети Интернет. Правоохранительные органы должны не только реагировать на уже совершенные правонарушения, но и проводить профилактические мероприятия в учебных заведениях, информируя молодежь об опасностях, которые таятся в сети Интернет и о последствиях противоправной деятельности. Конечно, такая работа у нас осуществляется на регулярной основе, однако, для повышения ее эффективности, на наш взгляд, целесообразно переходить из реального пространства в виртуальное и расширять охват аудитории. К примеру, в настоящее время проводится ежегодный международный молодежный научный форум «Северная Пальмира: территория возможностей», 90 % участников которого выступают курсанты ведомственных вузов страны. Курсанты представляют ряд ответов на задания в качестве видеоматериалов. Большая часть из них носит превентивный или патриотический характер. Вполне возможно данные видео-ролики использовать в качестве социальной рекламы в помощь основным структурам правоохранительных органов. Так, на платформе видеохостинга RUTUBE уже существует официальный канал, на котором размещено достаточно большое количество видео в различных вариациях: от коротких в виде рилсов, до длинных документальных фильмов. Тематика видеоматериалов достаточно обширна (обзоры новостей, патриотические, познавательные, направленные на поднятие авторитета сотрудников полиции, социальные и т. д.). К сожалению, процент просмотра данных видео-роликов существенно уступает иному контенту. Полагаем, что здесь необходимо подключать в работу технологии digital-маркетинга. Некоторые авторы предлагают внедрять маркетинговые технологии в антикриминальную пропаганду в рамках противодействия криминальной идеологии в сети Интернет во взаимодействии с коммерческими организациями, оказывающими рекламные услуги в киберпространстве [21, с. 35–37]. По нашему мнению, это недостаточная мера. Стоит рассмотреть возможность использования таких цифровых методов, как SMM и SEO, email- и смс-рассылка, контекстная и таргетированная реклама, в профилактических целях при финансовой поддержке со стороны государства.

Кроме того, существует ряд проблем, которые препятствуют эффективной профилактической работе в сети Интернет: отсутствие технологичного подхода, нехватка качественного профилактического контента (с последним в настоящее время уже не настолько остро стоит вопрос). В связи с этим А. С. Ильницкий предлагает консолидировать силы и средства отдельных территориальных органов МВД России на региональном уровне для анализа, оценки и определения угроз, обусловленных криминальными идеологиями [22, с. 135–145]. Однако такое предложение требует дополнения и ответа на вопрос: кто будет являться субъектом по осуществлению указанной деятельности среди сотрудников правоохранительных органов. Следует учитывать, что они и так достаточно загружены, ежедневно выполняя свои основные обязанности. Возможно, целесообразно рассмотреть такое предложение, как создание отдела по антикриминальной практике в системе МВД России, ведь далеко не каждый рядовой сотрудник ОВД обладает набором специальных знаний и умений, необходимых для осуществления указанной деятельности.

5. Развитие позитивных молодежных сообществ. Создание в интернете альтернативных групп и пространств, где подростки могут безопасно общаться, развивать интересы и творческие способности, помогает снизить привлекательность деструктивных групп. Участие молодежи в спортивных, культурных, благотворительных проектах способствует укреплению чувства принадлежности к обществу. Отметим, что и тут в последнее время идет активная работа, все больше и больше внимания со стороны образовательных учреждений в настоящее время уделяется различным конкурсам, которые способствуют вовлечению молодого поколения в позитивную созидательную деятельность, предоставляют им возможность самовыражения, дают почувствовать себя нужным и важным членом общества.

6. Мониторинг и модерация онлайн-контента. Государственные и негосударственные организации должны сотрудничать с IT-компаниями, социальными сетями, платформами видеохостинга, чтобы оперативно выявлять и блокировать пропагандистские материалы. Однако крайне важно соблюдать баланс между безопасностью и правом на свободу слова, чтобы не допустить чрезмерной цензуры. Отдельно здесь стоит сказать о таком превентивном направлении как разви-

тие кибердружин при образовательных организациях.

Например, в Воронежском институте МВД России инициативной группой курсантов из числа научного кружка кафедры оперативно-разыскной деятельности (11 человек) с апреля 2023 г. по март 2025 г. было выявлено свыше 1500 интернет-ресурсов экстремистского характера и направлено в Главное управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУПЭ МВД России) для рассмотрения и принятия решения. Кроме того, данная группа обучающихся в рамках деятельности инициативной группы выявляют интернет-ресурсы и подают заявки на их блокировку в Роскомнадзор по линии Главного управления по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУНК МВД России) — за аналогичный период выявлено и отправлено более 500 ссылок. Они же задействованы в подаче жалоб на телеграмм-каналы, участвующие в обеспечении функционирования мошеннических телефонных колл-центров во взаимодействии с Управлением по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК МВД России).

Таким образом, противодействие манипулятивному поведению и экстремистскому влиянию в отношении несовершеннолетних должно осуществляться одновременно на нескольких уровнях: индивидуальном, семейном, школьном, общественном и государственном. Только при условии комплексной и системной работы можно ожидать снижения виктимологической уязвимости подростков в цифровой среде.

Современные подростки находятся в уникальной ситуации: с одной стороны, технологии дают им беспрецедентные возможности для самореализации, обучения и общения, с другой — они становятся мишенью для манипулятивных стратегий экстремистов и других деструктивных групп. Виктимологические факторы риска усиливаются под влиянием психологических особенностей подросткового возраста, семейных обстоятельств и социальных проблем. В результате уязвимые несовершеннолетние легко вовлекаются в виртуальные сообщества, способствующие распространению экстремистских идей. Анализ научной литературы и практических кейсов подтверждает важность комплексной работы по противодействую оказываемому негативному влиянию на несовершеннолетних посредством цифровой онлайн-коммуникации: формирование цифровой грамотности, укрепление психологической устойчивости, повышение компетенций родителей и педагогов, мониторинг и блокировка радикального контента, расширение антикриминальной профилактики.

Проблема влияния интернета и социальных сетей на психологическое состояние несовершеннолетних и их виктимологическую уязвимость требует междисциплинарного подхода. Только объединив усилия разных специалистов и институтов, можно создать безопасную цифровую среду, в которой подростки смогут развиваться и общаться, не подвергаясь риску деструктивного манипулятивного воздействия.

Список источников

1. Как дети и подростки в России пользуются интернетом. Инфографика. Доля пользующихся интернетом несовершеннолетних превысила 90 % // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/03/2025/67c1b67a9a7947a146b068c3
2. Орлова Т. П. К вопросу об определении понятия «цифровая коммуникация» и способах ее изучения // Вестник магистратуры. 2020. № 6 (105). С. 42–44.
3. Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород : Красная ласточка, 2017.
4. Гребнев А. Н. Методология коммуникационной научно-образовательной среды. // Труды XIII Всероссийской научно-методической конференции «Телематика 2006», СПб., 2006. Т. 1. С. 220–222.
5. McQuail D. Mass Communication Theory. London: Sage Publication, 1996.
6. Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : автореф. дисс. … докт. филол. наук. Воронеж. 2011.
7. Розанов В. А., Рахимкулова А. С. Социальные сети и их влияние на психологическое благополучие личности // Психологическое благополучие и психосоциальный стресс / под ред. В. А. Розанова. Одесса : Феникс, 2017. С. 185–206.
8. Twenge Jean M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood. New York : Atria Books, 2017.
9. Bauman S., Toomey R. B., Walker J. L. Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students // Journal of adolescence. 2013. Vol. 36. № 2. P. 341–350.
10. Алешина А. В. Кибербуллинг среди несовершеннолетних : понятие, виды, профилактика // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2023. № 1 (10). С. 5–10.
11. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Механизм деятельности сторонников деструктивных интер-

нет-сообществ и портрет их типичного участника (на примере «групп смерти» и движения «Колумбайн») // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 229–234.
12. Masten A. S., Narayan A. J. Child development in the context of disaster, war, and terrorism: Pathways of risk and resilience. Annual Review of Psychology. 2012. № 63. P. 227–257.
13. Смыслова В. Н., Краснова К. А. Деятельность неформальных молодежных движений экстремистской направленности как фактор виктимизации несовершеннолетних // Виктимология. 2021. № 1. С. 64–72.
14. Алешина А. В. Предупреждение киберпреступности в отношении несовершеннолетних в информационном пространстве сети Интернет // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2022. № 8. С. 5–9.
15. Reid Chassiakos Y. L. et al. Children and adolescents and digital media // Pediatrics. 2016. Vol. 138. № 5.
16. Wachs S., Wright M. F., Vazsonyi A. T. Understanding the overlap between cyberbullying and cyberhate perpetration: Moderating effects of toxic online disinhibition // Criminal Behaviour and Mental Health. 2019. Vol. 29. № 3. P. 179–188.
17. Нагорная В. О. Психологические особенности межличностных отношений подростков, склонных к зависимости от онлайн-общения // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. № 4 (10). С. 124–127.
18. Махалин А. И., Лоскот И. В. Механизмы манипуляций в интернет-коммуникациях // The Newman in Foreign policy. 2018. № 43 (87). С. 36–40.
19. Урсу Н. С. Технологии манипулирования в сети Интернет // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 303–310.
20. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Современный молодежный экстремизм в условиях цифровизации общества : тенденции, методы распространения, технологии вовлечения, направления противодействия // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 142–149.
21. Ильницкий А. С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет с использованием технологий антикриминальной пропаганды // Общество и право. 2022. № 1 (79). С. 33–39.
22. Ильницкий А. С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.

References

1. How children and teenagers in Russia use the Internet. Infographics. The proportion of minors using the Internet has exceeded 90 % // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/03/2025/67c1b67a9a7947a146b068c3
2. Orlova T. P. On the definition of the concept of «digital communication» and ways to study it // Bulletin of the Magistracy. 2020. № 6 (105). P. 42–44.
3. Manovich L. Theory of soft culture. Nizhny Novgorod : Krasnaya Lastochka Publ., 2017.
4. Grebnev A. N. Methodology of the communication scientific and educational environment. // Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Methodological Conference «Telematics 2006», St. Petersburg, 2006. Vol. 1. P. 220–222.
5. McQuail D. Mass Communication Theory. London: Sage Publication, 1996.
6. Shchipitsina L. Y. Complex linguistic characteristics of computer-mediated communication (based on the German language) : **Abstract.** to diss. … doct. philol. sciences. Voronezh. 2011.
7. Rozanov V. A., Rakhimkulova A. S. Social networks and their impact on the psychological well-being of a person // Psychological well-being and psychosocial stress / edited by V. A. Rozanov. Odessa : Fenix, 2017. P. 185–206.
8. Twenge Jean M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood. New York : Atria Books, 2017.
9. Bauman S., Toomey R. B., Walker J. L. Associations among bullying, cyberbullying, and suicide in high school students // Journal of adolescence. 2013. Vol. 36. № 2. P. 341–350.
10. Alyoshina A. V. Cyberbullying among minors : concept, types, prevention // Criminal procedural protection of the rights and legitimate interests of minors. 2023. № 1 (10). P. 5–10.
11. Puchnina M. Yu., Puchnin A. V. The mechanism of activity of supporters of destructive online communities and the portrait of their typical participant (using the example of «death groups» and the Columbine movement) // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3. P. 229–234.
12. Masten A. S., Narayan A. J. Child development in the context of disaster, war, and terrorism: Pathways of risk and resilience. Annual

Review of Psychology. 2012. № 63. P. 227–257.
13. Smyslova V. N., Krasnova K. A. Activity of informal youth movements of extremist orientation as a factor of victimization of minors // Victimology. 2021. № 1. P. 64–72.
14. Alyoshina A. V. Prevention of cybercrime against minors in the information space of the Internet // Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, disclosure and investigation of crimes. 2022. № 8. P. 5–9.
15. Reid Chassiakos Y. L. et al. Children and adolescents and digital media // Pediatrics. 2016. Vol. 138. № 5.
16. Wachs S., Wright M. F., Vazsonyi A. T. Understanding the overlap between cyberbullying and cyberhate perpetration: Moderating effects of toxic online disinhibition //Criminal Behavior and Mental Health. 2019. Vol. 29. № 3. P. 179–188.
17. Nagornaya V. O. Psychological features of interpersonal relationships of adolescents prone to dependence on online communication // Scientific notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology. 2017. № 4 (10). P. 124–127.
18. Makhalin A. I., Loskot I. V. Mechanisms of manipulation in Internet communications // The Newman in Foreign policy. 2018. № 43 (87). P. 36–40.
19. Ursu N. S. Technologies of manipulation on the Internet // Socio-humanitarian knowledge. 2012. № 1. P. 303–310.
20. Puchnina M. Yu., Puchnin A. V. Modern youth extremism in the context of the digitalization of society : trends, methods of dissemination, technologies of involvement, directions of counteraction // Altaisky yuridicheskiy vestnik. 2023. № 4 (44). P. 142–149.
21. Ilnitsky A. S. Countering criminal ideology on the Internet using anti-criminal propaganda technologies // Society and Law. 2022. № 1 (79). P. 33–39.
22. Ilnitskiy A. S. Countering criminal ideology on the Internet : dissertation of the cand. legal sciences. Krasnodar, 2022.

Информация об авторе

М. Ю. Пучнина — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. Yu. Puchnina — Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 03.08.2025.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 03.08.2025.

Научная статья
УДК 34
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-178-182
EDN: https://elibrary.ru/racvex
NIION: 2003-0059-6/25-428
MOSURED: 77/27-003-2025-06-627

Корреляционный анализ преступности в киберпространстве

Армен Жораевич Саркисян
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия

Аннотация. Исследуются факторы, влияющие на состояние и развитие общества и существующих в нем систем и институтов, связанных с предупреждением киберпреступлений. Сделаны основные выводы относительно содержания, возможностей и направлений использования метода корреляционного анализа преступности в киберпространстве.

Ключевые слова: корреляционный анализ, киберпространство, факторный анализ, латентность, информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Саркисян А. Ж. Корреляционный анализ преступности в киберпространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 178–182. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-178-182. EDN: RACVEX.

Original article

Correlation analysis of crime in cyberspace

Armen Zh. Sarkisian
Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia

Abstract. The factors influencing the state and development of society and its existing systems and institutions related to the prevention of cybercrime are studied. The main conclusions regarding the content, possibilities and directions of using the method of correlation analysis of crime in cyberspace are highlighted.

Keywords: correlation analysis, cyberspace, factor analysis, latency, information and communication technologies

For citation: Sarkisian A. Zh. Correlation analysis of crime in cyberspace. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):178–182. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-178-182. EDN: RACVEX.

Выявление и изучение связей, закономерностей, тенденций, присущих преступности в киберпространстве, осуществляются посредством применения комплекса различных исследовательских методов, среди которых выделяется корреляционный анализ, представляющий собой распространенный метод аналитической статистики, позволяющий установить наличие и силу взаимосвязи между двумя или более переменными (случайными величинами, показателями), выяснить, как изменения одного показателя влияют на другой показатель [1, с. 71]. Содержание корреляционного анализа составляет определение связи результатов наблюдений с изучаемыми факторами, что выступает основой для оценки того, насколько существенно влияют данные факторы на результаты наблюдений, при этом для характеристики выявленной статистической зависимости между случайными переменными используется коэффициент корреляции, по величине которого судят о степени указанной зависимости [2, с. 29].

Данный метод активно используется в различных областях научного знания, в том числе не связанных с изучением социальных явлений, например, в медицине, при этом отмечается, что наибольшие сложности у исследователей, прибегающих к проведению корреляционного, факторного анализа, возникают именно в тех случаях, когда данный анализ применяется для изучения процессов и явлений, происходящих в обществе, поскольку социальные системы являются сложными, адаптивными и нестабильными, при этом присущее им множество наслаивающихся друг на друга факторов приводит к их взаимодействию, синергии, усиливающей их кумулятивный эффект [3].

© Саркисян А. Ж., 2025

Следовательно, в рамках изучения киберпреступности как сложного социально-правового явления важно учитывать специфику как минимум основных факторов, влияющих на состояние и развитие общества и существующих в нем систем и институтов, в том числе связанных с предупреждением данного криминалитета, а также то, что целостное и относительно полное представление о последнем можно сформировать только при использовании комплекса научных методов, позволяющих постичь не только количественные, но и качественные изменения в исследуемом объекте. При этом необходимо исключать выстраивание искусственных связей между случайными переменными, непосредственно не влияющими друг на друга, а также учитывать, что факторы как внешние по отношению к человеку обстоятельства, лежащие в основе корреляционного анализа, воздействуют на уровень преступности именно опосредованно — через создаваемые ими причины, в большей степени связанные с психологическими особенностями людей [4, с. 72].

Кроме того, при осуществлении корреляционного анализа преступности в киберпространстве необходимо принимать во внимание ее особенности, в том числе высокий уровень латентности, включение в ее объем практически всех видов преступлений, при совершении которых используются информационно-коммуникационные технологии, а также публичный, транснациональный и организованный характер значительной части таких уголовно наказуемых деяний. В связи с этим такой анализ, относящийся ко всей преступности в киберпространстве, преимущественно связан с оперированием примерными числами и пропорциональными значениями, которые вместе с тем позволяют составить общее представление о закономерностях и тенденциях, присущих этому криминалитету в целом, и его отдельным проявлениям в частности.

Для полного установления и исследования закономерностей и тенденций, присущих развитию преступности в киберпространстве, необходимо сформировать систему переменных, изменения которых во взаимосвязи друг с другом будут указывать на наличие определенных особенностей актуального состояния и генезиса этого негативного социально-правового явления.

В частности, в отдельную, основную группу взаимосвязанных переменных полагаем целесообразным включить факторы, способствующие определенным трансформациям структуры криминалитета, например, перемещению все большего числа различных видов уголовно наказуемых деяний в компьютерную, цифровую среду. Данные направления и тенденцию развития преступности, как правило, обозначают как ее цифровизацию, происходящую во взаимосвязи с цифровизацией многих видов общественных отношений и легальных сфер деятельности, в том числе банковской, предпринимательской или иной экономической деятельности [5; 6; 7].

Цифровизацию как таковую преимущественно рассматривают в контексте позитивных, прогрессивных изменений, происходящих в различных областях социальных отношений, вместе с тем одновременно обозначают и те риски, которые таят в себе такие изменения, включая появление новых либо качественную и (или) количественную трансформацию «традиционных» видов уголовно наказуемых деяний, образующих современное явление преступности в киберпространстве.

В Доктрине информационной безопасности РФ, в частности, указано, что расширение областей, в которых применяются информационные технологии, хотя и способствует генезису экономики и повышению эффективности функционирования институтов общества и государства, тем не менее, одновременно приводит к появлению новых информационных угроз, в том числе способных подорвать международную безопасность и стратегическую стабильность. Поэтому внедрение информационных технологий вне связи с обеспечением безопасности их использования и защищенности информационных ресурсов еще более повышает вероятность возникновения таких угроз и увеличения масштабов их потенциальных негативных последствий [8].

В Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, также обращается внимание на цифровизацию практически всех сфер жизни общества и государства, в том числе существующих систем и институтов управления ими, а также отмечается важный аспект, касающийся широкого распространения и доступности мобильных устройств, беспроводных технологий и сетей связи. Одновременно указывается, что в 2024 г. число пользователей российского сегмента «Интернета» превысило 130 млн человек, что составило примерно 90 % всего населения государства, при этом социальными сетями активно пользовались 106 млн человек (свыше 81 % от всех пользователей сети «Интернет» в России). Следовательно, указанные сети и технологии стали элементами повседневной жизни для подавляющего числа российских граждан, которые привыкли пользоваться различными электронными возможностями и сервисами, в том числе, связанными с оказанием государственных и муниципальных услуг. Вместе с тем формирование информационного общества с неизбежностью связано с тем, что те же сети и технологии активно используются лицами, замышляющими, подготавливающими и совершающими различного рода преступления в киберпространстве [9].

С учетом изложенного можно выделить первую

закономерность преступности в киберпространстве, заключающуюся в ее развитии, идущем параллельным или даже опережающим курсом с цифровизацией общественных отношений и непрерывным развитием и совершенствованием информационно-коммуникационных технологий, часть которых разрабатывается и используется специально для повышения эффективности противодействия различным преступлениям, совершаемым в киберпространстве.

М. Г. Решняк обращает внимание на трансформирующий эффект цифровизации, проявляющийся в последние годы в изменении не только общественных отношений, охраняемых уголовным законом, а также способов, средств, обстановки совершения преступных деяний, но еще и во внесении дополнений в законодательство в целях создания эффективных правовых средств противодействия новым формам преступности, прежде всего, существующей в киберпространстве [7, с. 55–56].

В частности, имеется корреляционная связь между миграционными процессами и совершаемыми в их рамках нарушениями, с одной стороны, и увеличением количества видов киберпреступлений и фактов их совершения, равно как и числа участвующих в них лиц, с другой стороны, в том числе в рамках криминальной деятельности по организации незаконной миграции. Эта связь с течением времени приобрела настолько очевидный характер, что нашла свое отражение в уголовном законе в виде дополнения ч. 2 ст. 322.1 УК РФ пунктом «д», содержащим новый для состава организации незаконной миграции квалифицирующий признак, заключающийся в использовании информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [10].

Кроме того, в п. 18 Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 гг. указано, в частности, что для профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства следует использовать современные цифровых технологии и информационно-технические средства; в подп. «б» п. 27 данной Концепции к задачам миграционной политики отнесено «развитие цифровой среды государственного управления и внедрение современных информационных технологий для обеспечения контроля в сфере миграции»; в подп. «а» п. 28 в качестве одного из основных направлений реализации миграционной политики названо «расширение практики использования цифровых технологий», в том числе искусственного интеллекта, позволяющего эффективно анализировать большие массивы данных; в подп. «а» п. 32 в рамках определения основных составляющих информационно-аналитического обеспечения реализации данной политики закреплено расширение использования актуальных цифровых технологий, в том числе обеспечивающих генезис межведомственных систем мониторинга и оценки миграционной ситуации, контроля за выполнением и результатами мероприятий по координации деятельности различных органов власти [11].

Расширение «цифрового компонента» уголовного и иного законодательства, а также документов стратегического планирования также можно назвать их цифровизацией, являющейся, на наш взгляд, фактором, способным ослабить корреляционные связи между рассмотренными и другими факторами и преступностью в киберпространстве.

При анкетировании 262 практических сотрудников органов внутренних дел, в том числе 145 сотрудников оперативных и 117 сотрудников следственных подразделений, задавался вопрос относительно факторов, способствующих росту или снижению числа фактически совершенных и регистрируемых киберпреступлений значительная часть респондентов (77 сотрудников — 29,39 %) в своих ответах обратила внимание на прогрессирующий кадровый дефицит, являющийся фактором, обусловливающим снижение числа регистрируемых киберпреступлений, и одновременно фактором, способствующим росту фактически совершенных уголовно наказуемых деяний данной группы. Т. е. нехватка личного состава в ключевых подразделениях ОВД и постепенное ухудшение данной ситуации прямо коррелирует с ростом фактически совершаемых киберпреступлений и находится в обратной корреляции в случае регистрируемой части преступности в киберпространстве.

Приведенная выше особенность присуща состоянию так называемых выявляемых преступлений, количество которых, попадающее в ведомственные учеты и в официальную статистику, зависит от усилий правоохранительных органов, в том числе от количества занятых в противодействии данной части криминалитета сотрудников, интенсивности, профессионализма и интенсивности их служебной деятельности, направленной на выявление и раскрытие этих преступлений. Принимая во внимание рассмотренные особенности киберпреступлений, эффективное противодействия таковым предполагает наличие у данных сотрудников дополнительных компетенций, в связи с чем простое замещение соответствующих вакантных должностей не представляется возможным. Для этого нужно время, достаточное для подготовки и (или) повышения квалификации сотрудников, при этом негативные тенденции с кадровым обеспечением органов внутренних дел только нарастают.

Так, по данным Министра внутренних дел РФ, озвученным им в марте 2025 г., в 39 из 96 территориальных органов имеет место нехватка свыше 20 % сотрудников, причем в отдельных подразделениях некоторых субъектов РФ кадровый дефицит составляет 40 % и количество вакантных мест продолжает увеличиваться. Только за 1 год из ОВД уволилось более 33 тысяч сотрудников, вследствие чего число вакантных должностей выросло до 172 тысяч [12].

Если же обратиться к статистике ГИАЦ МВД России, то можно увидеть подтверждение мнения респондентов, увидевших корреляционную связь между сокращением числа сотрудников органов внутренних дел и уменьшением количества зарегистрированных преступлений, совершаемых в гиперпространстве. Так, за январь-сентябрь 2025 г. количество преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, уменьшилось на 7,4 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. В частности, количество так называемых дистанционных краж стало ниже на 19,2 %, число «дистанционных мошенничеств» — на 5,1 %, а преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации — на 37,5 % [13].

Вместе с тем, полагаем, что практически любой опрос репрезентативной группы граждан покажет разительно отличающиеся представления населения о фактических состоянии и динамике киберпреступлений и преступности, совершаемой в киберпространстве, в целом. Отметим также, что привести математически подтвержденную корреляционную связь рассматриваемых переменных весьма затруднительно, поскольку сведения о количестве фактически совершенных киберпреступлений могут иметь лишь приблизительный характер. Поэтому выделение данной корреляционной связи базируется на анализе и сопоставлении официальных статистических данных и результатов собственных социологических исследований.

Таким образом, выделим основные выводы относительно содержания, возможностей и направлений использования метода корреляционного анализа преступности в киберпространстве.

1. Использование метода корреляционного анализа при исследовании преступности в киберпространстве направлено на выявление связей между изменениями определенных факторов и трансформациями, наблюдаемыми в структуре и динамике такого криминалитета в целом, и входящих в него отдельных групп и видов киберпреступлений.

2. Корреляционный анализ преступности в киберпространстве затруднен вследствие ее особенностей и тенденций, в том числе высокого уровня латентности, включения в ее потенциальный объем практически всех видов уголовно наказуемых деяний, при совершении которых используются информационно-коммуникационные технологии или затрагивается компьютерная информация, а также влияния на состояние, структуру и динамику киберпреступности множества различных факторов, в том числе нейтрализующих или существенно ослабляющих детерминирующее воздействие определенных обстоятельств.

Список источников

1. Баврина А. П., Борисов И. Б. Современные правила применения корреляционного анализа // Медицинский альманах. 2021. № 3.
2. Козырев М. С., Масликов В. А. Применение корреляционного анализа при исследовании некоторых видов преступлений, совершаемых в Москве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1.
3. Честнов И. Л. Проблемы и перспективы юридического прогнозирования // Российская юстиция. 2024. № 12. С. 36–37.
4. Федотов А. А. Систематизация и корреляционный анализ факторов, воздействующих на уровень преступности // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 1.
5. Иванов И. И., Кондрат И. Н. Особенности предупреждения преступлений, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий // Мировой судья. 2024. № 12. С. 2–9.
6. Капинус О. А. Цифровизация преступности и уголовное право // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 1.
7. Решняк М. Г. Современные проблемы действия уголовного законодательства России и отдельных зарубежных стран, связанные с цифровизацией преступной деятельности // Безопасность бизнеса. 2020. № 6. С. 54–61.
8. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.
9. Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (утв. Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. № 4154-р) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 2. Ст. 76.
10. Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 46. Ст. 6911.
11. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 42. Ст. 6143.
12. Кадровый вопрос актуален : как работает полиция в условиях некомплекта личного состава // URL: https://fedpress.ru/article/3407981

13. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2025 г. // URL: https://мвд.рф/reports/item/72174303/

References

1. Bavrina A. P., Borisov I. B. Modern rules of application of correlation analysis // Medical almanac. 2021. № 3.
2. Kozyrev M. S., Maslikov V. A. The use of correlation analysis in the study of certain types of crimes committed in Moscow // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2016. Vol. 10. № 1.
3. Chestnov I. L. Problems and prospects of legal forecasting // Russian justice. 2024. № 12. P. 36–37.
4. Fedotov A. A. Systematization and correlation analysis of factors influencing the crime rate // Population. 2024. Vol. 27. № 1.
5. Ivanov I. I., Kondrat I. N. Features of the prevention of crimes committed using modern information and telecommunication technologies // Justice of the Peace. 2024. № 12. P. 2–9.
6. Kapinus O. A. Digitalization of crime and criminal law // Baikal Research Journal. 2022. Vol. 13. № 1.
7. Reshnyak M. G. Modern problems of the criminal legislation of Russia and certain foreign countries related to the digitalization of criminal activity // Business security. 2020. № 6. P. 54–61.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2016 № 646 «On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 50. Art. 7074.
9. The concept of the state system for countering illegal acts committed using information and communication technologies (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2024 № 4154-r) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 2. Art. 76.
10. Federal Law № 383-FZ of November 9, 2024 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 46. Art. 6911.
11. Decree of the President of the Russian Federation № 738 dated October 15, 2025 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 42. Art. 6143.
12. The personnel issue is relevant : how the police work in conditions of shortage of personnel // URL: https://fedpress.ru/article/3407981
13. Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January–September 2025 // URL: https://мвд.рф/reports/item/72174303/

Информация об авторе

А. Ж. Саркисян — декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. Zh. Sarkisian — Dean of the Faculty of Advanced Training of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 347
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-183-187
EDN: https://elibrary.ru/qpxivq
NIION: 2003-0059-6/25-429
MOSURED: 77/27-003-2025-06-628

Особенности наследования цифровых финансовых активов

Ольга Валентиновна Староверова
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, staroverova05@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности наследования цифровых финансовых активов, присутствие которых связано со спецификой данного объекта гражданских отношений. При существующей социально-экономической конъюнктуре объем участия цифровых финансовых активов в гражданском обороте и коммерческих коммуникациях стремительно увеличивается, что требует совершенствования и придания системности законодательной базе, регулирующей весь спектр правовых вопросов в отношении данного вида активов. Важное место в указанном перечне вопросов занимает построение действенного механизма реализации наследственных прав, который должен учитывать постоянную эволюцию видов цифровых финансовых активов, ужесточение требований к кибербезопасности, международную правоприменительную практику и специфику идентификации права собственности. Отмечается, что существующая правоприменительная практика наследования цифровых финансовых активов отличается наличием большого количества проблемных вопросов, появление которых обусловлено разнообразной природой данных активов, отсутствием большого массива судебных прецедентов по делам, связанным с их участием в гражданском обороте, а также расхождениями в понимании механизмов наследования в отечественном и зарубежном законодательстве. К числу основных проблем наследования цифровых финансовых активов в работе отнесены доступность информации об их существовании в наследственной массе, идентификация права собственности наследодателя в цифровом пространстве, получение верифицированного доступа наследника к активам, сложности прохождения арбитража цифрового посредника, существование рисков кибербезопасности.

Ключевые слова: наследование, цифровые финансовые активы, цифровые права, утилитарные цифровые права

Для цитирования: Староверова О. В. Особенности наследования цифровых финансовых активов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 183–187. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-183-187. EDN: QPXIVQ.

Original article

Features of inheritance of digital financial assets

Olga V. Staroverova
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, staroverova05@mail.ru

Abstract. Considered the features of inheritance of digital financial assets, the presence of which is associated with the specifics of this object of civil relations. In the current socio-economic environment, the volume of participation of digital financial assets in civil circulation and commercial communications is rapidly increasing, which requires improvement and consistency of the legislative framework governing the entire range of legal issues related to this type of asset. An important place in this list of issues is occupied by the construction of an effective mechanism for the implementation of inheritance rights, which should take into account the constant evolution of types of digital financial assets, stricter requirements for cybersecurity, international law enforcement practice and the specifics of the identification of property rights. It is noted that the existing law enforcement practice of inheritance of digital financial assets is characterized by the presence of a large number of problematic issues, the emergence of which is due to the diverse nature of these assets, the absence of a large array of judicial precedents in cases related to their participation in civil turnover, as well as differences in understanding of inheritance mechanisms in domestic and foreign legislation. The main problems of inheriting digital financial assets in the work include the availability of

© Староверова О. В., 2025

information about their existence in the hereditary mass, identification of the testator's ownership rights in the digital space, obtaining verified access of the heir to assets, difficulties in passing digital intermediary arbitration, and the existence of cybersecurity risks.

Keywords: inheritance, digital financial assets, digital rights, utilitarian digital rights

For citation: Staroverova O. V. Features of inheritance of digital financial assets. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):183–187. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-183-187. EDN: QPXIVQ.

Введение. Следствием глобальной цифровизации социально-экономических процессов и финансового пространства выступило появление цифровых финансовых активов (ЦФА), которые стали активными участниками гражданского оборота [1]. Широкое присутствие ЦФА в коммерческих отношениях потребовало создания однозначного правового механизма закрепления права собственности на них, которое должно иметь возможность перехода, в том числе и в порядке наследования. Актуальность исследования проблематики наследования ЦФА обусловлена присутствием широкого круга дискуссионных вопросов в данной области правового регулирования, которые порождают различные варианты реализации правоприменительной практики. Высокая доходность и разноплановая деривативность ЦФА требуют постоянного совершенствования норм, регулирующих порядок перехода права собственности на них. Трактовка сущности ЦФА в последние годы является объектом бурных дискуссий в научном пространстве, что связано с неоднозначной природой данного актива как с правовой, так и с финансовой точек зрения. Базовая трактовка сущности ЦФА представлена в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], которую необходимо использовать при обосновании тех или иных действий, производимых с ними. В авторской интерпретации цифровой финансовый актив представляет собой однозначно идентифицируемый в интерактивном пространстве актив, созданный на основе применения цифровых технологий, обеспечивающий генерацию стоимости, и являющейся доступным для правового регулирования в рамках действующего законодательств. Выделение базовых отличительных характеристик ЦФА актуально с точки зрения разработки эффективного механизма регулирования их участия в гражданском обороте. Опираясь на материалы статьи М. А. Бардановой [3], можно выделить следующие ключевые характеристики ЦФА, важные для четкой интерпретации их места в гражданском обороте:

- имеют экономическую природу, позволяющую отражать текущую и генерировать будущую стоимость на финансовом рынке;
- нематериальный характер актива является следствием его цифровой формы, которая не препятствует однозначной интерпретации его положения в интерактивном пространстве;
- выступает в виде объекта, доступного для регулирования со стороны действующих правовых норм, что позволяет задействовать его в гражданском обороте.

В статье К. С. Артамкина поднимается дискуссионный вопрос относительно того, являются ли ЦФА объектом гражданских прав [4]. Мы соглашаемся с позицией автора, который по итогам контент-анализа делает вывод о том, что ЦФА обладают всеми необходимыми признаками, а именно, системность, дискретность и юридическая привязка, позволяющими относить их к объектам гражданских прав. При этом специфика ЦФА, как объекта гражданских прав, генерирует существенный пласт особенностей и проблемных вопросов реализации наследственных прав в их отношении, а дополнительные сложности возникают за счет не значительной судебной практики.

Основная часть. Особенности наследования ЦФА являются предметом активного дискурса в научном пространстве, в рамках которого обсуждаются наиболее актуальные проблемы, возникающие при реализации наследственных прав в отношении данного объекта. В. Э. Васильева важной проблемой наследования ЦФА считает анонимность прав в отношении них [5]. Суть вопроса состоит в том, что в ряде случаев наследник не владеет информацией о присутствии ЦФА в объеме наследственной массы и соответственно не имеет объективной возможности заявить о необходимости законной реализации своих прав. Анонимность прав на ЦФА порождает и другую проблему при реализации права наследования, которая связана с идентификацией права собственности наследодателя в отношении актива в интерактивном пространстве. М. В. Вронская и Т. А. Семкина поднимают проблему доступа к ЦФА при реализации законных наследственных прав [6]. После реализации права наследования наследник должен получить доступ к ЦФА с целью распоряжения их стоимостью. В то же время для получения права доступа необходимо обладание соответствующими логинами, паролями и кодовыми словами. Отсутствие данной информации у наследника может привести к фактической утрате права собственности, так как базовые характеристики данного права в виде

распоряжения и управления не могут быть осуществлены в полном объеме. Переход ЦФА в разряд выморочного имущества также не позволяет распоряжаться им без доступа к информации о логинах и паролях. Данная проблема имеет негативные последствия и для кредиторов, не имеющих возможность погасить свои обязательства за счет реализации стоимости ЦФА [7].

Международная составляющая проблематики наследования ЦФА связана с положением наследника и наследодателя в разных государственных юрисдикциях [8]. Дополнительные сложности образуются в том случае, если цифровой посредник находится в пространстве правового регулирования третьей страны. Рассмотрение подобного рода обращений сопряжено с большими правовыми сложностями и длительным периодом согласования. В международной практике чаще всего используются нормы законодательного пространства страны наследодателя. В то же время достаточно часто встречаются случаи, когда данное правило оспаривается цифровым посредником, который ведет свою деятельность в иною юрисдикции, требования которой он не может нарушать.

По мнению В. В. Пекаревой и Ю. И. Фроловской, при наследовании ЦФА особое внимание стоит уделить проблеме кибербезопасности [9]. Придание публичности информации о логинах и паролях может стать основой для осуществления мошеннических действий в отношении ЦФА, что приведет к нарушению законных прав наследодателя и наследника. Конфиденциальная информация, отраженная в завещании, при несанкционированном доступе третьих лиц, может стать причиной утраты права собственности или стоимости актива. В рамках данной статьи в таблице 1 сгруппируем наиболее актуальные сложности наследования ЦФА в зависимости от их основных видов.

Таблица 1

Наиболее актуальные сложности наследования ЦФА в зависимости от их основных видов

Вид ЦФА	Механизм наследования	Правовые сложности
Электронные кошельки	Наследование ЦФА осуществляется через посредника в лице WebMoney Transfer, деятельность которого регламентируется соответствующим положением, обеспечивающим трансферт прав на WM-идентификатор, позволяющий в дальнейшем наследнику распоряжаться электронными деньгами. Реализация наследственного права происходит по итогам запроса юридически идентифицированного наследника в Систему, которая через нотариуса передает по истечении 6 месяцев уникальное право управления.	Отсутствие доступной информации о существовании в наследственной массе ЦФА. Использование владельцами электронных кошельков цифровых псевдонимов, что формирует большие сложности в идентификации. Отсутствие четких гарантий права наследования, так как решение принимается на основе позиции арбитража Системы. Наследованию подлежат ЦФА, хранящиеся на электронном кошельке, но не сам кошелек.
Криптовалюта	При хранении криптовалюты на физическом носителе переход права собственности происходит по итогам предоставления информации из завещания. При хранении криптовалюты на бирже для получения доступа к ЦФА в рамках реализации наследственного права.	Анонимность криптокошельков. Необходимость отражения в завещании логинов и паролей доступа, а также кодового слова. Риски кибербезопасности при разглашении конфиденциальной информации из завещания.
Цифровые аккаунты	Основной реализации наследственного права являются внутренние правила и регламенты социальной сети и цифрового сообщества.	Контроль перехода права владения. Риски доступа к аккаунтам умерших людей. Риски нарушения тайны переписки.
Доменные имена	Реализация наследственного права происходит на основе внутренних регламентов регистратора.	Исключение договора оказания услуг из объема наследственной массы.

Реализация наследственных прав в отношении отдельных ЦФА сопряжена с прохождением арбитража цифрового посредника, который должен подтвердить право собственности нового владельца в контролируемой цифровой платформе. В ряде случаев, связанных с отсутствием полного комплекса верифицирующей информации или особенностями законодательного регулирования операций с ЦФА в стране регистрации цифрового посредника, доступ наследника к активам может быть ограничен или отсрочен. Данная проблема возникает достаточно часто, так как ЦФА свободно перемещаются в цифровом финансовом пространстве, а цифровые посредники могут использовать наиболее удобную юрисдикцию ведения бизнеса [10].

Как отмечает А. Н. Быкова, цифровые правоотношения обладают рядом уникальных характеристик, которые в значительной степени отличают их от традиционных гражданско-правовых отношений [11]. Перечень объективно присутствующих особенностей однозначно должен найти отражение и при построении действенного правового механизма наследования ЦФА, обеспечивающего справедливый переход прав собственности к наследнику с учетом специфики управления активами в интерактивном пространстве. В этой связи целесообразным представляется внедрение норм о цифровом наследстве в ГК РФ, а также внесение смежных поправок в соответствующие законы.

Заключение. Выполненные исследования позволяют сделать вывод, что проблематика наследования ЦФА отличается присутствием значительного коли-

чества спорных вопросов, требующих оперативного устранения. Актуальность решения данной задачи обусловлена интенсификацией масштабирования участия ЦФА в социально-экономическом пространстве и гражданском обороте. Кроме того, цифровая генерация новых видов активов наращивает массив законодательных пробелом, связанных с их участием в гражданском обороте. Дополнительные сложности наследования ЦФА связаны с международными обращениями при нахождении наследника, наследодателя и цифрового посредниками в разных правовых юрисдикциях. В этой связи трансграничный характер ЦФА требует выработки максимально универсального, насколько это возможно в рамках противоречий национальных правовых систем, механизма наследования прав на них путем паритетного согласования наиболее актуальных спорных вопросов. Действующая правоприменительная практика в основном использует механизм квазинаследования, который опирается на внутренние нормы и регламенты цифровых посредников при обязательном участии нотариусов, обеспечивающих легитимность перехода прав. Актуальной проблемой является осведомленность наследника о присутствии в наследственной массе ЦФА, а также сложность идентификации законного объема ЦФА, принадлежащих непосредственно наследодателю с учетом присутствия цифровых псевдонимов и интерактивных образов.

Кроме того, доступ к наследуемым ЦФА может быть ограничен отсутствием у наследника релевантной информации, связанной с логинами, паролями и кодовыми словами, существование которой в свою очередь в завещании генерирует риски в области финансовой кибербезопасности. Инициативы по совершенствованию законодательства в области регулирования наследования ЦФА должны учитывать постоянную эволюцию видов цифровых финансовых активов, ужесточение требований к кибербезопасности, международную правоприменительную практику и специфику идентификации права собственности. Построение действенного механизма наследования ЦФА должно быть ориентировано на обеспечение справедливого баланса интересов волеизъявления наследодателя и прав наследника без ущерба для общественно-экономических отношений в цифровом финансовом пространстве.

Список источников

1. Новосельский С. О., Антропова Т. Г., Грунина О. А. Оценка цифровой трансформации социально-экономической системы России в условиях геополитической турбулентности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 3 (49). С. 176–188.
2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (последняя редакция) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Барданова М. А. Актуальные вопросы наследования цифровых активов // Universum: экономика и юриспруденция. 2023. № 9-10 (108). С. 7–9.
4. Артамкин К. С. Применение современных технологий в нотариальной деятельности при наследовании цифровых финансовых активов // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 4. С. 45–50.
5. Васильева В. Э. О некоторых вопросах наследования цифровых финансовых активов России и возможных путях их регулирования : мат. VIII междунар. науч.-практ. конф. Гатчина, 2023. С. 173–176.
6. Вронская М. В., Семкина Т. А Наследование цифровых финансовых активов : актуальные проблемы и перспективы развития // Юридические исследования. 2022. № 11. С. 32–44.
7. Калмыкова В. С. Исполнение завещания в части передачи цифровых активов // Инновации. Наука. Образование. 2023. № 91. С. 48–57.
8. Туршук Л. Д. Наследование и цифровизация : тенденции развития // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 104-10. С. 108–111.
9. Пекарева В. В., Фроловская Ю. И. Характеристика наследственных прав на цифровые активы : особенности и правовая природа // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 155–156.
10. Зайров Р. Д., Юзефович Ж. Ю. Правовое регулирование наследования цифровых финансовых активов // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1. С. 66–70.
11. Быкова А. Н. Правовой режим наследования цифровых прав в Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и практики. 2025. № S2. С. 47–50.

References

1. Novoselsky S. O., Antropova T. G., Grunina O. A. Assessment of the digital transformation of Russia's socio-economic system in the context of geopolitical turbulence // The Eurasian Union: issues of international relations. 2023. Vol. 12. № 3 (49). P. 176–188.
2. Federal Law № 259-FZ of July 31, 2020 (latest edition) «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Bardanova M. A. Actual issues of inheritance of digital assets // Universum: economics and jurisprudence. 2023. № 9-10 (108). P. 7–9.

4. Artamkin K. S. Application of modern technologies in notarial activity in the inheritance of digital financial assets // Legal paradigm. 2023. Vol. 22. № 4. P. 45–50.
5. Vasilyeva V. E. On some issues of inheritance of digital financial assets in Russia and possible ways of their regulation: proceedings of the VIII International Scientific and practical conference. Gatchina, 2023. P. 173–176.
6. Vronskaya M. V., Semkina T. A. Inheritance of digital financial assets : current problems and development prospects // Legal research. 2022. № 11. P. 32–44.
7. Kalmykova V. S. Execution of a will regarding the transfer of digital assets // Innovations. Science. Education. 2023. № 91. P. 48–57.
8. Turshuk L. D. Inheritance and digitalization : development trends // Trends in the development of science and education. 2023. № 104-10. P. 108–111.
9. Pekareva V. V., Frolovskaya Yu. I. Characteristics of inheritance rights to digital assets : features and legal nature // Agrarian and Land law. 2024. № 5 (233). P. 155–156.
10. Zairov R. D., Yuzefovich Zh. Yu. Legal regulation of inheritance of digital financial assets // Bulletin of Economic Security. 2025. № 1. P. 66–70.
11. Bykova A. N. The legal regime of inheritance of digital rights in the Russian Federation // Actual problems of science and practice. 2025. № S2. P. 47–50.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (последняя редакция) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (последняя редакция) «О рынке ценных бумаг» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Староверова О. В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Цивилист. 2022. № 3 (39). С. 6–15.

Bibliographic list

1. The Civil Code of the Russian Federation // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006 (latest edition) «On Information, Information Technologies and Information Protection» // LRS «ConsultantPlus».
3. Federal Law № 39-FZ of April 22, 1996 (latest edition) «On the Securities Market» // LRS «ConsultantPlus».
4. Staroverova O. V. Legal regulation of digital financial assets and digital currency // Civilist. 2022. № 3 (39). P. 6–15.

Информация об авторе

О. В. Староверова — профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Staroverova — Professor of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.
The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 340
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-188-192
EDN: https://elibrary.ru/yexntc
NIION: 2003-0059-6/25-430
MOSURED: 77/27-003-2025-06-629

Юридическое образование как элемент правовой культуры общества

Елена Евгеньевна Томилина
Государственный университет управления, Москва, Россия, eetomilina@mail.ru

Аннотация. Анализируется роль и значение юридического образования в становлении и развитии правового сознания и правовой культуры общества, а также исследуются основные направления формирования профессиональных умений и навыков современных юристов, так как именно юристам отводится особая роль в совершенствовании и укреплении правовых механизмов.

Ключевые слова: юриспруденция, юридическое образование, практико-ориентированное обучение, правосознание, правовая культура, правовая грамотность, законность, правопорядок, правовое государство

Для цитирования: Томилина Е. Е. Юридическое образование как элемент правовой культуры общества // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 188–192. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-188-192. EDN: YEXNTC.

Original article

Legal education as an element of the legal culture of society

Elena E. Tomilina
State University of Management, Moscow, Russia, eetomilina@mail.ru

Abstract. Analyzed the role and importance of legal education in the formation and development of legal consciousness and legal culture of society, and also examined the main directions of the formation of professional skills of modern lawyers, as lawyers have a special role in improving and strengthening legal mechanisms.

Keywords: jurisprudence, legal education, practice-oriented education, legal awareness, legal culture, legal literacy, legality, law and order, rule of law

For citation: Tomilina E. E. Legal education as an element of the legal culture of society. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):188–192. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-188-192. EDN: YEXNTC.

Общественные отношения постоянно развиваются, в отдельных аспектах даже существенно усложняются, именно поэтому подготовка юристов является важной задачей. Более того, построение правового государства без высококвалифицированных кадров юристов не представляется возможным.

Правовое государство, как модель общественного устройства, обуславливает следующие черты:

- во-первых, признание и гарантированное действие прав и свобод человека и гражданина;
- во-вторых, властные институты в своих решениях опираются только на действующие правовые нормы. При этом важно, чтобы принципы права, такие как гуманизм, справедливость, равенство, законность, демократизм, проникали в жизнь каждого человека и общества в целом;
- в-третьих, важен высокий уровень правовой культуры общества.

На сегодняшний день важно комплексно исследовать правовую культуру с помощью различных подходов таких как аксиологический, антропологический, цивилизационный, социологический и структурно-функциональный подходы. Комплексное применение разных подходов помогает глубоко и всесторонне проанализировать правовую культуру и учесть различные аспекты этого явления.

В свое время известный советский и российский

© Томилина Е. Е., 2025

ученый-правовед, специалист в области конституционного права, академик РАН Олег Емельянович Кутафин сказал: «Построить правовое государство без юристов — это все равно, что построить дом без строителей». Так емко и убедительно известный ученый обозначил роль и значение юристов в построении правового государства. При этом для построения правового государства необходим высокий уровень правосознания юристов, так как они являются носителями и проводниками правовой культуры. Грамотное, логичное, безупречное и выверенное изложение нормативно-правовых актов зависит от уровня правосознания юристов. От того как должностные лица применяют нормативно-правовые акты зависит уровень доверия населения к власти. Следовательно, от уровня правосознания и профессиональных навыков юристов зависит уровень правовой культуры в обществе.

Общественные отношения в современном мире характеризуются многовариативностью и динамичностью, поэтому юрист должен постоянно совершенствовать свои навыки и владеть методиками самообразования. В том числе современные юристы должны владеть глубокими знаниями в области информационного и цифрового права, так как цифровая трансформация затронула многие сферы общественной жизни.

В цифровую эпоху от юристов требуются различные навыки и умения, среди них:

- проводить глубокий анализ действующего законодательства;
- анализировать правовую информацию, при этом выявлять противоречия и недостатки;
- обладать умением разъяснять сложные юридические понятия и категории доступными словами, понятными всем гражданам;
- обладать умением работать с правовыми базами данных и электронными системами документооборота;
- обладать навыками отбора, проверки и анализа информации;
- уметь работать с цифровыми инструментами;
- знать основы кибербезопасности;
- знать правовые аспекты цифровой экономики;
- оперативно принимать обоснованные решения в сложных правовых ситуациях;
- обладать навыками взаимодействия, умение работать в команде;
- обладать умением согласовывать различные мнения, достигая общего результата;
- обладать умением ответственно подходить и строго соблюдать профессиональные стандарты;
- должен уметь проявлять чуткость и внимательность к проблемам клиентов, при этом действовать строго в рамках закона;
- обладать умением адаптировать свои подходы к каждому клиенту с учетом их психологических особенностей;
- должен уметь находить юридические значимые аспекты в сложных жизненных ситуациях.

Сформировать вышеобозначенные навыки и умения помогает широкое применение практико-ориентированного подхода при подготовке юристов.

Одной из важнейших задач учебного проекта является совершенствование образовательного процесса по направлению подготовки «Юриспруденция» в части формированию навыков, которые являются наиболее важными для деятельности юриста.

В рамках направления подготовки «Юриспруденция» могут быть реализованы исследовательские и практико-ориентированные (прикладные) проекты.

Примерами целей выполнения исследовательских проектов по юриспруденции могут быть:

- проведение комплексного анализа правового статуса юридического лица, опираясь на действующее законодательства и судебную практику;
- изучение гражданско-правового регулирования предпринимательской деятельности граждан;
- раскрытие сущности и содержания гражданского общества, а также анализ взаимосвязи гражданского общества и государства;
- выявление наиболее общих правовых основ административной ответственности юридических лиц, особенности их ответственности за отдельные виды совершаемых административных правонарушений и разработка предложений по уточнению, дополнению и правильному применению соответствующих положений КоАП РФ;
- исследование правового института аренды на основе гражданского законодательства и судебной практики;
- рассмотрение особенностей кредитной организации (банка) как субъекта гражданских правоотношений;
- исследование проблемных аспектов правового регулирования инноваций в условиях цифровой экономики;
- изучение влияния цифровых технологий на правовую практику;
- проведение комплексного анализа правовых рисков цифровизации государственного управления;
- изучение влияния цифровизации на состояние правовой культуры общества и т. д.

Важно при выполнении исследовательского проекта обозначить гипотезу исследования. При опре-

делении гипотезы рекомендуется опираться на современное состояние правового регулирования общественных отношений.

Практико-ориентированный (прикладной) проект характеризуется наличием конечного продукта, который предполагает его использование на практике.

Примерами целей выполнения практико-ориентированных (прикладных) проектов могут быть:

- создание документов (локальных актов), которые регулируют внутренние процессы организации, закрепляют права и обязанности всех участников;
- разработка требований к проведению проверки контрагента и законности его действий;
- разработка перечня обязательных локальных нормативных и правовых актов компании;
- разработка перечня обязательной документации по сделке в зависимости от вида и правового статуса их участников;
- создание сайта-справочника для потребителей, который предоставляет структурированную информацию о нормативно-правовых актах, наименовании органов государственной власти, конкретные рекомендации о способах защиты нарушенных прав и т. д.

Практико-ориентированные (прикладные проекты) требуют четко продуманной структуры. При этом деятельность всех участников проекта также должна хорошо продуманна и структурирована.

В ходе разработки проекта студенты должны овладеть целым рядом специфических проектных умений и навыков, а также сформировать соответствующие компетенции.

Оценка результатов проектной работы по направлению подготовки «Юриспруденция» проводится по итогам защиты проекта на основании анализа письменного отчета по проекту, рекомендуемой оценки руководителя проекта, а также анализа презентации проекта и ответов на вопросы в ходе представления проекта командой проекта.

По мнению известного советского психолога, исследователя психики, деятельности и сознания А. Н. Леонтьева: «Деятельность — это действия, которые направлены на достижение цели. Именно деятельность определяет сознание и формирует психику, позволяя проявиться в труде. Деятельность не отвечает на внешние раздражители, а находится под контролем сознания. Положения о том, что деятельность определяет сознание и контролируется им, противоречивы. Но это устраняется за счет тезиса, что сознание и деятельность как единое целое и неотделимы друг от друга»[1]. Благодаря такому подходу формируются навыки, позволяющие на высоком профессиональном уровне решать поставленные задачи.

Проектная деятельность позволяет обучающимся по направлению подготовки «Юриспруденция» успешно применять полученные теоретические знания на практике.

Студенты направления подготовки «Юриспруденция» благодаря проектной работе с более высокими результатами могут:

- провести проверку существующих документов на соответствие нормам права;
- разработать стратегию защиты;
- составить документы в соответствии с требованиями законодательства;
- подготовить пакет документов в соответствующий государственный орган;
- разработать внутренние регламенты для компании и т. д.

Объект проектирования — это среда или процесс, в контексте которых находится предмет. Проектная деятельность юриста связана с познанием особенностей правового регулирования той или иной сферы общественных отношений. Ее объектами становятся многообразные явления и процессы, происходящие в этой сфере:

- правотворческая;
- правоприменительная;
- правоохранительная;
- юридически-консультационная деятельность.

Объект проектирования обусловлен тематикой, целью и задачами конкретного проекта.

Технология проектирования как форма образовательной деятельности студентов направлена на:

- привлечение к решению конкретных практических задач;
- повышение качества образовательного процесса благодаря взаимодействию студентов и преподавателей.

В целом можно сказать, что реализация технологии проектирования в вузе способствует повышению конкурентоспособности выпускников на рынке труда.

Реализация проектного обучения помогает формированию у будущих юристов высокого уровня мотивации к самостоятельному получению новых знаний в сфере юриспруденции и смежных областях, а также практических навыков, ориентирующих на достижение конкретных результатов в инновационной деятельности и формирующих видение актуальных направлений развития на основе использования современных технологий и связанных с ними процессов.

Главной особенностью проектов по направлению подготовки «Юриспруденция» является их прямая корреляция с областями профессиональной деятельности по юриспруденции, выделенными в соответствии с требованиями профессионального стандарта «Специалист по конкурентному праву», утвержден

[1] URL: https://scientificrussia.ru/

Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 16 сентября 2021 г. № 637н; «Специалист по операциям с недвижимостью», утвержден Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 сентября 2019 г. № 611н. Поэтому область проектной деятельности студенческих проектов может охватывать следующие сферы деятельности в области юриспруденции:

- разработки и реализации правовых норм;
- обеспечение законности и правопорядка;
- оказание правовой помощи физическим и юридическим лицам.

Формирование способностей решать конкретные задачи профессиональной деятельности отражает такие навыки и умения, как: составление юридических документов, оценка юридической чистоты или соответствия деятельности организации нормам права, разработка стратегии защиты, сбор доказательств, ведение переговоров, оценка правовой ситуации и т. д.

Для повышения качества выполняемого проекта и повышения уровня развития профессиональных компетенций желательно привлекать юристов-практиков к работе над проектом. Привлекать специалистов можно на различных этапах выполнения проекта. Такой подход благоприятно повлияет на результативность, а также будет способствовать расширению кругозора в области применения правовых знаний будущими юристами.

В связи с тем, что юриспруденция тесно связана с историей, психологией, социологией, политологией, экономикой, возможно привлечение специалистов и из других областей. Такие проекты носят междисциплинарный характер. Проекты междисциплинарного характера помогают студентам более углубленно подходить к решению проблем и учитывать различные аспекты будущей профессиональной деятельности.

Также хотелось бы отметить роль юридической клиники в подготовке будущих юристов. Юридическая клиника помогает в достижении следующих целей:

- воспитанию юристов с высоким уровнем правовой культуры;
- оказанию юридической помощи людям, которые в силу обстоятельств не могут обратиться к юристам на платной основе;
- вовлечению обучающихся в просветительскую и исследовательскую деятельность;
- развитию навыков коммуникации с учетом психологических особенностей людей;
- повышению правовой грамотности населения и т. д.

Наличие в вузе юридической клиники существенно повышает уровень подготовки будущих юристов. У обучающихся формируется уверенность в своих профессиональных навыках: от грамотно составленного резюме, направляемом потенциальному работодателю, до устойчивых практических юридических навыков. Юридическая клиника важна и для вуза, так как потенциальный работодатель, зная о работе обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» в юридической клинике, понимает, что перед ним не просто выпускник, а молодой специалист, который приобрел практические навыки и умения при консультировании и разборе различных проблемных ситуаций. Юридическая клиника благотворно влияет на уровень правосознания и правовой культуры как студентов, так и граждан, обратившихся за юридической помощью, формирует у обучающихся гражданскую позицию, а также укрепляет связь теории и практики.

Для решения вышеобозначенных задач необходимо, чтобы юридическое образование было фундаментальным. Важно, чтобы образовательная программа для подготовки будущих юристов сочетала в себе и классические традиции юридического образования и практическую направленность преподаваемых дисциплин.

Общественные отношения в современном мире характеризуются многовариативностью и постоянным динамичным развитием. Современное юридическое образование должно готовить юристов, обладающих компетенциями как в частноправовой сфере, так и в публично-правовой сфере, так как все элементы системы права тесно взаимосвязаны. При этом частное и публичное право служат общей цели — укреплению законности и правопорядка. Такой подход позволяет подготовить специалистов, которые смогут работать юристом в любой сфере общественных отношений.

Подготовка юристов — важная задача, которая требует сочетания фундаментальных знаний и практического применения, а также баланса между теорией и практикой.

Вышеизложенное подчеркивает роль и значение профессии юриста, так как именно благодаря работе юристов становится возможным создание правового государства, где права каждого человека защищены.

Библиографический список

1. Аминов И. И., Дедюхин К. Г., Зинатуллин З. З., Усиевич А. Р. Юридическая этика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
2. Борисов А. В., Корнев А. В., Петручак Л. А. Юридическое образование в России: история, современность, перспективы развития. М.: Норма, 2019.
3. «Интернатура» для будущего юриста или как научиться применять полученные знания на практике? // URL: https://www.consultant.ru/edu/news/interview/v_pomosh_

studentu/studencheskiye_voprosy/ur_clinic/
4. Леонтьев А. Н. Личность, деятельность, сознание. М. : Политиздат, 1975.
5. Мышко Ф. Г., Зубач А. В., Титор С. Е., Томилина Е. Е. Методические указания к выполнению проектной работы обучающихся // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54324638
6. Томилина Е. Е., Зубач А. В. Практико-ориентированный подход в подготовке юристов (на примере разработки проекта в рамках юридического образования) // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67203451

Bibliographic list

1. Aminov I. I., Dedyukhin K. G., Zinatullin Z. Z., Usievich A. R. Legal ethics. M. : UNITY-DANA, 2019.
2. Borisov A. V., Kornev A. V., Petruchak L. A. Legal education in Russia: history, modernity, development prospects. M. : Norma, 2019.
3. «Internship» for a future lawyer or how to learn how to apply the acquired knowledge in practice? // URL: https://www.consultant.ru/edu/news/interview/v_pomosh_studentu/studencheskiye_voprosy/ur_clinic/
4. Leontiev A. N. Personality, activity, consciousness. M. : Politizdat, 1975.
5. Myshko F. G., Zubach A. V., Titor S. E., Tomilina E. E. Methodological guidelines for the implementation of students' project work // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54324638
6. Tomilina E. E., Zubach A. V. A practice-oriented approach in the training of lawyers (using the example of project development in the framework of legal education) // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67203451

Информация об авторе

Е. Е. Томилина — доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. E. Tomilina — Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.08.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 10.08.2025; approved after reviewing 20.08.2025; accepted for publication 18.09.2025

Научная статья
УДК 343.985.2
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-193-199
EDN: https://elibrary.ru/wlriup
NIION: 2003-0059-6/25-431
MOSURED: 77/27-004-2025-06-630

Об использовании специальных знаний в предупреждении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров

Василий Юрьевич Федорович
Московский университет МВД России имени В.Я Кикотя, Москва, Россия, vfedorovich2@mvd.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности использования специальных знаний в системе обеспечения общественной безопасности в сфере оборота наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров. Отмечается важность не только межгосударственного взаимодействия по противодействию организованной преступности, но и расширения возможностей применения специальных знаний в предупредительной деятельности правоохранительных органов, связанных прежде всего со значительными изменениями преступности, разработкой новых синтетических наркотиков и их прекурсоров, оборот которых не регулируется нормативными правовыми актами. Сформулированы предложения по использованию специальных знаний при производстве профилактической экспертизы и исследованиях.

Ключевые слова: специальные знания, незаконный оборот наркотиков, предупреждение преступлений, профилактическая экспертиза

Для цитирования: Федорович В. Ю. Об использовании специальных знаний в предупреждении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 193–199. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-193-199. EDN: WLRIUP.

Original article

On the use of specialized knowledge in the prevention of crimes in the field of illicit trafficking in drugs, psychotropic substances and their precursors

Vasily Yu. Fedorovich
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vfedorovich2@mvd.ru

Abstract. The features of the use of special knowledge in the system of ensuring public safety in the field of trafficking in drugs, psychotropic substances and their precursors are considered. The importance is noted not only for interstate cooperation in countering organized crime, but also for expanding the possibilities of applying special knowledge in the preventive activities of law enforcement agencies, primarily related to significant changes in crime, the development of new synthetic drugs and their precursors, the turnover of which is not regulated by regulatory legal acts. Proposals on the use of special knowledge in the production of preventive expertise and research are formulated.

Keywords: specialized knowledge, drug trafficking, crime prevention, preventive expertise

For citation: Fedorovich V. Yu. On the use of specialized knowledge in the prevention of crimes in the field of illicit trafficking in drugs, psychotropic substances and their precursors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):193–199. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-193-199. EDN: WLRIUP.

Повышение эффективности правоохранительных органов в области обеспечения общественной безопасности остается одной из приоритетных задач, определенных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации. В сложившихся условиях достижение указанных задач осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на совершенствование единой государственной

© Федорович В. Ю., 2025

системы профилактики преступности, обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления, а также на формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности [18].

Уровень криминализации общественных отношений детерминируется факторами, вызывающими дестабилизацию общественно-политической ситуации в Российской Федерации, в том числе широким распространением деструктивной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где собственно и осуществляется пропаганда криминального образа жизни, потребления наркотических средств и психотропных веществ, иной противоправной информации. Основным объектом такого негативного воздействия является наша молодежь[1].

В целях научно-методического сопровождения реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. в части включения в число показателей системы мониторинга наркоситуации оценки состояния профилактической деятельности и ее эффективности руководством МВД России, была поставлена задача формирования отечественного межведомственного стандарта антинаркотической профилактической деятельности (далее — Стандарт) [1].

Работа по созданию Стандарта была поручена Московскому университету МВД России имени В.Я. Кикотя в рамках заказных научно-исследовательских работ по заявкам Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России. Указанная работа была своевременно и в полном объеме завершена.

Основная задача Стандарта — унифицировать усилия всех субъектов антинаркотической профилактической деятельности, конкретизировать профилактическую работу на всех уровнях ее осуществления — от федеральных органов власти до общественных объединений. Другими словами, Стандарт позволяет сделать прозрачными работу коллег — субъектов этой деятельности.

Через целевые показатели и объектовую направленность профилактического воздействия органы внутренних дел смогут разрабатывать комплексные и адресные программы профилактики для конкретных целевых групп и повышать эффективность профилактических мероприятий.

Например, для лиц в возрасте от 17 лет до 21 г., при этом незаконно употребляющих наркотики либо ранее их употреблявших, условно категория В-3, указанная в Стандарте, целеполагание профилактического воздействия органов внутренних дел должно быть сосредоточено на укреплении устойчивости к влиянию факторов риска, изъятии объекта из неблагоприятной среды, а также на выявлении других условий, объективно нарушающих жизнедеятельность гражданина. Органам внутренних дел следует обратить внимание на дополнительные факторы риска: употребление и злоупотребление алкогольной или спиртосодержащей продукции, экстремизм, бродяжничество, склонность к суициду, противоправное поведение и т. д.

По определенным Стандартом категориям объектов профилактики органы внутренних дел должны реализовать профилактическое воздействие совместно с аффилированными субъектами профилактики, а значит необходимо будет обеспечить такой механизм взаимодействия, который позволит, с одной стороны, исключить необоснованное дублирование профилактического воздействия по одним и тем же объектам профилактики, а с другой — обогатить антинаркотическую профилактику органов внутренних дел уникальными возможностями других участвующих в ней субъектов. При этом хотелось бы обратить внимание на возможности использования в этой области специальных знаний, применяемых в экспертных исследованиях по уголовным делам, как динамически развивающейся механизм экспертной профилактики на ранних этапах выявления наркотических веществ и их прекурсоров, в том числе новых видов.

Уместно в этой связи привести данные из выступления министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева на заседании Государственного антинаркотического комитета, где отмечается большая распространенность синтетических наркотиков среди наркопотребителей. По его словам, это в первую очередь мефедрон и N-метилэфедрон, которые в 2024 г. составили 90 % всей изъятой правоохранительными органами синтетики[2].

Исходя из содержания Всемирного доклада о наркотиках за 2025 г. [2] (далее — Доклад-2025), большое внимание уделяется оказанию помощи государствам-членам в прогнозировании и устранении угроз, исходящих от наркорынка, а также в смягчении их последствий. В докладе отмечается, что из-за низких издержек и риска обнаружения производства синтетических наркотиков, они продолжают стремительно распространяться по миру. В сфере незаконного оборота психоактивных веществ лидирующие позиции занимают стимуляторы амфетаминового ряда, включая метамфетамин, амфетамин и каптагон. На втором месте по распространенности находятся синтетические опиоиды, такие как фентанил. Отдельно в Докладе-2025 говорится о том, что в последние годы Украина стала основным источником нелегально производимого и распространяемого метадона [3], что в свою очередь создает необходимость для правоохранительных

[1] Материалы оперативного совещания Председателя СКР по вопросам криминализации подростковой среды // URL: https://t.me/sledcom_press/

[2] URL: https://rg.ru/2024/12/20/vladimir-kolokolcev-vse-bolshuiu-populiarnost-nabiraiut-sinteticheskie-narkotiki.html

органов на приграничных территориях организовывать дополнительные меры по противодействию наркотрафику.

Сегодня в ряде стран Европы из-за производства наркотиков имеет место серьезный ущерб окружающей среде, вызывающий изменение землепользования, уничтожение лесов, загрязнение почвы, воздуха и воды, что требует дополнительных затрат на восстановление экосистем. Так, затраты на очистку крупнейших мест (более 900) несанкционированного сброса наркотических отходов, обнаруженных в Королевстве Нидерландов, исчисляются миллионами евро [2, с. 91], также достаточно большое количество таких мест (более 100) отмечается в Бельгии и Украине. При этом за последнее десятилетие отмечается увеличение числа ликвидированных подпольных лабораторий. Однако экологические угрозы редко учитываются при разработке наркополитики, и большая часть последствий остается неучтенной. Важно также отметить, что с профилактической точки зрения для установления таких нарколабораторий можно использовать экологическую токсикацию, сопутствующую деятельности нарколабораторий. Предлагается разрабатывать в качестве системы раннего выявления таких лабораторий комплексные технологии контроля окружающей среды, основанные на используемых данных химического анализа воздуха, воды и почвы, спектральных характеристик объектов (например, листьев конопли) с помощью систем космического наблюдения, дронов и обработки получаемой информации методами искусственного интеллекта [4]. В качестве примера о проводимых исследованиях внешней среды по этому направлению можно указать данные из Доклада-2025, где говорится об увеличении в последние годы количества кетамина, обнаруживаемого в сточных водах в Европе, и числа людей, находящихся на наркологическом лечении в связи с употреблением этого вещества [2, с. 46]. Такие исследования могут диагностировать, как наличие лабораторий по производству наркотических, психотропных и ядовитых веществ на конкретных территориях, так и об увеличении потребления конкретных веществ и, соответственно, о необходимости установления контроля за оборотом этих веществ.

В контексте обсуждения результативности превентивных мер в данной сфере, особенно в условиях применения в отношении Российской Федерации двойных стандартов в международной политике, которые препятствуют повышению результативности многостороннего взаимодействия в такой значимой для мирового сообщества области, как борьба с наркотрафиком, необходимо подчеркнуть значимость применения специальных знаний для решения задач, стоящих перед государством и обществом. В научных публикациях за последние шесть лет приводится достаточно аргументированный вывод о важности развития судебных экспертиз наркотиков как инструмента выявления гибридных угроз национальной безопасности [5, с. 42–46; 6, с. 64–69; 7, с. 28]. И в этой связи возрастает необходимость формирования комплексного подхода при реализации профилактической функции института специальных знаний при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков [8, с. 23–27]. На наш взгляд, развитие этого направления возможно в рамках экспертно-профилактической деятельности, предметом которой более тридцати лет назад определялась И. А. Алиевым как установление фактических данных (факты, обстоятельства) на основе специальных познаний эксперта в проведенных им исследованиях, касающихся обстоятельств, способствовавших (могущих способствовать) совершению преступления (преступлений), и разрабатываемых на этой базе рекомендаций, направленных на устранение этих обстоятельств [9, с. 77–79]. Реализация этих задач субъектами профилактической деятельности в современных условиях невозможна без фундаментальных научных исследований.

Ориентиром для формирования запроса на исследовательские программы являются документы стратегического порядка, в том числе международного уровня, ориентированные на реализацию целей Устава Организации Объединенных Наций, Устава Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. (с поправками 1972 г.), Конвенции о психотропных веществах 1971 г. и Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. В частности, в рамках реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г.[1] предписывается обеспечить совершенствование методов выявления, предупреждения и пресечения деятельности организованных преступных групп и преступных сообществ, осуществляющих изготовление наркотиков в условиях подпольных лабораторий.

Анализ последних публикаций [10; 11] показывает о сохранении общего подхода к определению экспертной профилактической деятельности с уточнением, указанным во ФГОС по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, которая заключается в подготовке профилактических рекомендаций не только при производстве экспертизы по конкретному уголовному делу, но и «на основе анализа и обобщения экспертной практики причин и условий, способствующих совершению

[1] П. 24 (4.5) графика выполнения МВД России межведомственного плана мероприятий по реализации Стратегии государственной антинаркотической политики в РФ до 2030 г. (на период 2021–2025 гг.). Утвержден Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольцевым 18 февраля 2021 г. № 1/1770.

правонарушений»[1]. Наличие в данном понятии задачи «установления причин» подверглось критике отдельными учеными [12]. С одной стороны, возможности установления судебной экспертизой условий, способствующих совершению преступлений, очевидна. С другой стороны причины и условия в комплексе являются по мнению ряда криминологов детерминантами преступности. При этом особые профилактические меры, на наш взгляд, правоохранительными органами должны быть направлены на преодоление самодетерминации преступности. И в этом случае общая система превенции нуждается в консолидации научных и организационных возможностей, выработанных криминалистикой и судебной экспертологией. По мнению Р. С. Белкина «...криминология включает и криминалистические меры предупреждения преступлений, но берет их как данные науки криминалистики, то есть сама разработкой таких мер не занимается» [13]. Этот подход, по нашему мнению, необходимо развивать. В дополнение к данной позиции необходимо отметить о некоторых новеллах в подготовке кадров для решения задач по указанной тематике, где в качестве положительного опыта следует отметить заключение соглашения между Московским университетом МВД России имени В.Я. Кикотя и Российским химико-технологическим университетом имени Д.И. Менделеева. Многолетняя работа взаимообмена обучающимися по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза и 18.04.01 Химическая технология (по магистерской программе «Современные технологии и аналитические методы исследований в производстве лекарственных и косметических средств и в системе допинг- и наркоконтроля») позволила с одной стороны расширить представление обучающихся о возможностях установления наркотических, психотропных, сильнодействующих и ядовитых средств и их прекурсоров, с другой — получить теоретические основы и практические навыки, необходимые для использования полученных специальных знаний в уголовном судопроизводстве, а также предупреждении преступлений.

На основе анализа основных документов, определяющих стратегию предупреждения преступлений в сфере оборота наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров [19; 20], можно предложить следующую схему использования специальных знаний с учетом экспертной специальности:

[1] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета) (приказ Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2016 г. № 1342) // URL:https://base.garant.ru/71557546/53f894 21bbdaf741eb2d1 ecc4ddb4c33/

Основные направления профилактического характера	**Примерные области специальных знаний в системе классификации судебных экспертиз**	**Ожидаемые результаты**
Создание единой цифровой профилактической платформы с учетом национальных приоритетов в сфере информационных технологий	Компьютерная экспертиза и исследования, психолого-лингвистическая экспертиза, экспертиза материалов, веществ и изделий	1. Снижение в сети «Интернет» ресурсов, используемых для пропаганды незаконных потребления и распространения наркотиков. 2. Противодействие новым формам противоправной деятельности (преступных организаций), включая преодоление конспирации каналов поставки и сбыта наркотиков с использованием инновационных коммуникационных и других технологий.
Развитие системы контроля культивирования наркосодержащих растений	Фото-техническая, ботаническая, экологическая, почвоведческая экспертизы и исследования, экспертиза материалов, веществ и изделий	1. Совершенствование механизмов выявления незаконных посевов и очагов произрастания дикорастущих наркосодержащих растений, фактов их незаконного культивирования. 2. Осуществление государственного контроля за культивированием наркосодержащих растений для производства наркотиков, используемых в медицинских целях и (или) в ветеринарии, а также за культивированием опийного мака в промышленных целях, не связанных с производством или изготовлением наркотиков.
Развитие технологий контроля использования новых наркосодержащих и психотропных веществ и их прекурсоров, включая контроль за деятельностью организаций, осуществляющих их изготовление и реализацию, недопущение их использования для незаконного производства наркотиков	Экспертиза материалов, веществ и изделий, трасологическая, дактилоскопическая, экологическая, судебно-медицинская, судебно-химическая, судебно-наркологическая экспертизы и исследования и др.	1. Уменьшение предложения на рынке сбыта (в целях незаконного потребления) синтетических наркотиков, произведенных на территории Российской Федерации с применением веществ, часто используемых при производстве, изготовлении и переработке наркотических средств и психотропных веществ и находящихся в законном обороте. 2. Сокращение возможностей разработки и сбыта в целях незаконного потребления новых потенциально опасных психоактивных веществ синтетического происхождения, а также снижение тенденции к распространению полинаркомании.
Использование финансового мониторинга и проверок, включая методы искусственного интеллекта	Компьютерная, финансово-аналитическая, налоговая, бухгалтерская экспертизы и исследования	1. Сокращение финансовых операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотиков. 2. Пресечение использования доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотиков, для финансирования деятельности международных террористических организаций.

Проведенный нами анализ типовых экспертных методик исследования вещественных доказательств, разработанных ЭКЦ МВД России, в части наличия профилактических задач, решаемых при производстве экспертиз и исследований, установил необходимость их разработки. При этом в случае выявления при производстве экспертиз условий, способствующих совершению преступлений, руководитель организует подготовку предложений, направленных на их устранение, которые оформляются отдельным документом и направляются лицу (органу), назначившему экспертизу [21]. По нашему мнению, требуется определить более конкретно представление профилактических рекомендаций со стороны экспертно-криминалистического подразделения в лице ее руководителя с учетом позиции эксперта, непосредственно проводящего экспертизу и несущего ответственность за ее результаты. Это уточнение должно учитывать возможности формулирования таких предложений со стороны эксперта в рамках проявленной им инициативы, предусмотренной ст. 57, 204 УПК РФ [22, ст. 4921], и реализуемой в форме заключения в пределах компетенции эксперта, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования [14, с. 183]. В дополнение к этим предложениям, говоря об экспертно-профилактической деятельности в процессуальном смысле, вопросы выявления обстоятельств, которые по мнению эксперта имеют отношение к рассматриваемому событию, и реализованные как право эксперта, предусмотренное ст. 17 Федерального закона от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», отсылают к процессуальному законодательству, где в рамках ст. 204 (Заключение эксперта) уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации отмечается, о возможности эксперта при производстве судебной экспертизы при установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, указать на них в своем заключении. С учетом реализации положения ч. 2 ст. 73 УПК РФ (Обстоятельства, подлежащие доказыванию) в части обязанности органов расследования выявлять также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, считаем необходимым дополнить ст. 204 положением, распространяющимся в том числе, и на обстоятельства, которые способствовали совершению преступления.

Для реализации вышеуказанного дополнения в рамках производства судебных экспертиз мы считаем необходимым поддержать авторов, указывающих на создание профилактической экспертизы [15, с. 37–39], в том числе выделить этот вид на уровне существующей классификации судебных экспертиз, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством (ст. 200, 201, 207 УПК РФ), где они разделяются по объему и последовательности на первичные, дополнительные и повторные, составу и количеству субъектов проведения на комиссионные и комплексные. Эти виды повышают качество судебно-экспертного обеспечения доказывания по уголовным делам, например, повторная экспертиза устраняет сомнения в правильности или обоснованности ранее данного заключения, в том числе и экспертных ошибок; комиссионная экспертиза обеспечивает консенсус; комплексная — интегрирует специальные знания (в частности, при установлении единых источников наркопроизводства при проведении комплексной (судебно-химической и трасологической) экспертизы). Предлагаемая профилактическая экспертиза будет направлена на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, что важно для принятия органом расследования процессуальных решений, в том числе внесение в организацию или соответствующему должностному лицу представления о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона (ч. 2 ст. 158 УПК РФ). И хотя есть возражения отдельных оппонентов этой позиции [16], она заслуживает отдельного рассмотрения. Так же при выделении профилактической экспертизы отдельным видом в общей классификации даст возможность органам расследования адресно привлекать экспертов к решению задач, связанных с установлением причин и условий преступлений. При этом такое исследование будет проводить эксперт в рамках своей предметной области знаний, но для решения обозначенных задач. Говоря о формате реализации профилактического исследования, которое проводит сотрудник судебно-экспертного учреждения, возможен следующий алгоритм:

- уточнение профилактических задач и оценка возможности решения поставленных вопросов в результате ознакомления с представленными вещественными доказательствами и материалами дела;
- анализ научной литературы и материалов экспертной практики;
- формулирование гипотез относительно потенциальных возможностей решения профилактических задач (выдвижение экспертных версий);
- осуществление раздельного исследования представленных объектов, с целью установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления;
- в случае необходимости истребование дополнительных материалов дела;
- проведение необходимых сравнительных исследований;
- оценка результатов исследования и разработка рекомендаций по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений;
- оформление результатов исследований [17].

Предлагается конкретизировать реализацию такого исследования поскольку он окажет положительное воздействие не только на статистический учет таких рекомендаций, но и позволит оптимизировать профилактическую функцию экспертной деятельности. Этот вид имеет важное значение в судопроизводстве для

предотвращения преступной деятельности по многим направлениям. При этом необходимо отметить, что практика формирования профилактических предложений при производстве конкретной экспертизы не всегда находят должное применение в правоохранительной деятельности, хотя ее использование должно быть гораздо шире. Это объясняется имеющимися факторами разграничения обязанностей в части обязательности формулирования мероприятий профилактического характера между следственными, оперативными и экспертно-криминалистическими подразделениями. Для упорядочения взаимодействия этих служб в вопросах выработки действенных профилактических решений на стратегическом уровне, в том числе, выходящем за рамки конкретного уголовного дела, необходима разработка теоретической платформы использования специальных знаний как в уголовном судопроизводстве, так и в рамках осуществления государственной системы профилактики преступлений в целом.

Для формирования такого подхода требуется совершенствование нормативного регулирования, которые можно использовать для реализации триединой цели раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Выделение функции профилактики и построение информационной и правовой модели в новых условиях позволит создать необходимые решения для своевременного реагирования на вызовы и угрозы в области общественной безопасности и противодействия преступности.

Список источников

1. Межведомственный стандарт антинаркотической профилактической деятельности : научно-практическое пособие // URL: https://expose.gpntbsib.ru/expose/vnp-e835dc95/book/%D0%932024-15711573841436
2. Всемирный доклад о наркотиках за 2025 год // URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-025.html
3. Доклад ООН: глобальная нестабильность усугубляет последствия наркопроблемы // URL:https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465666
4. Автоматическое порождение гипотез в интеллектуальных системах / Сост. Е. С. Панкратова, В. К. Финн ; под общ.ред. В. К. Финна ; предисл. Ю. М. Арского. М. 2009.
5. Владимиров В. Ю., Ковалев А. В., Горбулинская И. Н. Судебная экспертиза наркотиков как инструмент выявления гибридных угроз национальной безопасности // Наркоконтроль. 2019. № 1.
6. Владимиров В. Ю., Ковалев А. В., Горбулинская И. Н. Судебная экспертиза наркотиков как инструмент выявления средств массового поражения людей // Профессорский форум «Наука. Образование. Регионы». 2019.
7. Кузовлев В. Ю. Технико-криминалистическое обеспечение установления обстоятельств незаконного производства синтетических психоактивных веществ в условиях нарколабораторий : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025.
8. Ковалев А. В., Владимиров В. Ю., Савчук С. А., Романенко Г. Х. Судебно-экспертная профилактика наркопреступлений // Наркоконтроль. 2018. № 4.
9. Алиев И. А. Проблемы экспертной профилактики. Баку. 1991.
10. Приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями на 11 сентября 2018 г.) // URL: https://docs.cntd.ru/document/901969840
11. Россинская Е. Р. Настольная книга судьи : судебная экспертиза / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. М. : Проспект, 2010.
12. Хрусталев В. Н. К вопросу о содержании профилактической деятельности судебного эксперта // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 237–241.
13. Белкин Р. С. Избранные труды. М. : Норма, 2008.
14. Федорович В. Ю. Особенности компетенции судебного эксперта в профилактической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 181–185.
15. Анищенко И. А. Особенности методики проведения профилактической экспертизы. // Материалы V Международ. научно-практич. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22–23 января 2015 г.). М. : Проспект, 2015.
16. Лютов В. П. «Новое» в теории экспертизы — профилактическая экспертиза // URL: https://proexpertizu.ru/general_questions/888/
17. Фридман И. Я. Судебная экспертиза и вопросы предупреждения преступлений : диссертация ... доктора юридических наук. М., 1974.
18. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_389271/
19. Антинаркотическая стратегия государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2026–2030 годы // URL: https://ksopn.odkb-csto.org/news/antinarkoticheskaya-strategiya-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-/#loaded/
20. Стратегия Управления ООН по наркотикам и преступности в отношении синтетических наркотиков // URL: https://syntheticdrugs.unodc.org/syntheticdrugs/ru/ home/index.html
21. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // URL: https://www.

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/
22. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1).

References

1. Interdepartmental standard of anti-drug prevention activities : a scientific and practical guide // URL: https://expose.gpntbsib.ru/expose/vnp-e835dc95/book/%D0%932024-15711573841436
2. World Drug Report 2025 // URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/world-drug-report-025.html
3. UN Report: Global instability exacerbates the effects of the drug problem // URL: https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465666
4. Automatic generation of hypotheses in intelligent systems / Comp. E. S. Pankratova, V. K. Finn ; under the general editorship of V. K. Finn ; preface by Yu. M. Arsky. M. 2009.
5. Vladimirov V. Yu., Kovalev A.V., Gorbulinskaya I. N. Forensic examination of drugs as a tool for identifying hybrid threats to national security // Drug control. 2019. № 1.
6. Vladimirov V. Yu., Kovalev A.V., Gorbulinskaya I. N. Forensic examination of drugs as a tool for identifying means of mass destruction of people // Professorial Forum «Science. Education. Regions». 2019.
7. Kuzovlev V. Y. Technical and criminalistic support for establishing the circumstances of the illegal production of synthetic psychoactive substances in drug laboratories : dis. ... cand. legal sciences. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2025.
8. Kovalev A. V., Vladimirov V. Yu., Savchuk S. A., Romanenko G. H. Forensic prevention of drug crimes // Drug control. 2018. № 4.
9. Aliev I. A. Problems of expert prevention. Baku. 1991.
10. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 70 dated February 10, 2006 «On the organization of the use of forensic records of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation» (as amended on September 11, 2018) // URL: https://docs.cntd.ru/document/901969840
11. Rossinskaya E. R. The judge's desk book : judicial expertise / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina. Prospect. M., 2010.
12. Khrustalev V. N. On the issue of the content of preventive activities of a forensic expert // Bulletin of Economic Security. 2020. № 2. P. 237–241.
13. Belkin R. S. Selected works. M. : Norma, 2008.
14. Fedorovich V. Yu. Features of the competence of a forensic expert in preventive activities // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (100). P. 181–185.
15. Anishchenko I. A. Features of the methodology of preventive examination. // Materials of the V International scientific and practical conference «Theory and practice of forensic examination in modern conditions» (Moscow, January 22–23, 2015). M. : Prospekt, 2015.
16. Lyutov V. P. «New» in the theory of expertise— preventive examination // URL: https://proexpertizu.ru/general_questions/888/
17. Friedman I. Ya. Forensic examination and crime prevention issues : diss. ... Doctor of Legal Sciences. M., 1974.
18. Decree of the President of the Russian Federation dated July 02, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru / document/cons_doc_LAW_389271/
19. Anti-drug Strategy of the member States of the Collective Security Treaty Organization for 2026–2030 // URL: https://ksopn.odkb-csto.org/news/antinarkoticheskaya-strategiya-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-/#loaded/
20. The strategy of the United Nations Office on Drugs and Crime on synthetic drugs // URL: https://syntheticdrugs.unodc.org/syntheticdrugs/ru / home/index.html
21. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 29, 2005 № 511 «Issues of organization of forensic examinations in the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/
22. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ dated December 18, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (P. 1).

Информация об авторе

В. Ю. Федорович — заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по научной работе, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. Yu. Fedorovich — Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' for scientific work, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 01.12.2025.
The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 01.12.2025.

Научная статья
УДК 343.1
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-200-204
EDN: https://elibrary.ru/yfjuza
NIION: 2003-0059-6/25-432
MOSURED: 77/27-004-2025-06-631

Цифровая реальность и социальные гарантии: проблемы уголовно-правового обеспечения

Алексей Александрович Ходусов
Международный юридический институт, Москва, Россия, yustas-73@mail.ru

Аннотация. Приводится авторское понимание цифровой реальности и ее использования для защиты прав граждан; представлены угрозы для обеспечения социальных гарантий граждан; указаны отдельные виды преступлений и основные нормативные акты, регулирующие ответственность за них; сформулирован ряд конкретных предложений по совершенствованию механизмов защиты социальных прав в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая реальность, права граждан, социальные гарантии, цифровая трансформация, преступления, законодательство, механизм защиты

Для цитирования: Ходусов А. А. Цифровая реальность и социальные гарантии: проблемы уголовно-правового обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С.200–204. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-200-204. EDN: YFJUZA.

Original article

Digital reality and social guarantees: problems of criminal law

Alexey A. Khodusov
International Law Institute, Moscow, Russia, yustas-73@mail.ru

Abstract. The author' understanding of digital reality and its use to protect the rights of citizens is provided; threats are presented to ensure social guarantees of citizens; individual types of crimes and basic regulations governing their responsibility are indicated; a number of specific proposals were formulated to improve the mechanisms for protecting social rights in the context of digital transformation.

Keywords: digital reality, citizens' rights, social guarantees, digital transformation, crimes, legislation, protection mechanism

For citation: Khodusov A. A. Digital reality and social guarantees: problems of criminal law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):200–204. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-200-204. EDN: YFJUZA.

В контексте правовой сферы под цифровой реальностью будем понимать алгоритмы, которые самостоятельно улучшают свою эффективность, как правового регулирования, так и правоприменения на основе цифровых данных и вычислительных систем; технологии, позволяющие машинам имитировать когнитивные функции для защиты социальных прав.

Цифровизация обеспечения социальных гарантий открывает новые возможности для оптимизации государственного управления, образования, медицинского и социального обслуживания. Например, внедрение проектов типа «Цифровой социальный помощник» [2], может улучшить способ оказания государственных и муниципальных социальных услуг. Расширение точек доступа к информации, возможность получения круглосуточной поддержки, упрощение процесса подачи заявок на получение социальных выплат и услуг — все это повышает уровень социальной защиты граждан.

Процесс предоставления государственных услуг в области социальной защиты населения существенно облегчается благодаря новейшим цифровым тех-

© Ходусов А. А., 2025

нологиям, так как последние создают условия для осуществления удаленного обмена информацией, как частными лицами, так и государственными компаниями. Выполнение тех же самых задач возложено на специально организованные многофункциональные центры, которые занимаются предоставлением услуг в государственной и муниципальной сферах, а именно, осуществляют назначение и использование так называемого принципа «одного окна» для оказания социальной поддержки. Между тем, наряду с возникновением дополнительных возможностей вследствие внедрения и развития информационно-цифровых технологий, имеет место определенный риск для общества в отдельных его членов, поскольку появляется трудность эффективной реализации и охраны свобод и прав личности, которые должны обеспечиваться предпринимательским сообществом и государством, получающими таким образом обширные возможности для проникновения в частную жизнь граждан. Данные обстоятельства обусловлены наличием объективно существующих сложностей процесса реализации ограничения доступа к личным данным третьих лиц, а в частности, тех, кто имеет отношение к деятельности образовательных, медицинских или социальных организаций. Этим обосновывается позиция ряда ученых [1, с. 36], согласно которой каждая отдельно взятая личность, национальные законодатели и компании должны быть нацелены на защиту персональных данных, уделять достаточно внимания данной проблеме.

Преступный мир также не остался в стороне от цифровых технологий. Все чаще средством для достижения разнообразных преступных замыслов становятся мобильные приложения для телефонов, компьютерные программы и вся телекоммуникационная сеть Интернет [11]. Специалисты в области статистики фиксируют наличие положительной динамики данного показателя из года в год. Все изложенное подтверждает необходимость проявления особого внимания со стороны общественности и компетентных экспертов к проблемам обеспечения надлежащего уровня безопасности личных данных лиц, использующих современные технологии, а также охраны частной жизни.

Целью мошенничества, реализуемого с использованием электронных источников социальной инженерии, в большинстве случаев становится незаконное получение права на распоряжение денежными средствами физических и юридических лиц, а также доступа к каким-либо личным данным. Более того, социальные сети стали распространителями терроризма, экстремизма, ненависти на почве национальности, религии и т. д. [10].

К сожалению, традиционные методы правоохранительной деятельности не успевают за технологическим развитием криминальных схем, поэтому уровень раскрываемости цифровых преступлений невысок — в 2024 г. он составил лишь 23 % и продолжает снижаться [3]. Осознавая остроту проблемы, государство только за последний год приняло ряд масштабных мер, призванных переломить ситуацию. В конце прошлого года распоряжением правительства РФ № 4154-р от 30 декабря 2024 г. утверждена Концепция государственной системы противодействия киберпреступлениям [5].

Она закладывает основу для создания специализированной цифровой платформы по оперативному обмену информацией между правоохранительными органами, Банком России, кредитными организациями и операторами связи. С начала текущего года принят пакет федеральных законов, направленных на защиту прав граждан и противодействие незаконным действиям в цифровой среде. Так, Закон № 9-ФЗ от 13 февраля 2025 г. [6] вводит «период охлаждения» (от четырех до 48 час.) для потребительских кредитов. Он призван удержать граждан от скоропалительных решений, принятых под психологическим влиянием злоумышленников. Банки же закон обязывает сверяться с базой данных о мошеннических операциях, а также освобождает жертв от обязательств по кредиту, если финансовое учреждение не приняло всех необходимых мер для проверки добровольности получения займа.

Закон № 41-ФЗ от 1 апреля 2025 г. [7] направлен на создание государственной информационной системы (ГИС) для межведомственного взаимодействия. Он содержит важные практические нормы: запрет госорганам и банкам использовать иностранные мессенджеры, верификацию продавцов на маркетплейсах, маркировку звонков от юридических лиц, ограничение на передачу SIM-карт, а также распространяет антифрод-мероприятия на операции через банкоматы.

Закон № 176-ФЗ, принятый 24 июня 2025 г. [8] усиливает ответственность по ст. 187 УК РФ («Незаконные действия с платежными картами»). При этом введены новые составы преступлений, связанные с передачей и использованием электронных средств платежа (ЭСП) в корыстных целях, для борьбы с дропами — лицами, предоставляющими свои карты для обналичивания денег.

Закон № 278-ФЗ от 31 июля 2025 г. [9] дает следователям и дознавателям право внесудебного приостановления операций по счетам на срок до 10 суток, если есть подозрение, что переводимые средства связаны с преступлением. Это важная мера для быстрой блокировки и сохранения похищенных денег до вынесения судебного решения.

Тем не менее, по-прежнему существуют следующие риски системного характера, оказывающие свое воздействие на практику предупреждения преступности и имеющие отношение к сфере цифровизации.

1. Легкость совершения преступлений. Нет необходимости обладания специальными познаниями для осуществления таких действий, как шантаж или хищение информации. В большинстве случаев для

реализации данных целей преступнику достаточно кликнуть компьютерной мышкой несколько раз.

2. Легкость сокрытия следов преступлений. Цифровые преступления практически невидимы, у большинства населения и даже у правоохранителей нет эффективного способа для обнаружения преступников.

3. Отсутствие корпоративного (профессионального) осуждения. Резко негативные отклики со стороны профессиональных кругов и интернет сообществ поступают исключительно в отношении вопиющих случаев пренебрежения нормами морали и закона (к примеру, порнографические ролики с участием малолетних).

Принятые в 2024–2025 гг. законы и другие нормативные акты — значительный шаг вперед в построении системы противодействия кибермошенничеству. Они носят комплексный характер: затрагивают профилактические и технические аспекты, ужесточают ответственность. Однако, для полноценной защиты прав граждан необходимо принятие дополнительных мер: а) опережающее правовое регулирование; б) усиление международного сотрудничества в области экстрадиции и правовой помощи по киберпреступлениям, невзирая на политическую обстановку; в) создание учебных программ для подготовки киберследователей, оснащение правоохранительных органов современными инструментами цифровой криминалистики и аналитики; г) внедрение упрощенных процедур взыскания ущерба с банков и виновных лиц в пользу потерпевших, формирование единообразной судебной практики по вопросам признания недействительными кредитных договоров, заключенных обманным путем; д) масштабная образовательная и просветительская кампания, проводимая на постоянной основе и с охватом всех групп населения.

Только такой многоуровневый подход, сочетающий жесткое законодательство с техническими возможностями, международную кооперацию и просвещение граждан, сможет обеспечить должную защиту прав человека в цифровой среде.

Что касается уголовно-правового обеспечения защиты социальных прав, то система предупреждения преступности в самых разнообразных областях, будь то семья и несовершеннолетние, здравоохранение, социальное обеспечение или трудовые взаимоотношения, совершенствуется благодаря цифровизации. Возможности, предоставляемые современными технологиями, позволяют существенно увеличивать эффективность профилактических мер, выявлять потенциальные риски и своевременно откликаться на возникающие угрозы.

Одной из принимаемых в данной связи мер, может стать создание единой системы социальной поддержки, где отдельные услуги будут предоставляться автоматически. Таким образом, возникнет возможность получения от других платформ сведений относительно изменений в жизненных условиях человека, а также обеспечения согласованности деятельности по предоставлению мер поддержки на региональном и федеральном уровнях. Также для полноценной защиты прав граждан необходимо принятие дополнительных мер, среди которых: опережающее правовое регулирование, усиление международного сотрудничества в области экстрадиции и правовой помощи по киберпреступлениям, создание учебных программ для подготовки киберследователей, оснащение правоохранительных органов современными инструментами цифровой криминалистики и аналитики.

В рамках системы опережающего правового регулирования необходимо на постоянной основе осуществлять контроль над технологическими трендами оперативно вносить изменения в нормы законодательства таким образом, чтобы сохранялось определенное соответствие актуальным угрозам. Необходимо разрабатывать законы, которые не только криминализируют новые виды киберпреступлений, но и определяют ответственность поставщиков услуг, платформ и разработчиков программного обеспечения за соблюдение безопасности своих продуктов. Параллельно с этим, также необходимо соблюдать правила защиты личных данных.

В целях выявления преступников в сети интернет, крайне важно создать эффективные инструменты, посредством которых, сотрудники правопорядка, смогут вести активное противостояние подобной преступной деятельности. Также важно внедрять самое современное ПО, которое позволит посредством разнообразного функционала, реализовывать профилактику киберпреступности, оперативно реагировать на любые риски безопасности пользователей.

Итак, представленные рассуждения позволяют сформулировать ряд конкретных предложений по совершенствованию механизмов защиты социальных прав в условиях цифровой трансформации.

1. На основании совершенствования системы уголовно-правовой защиты социальных прав, можно предложить ее дополнение новым структурным элементом в Уголовном кодексе — «Кибернетической (цифровой) составляющей». Данный блок должен аккумулировать нормы, направленные против злоупотреблений в сфере использования цифровых технологий, что позволит системно противостоять таким угрозам, как алгоритмическая дискриминация, манипулятивное воздействие на граждан с использованием цифровых технологий, мошенничество в новой (цифровой) форме.

2. Для применения цифровых технологий по защите социальных прав, можно предложить следующее:

- внедрение на государственном уровне проактивных систем мониторинга, основанных на анализе больших данных, для ключевых социальных сфер;

- закрепление на законодательном уровне обязанности контролирующих органов использовать технологии Big Data и Predictive Analytics для проведения риск-ориентированного надзора за соблюдением трудового, экологического и социального законодательства;
- создание государственной платформы для анализа спутниковых данных и данных IoT-датчиков в целях обеспечения права на благоприятную окружающую среду, с предоставлением доступа к ней правоохранительных и надзорных органов.

3. Принимая во внимание новые угрозы социальным правам, связанным с ИИ и Big Data, можно предложить следующее:

- разработать и принять отраслевые этические кодексы и стандарты по использованию алгоритмов ИИ в социальной сфере;
- установить законодательную обязанность для государственных и частных организаций, использующих алгоритмы ИИ для принятия решений, затрагивающих социальные права граждан.

4. В качестве вариантов совершенствования УК РФ можно предложить:

4.1. Введение новых статей:

- 159.1 «Мошенничество с использованием искусственного интеллекта и иных передовых цифровых технологий» (для специфических способов обмана, не полностью охватываемых текущей редакцией ст. 159 УК РФ);
- 136.1 «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, совершенное с использованием алгоритмических систем» (для целевого противодействия алгоритмической дискриминации).

4.2. Дополнение примечаний к статьям:

- 159 УК РФ «Мошенничество» добавить примечание, разъясняющее, что «Под обманом в настоящей статье понимается также умышленное введение в заблуждение с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая применение технологий искусственного интеллекта для имитации голоса, изображения или создания иных ложных цифровых представлений, направленных на выдачу себя за представителя власти, банка или иной организации»;
- 140 УК РФ «Отказ в предоставлении гражданину информации» добавить положение о том, что «Отказ, произведенный алгоритмической системой на основании дискриминационных признаков (пол, раса, возраст, место жительства, доход и т. д.), приравнивается к отказу, совершенному должностным лицом».

Реализация предложенных мер позволит заложить основы для опережающего правового регулирования, обеспечивающего эффективную защиту социальных прав граждан.

Список источников

1. Вахрамеева Л. Н. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты абсолютных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2021.
2. Игнатова Т. В. и др. Инновационные технологии в государственном управлении: цифровизация процессов и их эффективность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 23–29.
3. Как защитить права человека в цифровой среде? // URL: https://rg.ru/2025/10/30/reg-urfo
4. Николаев В. А. Защита прав и свобод человека конституциями, уставами субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск. 2023.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411152413
6. Федеральный закон от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41138
7. Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51783
8. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: https://rg.ru/documents/2025/06/27/fz176-dok.html?ysclid=miiyr5lynd37028777
9. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52260
10. Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д. Трансформация преступности в XXI веке: особенности предупреждения и противодействия // Вестник Казанского юридического

института МВД России. 2021. Т. 12. № 2 (44). С. 227–235.
11. Ходусов А. А. Цифровизация в криминалистике : современные вызовы // Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2024. С. 297–302.

References

1. Vakhrameeva L. N. The constitutional and legal mechanism of protection and protection of the absolute rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation : abstract of the dissertation of the cand. legal sciences. M., 2021.
2. Ignatova T. V. et al. Innovative technologies in public administration: digitalization of processes and their effectiveness // State and Municipal Administration. Scientific notes. 2024. № 3. P. 23–29.
3. How to protect human rights in the digital environment? // URL: https://rg.ru/2025/10/30/reg-urfo
4. Nikolaev V. A. Protection of human rights and freedoms by constitutions, charters of subjects of the Russian Federation : abstract of the dissertation of the cand. legal sciences. Chelyabinsk, 2023.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2024 № 4154-r «On approval of the Concept of the state system for countering unlawful acts committed using information and communication technologies» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411152413
6. Federal Law № 9-FZ of February 13, 2025 «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41138
7. Federal Law № 41-FZ of April 01, 2025 «On the creation of a state information system for countering offenses committed using information and communication technologies and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51783
8. Federal Law № 176-FZ of June 24, 2025 «On amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation» // URL: https://rg.ru/documents/2025/06/27/fz176-dok.html?ysclid=miiyr5lynd37028777
9. Federal Law № 278-FZ of July 31, 2025 «On amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52260
10. Shalagin A. E., Idiyatullov A. D. Transformation of crime in the 21st century: features of prevention and counteraction // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. Vol. 12. № 2 (44). P. 227-235.
11. Khodusov A. A. Digitalization in criminalistics : modern challenges // Information technologies in the activities of law enforcement agencies. Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference. 2024. P. 297–302.

Информация об авторе

А. А. Ходусов — заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Khodusov — Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the International Law Institute, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.
The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 342.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-205-208
EDN: https://elibrary.ru/yozifh
NIION: 2003-0059-6/25-433
MOSURED: 77/27-004-2025-06-632

Административная ответственность за распространение среди детей информационной продукции, причиняющей вред их здоровью, и ограничение доступа к данной информации

Артем Владимирович Цветков
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, artem.tsvetkov.2014@bk.ru

Аннотация. Исследуется административная ответственность за распространение среди детей информационной продукции, причиняющей вред их здоровью и развитию, а также административно-юрисдикционному механизму ограничения доступа к такой информации. Рассматривается комплексный характер правового регулирования, сосредоточенного в нормах КоАП РФ, в частности, системную роль ст. 6.17 как общей нормы и ее соотношение со специальными составами, а также рассматривает судебную процедуру признания информации, запрещенной и ее включения в Единый реестр, подчеркивая превентивный и обеспечительный характер данного механизма защиты несовершеннолетних от деструктивного информационного воздействия.

Ключевые слова: административная ответственность, защита детей, информационная безопасность, запрещенная информация, КоАП РФ, здоровье несовершеннолетних

Для цитирования: Цветков А. В. Административная ответственность за распространение среди детей информационной продукции, причиняющей вред их здоровью, и ограничение доступа к данной информации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 205–208. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-205-208. EDN: YOZIFH.

Original article

Administrative liability for the distribution of information products to children that cause harm to their health and restriction of access to this information

Artem V. Tsvetkov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, artem.tsvetkov.2014@bk.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of administrative liability for the distribution of information products among children that are harmful to their health and development, as well as the administrative-jurisdictional mechanism for restricting access to such information. It examines the comprehensive nature of the legal regulation embodied in the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, in particular the systemic role of Art. 6.17 as a general rule and its relationship to specific offenses; as well as the judicial procedure for recognizing information as prohibited and including it in the Unified Register, emphasizing the preventive and protective nature of this mechanism for protecting minors from destructive informational influences.

Keywords: administrative liability, child protection, information security, prohibited information, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, health of minors

For citation: Tsvetkov A. V. Administrative liability for the distribution of information products to children that cause harm to their health and restriction of access to this information. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):205–208. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-205-208. EDN: YOZIFH.

© Цветков А. В., 2025

С точки зрения юридической догматики и структурного анализа административно-деликтного законодательства, сфера охраны здоровья населения не характеризуется своей ярко выраженной нормативной централизацией [4]. Несмотря на то, что ключевым элементом данной системы выступает глава 6 КоАП РФ, которая аккумулирует в себе основные составы, охраняющие общественные отношения от угроз здоровью населения, в законодательстве об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации так же имеются нормы, закрепляющие составы административных правонарушений, посягающие на здоровье населения.

К таким составам административных правонарушений можно отнести, например, нарушение порядка льготного обеспечения лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения (ст. 20.10 КоАП г. Москвы); вовлечение несовершеннолетних в процесс употребления сжиженных углеводородных газов путем вдыхания (ст. 20.10.1 КоАП г. Москвы); нарушение запрета склонения к искусственному прерыванию беременности (ст. 22.5 Закона Брянской области об административных правонарушениях) и др.

Функционально указанный нормативный массив служит основным правоохранительным инструментом, обеспечивающим реализацию императивов санитарного и медицинского законодательства. При том что отдельные составы, имеющие опосредованное отношение к охране здоровья, могут быть локализованы в иных главах КоАП РФ и иных главах законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

В данном контексте особый интерес для исследования представляет группа административных правонарушений, обеспечивающих защиту здоровья несовершеннолетних от негативного информационного воздействия [3] и административно-юрисдикционный механизм ограничения доступа к запрещенной информации, причиняющей вред здоровью и развитию несовершеннолетних. Нормы, опосредующие данное направление охранительной деятельности, демонстрируют комплексный межотраслевой характер, будучи рассредоточенными между гл. 6 и 13 КоАП РФ, посвященной правонарушениям в области связи и информации.

Позволим себе отметить, что подобная дисперсия нормативного материала не свидетельствует о его разрозненности (отсутствия системности [2]); напротив, она отражает сложную природу объекта правовой защиты, каковым выступает не только соматическое, но и психическое здоровье ребенка, формирующееся в условиях современной информационной среды.

Административно-правовые запреты в данной области направлены на борьбу с распространением информации, причиняющей вред здоровью и развитию несовершеннолетних, а также на обеспечение правового режима оборота информационной продукции.

Основу административно-правового регулирования защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью составляет Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ. Упомянутый федеральный закон формирует концептуальные основы и правовые механизмы охраны несовершеннолетних от деструктивного информационного влияния, имплементируя систему мер, сочетающих регулятивные начала, превентивные процедуры и правозапретительные установления.

Ключевым элементом данной конструкции выступает легальная классификация информационной продукции, представляющей потенциальную угрозу для психического и духовно-нравственного развития личности ребенка, которая структурно диверсифицирована на два базовых вида: информация, распространение которой среди несовершеннолетних запрещено в принципе, и информация, доступ к которой ограничивается в зависимости от достижения ребенком определенной возрастной категории.

Конструкция ст. 6.17 КоАП РФ характеризуется сложным системно-структурным построением, при котором ее диспозиция выполняет функцию нормативного ядра для целого массива смежных составов административных правонарушений. Законодатель, осознавая потенциальные коллизии и трудности квалификации в правоприменительной деятельности, инкорпорировал в диспозицию нормы отсылки к иным составам правонарушений, вытекающим из нарушения требований законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Анализ научной литературы показывает, что некоторые предложения, например, о включении ч. 3 ст. 6.13 КоАП РФ в перечень специальных норм, на которые ссылается ст. 6.17 того же Кодекса, представляются методологически ошибочным и порождающим системную коллизию [1].

Ст. 6.17 КоАП РФ выполняет функцию общей нормы, обеспечивающей соблюдение всего комплекса законодательства о защите детей от информации, и ее отсылочный механизм предназначен для поглощения (конкуренции общей и специальной нормы) тех составов, которые непосредственно не урегулированы иными специальными статьями КоАП РФ.

Норма же ст. 6.13 КоАП РФ, особенно в предлагаемой автором редакции с четко определенным специальным субъектом воздействия, является специальной нормой по отношению к общей — ст. 6.17 КоАП РФ. Их искусственное совмещение в одном отсылочном перечне приведет к нарушению правил квалификации при конкуренции норм, создаст неопределенность в правоприменении и дублирование ответственности за одно и то же деяние, что противо-

речит базовым принципам юридической техники. Таким образом, по нашему мнению, предлагаемая ч. 3 ст. 6.13 КоАП РФ должна существовать как автономный специальный состав, не включенный в диспозицию ст. 6.17 КоАП РФ.

Вместе с тем, следует поддержать тезис о наличии законодательного пробела, так как действующая редакция ст. 6.13 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за пропаганду наркотических средств, не содержит квалифицирующего признака, учитывающего повышенную общественную опасность данного деяния при его совершении в отношении несовершеннолетнего.

Подобная законодательная дефиниция игнорирует уязвимость данной возрастной группы и целенаправленный характер воздействия на нее, что противоречит принципу дифференциации юридической ответственности и требует имплементации в диспозицию нормы специального квалифицирующего состава.

Анализ судебной практики показывает, что в ходе проведения мониторинга сети «Интернет» выявляется информация, которая может причинить вред здоровью и (или) развитию детей (например, создающая образ проституции как социально приемлемого и обыденного явления)[1].

Указанная информация должна находиться в свободном доступе, не требовать регистрации для ознакомления и не содержать специальные средства защиты, ограждающие несовершеннолетних от ее восприятия, что будет нарушать требования федерального законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и нравственному развитию.

Механизм привлечения к ответственности инициируется подачей административного искового заявления с требованием признать распространяемую информацию запрещенной на территории Российской Федерации. Суд, руководствуясь положениями ч. 7 ст. 150 КАС РФ, рассматривает дело по существу.

В процессе судебного разбирательства исследуются представленные материалы, в результате чего суд устанавливает состав правонарушения, выразившегося в нарушении ст. 4 и 14 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и ст. 2, 22 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также наличие оснований для административной ответственности, предусмотренной ст. 6.17 КоАП РФ.

В качестве основной меры реагирования суд, как правило, выносит постановление о признании информации запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, что влечет за собой ее включение Роскомнадзором в Единый реестр доменных имен и указателей страниц сайтов, содержащих запрещенную информацию.

Механизм защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью предполагает: выявление правонарушения посредством мониторинга сети «Интернет», последующее обращение в суд в защиту неопределенного круга лиц с административным исковым заявлением особого производства и принятие судом решения в виде принудительного включения информации в Единый реестр запрещенной информации, что направлено на пресечение противоправной деятельности и минимизацию ее негативных последствий для несовершеннолетних.

В целом отметим, что действующий административно-юрисдикционный механизм ограничения доступа к запрещенной информации, причиняющей вред здоровью и развитию несовершеннолетних основан на внесении интернет-ресурсов в Единый реестр доменных имен и указателей страниц сайтов, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, функционирующий в рамках автоматизированной информационной системы.

Установив на основании заключения уполномоченного контрольно-надзорного органа — Роскомнадзора факт общедоступности противоправного контента, суд реализует свою юрисдикционную функцию, применяя меру процессуального принуждения в виде принудительного включения идентифицированных сетевых адресов (URL) в указанный Реестр.

Данная мера носит превентивный и обеспечительный характер, поскольку ее правовым последствием является не наказание виновного лица (которое на данном этапе может быть и не установлено), а прекращение противоправного информационного воздействия на неопределенный круг лиц, в первую очередь — на детей, путем блокировки распространения вредоносной информации на территории Российской Федерации.

Таким образом, описанная процедура представляет собой специализированный инструмент внесудебного (в рамках административной юрисдикции) и оперативного устранения информационных угроз, где суд выполняет санкционирующую роль, легитимируя внесение данных в Реестр на основе оценки доказательств, представленных профильным регулятором. Вместе с мерами административной ответственности, предусмотренными ст. 6.17 КоАП РФ данный механизм обеспечивает защиту детей от негативного информационного воздействия.

Список источников

1. Ливикина Н. В. Об особенностях структуры правовых норм, устанавливающих ответственность за нарушение законодательства

[1] Решение № 2А-191/2025 2А-191/2025~М-84/2025 М-84/2025 от 16 февраля 2025 г. по делу № 2А-191/2025; Решение № 2А-4558/2021 2А-4558/2021~М-4481/2021 М-4481/2021 от 26 июля 2021 г. по делу № 2А-4558/2021 и др.

российской федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и нравственному развитию // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 1 (32). С. 149–154.
2. Малахов С. А. Системные связи норм законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2025.
3. Обеспечение безопасности несовершеннолетних в информационном пространстве : учебное пособие / Е. О. Бондарь, Ю. Н. Сосновская [и др.]. М. : ООО «Издательство «Юнити-Дана», 2025.
4. Цветков А. В. Административно-правовые меры по защите здоровья населения // Актуальные вопросы применения норм административного права (Кореневские чтения): Сборник научных трудов IX международ. науч.-практич. конферен. М., 14 февраля 2025 года. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. С. 549–552.

References

1. Livikina N. V. On the specifics of the structure of legal norms that establish responsibility for violations of the legislation of the Russian Federation on the protection of children from information harmful to their health and moral development // Bulletin of the All-Russian State University. Series: Law. 2018. № 1 (32). P. 149–154.
2. Malakhov S. A. System connections of the norms of legislation on administrative offenses of the Russian Federation. M. : Limited Liability Company «Scientific Publishing Center INFRA-M», 2025.
3. Ensuring the safety of minors in the information space : textbook / E. O. Bondar, Yu. N. Sosnovskaya [et al.]. M. : Unity-Dana Publishing House, 2025.
4. Tsvetkov A.V. Administrative and legal measures to protect public health // Topical issues of the application of administrative law norms (Korenev readings): Collection of scientific papers of the IX International scientific and practical conference. Moscow, February 14, 2025. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2025. P. 549–552.

Информация об авторе

А. В. Цветков — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Tsvetkov — Associate Professor at the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 27.11.2025.
The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 27.11.2025.

Научная статья
УДК 343.983.25
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-209-213
EDN: https://elibrary.ru/ysxwhg
NIION: 2003-0059-6/25-434
MOSURED: 77/27-003-2025-06-633

Система научно-методических материалов как гарантия обеспечения качества производства судебных экспертиз

Елена Владимировна Чеснокова[1,2]
[1] Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России, Москва, Россия, e.chesnokova@sudexpert.ru
[2] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрены научно-методические материалы ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России и некоторые процессы и процедуры, связанные с их разработкой и поддержанием в актуализированном состоянии. Особое внимание уделено судебно-экспертным методикам и взаимосвязи вида научно-методических материалов с этапом формирования нового рода или вида судебной экспертизы. Продемонстрирована форма реестра указанных материалов, используемого для их учета. Обоснована важность систематического аудита и отмечен широкий потенциал комплекса актуализированных научно-методических материалов, который во взаимосвязи с унифицированными процессами разработки, валидации и внедрения способствует повышению качества и обеспечению достоверности получаемых результатов при производстве судебных экспертиз.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, система научно-методических материалов, судебно-экспертная методика, обеспечение качества производства судебных экспертиз

Для цитирования: Чеснокова Е. В. Система научно-методических материалов как гарантия обеспечения качества производства судебных экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 209–213. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-209-213. EDN: YSXWHG.

Original article

The system of scientific and methodological materials as a guarantee of quality assurance in the production of forensic examinations

Elena V. Chesnokova[1,2]
[1] Russian Federal Center for Forensic Expertise named after Professor A.R. Shlyakhov of the Ministry of Justice of Russia, Moscow, Russia, e.chesnokova@sudexpert.ru
[2] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

Abstract. The scientific and methodological materials of the Federal State Budgetary Institution of the Russian Federation named after Professor A.R. Shlyakhov at the Ministry of Justice of the Russian Federation and some processes and procedures related to their development and maintenance in an updated state are considered. Special attention is paid to forensic methods and the relationship of the type of scientific and methodological materials with the stage of formation of a new kind or type of forensic examination. The form of the register of the specified materials used for their accounting is demonstrated. The importance of systematic auditing is substantiated and the wide potential of a set of updated scientific and methodological materials is noted, which, in conjunction with unified development, validation and implementation processes, contributes to improving the quality and reliability of the results obtained during the production of forensic examinations.

Keywords: forensic expertise, the system of scientific and methodological materials, forensic methods, quality assurance of forensic examinations

For citation: Chesnokova E. V. The system of scientific and methodological materials as a guarantee of quality assurance in the production of forensic examinations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):209–213. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-209-213. DN: YSXWHG.

© Чеснокова Е. В., 2025

Введение

Качество производства судебных экспертиз в любом судебно-экспертном учреждении обеспечивается тем лучше, чем более выстроенной и сбалансированной является система научно-методического обеспечения, ее инфраструктура и процессы.

Главной целью развития научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности (далее — НМО) является комплексное использование возможностей прогрессивных технологий науки и техники для повышения эффективности судебно-экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, рассмотрения судебных дел, а также расширения спектра специальных знаний для выявления и оценки криминалистически значимой информации, оптимизации работы с доказательствами при рассмотрении судебных дел во всех видах судопроизводства.

Как указывается в Концепции развития Российского федерального центра судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России (далее — РФЦСЭ) по научно-методическому обеспечению, «для достижения главной цели НМО необходимо решение комплекса задач, одной из ключевых в котором является существенное расширение возможностей научно-методического сопровождения судебно-экспертного производства посредством применения комплексных и системных подходов к созданию и внедрению методических материалов и экспертных технологий нового поколения, интенсивного насыщения комплексами методических материалов по широкому перечню выполняемых родов и видов судебной экспертизы»[1].

Так, одним из основных направлений развития НМО РФЦСЭ можно определить создание системы НМО как единого комплекса научно-методических материалов (далее — НММ), их разработки, валидации, внедрения в экспертную практику РФЦСЭ и СЭУ Минюста, а также проведения периодического аудита, актуализации и учета на протяжении всего жизненного цикла НММ[2]. Это необходимо для получения достоверных, объективных, научно-обоснованных результатов экспертиз и экспертных исследований.

Система научно-методических материалов

Определим содержание НММ по производству судебной экспертизы. Это комплекс методических документов различного вида и уровня: учебник, методическое пособие, методическое письмо, методические рекомендации, общая (видовая) судебно-экспертная методика, стандартная судебно-экспертная методика, научная статья, монография, содержащие описание экспертных задач и научно обоснованные алгоритмы их решения [3].

В РФЦСЭ за годы славной истории создано более тысячи единиц НМwМ, среди которых методики, методические рекомендации, методические пособия, методические письма и иные материалы, например, научные статьи, программы дополнительной профессиональной переподготовки, курсы лекций и др.

Генезис и последовательность (хронология) формирования видов научно-методических материалов соотносится с текущими этапами становления рода (вида) конкретной экспертизы, объемом накопленных и систематизированных теоретических и практических вопросов и решаемых экспертных задач (таблица 1).

В качестве базового элемента системы НММ для исследования объектов экспертного исследования разрабатывается *судебно-экспертная методика* — система категорических или альтернативных научно обоснованных предписаний по выбору и применению в определенной последовательности и в определенных существующих или создаваемых условиях методов, приемов и средств (приспособлений, приборов и аппаратуры) для решения экспертной задачи [1].

Для непосредственного производства судебных экспертиз *общая (видовая)*, *типовая и стандартная судебно-экспертная методика* играют роль основных НММ. Их положения базируются на теоретико-методологических и практических основах, опубликованных в учебниках, методических пособиях, методических письмах, методических рекомендациях, рецензированных научных статьях. *Общая (видовая) методика* представляет собой базовую совокупность методов и средств производства экспертиз данного вида. Содержит описание стадий процесса экспертного исследования в целом с учетом специфики содержания этих стадий, обусловленной особенностями предмета и объектов данной экспертизы.

Типовая судебно-экспертная методика — выражение обобщенного опыта решения типовых экспертных задач. В определенных случаях эта методика может применяться экспертом без какой-либо адаптации, изменения. Результатом приспособления, модификации типовой *судебно-экспертной методики* к решению конкретной экспертной задачи, либо результатом научно-обоснованного творческого подхода эксперта к решению нетривиальной экспертной задачи может стать конкретная, или частная, экспертная методика, направленная на решение определенной нетипичной экспертной задачи. Кроме того, для РФЦСЭ как аккредитованной судебно-экспертной организации характерно создание *стандартной судебно-экспертной методики*. Это процедура выполнения количественного определения и/или тестирования контролируемого показателя исследуемого объекта для решения экспертной задачи, прошедшая оценку на пригодность и оформленная в соответствии с установленными требованиями.

---

[1] Концепция развития РФЦСЭ до 2030 г. в части научно-методического обеспечения была представлена и одобрена на совещании по проблемам судебно-экспертной деятельности с участием Министра юстиции К. А. Чуйченко в апреле 2025 г.

[2] Жизненный цикл НММ — период, в течение которого происходит разработка, документирование и утверждение научно-методических работ.

Таблица 1

Последовательность формирования видов НММ

Этапы формирования (становления) рода (вида) судебной экспертизы	Вид НММ
I этап (начальный) — анализ и систематизация потребностей судопроизводства в использовании определенной области специальных знаний	рецензированная научная статья
II этап — разработка основ частной теории определенного рода (вида) судебной экспертизы, формирование базовых профессиональных компетенций	рецензированная научная статья, монография методическое письмо
III этап — этап первичной экспертной практики, сбор, анализ и систематизация экспертной практики применительно к простым экспертным задачам и экспертным ситуациям, выработка начальных научно-методических подходов, разработка алгоритмов решения простых экспертных задач	рецензированная научная статья, монография, методическое письмо, методические рекомендации
IV этап — развитие научно-практических и научно-методических основ определенного рода (вида) судебной экспертизы, начало ее системного производства	типовая экспертная методика, общие (видовые) экспертные методики, методические рекомендации, методическое пособие (общая часть)
V этап — совершенствование НМО и судебно-экспертного производства, систематизация и анализ сложных экспертных задач и экспертных ситуаций	типовые экспертные методики, общие (видовые) экспертные методики, методические рекомендации, методическое пособие (особенная часть)
VI этап — внедрение технологии менеджмента и подготовки лаборатории к аккредитации	стандартная судебно-экспертная методика
VII этап — создание комплекса дидактических и научно-методических основ производства экспертиз определенного рода	учебник, методическое пособие, методические рекомендации, иные методические материалы

Процессы системы НМО

Говоря о НММ как одном из элементов единой системы НМО, невозможно обойти вниманием и второй ее элемент — совокупность процессов создания и обеспечения ее функционирования. Это взаимосвязанные виды деятельности, включающие в себя:

- разработку (планирование, координацию научно-методических работ (НМР), научное руководство темами НМР и контроль выполнения НМР);
- валидацию (оценку пригодности) научно-методических материалов [2];
- внедрение новых научно-методических материалов.

Процессы системы НММ основываются на жизненном цикле подготовки НММ, продолжительность которого составляет, как правило, пять лет.

Ответственным за поддержание актуального состояния научно-методических материалов является научно-методическая секция научно-методического совета (далее — НМС). В рамках осуществляемой деятельности она проводит аудит научно-методических материалов на системной основе.

До истечения пятилетнего срока научно-методическая секция должна выявить подлежащие пересмотру научно-методические материалы и провести их актуализацию. Указанная информация в виде решения секций, задокументированная в протоколе, передается в НМС РФЦСЭ, который рассматривает решение секции и согласовывает его. Так, решение НМС является основанием для включения работы над конкретным научно-методическим материалом в План основных научно-методических работ в области судебной экспертизы и дальнейшей его разработки.

Аудит НММ — официальная проверка и подтверждение актуальности и пригодности научно-методического обеспечения, т. е. всех видов НММ, применяемых в экспертном производстве СЭУ Минюста России. И прежде всего, проверка направлена на выявление неактуальных методик. Экспертные методики являются неотъемлемой частью всего массива методических материалов по производству судебных экспертиз, которые разрабатываются и внедряются в соответствии с приказом Минюста России от 16 ноября 2022 г. № 282 «Об утверждении Положения о научно-методическом обеспечении судебно-экспертной деятельности в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации».

Проверка НММ проводится в соответствии с разработанным планом как в РФЦСЭ, так и в СЭУ Минюста России. Затем производится систематизация и обобщение полученных результатов для формулиро-

вания выводов о текущем состоянии НМО и определения путей его совершенствования.

Оценка актуальности НММ проводится с учетом следующих критериев:

- научный статус организации-разработчика;
- год издания;
- вид и научно-методический уровень содержания издания;
- текущие практическая востребованность и значимость;
- соответствие современным требованиям (законодательству, ведомственной нормативно-правовой базе);
- соответствие современному уровню инструментальной (приборной) базы;
- соответствие современному уровню специальных профессиональных компетенций;
- необходимость актуализации и период ее проведения.

В итоге, актуальность НММ подтверждается на основании решений соответствующих научно-методических секций РФЦСЭ.

Перечисленные выше действия позволяют получить точную и полную информацию, а в итоге — достоверные результаты аудита.

Для учета НММ создан и ведется электронный реестр всех используемых в РФЦСЭ научно-методических материалов (далее — Реестр НММ), который обновляется в соответствии с отведенным периодом ЖЦ НММ (рис. 1. Форма Реестра НММ).

Род экспертизы								
Наименование экспертной специальности								
№ п/п	наименование	вид	авторы	разработчик	год издания	предложения по актуализации (переработке) НММ	предложения по разработке новых НММ	планируемый срок актуализации

Рис. 1. Реестр научно-методических материалов

Реестр НММ РФЦСЭ представляет собой информационную систему в виде систематизированного перечня, содержащего сведения о НММ, рекомендованных к внедрению в практическую деятельность СЭУ Минюста России и предназначенных для использования в экспертном производстве, научно-методической работе и образовательном процессе.

Заключение

Таким образом, продемонстрирован комплекс НММ РФЦСЭ, а также отмечена роль поддержания в актуальном его состоянии для использования в судебно-экспертной деятельности. Комплекс НММ во взаимосвязи с унифицированными процессами разработки, валидации и внедрения как система НМО обладает широким потенциалом. Она способствует повышению качества и обеспечению достоверности получаемых результатов, снижению сроков и увеличению показателей производства судебных экспертиз и экспертных исследований, оптимизации планирования НМР с целью совершенствования внедренных в систему СЭУ Минюста России судебно-экспертных направлений и становления новых родов и видов судебной экспертизы.

Список источников

1. Смирнова С. А., Омельянюк Г. Г., Микляева О. В. Методика экспертная. В сб.: Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы. М. : ЭКом Паблишерз, 2012. С. 183–185.
2. Усов А. И., Омельянюк Г. Г., Бебешко Г. И., Любецкая И. П., Афанасьев И. Б. Методологические особенности валидации судебно-экспертных методик // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 76–96.
3. Чеснокова Е. В. Методические материалы по производству судебной экспертизы : основные понятия, сходство и различие // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 4. С. 24–32.

References

1. Smirnova S. A., Omelianyuk G. G., Miklyaeva O. V. Expert methodology. In the collection: Encyclopedic dictionary of the theory of forensic examination. M. : ECom Publishers, 2012. P. 183–185.
2. Usov A. I., Omelianyuk G. G., Bebeshko G. I., Lyubetskaya I. P., Afanasyev I. B. Methodological features of validation of forensic methods // Theory and practice of forensic examination. 2023. Vol. 18. № 1. P. 76–96.
3. Chesnokova E. V. Methodological materials for the production of forensic examination : basic concepts, similarities and differences // Theory and practice of forensic examination. 2022. Vol. 17. № 4. P. 24–32.

Библиографический список

1. Смирнова С. А., Усов А. И., Омельянюк Г. Г., Бебешко Г. И., Король С. Г. Опыт аккредитации судебно-экспертных лабораторий Минюста России на соответствие ИСО/МЭК 17025 // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. № 2 (22). С. 40–56.
2. Омельянюк Г. Г., Чеснокова Е. В., Бишманов Б. М. Возможности использования руководства ILAC-G19:06/2022 «Модули в судебно-экспертном процессе» для совершенствования судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 3. С. 70–79.
3. Усов А. И., Омельянюк Г. Г., Бутырин А. Ю. и др. Основы судебной экспертологии : учеб.-метод. пособие. М. : Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России, 2023.

Bibliographic list

1. Smirnova S. A., Usov A. I., Omelianyuk G. G., Bebeshko G. I., Korol S. G. Experience of accreditation of forensic laboratories of the Ministry of Justice of Russia for compliance with ISO/IEC 17025 // Theory and practice of forensic examination. 2011. № 2 (22). P. 40–56.
2. Omelianyuk G. G., Chesnokova E. V., Bishmanov B. M. Possibilities of using the ILAC-G19:06/2022 manual «Modules in the forensic expert process» to improve forensic expertise // Theory and practice of forensic examination. 2022. Vol. 17. № 3. P. 70–79.
3. Usov A. I., Omelianyuk G. G., Butyrin A. Yu. and others. Fundamentals of forensic expertise : an educational and methodical manual. M. : Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of Russia, 2023.

Информация об авторе

Е. В. Чеснокова — начальник отдела научно-методического обеспечения и аспирантуры Российского федерального центра судебной экспертизы имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России, профессор кафедры судебно-экспертной деятельности Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор юридических наук.

Information about the author

E. V. Chesnokova — Head of the Department of Scientific and Methodological Support and Postgraduate Studies of the Russian Federal Center for Forensic Expertise named after Professor A.R. Shlyakhov of the Ministry of Justice of Russia, Professor of the Department of Forensic Expertise of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 343
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-214-219
EDN: https://elibrary.ru/ytuizy
NIION: 2003-0059-6/25-435
MOSURED: 77/27-003-2025-06-634

О некоторых особенностях возмещения денежных средств гражданам — участникам долевого строительства объектов недвижимости как условие освобождения от уголовной ответственности

Александр Александрович Чугунов[1], Евгения Сергеевна Юрченкова[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] aachugunow@list.ru
[2] qwerty110696@mail.ru

Аннотация. Исследуются правовые механизмы освобождения от уголовной ответственности застройщиков при возмещении ущерба участникам долевого строительства. Анализируются нормы уголовного законодательства, судебная практика, выявляются проблемные аспекты реализации данного правового механизма.

Актуальность темы исследования обусловлена высокой социальной значимостью вопросов защиты прав участников долевого строительства и необходимостью сбалансированного применения уголовноправовых механизмов в сфере жилищного строительства. Цель исследования — выработка предложений, направленных на совершенствование практики применения правовых оснований, предусмотренных в примечании 2 ст. 200.3 УК РФ. Указанное положение уголовного закона позволяет освободить лицо, незаконно получившее денежные средства от участников долевого строительства при выполнении соответствующих требований, обусловленных данным примечанием. Однако на данный момент отсутствуют конкретные разъяснения, касающиеся понимания правильности выполнения данных условий. С практической точки зрения разъяснение, что понимать под полным возмещением денежных средств и введением в эксплуатацию объектов недвижимости должно послужить облегчению надлежащего применения соответствующей нормы уголовного права.

Ключевые слова: долевое строительство, освобождение, уголовная ответственность, денежные средства, объект недвижимости, дольщики, возмещение, условие, участники, договор

Для цитирования: Чугунов А. А., Юрченкова Е. С. О некоторых особенностях возмещения денежных средств гражданам — участникам долевого строительства объектов недвижимости как условие освобождения от уголовной ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 214–219. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-214-219. EDN: YTUIZY.

Original article

On some features of the reimbursement of funds to citizens participating in the shared equity construction of real estate as a condition of exemption from criminal liability

Aleksandr A. Chugunov[1], Yevgenia S. Yurchenkova[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] aachugunow@list.ru
[2] qwerty110696@mail.ru

Abstract. The legal mechanisms of exemption from criminal liability of developers when compensating damage to participants in shared-equity construction are being investigated. The norms of criminal legislation and judicial practice are analyzed, and problematic aspects of the implementation of this legal mechanism are identified.

The relevance of the research topic is due to the high social significance of the issues of protecting the rights of participants in shared-equity construction and the need for a balanced application of criminal law mechanisms in the

© Чугунов А. А., Юрченкова Е. С., 2025

field of housing construction. The purpose of the study is to develop proposals aimed at improving the practice of applying the legal grounds provided for in Note 2 of Article 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. This provision of the criminal law makes it possible to release a person who has illegally received funds from participants in shared-equity construction upon meeting the relevant requirements stipulated in this note. However, at the moment there are no specific explanations regarding the understanding of the correctness of these conditions. From a practical point of view, clarifying what is meant by the full refund of funds and the commissioning of real estate should facilitate the proper application of the relevant criminal law rule.

Keywords: shared-equity construction, exemption, criminal liability, money, real estate, shareholders, compensation, condition, participants, contract

For citation: Chugunov A. A., Yurchenkova E. S. On some features of the reimbursement of funds to citizens participating in the shared equity construction of real estate as a condition of exemption from criminal liability. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):214–219. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-214-219. EDN: YTUIZY.

Институт долевого участия в строительстве в России сформировался в 1990х гг. — в период масштабных социальноэкономических преобразований после распада СССР. Его появление было обусловлено рядом объективных предпосылок:

- крах советской системы распределения жилья. В советское время жилье предоставлялось гражданам бесплатно через очереди и ведомственные программы. С переходом к рыночной экономике эта система перестала функционировать, а механизмы коммерческого жилищного строительства еще не были выстроены;
- острый дефицит жилья. Рост городского населения и отсутствие новых механизмов обеспечения жильем создали высокий неудовлетворенный спрос;
- финансовые ограничения. У застройщиков не было доступа к дешевым банковским кредитам, а государственное финансирование жилищного строительства резко сократилось;
- стремление граждан сохранить сбережения. В условиях высокой инфляции и девальвации рубля население искало способы вложения средств в материальные активы, в том числе в недвижимость.

В результате чего в начале 1990х застройщики начали привлекать средства граждан на этапе строительства, предлагая будущим собственникам оплачивать часть стоимости квартиры заранее. Это позволяло: снизить зависимость от банковских займов, ускорить начало строительных работ, сделать жилье доступнее за счет более низкой цены на стадии котлована. Однако на этом этапе отсутствовало четкое правовое регулирование, что порождало многочисленные риски: банкротство застройщиков, замораживание строительства, двойные и тройные продажи одних и тех же квартир, невозможность вернуть вложенные средства.

В настоящее время долевое строительство объектов недвижимости регулируется государством, является сложным, многоэтапным процессом, участниками которого выступают дольщики — лица, вложившие свои денежные средства путем оплаты договора долевого участия в строительство конкретного объекта недвижимости и застройщик — хозяйственное общество, к которому на основании законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости предъявляются определенные требования (наличие проектной документации и положительного заключения экспертизы проектной документации; отсутствие решения арбитражного суда о введении одной из процедур, применяемых в деле о банкротстве и др.), направленные на обеспечение прав граждан — получить обусловленный договором долевого участия в строительстве объект недвижимости, с аналогичной целью особые требования предъявляются и к органам управления застройщика — руководителю застройщика, главному бухгалтеру застройщика (лицо должно быть не судимы за совершения преступления в сфере экономической деятельности или преступления против государственной власти и др.) [11].

В условиях активного развития рынка долевого строительства особую актуальность приобретает защита прав участников долевого строительства. Законный порядок привлечения денежных ассигнований дольщиков можно рассмотреть следующим образом:

- застройщик организует свою деятельность — получает разрешение на строительство, оформляет права на земельный участок и разрабатывает проектную документацию и т. п., что дает ему правомочие получать денежные средства от дольщиков на основании договора долевого участия в строительстве;
- заключается договор участия в долевом строительстве (ДДУ) между застройщиком и участником;
- дольщик вносит денежные средства в соответствии с условиями договора на специализированный счет (счет эсроу);
- застройщик ведет строительство с соблюдением установленных сроков и требований;
- после ввода объекта в эксплуатацию дольщик

получает свой объект недвижимости, обусловленный договором по передаточному акту, после чего застройщик получает доступ к денежным средствам, расположенном на счету эсроу.

За нарушения при привлечении денежных средств граждан в сферу долевого строительства предусмотрена как административная (ст. 14.28 КоАП РФ), так и уголовная ответственность. Уголовной ответственности подлежит лицо, нарушившее требования законодательства Российской Федерации о долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и привлекшее денежные средства дольщиков на сумму свыше четырех миллионов пятисот тысяч рублей. Вместе с тем законодатель предусмотрел механизм освобождения от уголовной ответственности при соблюдении ряда условий, закрепленных в примечании к ст. 200.3 УК РФ.

Содержащуюся в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) ст. 200.3, О. Г. Соловьев, О. В. Соколова относят в связи с наличием в ней специального вида освобождения от уголовной ответственности к «стимулирующим нормам-новеллам» [6, с. 143]. Значимость примечания, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ, отмечает и И. М. Мацкевич [5, с. 18]. В примечании к данной статье указывается, что понимать под крупным и особо крупными размерами, а также отмечается право лица быть освобожденным от уголовной ответственности при выполнении определенных условий. Подобного рода нормы в юридической литературе именуют компромиссными. В современной юридической науке и правоприменительной практике компромисс все активнее изучается как эффективный инструмент урегулирования правовых конфликтов в разных отраслях права. Концепцию компромисса в уголовном праве впервые системно исследовал Х. Д. Аликперов. В его трактовке компромиссные нормы представляют собой особый вид правовых предписаний, которые открывают перед лицом, преступившим уголовный закон, несколько возможных сценариев правового разрешения ситуации:

- безусловное освобождение от уголовной ответственности;
- потенциальная возможность такого освобождения при выполнении определенных требований;
- смягчение наказания — уменьшение его объема или интенсивности [1, с. 65].

Критическим условием для задействования этих механизмов выступает конструктивное поведение субъекта уже после совершения преступления. Речь идет о действиях, направленных на заглаживание вреда, сотрудничество со следствием и демонстрацию раскаяния.

Взгляды Х. Д. Аликперова органично дополняются позицией А. П. Фильченко, который обосновывает ограниченность применения уголовноправового компромисса. По его мнению, подобные механизмы допустимы исключительно в тех случаях, когда традиционное развитие уголовноправовых отношений грозит привести к необратимым негативным последствиям [12, с. 252]. Иными словами, компромисс — это не привилегия, а вынужденная мера, призванная предотвратить еще больший ущерб правопорядку. С учетом чего использование компромиссных инструментов в уголовном праве оправдано лишь при наличии следующих обстоятельств:

- невозможность достижения целей, закрепленных в Уголовном кодексе РФ, посредством стандартных правовых механизмов;
- существенная затрудненность применения обычных процедур, сопряженная с высоким риском нежелательных последствий (например, утраты доказательств, уклонения от ответственности, вторичного виктимизации потерпевших).

Именно эти теоретические посылки послужили фундаментом для законодателя при формулировании специальных норм, включенных в примечания к отдельным статьям Уголовного кодекса РФ. Указанные предписания устанавливают четкие условия, при соблюдении которых лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности. Тем самым законодатель создает сбалансированный механизм, позволяющий, с одной стороны, сохранять принципиальность уголовного закона, а с другой — учитывать конкретные обстоятельства дела и достигать социально значимых результатов.

Законодателем не дается указаний сколько именно нарушений при привлечении денежных средств граждан в крупном размере образует состав преступления, предусмотренного ст. 200.3 УК РФ. Отсутствие легального толкования данного вопроса порождает дискуссию в научном обществе относительно понимания данной количественной характеристики.

Полагаем необходимым рассмотреть возможные нарушения соответствующего законодательства с целью определения условий, при выполнении которых лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности. Застройщик перед непосредственным привлечением денежных средств граждан должен выполнить ряд условий, установленных законодательством, и только после этого у него возникает право на получение денежных средств в счет оплаты договора долевого участия в строительстве [11]. В настоящее время за исключением определенных законом случаях полученные денежные средства от дольщиков должны размещаться на специализированных банковских счетах — счетах эскроу [3, с. 3]. Стоит обратить внимание, что выбор банка, в котором будут открываться все счета эскроу в рамках одного проекта строительства определяется непосредственно застройщиком, который может выбрать не любой банк, а лишь тот,

который включен Центральным банком Российской Федерации в список уполномоченных банков, допущенных к банковскому сопровождению застройщиков жилья. К примеру, по состоянию на 1 августа 2025 г. данный перечень включал в себя 67 банков, которые соответствуют условиям, установленным Правительством Российской Федерации и имеют право на открытие счетов эскроу для расчетов по договорам участия в долевом строительстве [7]. Считаем, что размещение денежных средств дольщиков в крупном размере в любом ином банке образует состав преступления, предусмотренный ст. 200.3 УК РФ, как и любое иное нарушение порядка привлечения денежных средств, регламентированного Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ.

Примечание к ст. 200.3 УК РФ представляет собой специальный вид освобождения от уголовной ответственности, характерный для экономических составов преступлений (отличительной особенностью является отсутствие указания на то, что лицо должно впервые совершить данное преступление). Его суть заключается в том, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, может быть освобождено от ответственности при выполнении одного из самостоятельных условий. Во втором примечании данной статьи указаны два самостоятельных условия освобождения лица от уголовной ответственности, при незаконном привлечении денежных средств дольщиков в крупном или особо крупном размере. Некоторые авторы считают данную возможность освобождения лица от уголовной ответственности важной с социальной точки зрения, поскольку участники долевого строительства инвестируют деньги в возведение объекта и крайне заинтересованы в возврате вложенных средств или получении права собственности на жилье согласно договору долевого участия [4].

Первым условием освобождения является возмещение привлеченных денежных средств в полном объеме. Анализ рассматриваемой нормы не позволяет установить, что является «полным объемом» и как он должен определяться. К примеру, не всегда в силу различных причин, все дольщики принимают участие в уголовном судопроизводстве (участвуют в расследовании уголовного дела), исходя из этого полагаем, что должен быть установлен «полный объем» денежных средств, полученных застройщиком от участников долевого строительства для строительства конкретного объекта недвижимости. Отражение правомерного применения примечания ст. 200.3 УК РФ мы находим в следующем судебном решении: гражданин Н. незаконно привлек денежные средства граждан с целью строительства в особо крупном размере, признан виновным по ч. 2 ст. 200.3 УК РФ, затем вернул все денежные средства дольщикам, подтвердив выполнение условий примечания к ст. 200.3 УК РФ «соглашениями о расторжении договоров, расписками о передаче наличных и чеками о безналичных переводах потерпевшим, которые подтвердили данный факт», и был судом освобожден от уголовной ответственности [10]. Полагаем, что факт возмещенных денежных средств должен подтверждаться документально обвиняемым лицом, а от потерпевшего должна быть получена расписка о получении полной суммы денежных средств, являющихся оплатой цены договора долевого участия в строительстве в полном объеме, а не об отсутствии материальных претензий — потерпевший может получить свои денежные средства обратно, но у него останутся материальные претензии к застройщику, обусловленные инфляционным фактором.

Несомненно, стоит отличать возмещение денежных средств дольщикам в рамках гражданского и уголовного судопроизводства. В обоих случаях происходит возвращение суммы денежных средств, определенной договором долевого участия в строительстве. В первом случае участник долевого строительства может обратиться в суд с иском к застройщику при нарушении последним условий договора долевого участия в строительстве. К примеру, на данный момент в 14 регионах России зафиксировано превышение сроков завершения строительства более чем на полгода — это касается 24 объектов недвижимости общей площадью 245 тыс. кв. м. Кроме того, в 8 регионах просрочена передача объектов долевого строительства свыше чем на 6 месяцев (31 объект общей площадью 136 тыс. кв. м.). В четырнадцати субъектах РФ строительство 24 объектов (общая площадь 245 тыс. кв. м.) затянулось более чем на шесть месяцев. Еще в восьми регионах наблюдается задержка передачи 31 объекта долевого строительства (общей площадью 136 кв. м.) [8]. В данном случае участник долевого строительства может пожелать расторжения договора долевого участия в строительстве, но это является правом, а не обязанностью застройщика и порядок возмещения денежных средств, а также размер неустоек определяется в судебном порядке.

Еще одним условием для освобождения от уголовной ответственности служит тот факт, что виновное лицо предприняло необходимые меры, благодаря которым многоквартирный дом или иной объект недвижимости были в установленном порядке введен в эксплуатацию. Ключевым фактором здесь выступает конечный итог предпринимаемых действий — успешное получение разрешения на введение построенного объекта в эксплуатацию, наличие только лишь принимаемых мер, направленных на завершение строительства, является недостаточным для освобождения от уголовной ответственности.

Данный аспект может стать предметом апелляционных жалоб. К примеру, гражданин И. был осужден по ч. 2 ст. 200.3 УК РФ. В своей апелляционной жалобе гражданин И. пояснил, что суд первой инстанции, по его мнению, необоснованно указал, что им не при-

нимались меры для введения в эксплуатацию многоквартирного жилого дома. Гражданин И. полагает, что суд обязан освободить его от уголовной ответственности на основании принятых им мер, а именно: деятельность по получению разрешения на ввод объекта в эксплуатацию, договаривался с подрядчиками о достройке объекта, которая была полностью реализована в соответствии с проектной документацией, инвесторам переданы объекты недвижимости, которые в настоящее время реализованы другим лицам. Суд апелляционной инстанции оставил без изменения решения суда первой инстанции, мотивирован свой вывод тем, что суду гражданин И. не предоставил документы о том, что именно он осуществлял работы по достройке объекта в эксплуатацию, а также акт приемки объекта капитального строительства [2]. Мы считаем, что доказательством исполнения условия для прекращения уголовного дела вследствие принятия необходимых мер, результатом которых стало введение в эксплуатацию многоквартирного дома или иного объекта недвижимости, служит выданное разрешение на ввод объекта в эксплуатацию, при условии, что указанные меры были реализованы непосредственно обвиняемым лицом. Стоит отметить, что лицо, незаконно привлекшее денежные средства дольщиков, в свою очередь может воспользоваться правом, обусловленным примечанием к ст. 200.3 УК РФ, как в рамках уголовного процесса, так и в суде. Освобождение от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 200.3 УК РФ осуществляется: на стадии предварительного расследования — следователем с согласия руководителя следственного органа (ст. 28 УПК РФ), в суде — судом при рассмотрении уголовного дела (ст. 28 УПК РФ). Процедура включает в себя: установление факта выполнения всех условий примечания; сбор подтверждающих документов (платежи, акты, заключения экспертов); вынесение постановления о прекращении уголовного дела.

Также не стоит оставлять без внимания тот факт, что долевое строительство в рамках одного проекта строительства осуществляется сразу в отношении нескольких многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости. К примеру, застройщик «ЛСР» реализует 19 корпусов в жилом комплексе «Зиларт» [9]. В связи с этим, считаем возможным, как возмещение денежных средств дольщикам одного дома, так и одновременное устранение препятствий для введения объекта недвижимости в эксплуатацию в другом доме. Выполнение этих условий одновременно соответствует примечанию 2 к ст. 200.3 УК РФ и позволят лицу быть освобожденным от уголовной ответственности.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что примечание к ст. 200.3 УК РФ выполняет несколько функций:

- восстановительную — обеспечивает компенсацию ущерба потерпевшим;
- превентивную — создает экономический стимул для добровольного исправления нарушений;
- гуманистическую — позволяет избежать судимости при добросовестном исправлении последствий. Примечание к ст. 200.3 УК РФ представляет собой эффективный инструмент балансировки карательной и восстановительной функций уголовного права. Его применение способствует:
  - защите прав участников долевого строительства;
  - снижению нагрузки на пенитенциарную систему;
  - стимулированию добровольного возмещения ущерба.

Таким образом, примечание к ст. 200.3 УК РФ является важным элементом правовой защиты рынка долевого строительства, требующим дальнейшего совершенствования в целях обеспечения баланса интересов государства, бизнеса и граждан.

Список источников

1. Аликперов Х. Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992.
2. Апелляционное постановление № 22-287/2024, вынесенное 20 марта 2024 г. Верховным Судом Кабардино-Балкарской Республики в составе судьи Чеченовой Ф. С. // URL: https://sudact.ru/
3. Емонакова Н. А. Особенности функционирования счета эскроу // Вектор экономики. 2019. № 8 (38). С. 1–9.
4. Князьков А. А., Щербак Е. Р. Освобождение от уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ : оценка законодательной конструкции и правоприменительные перспективы // Теология. Философия. Право. 2019. № 3 (11). С. 65–75.
5. Мацкевич И. М. Дополнительное уголовное законодательство России : правовые фантазии на заданную тему : 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации : итоги, проблемы, перспективы : мат. Всероссийской науч.-практ. конф. В 2 ч. (Рязань, 5–6 октября 2016 г.). Рязань : Издательство «Концепция», 2016. С. 17–22.
6. Соловьев О. Г., Соколова О. В. Стимулирующие нормы-новеллы в статьях о преступлениях в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 143–147.
7. URL: https://cbr.ru/search
8. URL: https://xn--80az8a.xn--d1aqf.xn--p1ai/?stdpg
9. URL: https://domclick.ru
10. Постановление о прекращении уголовного дела в связи с возвращением привлеченных денежных средств в полном объеме, вынесенное 15 августа 2021 г. суд Ямало-Ненецкого авто-

номного округа в составе председательствующего судьи Яковлева Д. В. // URL: https://sudact.ru
11. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Фильченко А. П. Компромисс как метод уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2. С. 251–258.

References

1. Alikperov H. D. Crime and compromise. Baku, 1992.
2. Appeal Resolution № 22-287/2024, issued on March 20, 2024 by the Supreme Court of the Kabardino-Balkarian Republic, composed of Judge Chechenova F. S. // URL: https://sudact.ru/
3. Emonakova N. A. Features of the functioning of the escrow account // Vector of Economics. 2019. № 8 (38). P. 1–9.
4. Knyazkov A. A., Shcherbak E. R. Exemption from criminal liability under art. 200.3 of the Criminal Code of the Russian Federation : assessment of legislative structure and law enforcement prospects // Theology. Philosophy. Right. 2019. № 3 (11). P. 65–75.
5. Matskevich I. M. Additional criminal legislation of Russia : legal fantasies on a given topic : 20 years of the Criminal Code of the Russian Federation : results, problems, prospects : proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 parts. (Ryazan, October 5–6, 2016). Ryazan : Publishing House «Kontseptsia», 2016. P. 17–22.
6. Solovyov O. G., Sokolova O. V. Stimulating norms-novels in articles about crimes in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Legal Science. 2017. № 3. P. 143–147.
7. URL: https://cbr.ru/search
8. URL: https://xn--80az8a.xn--d1aqf.xn--p1ai/?stdpg
9. URL: https://domclick.ru
10. The decision to terminate the criminal case in connection with the return of the raised funds in full, issued on August 15, 2021 by the court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, composed of the presiding judge Yakovlev D. V. // URL: https://sudact.ru
11. Federal Law № 214-FZ of December 30, 2004 «On participation in the shared construction of apartment buildings and other real estate objects and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
12. Filchenko A. P. Compromise as a method of criminal law regulation // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2013. № 2. P. 251–258.

Информация об авторах

А. А. Чугунов — заместитель начальника кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. С. Юрченкова — преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. A. Chugunov — Deputy Head of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

Y. S. Yurchenkova — Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 342.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-220-223
EDN: https://elibrary.ru/zhbrkx
NIION: 2003-0059-6/25-436
MOSURED: 77/27-003-2025-06-635

К вопросу о цифровизации правосудия для достижения целей административного наказания

Орест Александрович Шевченко
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, oas2310@mail.ru

Аннотация. Исследуются признаки цифровой трансформации института административной ответственности на примере порядка исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях. Анализируются функциональные возможности государственных информационных систем. Основное внимание уделяется механизмам межведомственного электронного взаимодействия между судебными органами и Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации. Доказывается, что внедрение сквозных цифровых процессов не только оптимизирует процедурные аспекты, но и усиливает превентивную функцию административного наказания, обеспечивая неотвратимость его исполнения. Исследование предназначено для ученых и правоприменителей в области производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, электронное правосудие, административная ответственность, постановление о назначении административного наказания, административный штраф, цели административного наказания, сервисы межведомственного взаимодействия

Для цитирования: Шевченко О. А. К вопросу о цифровизации правосудия для достижения целей административного наказания // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С.220–223. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-220-223. EDN: ZHBRKX.

Original article

On the issue of digitalization of justice in order to achieve the goals of administrative punishment

Orest A. Shevchenko
National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia, oas2310@mail.ru

Abstract. Examined the signs of the digital transformation of the institution of administrative responsibility using the example of the procedure for the execution of decisions in cases of administrative offenses. The functional capabilities of state information systems are analyzed. The main focus is on the mechanisms of interdepartmental electronic interaction between judicial authorities and the Federal Bailiff Service of the Russian Federation. It is proved that the introduction of end-to-end digital processes not only optimizes procedural aspects, but also enhances the preventive function of administrative punishment, ensuring the inevitability of its execution. The research is intended for scientists and law enforcement officers in the field of administrative offences proceedings.

Keywords: digitalization of justice, electronic justice, administrative responsibility, resolution on the imposition of administrative punishment, administrative fine, purposes of administrative punishment, interdepartmental interaction services

For citation: Shevchenko O. A. On the issue of digitalization of justice in order to achieve the goals of administrative punishment. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):220–223. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-220-223. EDN: ZHBRKX.

© Шевченко О. А., 2025

Интеграция цифровых алгоритмов в систему государственного управления представляет собой не просто технологический апгрейд, а знаменует переход к новой парадигме административной деятельности, где изменяется сама природа властеотношений. В этом контексте цифровизация правосудия выступает не как самоцель, а как следствие глобального процесса трансформации административного процессуального принуждения в «сервисную» модель, где происходит смещение от традиционной бумажной бюрократии к программно усовершенствующей системе.

Данный переход порождает фундаментальные доктринальные вопросы. Если классический административный процесс основан на дискреционных полномочиях должностного лица, то цифровой процесс предполагает формализацию и алгоритмизацию принятия решений.

Как известно, участие цифровой обработки информации важно на всех уровнях уголовного, гражданского, административного и арбитражного судопроизводства. Принимая во внимание, что цифровизация правосудия является относительно новой и концептуально непростой идеей, к сожалению, в юридической науке России до настоящего времени не сформулировано четкое определение этого понятия [1].

Некоторые ученые рассматривают цифровизацию в виде электронного правосудия и понимают его как способность суда и других участников судебного процесса использовать информационные технологии для выполнения действий, предусмотренных законодательством, которые имеют прямое воздействие на начало и протекание судопроизводства. Примером такого применения технологий может служить подача процессуальных документов в цифровом формате [2, с. 67].

Изучив ряд определений, автор определяет цифровизацию правосудия в более широком смысле, а именно в виде деятельности по автоматическому управлению делопроизводством и процессами разрешения судебных дел, контролю за исполнением принятых решений, а также электронному хранению судебных материалов. При этом фокус научной дискуссии и правотворческой деятельности целесообразно также сместить на разработку и закрепление основополагающих принципов цифрового правосудия. К таковым следует отнести принципы «алгоритмической прозрачности» (возможность проверки логики работы системы), «цифрового равенства» (обеспечение равного доступа к электронному правосудию), а также гарантии права на оспаривание решения, принятого с использованием автоматизированных систем.

В рассматриваемой же статье важно обратить внимание на надлежащее умение использования сервисов электронного правосудия в производстве по делам об административных правонарушениях для эффективного и скорейшего достижения целей административного наказания.

Как известно, административные наказания служат превентивным инструментом, предотвращающим совершение новых административных правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами. Этот правовой механизм свидетельствует о фундаментальном значении эффективного обеспечения фактического исполнения постановлений о назначении административных наказаний и выделяется как приоритетной задачей производства по делам об административных правонарушениях, что четко зафиксировано в ст. 24.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3].

А. С. Дугенец писал, что в основе системы административных наказаний лежит прогрессивное ужесточение мер по принципу «от более мягкого к более суровому». Основная задача таких мер — не только наказать, но и предотвратить будущие нарушения. Однако достижение этих целей невозможно без эффективной воспитательной работы с теми, кто нарушил закон [4, с. 34].

По мнению А. В. Малько, понятие административного наказания определяется как уникальный метод ограничения прав, который применяется в рамках специфической процедуры на определенных этапах юридической ответственности после совершения проступка. Указанный метод направлен на предотвращение дальнейших нарушений, как общих, так и индивидуальных, и на исправление поведения нарушителя [5, с. 304].

Учитывая огромную нагрузку судебных органов по разрешению дел об административных правонарушениях, а также органов, осуществляющих непосредственное исполнение административных наказаний, именно цифровизация юридических процессов является эффективным орудием для достижения поставленных перед государством задач.

При таких обстоятельствах в настоящее время возможности сервисов межведомственного взаимодействия, реализованные посредством программно-технического комплекса внешнего информационного взаимодействия Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие», позволяют наиболее оптимально достигать целей административного наказания.

К примеру, приведем элементы порядка исполнения наказания в виде административного штрафа. Так, для получения необходимой информации, в первую очередь связанной с оплатой назначенных административных штрафов, работники судов осуществляют электронную координацию данных путем направления запросов (посредством Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие»») в Государственную информационную систему государственных и муниципальных платежей.

Со своего рабочего места через раздел «Внешние модули» вкладка «Модуль ДО» сотрудник аппарата

суда формирует электронный запрос, на который в установленном порядке поступает ответ со сведениями об оплате (или неуплате) назначенных административных штрафов.

Далее, при отсутствии документа, свидетельствующего об уплате административного штрафа, и информации об уплате административного штрафа в Государственной информационной системе о государственных и муниципальных платежах по истечении срока, указанного в ч. 1, 1.1 или 1.4 ст. 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, судья, вынесший постановление, направляет копию постановления в электронном виде также с помощью вышеуказанного сервиса судебному приставу-исполнителю для исполнения в порядке, предусмотренном федеральным законодательством.

В течение срока, регулируемого Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» судебным приставом-исполнителем принимается решение о возбуждении или об отказе в возбуждении исполнительного производства [6]. При этом вынесенное судебным приставом-исполнителем постановление о принятом выше решении автоматически выгружается в Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие». Дополнительно в сервисе формируются и иные документы, вынесенные судебным приставом-исполнителем в ходе указанного исполнительного производства.

Следовательно, текущая техническая возможность с помощью соответствующих электронных ресурсов позволяет работнику суда в режиме реального времени обладать сведениями о возбуждении исполнительного производства (отказе в возбуждении исполнительного производства), а также актами об окончании или прекращении исполнительного производства.

При этом по судебным делам, в которых отсутствует копия постановления судебного пристава-исполнителя об окончании (прекращении) исполнительного производства, ответственным сотрудником суда могут быть направлены соответствующие запросы через вышеуказанный сервис о предоставлении информации о ходе исполнительного производства.

Дополнительно в целях контроля за состоянием исполнительного производства в названной цифровой системе разработаны запросы, которые отображают дату обращения постановления к исполнению, номер производства по делу, в какую службу судебных приставов передано для исполнения, какой результат исполнения (исполнение не производилось или исполнение произведено не полностью).

Указанные выше запросы о состоянии исполнительного производства составляются в виде таблицы, сформированной по запросу. Доработав запрос формулой, можно получить информацию о количестве дней, в течение которых постановление находится на исполнении в службе судебных приставов-исполнителей. С помощью этой же таблицы можно выявить постановления о назначении административных штрафов, по которым истек срок давности исполнения.

Цифровые инновации в судебной системе находят воплощение не только в ходе обращения и контроля за исполнением постановлений о назначении административных наказаний. Возможность круглосуточной подачи любой процессуальной информации в онлайн-режиме, независимо от графика работы судебных инстанций и других органов, представляет собой одно из ключевых достоинств вышеуказанной платформы. За период функционирования система продемонстрировала свою результативность, существенно сократив временные затраты на разрешение процессуальных вопросов благодаря оперативности обработки и передачи электронных документов с использованием современных технологических решений.

Подводя итоги, можно отметить, что центральным элементом современной модели становится принцип бесшовного межведомственного электронного взаимодействия. Рассмотренный механизм обмена данными между судебной системой и службой судебных приставов является эмпирическим подтверждением формирования единого информационного пространства. Это устраняет административные барьеры, сокращает издержки и минимизирует риски утраты информации, связанные с бумажным документооборотом.

Если же рассматривать электронную деятельность правоприменителей в более широком смысле, то можно предположить, что настоящий анализ вводит в научный оборот осмысление цифровых платформ не только как вспомогательного инструмента, а как системообразующего элемента современного административно-процессуального механизма. Полученные выводы способствуют развитию концепции «цифрового правосудия», смещая акцент с формальной доступности на функциональную эффективность и гарантированную исполнимость судебных актов.

Описанная модель взаимодействия может служить образцом для масштабирования и внедрения аналогичных цифровых решений в других сферах межведомственного контроля (например, между налоговыми, миграционными и иными органами). Данный материал также может представлять ценность для организации образовательного процесса по использованию новых технологических возможностей, а также для разработки методических рекомендаций по повышению эффективности цифровизации деятельности любых государственных служащих.

Список источников

1. Шипилов А. И. Цифровизация правосудия в России : теоретические и организационно-правовые проблемы : сб. мат. Всероссийской студенческой науч.-практ. конф. Иркутск, 2024. С. 215–222.

2. Романенкова С. В. Становление и развитие электронного правосудия в Российской Федерации // Российское правосудие. 2013. №10. С. 66–69.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 7 июля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Дугенец А. С. Административная ответственность в российском праве : автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2005.
5. Малько А. В. Наказание и ответственность в российском праве : актуальные проблемы. М. : Юрлитинформ, 2014.
6. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25 мая 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

References

1. Shipilov A. I. Digitalization of justice in Russia : theoretical and organizational and legal problems : collection of materials of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. P. 215–222.
2. Romanenkova S. V. Formation and development of electronic justice in the Russian Federation // Russian justice. 2013. № 10. P. 66–69.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on July 7, 2025) // LRS «ConsultantPlus».
4. Dugenets A. S. Administrative responsibility in Russian law : abstract of the diss. ... doctor of legal sciences. M., 2005.
5. Malko A. V. Punishment and responsibility in Russian law : actual problems. M. : Yurlitinform, 2014.
6. Federal Law № 229-FZ of October 2, 2007 (as amended on November 23, 2024) «On Enforcement Proceedings» (with amendments and additions that entered into force on May 25, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 41. Art. 4849.

Информация об авторе

О. А. Шевченко — доцент кафедры конституционного и муниципального права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Shevchenko — Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.11.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.
The article was submitted 24.11.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 341.1/8
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-224-228
EDN: https://elibrary.ru/tcydta
NIION: 2003-0059-6/25-437
MOSURED: 77/27-003-2025-06-636

Уважение прав и свобод человека как один из основополагающих принципов международного права

Виктория Вячеславовна Шумилова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vichka.shumilova@bk.ru

Аннотация. Проведен комплексный теоретико-правовой анализ принципа уважения прав и свобод человека как императивной нормы международного права. Рассмотрена его сущность и правовая природа через триаду обязательств государства — признание, соблюдение и защита. Отмечается, что данный принцип, утверждая гарантии равенства и справедливости через единые требования для всех субъектов международного права, которые обеспечиваются международными институтами защиты прав человека, выступает фундаментальным фактором развития международного сотрудничества. Подчеркивается, что в основе международного сотрудничества в рассматриваемой сфере должен лежать поиск баланса между необходимыми мерами обеспечения безопасности государства при строгом соблюдении условий законности вводимых ограничений и уважением основных прав и свобод как неотъемлемого элемента и ключевого условия формирования устойчивого миропорядка.

Ключевые слова: права человека, общепризнанные принципы международного права, уважение прав человека, международное сотрудничество

Для цитирования: Шумилова В. В. Уважение прав и свобод человека как один из основополагающих принципов международного права // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 224–228. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-224-228. EDN: TCYDTA.

Original article

Respect for human rights and freedoms as one of the fundamental principles of international law

Victoria V. Shumilova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vichka.shumilova@bk.ru

Abstract. A comprehensive theoretical and legal analysis of the principle of respect for human rights and freedoms as a peremptory norm of international law has been carried out. Its essence and legal nature are considered through the triad of state obligations — recognition, observance and protection. It is noted that this principle, affirming guarantees of equality and justice through uniform requirements for all subjects of international law, which are provided by international institutions for the protection of human rights, is a fundamental factor in the development of international cooperation. It is emphasized that international cooperation in this area should be based on the search for a balance between the necessary measures to ensure the security of the state in strict compliance with the conditions of legality of the restrictions imposed and respect for fundamental rights and freedoms as an integral element and key condition for the formation of a sustainable world order.

Keywords: human rights, universally recognized principles of international law, respect for human rights, international cooperation

For citation: Shumilova V. V. Respect for human rights and freedoms as one of the fundamental principles of international law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):224–228. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-224-228. EDN: TCYDTA.

© Шумилова В. В., 2025

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими аспектами.

Во-первых, военные конфликты, внутренние беспорядки и гуманитарные кризисы часто приводят к массовым нарушениям прав человека — в таких «турбулентных» обстоятельствах международное право и механизмы его реализации играют ключевую роль обеспечении мира и поддержании международного порядка, в связи с чем в условиях глобализации и возрастания числа международных конфликтов уважение прав человека становится важным индикатором стабильности и безопасности в мире, служит критерием оценки эффективности международных усилий по их достижению и приобретает особую значимость в контексте оправдания государствами чрезмерных ограничений прав человека в целях предотвращения угроз национальной безопасности.

Во-вторых, современное общество все больше сталкивается с растущими проблемами неравенства и дискриминации, которые затрагивают различные группы населения, включая женщин, детей, людей с ограниченными возможностями, беженцев и пр., где уважение прав человека как основополагающий принцип международного права служит основой для борьбы с этими явлениями и обеспечения равенства и справедливости.

В-третьих, развитие технологий, включая повсеместное внедрение искусственного интеллекта и широкое распространение цифровых платформ, создает новые вызовы для субъектов международного права в контексте защиты прав человека, поскольку реализация принципа уважения прав человека сталкивается с такими проблемами, как обеспечение конфиденциальности, свободы слова и доступа к информации, что требует пересмотра существующих международных норм и стандартов в области прав человека.

В-четвертых, поскольку концепция межгосударственного сотрудничества в области обеспечения прав человека предполагает объединение усилий государств и международных организаций для создания эффективного механизма защиты прав и свобод человека, обмена опытом, а также разработки и внедрения международных стандартов, направленных на предотвращение нарушений прав человека и обеспечение их соблюдения на национальном уровне, данный принцип выступает катализатором позитивных изменений в международной системе прав человека, способствуя формированию единого подхода к защите прав и свобод человека, улучшению координации действий между субъектами международного права. Это, в свою очередь, создает условия для более адекватного реагирования на нарушения прав человека, укрепляет доверие между государствами и способствует развитию демократических институтов, что является необходимым условием для достижения устойчивого мира и социальной справедливости.

Международно-правовой институт прав человека, основанный на общепризнанных принципах и нормах международного права, ядром которого выступает, в первую очередь, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [1] (далее — ВДПЧ), являющаяся основой (гарантией) всеобщего мира и, как справедливо отмечает Р. А. Каламкарян, важным элементом концептуальной схемы верховенства права и воплощением закрепления режима всестороннего обеспечения прав человека [2, с. 29], играет ключевую роль в закреплении приоритета общечеловеческих ценностей как основного и необходимого фактора формирования международной правовой системы на основе мира, справедливости и уважения прав и свобод человека. В этой связи признание и обеспечение прав человека не только являются частью национальных интересов государств, но и неразрывно связаны с интересами международного сообщества.

Несмотря на суверенное верховенство государств в вопросах регулирования отношений на своей территории на основе национальных норм и механизмов исходя из принципа невмешательства во внутренние дела, их интеграция в международную правовую систему предполагает необходимость приведения национальных норм в соответствие с международными стандартами в области прав человека, защита которых выходит за рамки внутренней компетенции государств и становится объектом международно-правового регулирования и предметом озабоченности международного сообщества, поскольку нарушение прав и свобод человека препятствует формированию единого гуманитарного правового пространства. Ввиду того, что международное право ориентировано прежде всего на человека, то его права и свободы, их определение и содержание являются объектом большинства международных соглашений, действующих на универсальном и региональном уровнях, в частности, Международных пактов о правах человека 1966 г. [3; 4], целью которых является установление всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод, их обеспечение со стороны государства.

При этом под общепризнанными принципами международного права понимаются основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо [5]. Данные принципы касаются наиболее важных вопросов международных отношений, таких как соблюдение прав человека, защита прав меньшинств, предотвращение конфликтов, поддержание мира и пр.

Одним из таких принципов является принцип всеобщего уважения прав человека, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений. Как отмечает Б. И. Нефедов, впервые данный принцип в международной практике был провозглашен в Резолюции о

правах человека, принятой в рамках VIII Межамериканской конференции в Лиме в 1938 г. [6, с. 337]. При этом отправной точкой в становлении принципа уважения прав и свобод человека явилось создание Организации Объединенных Наций (далее — ООН) и принятие ее Устава, который впервые в истории международных отношений закрепил данный принцип, провозгласив в качестве одной из своих целей осуществление международного сотрудничества, основанного на поощрении и развитии уважения к правам человека без различия расы, пола, языка и религии [7]. При этом устав ООН, закрепив данный принцип, обязанность по их соблюдению возложил, прежде всего, на государства.

Принцип уважения прав человека является одним из столпов правового государства. Данный принцип-стандарт является фундаментальным универсальным императивным принципом, т. е. распространяется на все группы отношений, даже не урегулированные по каким-то причинам нормами международного права, и действует в отношении всех государств независимо от того, являются ли они участниками тех или иных соглашений по правам человека.

Как уже было отмечено выше, субъектами реализации рассматриваемого принципа выступают, прежде всего, государства. При этом его реализация складывается из нескольких аспектов:

государства должны признавать и уважать права человека, закрепленные в международных документах, воздерживаться от вмешательства и ограничений на пути их осуществления. Это означает, что данный принцип претворяется в жизнь путем закрепления определенного перечня прав, предоставляемых человеку. Государства, в свою очередь, имплементируя нормы о правах человека и закрепляя в своих национальных законодательствах, подтверждают свою готовность к соблюдению международных стандартов и взятых на себя обязательств;

субъекты международного права должны выполнять принятые на себя обязательства, вытекающие из тех или иных международных соглашений по соблюдению и обеспечению прав человека. В этой связи государства должны адаптировать свое национальное законодательство в соответствии с международными стандартами в области прав человека. Это означает, что нельзя произвольно ограничить права человека, однако в данном контексте речь не должна идти и об абсолютизации прав человека и их верховенстве над интересами общества, поскольку существует необходимость поддержания баланса между правами человека (частные интересами) и публичными интересами. Пределы данного обязательства государств обеспечены тем, что существующие международные договоры предусматривают возможность правомерного и соразмерного ограничения прав человека, в связи с чем возможны некоторые отступления от него, а именно только с целью уважения прав и свобод других, удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (ст. 29 ВДКП), реагирования при наличии чрезвычайных обстоятельств, угрожающих жизни нации в таких случаях как, например, состояние войны (ст. 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [8]) и введение чрезвычайного положения (ст. 4 МПГПП). Аналогичные положения содержатся и в ст. 55 Конституции Российской Федерации, которая гласит: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [9]. Исходя из этого постулата, следует вывод о том, что права и свободы представляют собой высшую ценность и их ограничение является исключением;

субъекты международного права должны обеспечивать защиту от нарушений прав человека как со стороны государственных органов, так и со стороны частных лиц, а также предпринимать необходимые меры для реализации данной обязанности, реагирования в случае выявления нарушения прав человека и восстановления нарушенных прав. Содержание данного аспекта рассматриваемого принципа раскрывается через такие взаимосвязанные элементы, как: а) недопущение нарушений прав человека; б) предотвращение и пресечение нарушений прав человека; в) проведение расследований по фактам нарушений прав человека; г) привлечение виновных к ответственности. Восприятие данного аспекта рассматриваемого принципа наблюдается в решениях международных судебных институтов по защите прав человека. Так, например, в решении Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) от 13 марта 2025 г. «Вячеславова и другие против Украины» по жалобе № 39553/16 [10] постановил, что в рассматриваемом деле имело место нарушение органами власти ст. 2 Конвенции в связи с неспособностью соответствующих органов власти сделать все, что можно было бы разумно ожидать от них для предотвращения насилия и спасения людей.

В то же время согласно существующей концепции неделимости прав и свобод рассматриваемый принцип современного международного права неразрывно связан с другими международно-правовыми принципами, такими как уважение государственного суверенитета, невмешательство государств во внутренние дела друг друга, запрещение угрозы силой или ее применения в международных отношениях, а также принцип сотрудничества, поэтому необходимостью защиты прав человека не должны оправдываться нарушения остальных основополагающих принципов.

Таким образом, реализация принципа уважения прав и свобод человека раскрывается через триаду обязательств — признание, соблюдение и защита. При этом юридическая сила принципа уважения прав и свобод человека обусловлена его императивным характером, что вытекает из уставленного в порядке предписания обязывания государств, подписавших соответствующие международные договоры, соблюдать их положения. За нарушение взятых на себя обязательств и невыполнение международно-правовых норм государства должны претерпеть соответствующие неблагоприятные последствия, выражающиеся в наложении определенных санкций, что подтверждается практикой международных судов и иных международных механизмов по защите прав человека, осуществляющих контроль не только за соответствием национальных законодательств международным договорам, но и за практикой применения инкорпорированных норм. Кроме того, правовая природа указанного принципа раскрывается в эволютивных толкованиях, данных ЕСПЧ, создание и функционирование которого усилило значение принципа уважения прав человека, поскольку данный институт играет важную роль в претворении в жизнь идеалов и принципов уважения прав человека и, как указывает А. Е. Симонова, является «своеобразным правовым и социально-культурным феноменом, выступая олицетворением своеобразной высшей степени справедливого судебного разбирательства» [11, с. 65–66].

Таким образом, принцип уважения прав человека тесно связан с международным сотрудничеством в области прав человека и международной ответственностью за нарушение прав человека. При этом под принципом уважения прав человека как основного ориентира для обеспечения равенства и справедливости необходимо понимать признание гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод человека, обеспеченное как позитивными обязанностями государства с помощью конкретных мер, направленных на: 1) признание, гарантирование и соблюдение прав и свобод человека вне зависимости от расы, пола, языка, религии или других признаков; 2) устранение препятствий по осуществлению прав и нарушений от действий третьих лиц, так и негативными, что заключается в недопущении произвольного и необоснованного вмешательства государства в частную жизнь граждан. В содержательном плане данный принцип, характеризующийся императивностью, универсальностью, приоритетностью, а также «неизбирательностью при рассмотрении вопросов, связанных с правами человека» [12, с. 3], представляет собой синтез национального и международного (универсального и регионального) уровней признания и защиты прав и свобод человека на справедливой и равной основе и отражение единства требований международных обязательств для всех субъектов.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Каламкарян Р. А. Всеобщая декларация прав человека : миропорядок на основе верховенства права // Гражданин и право. 2010. № 1. С. 21–29.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200А (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200А (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Нефедов Б. И. Катехизис аспиранта кафедры международного права : учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2018.
7. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: http://pravo.gov.ru/?oprd=1%5C&ysclid=mkcjv8t4dz737290461
10. Постановление ЕСПЧ от 13 марта 2025 г. «Вячеславова и другие против Украины» (жалоба № 39553/16) // URL: https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:[%22001-242505%22]}
11. Симонова А. Е. Становление механизма защиты прав и свобод человека Европейским судом по правам человека // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 64–66.
12. Ковалев А. А. Концепция универсальных прав человека как общечеловеческой ценности // Московский журнал Международного права. 2011. С. 3–14.

References

1. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on

December 10, 1948) // LRS «ConsultantPlus».
2. Kalamkarian R. A. The Universal Declaration of Human Rights: a world order based on the rule of law // Citizen and Law. 2010. № 1. P. 21–29.
3. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200A (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // LRS «ConsultantPlus».
4. The International Covenant on Civil and Political Rights (adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200A (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly) // LRS «ConsultantPlus».
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 10, 2003 № 5 «On the Application by Courts of General Jurisdiction of Generally Recognized Principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
6. Nefedov B. I. Catechism of a postgraduate student of the Department of International Law : textbook. M. : MSIIR-University, 2018.
7. Charter of the United Nations (adopted in San Francisco on June 26, 1945) // LRS «ConsultantPlus».
8. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on November 4, 1950) // LRS «ConsultantPlus».
9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // URL: http://pravo.gov.ru/?oprd=1%5C&ysclid=mkcjv8t4dz737290461
10. ECHR Judgment of March 13, 2025 «Vyacheslavova and others against Ukraine» (complaint № 39553/16) // URL: https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22itemid%22:[%22001-242505%22]}
11. Simonova A. E. Formation of the mechanism of protection of human rights and freedoms by the European Court of Human Rights // Bulletin of Economic Security. 2017. № 3. P. 64–66.
12. Kovalev A. A. The concept of universal human rights as a universal human value // Moscow Journal of International Law. 2011. P. 3–14.

Информация об авторе

В. В. Шумилова — преподаватель кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Shumilova — Lecturer of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 03.08.2025.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 03.08.2025.

Научная статья
УДК 338.462
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-229-234
EDN: https://elibrary.ru/tloqxd
NIION: 2003-0059-6/25-438
MOSURED: 77/27-003-2025-06-637

Оценка контрагентов субъектами теневой экономики как инструмент обеспечения их экономической безопасности

Александр Владимирович Грачев
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, grachevalexunder@rambler.ru

Аннотация. Определены виды контрагентов субъектов теневой экономики (партнеры, жертвы, опасности). Дана характеристика содержанию направлений оценки контрагентов субъектами теневой экономики (оценка контрагента-жертвы в рамках подготовки теневой деятельности (преступления); оценка контрагента на предмет перспектив неразглашения им информации о преступной деятельности субъекта третьим лицам; оценка перспектив достижения целей взаимодействия с контрагентом, не являющимся жертвой). Отражены цели взаимодействия субъекта теневой экономики с сотрудниками правоохранительных органов.

Ключевые слова: теневая экономика, контрагенты, экономическая безопасность, субъекты, оценка

Для цитирования: Грачев А. В. Оценка контрагентов субъектами теневой экономики как инструмент обеспечения их экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 229–234. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-229-234. EDN: TLOQXD.

Original article

Assessment of counteragents by shadow economy entities as a tool for ensuring their economic security

Alexander V. Grachev
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
grachevalexunder@rambler.ru

Abstract. The types of counterparties of shadow economy entities (partners, victims, dangers) are defined. A description is given of the content of the areas of assessment of counterparties by shadow economy entities (assessment of the victim counterparty in preparation for shadow activities (crimes); assessment of the counterparty for the prospects of non-disclosure of information about the criminal activities of the subject to third parties; assessment of the prospects for achieving the goals of interaction with a counterparty who is not a victim). The objectives of the interaction of the subject of the shadow economy with law enforcement officers are reflected.

Keywords: shadow economy, counterparties, economic security, subjects, assessment

For citation: Grachev A. V. Assessment of counteragents by shadow economy entities as a tool for ensuring their economic security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):229–234. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-229-234. EDN: TLOQXD.

Введение. Субъекты теневой экономики не существуют изолировано, а участвуют во взаимодействии других экономических субъектов. Такое взаимодействие выступает фактором экономической безопасности субъектов теневой экономики, так как контрагенты могут выступать как источниками угроз для субъектов теневой экономики, так и фактором безопасного и прибыльного ведения теневого бизнеса.

Оценка контрагентов — это инструмент обеспечения экономической безопасности для всех хозяйствующих субъектов, вне зависимости от того, легально или нет они осуществляют свою деятельность. Работы, посвященные оценки контрагентов достаточно широко представлены в научной среде. Среди них можно выделить работы: Л. М. Кадиевой [1], А. А. Ефремова и Н. В. Тутубалина [2], в которых от-

© Грачев А. В., 2025

ражены особенности проверки контрагентов в деятельности современной организации; М. В. Галкиной, А. Г. Куртовой, С. И. Снаткиной, А. М. Выжитович [3], О. Г. Чернышевой [4], которые рассмотрели контрольные процедуры при анализе финансового положения контрагентов; И. А. Садыриной и И. Ю. Сыроватской [5], которые исследовали использование комплексных оценок в управлении рисками хозяйственной деятельности; А. В. Грачева, Ю. А. Виноградовой, Л. В. Сикорской [6], которые рассмотрели оценку контрагентов в качестве инструмента обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Вместе с тем статусные особенности оценки контрагентов со стороны субъектов теневой экономики являются слабоизученными и требуют отдельного исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Методы. При проведении исследования использовались такие методы, как научная классификация, группировка, обобщение, формально-логический и структурно-логический анализ.

Результаты. Можно выделить следующие виды контрагентов субъектов теневой экономики.

1. Контрагенты-партнеры — субъекты, оказывающие содействие в:

- подготовке теневой деятельности (подготовке преступления);
- ведении теневой деятельности (совершении преступления);
- сокрытии теневой деятельности (сокрытии преступления);
- легализации незаконного дохода;
- уходе от ответственности при выявлении теневой деятельности (преступления);
- устранении (нейтрализации) конкурентов или иных лиц, представляющих угрозы безопасности субъекта теневой экономики.

Данных контрагентов также можно разделить на:

- знающих о незаконном характере деятельности субъекта теневой экономики;
- не знающих о незаконном характере деятельности субъекта теневой экономики.

Кроме того, партнеров субъекта теневой экономики можно разделить на:

- персонал, осуществляющий теневую или способствующую ей деятельность, может быть постоянным или временным (для осуществления отдельных незаконных операций; для документального оформления деятельности на подставных лиц и т. д.);
- поставщики ресурсов;
- субъектов, оказывающих различные услуги: финансовые (в том числе содействие в легализации преступного дохода), юридические (в том числе по уходу от ответственности (например, коррумпированные сотрудники контролирующих и правоохранительных органов);
- субъектов, созданных, приобретенных, управляемых непосредственно субъектом теневой экономики для целей осуществления теневой деятельности, ее латентизации, сокращения налогов и ухода от ответственности (фирмы-однодневки).

2. Контрагенты-жертвы — субъекты, завладение ресурсами которых является целью совершения преступления.

3. Контрагенты-опасности — субъекты, осуществляющие противодействие преступной деятельности субъекта:

- контролирующие и правоохранительные органы;
- частные охранные и детективные организации;
- субъекты общественного контроля;
- конкуренты, осуществляющие аналогичные виды преступной деятельности.

Оценка контрагента субъектом теневой экономики осуществляется по следующим направлениям.

1. Оценка контрагента-жертвы в рамках подготовки теневой деятельности (преступления):

1.1. Оценка перспектив реализации преступного замысла в отношении контрагента-жертвы:

- наличие у контрагента ресурсов, незаконное завладение которыми является целью совершения преступления (общее имущественное состояние);
- степень защищенности и доступности ресурсов контрагента, незаконное завладение которыми является целью совершения преступления (физическая и юридическая защищенность, контролируемость);
- степень осмотрительности контрагента (наличие и содержание предварительной оценки контрагентом надежности своих контрагентов);
- потенциал оказания контрагентом самостоятельного противодействия преступной деятельности субъекта или причинения ему ущерба (физические, технологические, экономические, административные, организационные и иные возможности контрагента);
- потенциал контрагента обращения к государственным и частным субъектам обеспечения безопасности (к контролирующим и правоохранительным органам, к частным детективным и охранным организациям, к неформальным (криминальным) поставщикам услуг безопасности) (см. п. 2).

1.2. Оценка контрагента-жертвы с целью получения информации, необходимой для непосредственного осуществления теневой деятельности (совершения преступления):

- физиологические особенности контрагента, связанные с возрастом, состоянием здоровья;
- психологическое состояние контрагента;
- наличие у контрагента интересуемого имущества и его доступность в момент совершения преступления (моментальное имущественное положение и моментальная защищенность имущества контрагента);
- персональные данные контрагента, используемые в ходе совершения преступления (личные данные, контактные данные, данные об образе жизни, увлечениях, занятиях, данные о родственниках, друзьях, близких, данные для доступа к информации, размещенной в интернете, на персональном компьютере, для доступа к банковским счетам и др. (последние могут определяться непосредственно в ходе совершения преступления);
- данные о долгах и финансовых проблемах контрагента;
- данные о потребностях контрагента в благах (материальных и нематериальных), предлагаемых субъектом с целью завладения имуществом контрагента;
- наличие или возможность создания данных компрометирующего характера на контрагента;
- данные о лицах, способных оказать содействие в преступлении против контрагента (конкуренты; лица, имеющие конфликты с контрагентом и др.).

Источники информации о контрагентах-жертвах:

- социальные сети;
- визуальное наблюдение;
- непосредственное общение;
- средства массовой информации;
- информация от друзей, знакомых.

2. Оценка контрагента на предмет перспектив неразглашения им информации о преступной деятельности субъекта третьим лицам (контролирующим и правоохранительным органам, детективным и охранным организациям, средствам массовой информации, неформальным (криминальным) поставщикам услуг безопасности, иным):

- наличие связей (формальных или неформальных; непосредственных или опосредованных) контрагента с контролирующими и правоохранительными органами (детективными и охранными организациями, средствами массовой информации, неформальными (криминальными) поставщиками услуг безопасности);
- наличие у контрагента факторов, препятствующих обращению в контролирующие и правоохранительные органы (наличие у контрагента правонарушений, за которые к нему могут быть применены санкции в случае обращения; наличие возможностей для самостоятельного противодействия преступной деятельности субъекта или для обращения к частным субъектам обеспечения безопасности), в детективные и охранные организации, к неформальным (криминальным) поставщикам услуг безопасности (отсутствие ресурсов для оплаты услуг);
- возможность оказания воздействия на контрагента с целью склонения его к отказу от разглашения информации о преступной деятельности субъекта посредством: подкупа (данные о долгах и финансовых проблемах, данные о потребности контрагента в материальных или нематериальных благах, которые может предложить субъект), шантажа (данные, определяющие наличие или возможность создания компрометирующих контрагента обстоятельств; данные, определяющие возможность причинения ущерба жизни, здоровью, имуществу контрагента или его родственников), физического или административного воздействия (физическое превосходство над контрагентом; возможность оказания административного воздействия на контрагента; лица, способные оказать воздействие на контрагента);
- наличие у контрагента характеристик, служащих основанием для внимания к его деятельности и контактам со стороны контролирующих и правоохранительных органов.

Данное направление оценки реализуется не только в отношении контрагентов-жертв, но и в отношении других типов контрагентов.

3. Оценка перспектив достижения целей взаимодействия с контрагентом, не являющимся жертвой:

3.1. Оценка контрагентов-партнеров, содействующих в осуществлении преступной деятельности:

- возможность склонения контрагента-партнера к участию в преступной деятельности (посредством обещания вознаграждения с последующим обманом (см. п. 1); посредством выплаты вознаграждения (стоимость услуг контрагента, данные о потребностях контрагента в благах (материальных и нематериальных), данные о финансовых проблемах контрагента, наличие различного рода зависимостей (алкогольная, наркотическая и др.) контрагента; посредством шантажа (см. факторы, оцениваемые для применения шантажа в п. 2); посредством использования незнания (непонимания) контрагента о преступном характере осуществляемой деятельности;
- способности контрагента-партнера выполнить требуемые для осуществления преступной деятельности действия (личностные качества, соответствие квалификации, соот-

ветствие должностного (административного) положения, опыт осуществления требуемой деятельности, наличие необходимых для осуществления преступной деятельности связей, отсутствие внимания к контрагенту со стороны контролирующих и правоохранительных органов и др. в зависимости от конкретного вида требуемых действий);

- подконтрольность контрагента субъекту и возможность воздействия на контрагента в случае неисполнения им обязательств перед субъектом;
- готовность контрагента осуществлять взаимодействие в формах, требуемых субъектом (например, используя только наличные расчеты или расчеты в цифровых валютах; без официального трудоустройства и т. п.);
- потенциал неразглашения контрагентом-партнером информации о преступной деятельности субъекта третьим лицам (как в ходе взаимодействия, так и после него) (см. п. 2);

3.2. Оценка контрагентов-опасностей (сотрудников контролирующих и правоохранительных органов):

- потенциал оказания негативного воздействия на субъект со стороны контрагента (профессиональные и личностные качества, профессиональный опыт противодействия данному виду преступной деятельности; правовые полномочия и ограничения действий контрагента);
- возможность оказания воздействия на контрагента с целью склонения его к отказу от принятия отрицательных управленческих решений по отношению к субъекту посредством: подкупа, шантажа, физического или административного воздействия (см. факторы, оцениваемые для применения подкупа, шантажа, физического или административного воздействия в п. 2);
- источники информации и информация о содержании деятельности контрагента по противодействию преступной деятельности субъекта (данная информация необходима субъекту для получения возможности проведения необходимых подготовительных процедур для сокрытия следов своей преступной деятельности и затруднению деятельности контрагента).

У субъекта теневой экономика в ряде случаев возникает потребность в персональных данных контрагента для целей:

- совершения некоторых преступлений экономической направленности (личные данные контрагента, данные о родственниках контрагента, контактные данные, данные для доступа к информации, размещенной в интернете, на персональном компьютере, для доступа к банковским счетам и др.);
- оказания воздействия с целью склонения его к необходимым действиям в пользу субъекта или к отказу от обращения в контролирующие и правоохранительные органы (личные данные контрагента, контактные данные, данные о долгах и финансовых проблемах, данные о потребности контрагента в дефицитных или дорогостоящих благах, данные компрометирующего характера, данные о родственниках контрагента и др.).

Как было отмечено выше, контрагентами субъекта теневой экономики могут выступать правоохранительные органы. Взаимодействие хозяйствующих субъектов с органами внутренних дел по поводу противодействия теневым экономическим явлениям подробно рассматривалось в наших более ранних работах, где была проведена комплексная классификация такого взаимодействия по следующим критериям: направленность действий хозяйствующего субъекта относительно действий органов внутренних дел; отношение к цели противодействия теневым экономическим явлениям; форма восприятия хозяйствующим субъектом органов внутренних дел; инициатива взаимодействия; соотношение статуса органов внутренних дел и хозяйствующего субъекта в рамках взаимодействия; степень обязательности взаимодействия; отношение к действующему законодательству; отношение хозяйствующего субъекта к правонарушению, по поводу которого происходит взаимодействие; время взаимодействия; связь хозяйствующего субъекта с органов внутренних дел; материальная заинтересованность сторон во взаимодействии; степень открытости взаимодействия между хозяйствующим субъектом и органов внутренних дел для внешней среды; виды ресурсов, выступающих предметом взаимодействия. В числе взаимодействующих субъектов рассматривались и субъекты, выступающие в роли нарушителей, статус которых препятствовал конструктивным видам взаимодействия (содействие) и максимизировал вероятность его деструктивных или нейтральных форм (противодействие и бездействие). Полагаем, что несмотря на нелегальных статус субъекты теневой экономики все же могут конструктивно взаимодействовать с правоохранительными органами. При этом конструктивность в данном случае оценивается с позиции взаимного достижения целей, участвующих во взаимодействии субъектов теневой экономики и сотрудников правоохранительных органов.

Взаимодействие субъекта теневой экономики с сотрудниками правоохранительных органов может преследовать следующие цели.

1. Со стороны правоохранительных органов:
а) легальные (конструктивные) цели:
- получение криминалистически значимой информации о деятельности субъекта теневой экономики, с которым происходит взаимодействие;
- получение криминалистически значимой информации о деятельности других нелегальных субъектов от субъекта теневой экономики, с которым происходит взаимодействие;
- повышение общего уровня безопасности и правопорядка на обслуживаемой территории за счет монополизации преступности и сокращения количества конкурирующих нелегальных субъектов;

б) нелегальные (деструктивные) цели:
- получение незаконного (коррупционного) дохода от субъекта теневой экономики;
- повышение значимости деятельности правоохранительных органов для общества, государства, конкретного лица за счет роста опасности, источником которой выступает нелегальная деятельность субъекта теневой экономики (увеличение выделяемых на нужды правоохранительных органов ресурсов). Например, в работе [7] отражено, что «в мировой истории есть примеры, когда отдельные преступления или массовые беспорядки носили заказной характер со стороны государственных (в том числе правоохранительных) структур, целью которых было устрашение населения и тем самым обеспечение лояльного отношения населения к высоким расходам на безопасность».

2. Со стороны субъекта теневой экономики:
- уход от ответственности или сокращение размера санкции за совершенные правонарушения (для субъекта теневой экономики (в том числе для его персонала); для контрагентов-партнеров; посредством использования предусмотренных законом способов; нелегально);
- устранение (нейтрализация) конкурентов (конкурентов из теневого сектора экономики; конкурентов из легального сектора экономики; привлечение их к ответственности за совершенные правонарушения; внеправовое «давление»);
- устранение (нейтрализация) лиц, выступающих источниками угроз безопасности субъекта теневой экономики (посредством передачи информации об этих лицах правоохранительным органам; посредством получения информации об этих лицах от правоохранительных органов);
- получение информации, способствующей осуществлению нелегальной деятельности;
- повышение уровня латентизации нелегальной деятельности (посредством маскировки субъекта теневой экономики перед правоохранительными органами в виде добропорядочного субъекта, оказывающего содействие; посредством незаконного бездействия правоохранительных органов по отношению к взаимодействующему субъекту теневой экономики);
- получение дохода в виде вознаграждения за содействие правоохранительным органам.

В отношениях с контрагентами субъекты теневой экономики с большей вероятностью (по сравнению с субъектами легального (транспарентного) сектора) могут применять незаконные способы воздействия. Это обусловлено следующими причинами.

Во-первых, субъекты теневой экономики в следствие своего нелегального статуса ограничены в возможностях использования отдельных легальных инструментов воздействия на контрагентов (например, они в меньшей степени могут себе позволить обращаться в полицию или в суды).

Во-вторых, нахождение субъектов теневой экономики в нелегальном секторе приводит к тому, что увеличение размера применяемой в их адрес потенциальной санкции за использование незаконных способов воздействия на контрагентов происходит не так существенно, как если бы они находились в легальном транспарентном секторе.

В-третьих, цели воздействия субъектов теневой экономики на своих контрагентов сами по себе несвойственны для субъектов легального сектора экономики. Значительная часть этих целей носят незаконный характер, а, следовательно, и средства их достижения во взаимоотношениях с контрагентами также попадают в нелегальное поле.

В-четвертых, субъект теневой экономики в сравнении с легальным субъектом обладает большим опытом использования незаконных практик.

Заключение. Таким образом, в данной статье определены:
- виды контрагентов субъектов теневой экономики (партнеры, жертвы, опасности);
- направления оценки контрагентов субъектами теневой экономики (оценка контрагента-жертвы в рамках подготовки теневой деятельности (преступления); оценка контрагента на предмет перспектив неразглашения им информации о преступной деятельности субъекта третьим лицам; оценка перспектив достижения целей взаимодействия с контрагентом, не являющимся жертвой);
- цели взаимодействия субъекта теневой экономики с сотрудниками правоохранительных органов.

Список источников

1. Кадиева Л. М. Особенности проверки контрагентов в деятельности современной организации // Наука без границ. 2018. № 5 (22). С. 25–30.
2. Ефремова А. А., Тутубалина Н. В. Хозяйственные риски и экономическая суть на фирме (предприятии) // Инновационная наука. 2016. № 6-1. С. 104–106.
3. Галкина М. В., Куртова А. Г., Снаткина С. И., Выжитович А. М. Совершенствование контрольных процедур при анализе финансового положения контрагентов // Развитие территорий. 2018. № 3 (13). С. 20–27.
4. Чернышева О. Г. Инструментарий контроллинга контрагентов в системе управления промышленной организацией // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 2. С. 126–130.
5. Садырин И. А., Сыроватская О. Ю. Использование комплексных оценок в управлении рисками хозяйственной деятельности // Петербургский экономический журнал. 2022. № 1-2. С. 131–139.
6. Грачев А. В., Сикорская Л. В., Виноградова Ю. А. Оценка надежности контрагентов как инструмент обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2022. № 4 (54). С. 44–52.
7. Грачев А. В. Негативные стороны безопасности как объект исследования для целей повышения ее уровня // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 260–264.

References

1. Kadieva L. M. Features of counterparty verification in the activities of a modern organization // Science without borders. 2018. № 5 (22). P. 25–30.
2. Efremova A. A., Tutubalina N. V. Business risks and economic essence at a firm (enterprise) // Innovative science. 2016. № 6-1. P. 104–106.
3. Galkina M. V., Kurtova A. G., Snatkina S. I., Vyzhitovich A. M. Improving control procedures in the analysis of the financial position of counterparties // Development of territories. 2018. № 3 (13). P. 20–27.
4. Chernysheva O.G. Tools for controlling counterparties in the management system of an industrial organization // Economy. Profession. Business. 2022. № 2. P. 126–130.
5. Sadyrin I. A., Syrovatskaya O. Yu. Using integrated assessments in business risk management // Petersburg Economic Journal. 2022. № 1-2. P. 131–139.
6. Grachev A. V., Sikorskaya L. V., Vinogradova Yu. A. Assessing counterparty reliability as a tool for ensuring economic security of an economic entity // Bulletin of Higher Educational Institutions. Series: Economics, Finance, and Production Management. 2022. № 4 (54). P. 44–52.
7. Grachev A. V. Negative aspects of security as an object of research for the purposes of improving its level // Bulletin of Economic Security. 2022. № 1. P. 260–264.

Информация об авторе

А. В. Грачев — начальник кафедры финансового учета и контроля Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Grachev — Head of the Department of Financial Accounting and Control of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 31.10.2025; принята к публикации 20.11.2025.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 31.10.2025; accepted for publication 20.11.2025.

Научная статья
УДК 338.27
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-235-239
EDN: https://elibrary.ru/wrzhgn
NIION: 2003-0059-6/25-439
MOSURED: 77/27-003-2025-06-638

Анализ методологических подходов к формированию системы индикаторов обеспечения экономической безопасности на региональном уровне

Артем Витальевич Иванов
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ivanof91@mail.ru

Аннотация. Исследуется экономическая безопасность на региональном уровне, которая приобретает особую значимость в связи с усиливающейся ролью регионов в социально-экономическом развитии страны и необходимостью поддержания устойчивости территориальных социально-экономических систем в условиях нарастающих внутренних и внешних угроз. Рассмотрены современные методологические подходы к формированию системы индикаторов обеспечения экономической безопасности на региональном уровне, выделены их преимущества и ограничения с точки зрения комплексности, адаптивности и практической применимости в условиях региональной экономики. Особое внимание уделено критериям отбора и принципам группировки индикаторов, обеспечивающим объективность и полноту мониторинга состояния экономической безопасности региона.

Ключевые слова: экономическая безопасность, региональный уровень, критерии оценки, методологические подходы, система индикаторов

Для цитирования: Иванов А. В. Анализ методологических подходов к формированию системы индикаторов обеспечения экономической безопасности на региональном уровне // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 235–239. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-235-239. EDN: WRZHGN.

Original article

Analysis of methodological approaches to the formation of a system of indicators for ensuring economic security at the regional level

Artem V. Ivanov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ivanof91@mail.ru

Abstract. The study of economic security at the regional level is of particular importance due to the increasing role of regions in the country's socio-economic development and the need to maintain the stability of territorial socio-economic systems in the face of growing internal and external threats. The article examines modern methodological approaches to the formation of a system of indicators for ensuring economic security at the regional level, highlighting their advantages and limitations in terms of comprehensiveness, adaptability, and practical applicability in the context of the regional economy. Special attention is given to the selection criteria and principles of grouping indicators, which ensure the objectivity and completeness of monitoring the state of economic security in the region.

Keywords: economic security, regional level, assessment criteria, methodological approaches, indicator system

For citation: Ivanov A. V. Analysis of methodological approaches to the formation of a system of indicators for ensuring economic security at the regional level. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):235–239. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-235-239. EDN: WRZHGN.

В условиях нестабильной макроэкономической конъюнктуры и санкционного давления на национальную экономику особое значение приобретает своевременное выявление и нейтрализация факторов, дестабилизирующих экономику регионов. В связи с этим, эффективное обеспечение экономической безопасности на региональном уровне выступает необходимым условием не только для поддержания высокого уровня

© Иванов А. В., 2025

жизни населения, но и для реализации стратегических приоритетов социально-экономического развития государства в целом. При этом, именно регионы являются базовыми элементами национальной экономики, обладающими существенными различиями по уровню развития, структуре хозяйства, ресурсному потенциалу и уязвимости к различным видам угроз.

Учитывая данное обстоятельство, в современных условиях существенно возрастает потребность в совершенствовании теоретико-методологических подходов к анализу и оценке экономической безопасности регионов, а также в разработке адекватной системы индикаторов, обеспечивающей комплексный мониторинг состояния региональных социально-экономических систем, что, в свою очередь, становится необходимым элементом формирования эффективных управленческих решений, направленных на предупреждение и минимизацию негативных последствий кризисных явлений, своевременное реагирование на возникающие угрозы и обеспечение устойчивого развития территорий.

Исследование вопросов экономической безопасности на региональном уровне приобретает особую значимость в контексте современных вызовов и угроз, а также с точки зрения повышения эффективности государственного управления и формирования основ для долгосрочного социально-экономического роста Российской Федерации [3].

В научной литературе сформировались различные концептуальные подходы к анализу экономической безопасности регионов, отражающие разнообразие теоретико-методологических позиций и исследовательских парадигм, а также акцентирующих внимание на определенных аспектах обеспечения устойчивого развития и противодействия угрозам в региональном контексте [2] (рис. 1).

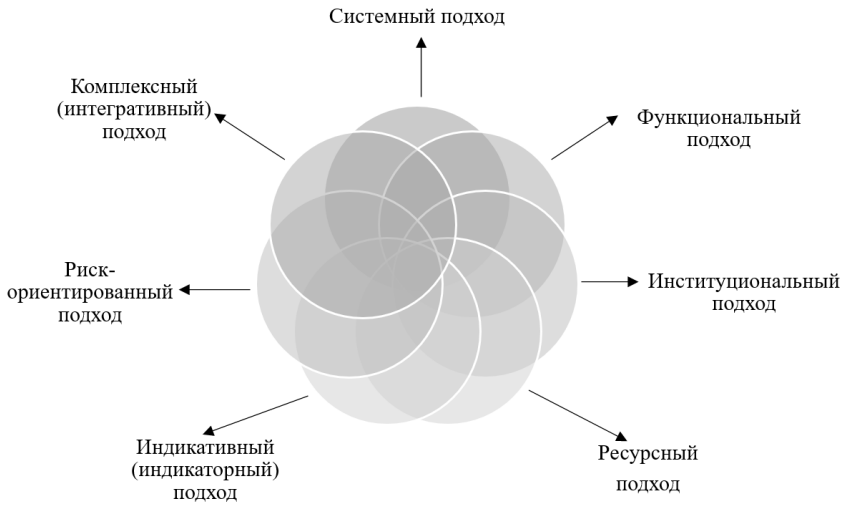


Рис. 1. Подходы к оценке экономической безопасности региона

1. Системный подход рассматривает регион как сложную, открыто функционирующую социально-экономическую систему, взаимодействующую с внешней средой. В рамках этого подхода экономическая безопасность трактуется как способность региона поддерживать устойчивое развитие, адаптироваться к изменяющимся условиям, эффективно использовать внутренние ресурсы и противостоять деструктивным воздействиям.

Отметим, что анализ осуществляется с учетом структурных элементов (экономика, социальная сфера, инфраструктура и др.), их взаимосвязей и механизмов управления, а применение системного анализа позволяет выявлять внутренние и внешние угрозы, оценивать устойчивость региональной экономики и разрабатывать комплексные меры по обеспечению безопасности.

2. Функциональный подход основывается на выделении и анализе отдельных функций экономической безопасности региона, таких как обеспечение экономической самостоятельности, устойчивости финансовой системы, инвестиционной привлекательности, инновационного развития, социальной стабильности и пр.

В рамках данного подхода исследуются механизмы реализации каждой функции, степень их сбалансированности и взаимозависимости. Данный подход способствует формированию целенаправленных инструментов управления и мониторинга экономической безопасности по отдельным направлениям.

3. Институциональный подход акцентирует внимание на роли институтов — формальных и неформальных правил, норм, организационных структур — в обеспечении экономической безопасности региона. Особое значение придается эффективности государственного и муниципального управления, наличию и качеству нормативно-правовой базы, уровню развития институтов гражданского общества, взаимодействию между органами власти, бизнесом и населением.

Анализ институциональной среды позволяет выявить барьеры и возможности для повышения экономической безопасности, а также определить направления совершенствования управленческих практик.

4. Ресурсный подход фокусируется на оценке состояния и структуры ресурсного потенциала региона

(природные, трудовые, финансовые, производственные, инновационные и др.) как основы его экономической безопасности. Исследование построено на анализе степени использования ресурсов, их воспроизводимость, уязвимость к внешним воздействиям, а также зависимость от импортируемых или дефицитных ресурсов, что позволяет оценить возможности региона по обеспечению собственной устойчивости и независимости в условиях кризисных явлений.

5. Индикативный (индикаторный) подход предполагает разработку системы количественных и качественных показателей (индикаторов), характеризующих состояние экономической безопасности региона. К числу таких индикаторов относятся: уровень валового регионального продукта на душу населения, коэффициент безработицы, уровень доходов населения, инвестиционная активность, бюджетная обеспеченность, уровень инфраструктурного развития и др. Комплексная оценка по системе индикаторов позволяет осуществлять мониторинг динамики угроз, выявлять критические значения показателей и своевременно разрабатывать корректирующие управленческие меры.

6. Риск-ориентированный подход базируется на идентификации и анализе рисков, способных негативно повлиять на экономическую безопасность региона: макроэкономические, финансовые, социальные, экологические и др.

В рамках данного подхода проводится оценка вероятности наступления неблагоприятных событий и масштабов их возможных последствий, что позволяет выстраивать систему управления рисками на региональном уровне и разрабатывать превентивные меры по снижению уязвимости социально-экономической системы.

7. Комплексный или интегративный подход объединяет элементы вышеуказанных методов анализа с целью получения наиболее полной картины состояния экономической безопасности региона. Рассматриваемый подход предполагает многоуровневый анализ с учетом специфики территориального развития, межрегиональных различий, отраслевой структуры экономики, особенностей институциональной среды и ресурсного потенциала.

Следовательно, анализ существующих научных подходов к оценке экономической безопасности региона свидетельствует о необходимости комплексного и многоуровневого рассмотрения данной проблемы. Важно отметить, что эффективность подобных исследований во многом определяется корректным выбором системы показателей и методик их оценки, что позволяет выявить ключевые угрозы и разработать действенные механизмы противодействия им [4].

В этой связи актуализируется вопрос о формировании системы индикаторов экономической безопасности на региональном уровне, где применение различных методологических подходов позволяет обеспечить полноту и объективность анализа состояния и динамики региональной экономики (рис. 2).

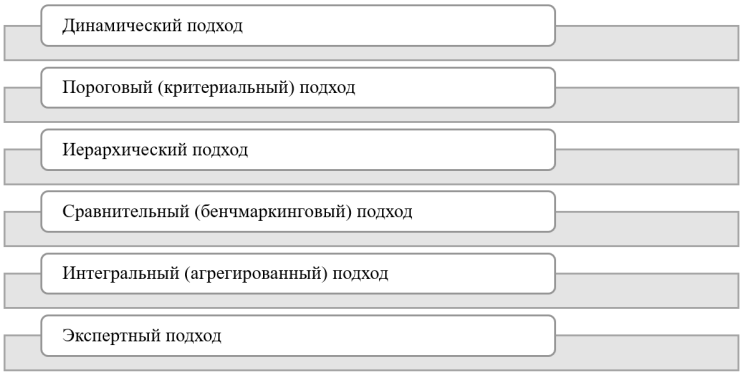


Рис. 2. Методологические подходы к формированию системы индикаторов экономической безопасности на региональном уровне

Динамический подход подчеркивает необходимость не только фиксировать текущее состояние системы, но и отслеживать изменения во времени. Для этого подбираются такие индикаторы, которые позволяют анализировать их динамику, выявлять тенденции развития и прогнозировать возможные изменения ситуации.

Пороговый (или критериальный) подход заключается в установлении для каждого индикатора пороговых значений, превышение которых свидетельствует о возникновении угроз или кризисных ситуаций. Это позволяет проводить постоянный мониторинг состояния экономики и своевременно реагировать на негативные изменения.

Иерархический подход предполагает структурирование индикаторов по уровням — от базовых (общих) к частным (отраслевым или локальным). Рассмотренная детализация анализа позволяет не только видеть общую картину состояния экономической безопасности региона, но и выявлять проблемные зоны на уровне отдельных отраслей или территорий.

Сравнительный (бенчмаркинговый) подход предусматривает сопоставление значений индикаторов с аналогичными показателями других регионов или со среднероссийскими и международными стандартами. Это дает возможность выявить относительные преимущества и слабые стороны региона, а также определить направления для повышения устойчивости.

Интегральный (агрегированный) подход предполагает использование сводных интегральных индексов для комплексной оценки экономической безопасности. Такие индексы разрабатываются на основе агрегирования частных индикаторов с помощью весовых коэффициентов и позволяют получить обобщенную характеристику состояния региона.

Наконец, экспертный подход подразумевает привлечение специалистов для определения состава и значимости индикаторов, а также для интерпретации полученных данных. Это особенно важно при учете специфических особенностей региона и при необходимости качественной оценки сложных или трудноизмеримых параметров.

В результате эффективная система индикаторов экономической безопасности региона должна строиться с учетом всех перечисленных методологических подходов. Их сочетание обеспечивает комплексность анализа, достоверность оценки состояния экономики, своевременное выявление рисков и угроз, а также выработку обоснованных управленческих решений по их предотвращению или минимизации. При этом важную роль играет определение критериев отбора индикаторов экономической безопасности региона, поскольку именно они позволяют определить, какие показатели целесообразно включить в систему мониторинга, а также каким образом их следует группировать для обеспечения полноты и объективности анализа (рис. 3). При разработке данных критериев необходимо учитывать положения Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [1].

Критерии отбора и структурирования индикаторов экономической безопасности региона представляют собой совокупность требований и подходов, позволяющих сформировать эффективную систему мониторинга и анализа состояния экономики региона, с точки зрения ее защищенности от внутренних и внешних угроз.

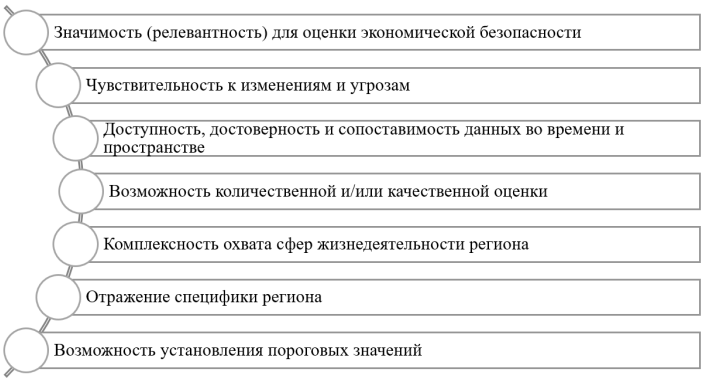


Рис. 3. Критерии отбора и структурирования индикаторов экономической безопасности региона

В первую очередь, при выборе индикаторов необходимо учитывать их значимость для оценки экономической безопасности, т. е. способность отражать ключевые аспекты устойчивости и развития региональной экономики, такие как темпы экономического роста, уровень диверсификации, инвестиционную привлекательность, состояние финансовой системы, занятость населения и другие важные параметры. Не менее важным критерием является чувствительность индикаторов к изменениям и угрозам: показатели должны оперативно реагировать на появление новых рисков или негативных тенденций, что позволяет своевременно принимать меры по их предотвращению или минимизации последствий.

Еще одним важным критерием является доступность и достоверность данных: для мониторинга должны использоваться только те индикаторы, по которым можно регулярно получать объективную информацию из официальных статистических источников или иных надежных баз данных. Кроме того, индикаторы должны быть измеримыми либо поддаваться качественной экспертной оценке в случае отсутствия точных количественных данных. Существенное значение имеет также сопоставимость показателей во времени и пространстве, что дает возможность сравнивать ситуацию в разных регионах и отслеживать динамику изменений для выявления тенденций и прогнозирования развития событий.

Система индикаторов экономической безопасности должна быть комплексной, т. е. охватывать все основные сферы жизнедеятельности региона: производственную, финансово-экономическую, социальную, экологическую, инновационную и внешнеэкономическую, что позволяет выявлять не только отдельные угрозы, но и их взаимосвязь между различными секторами экономики. При этом важно учитывать специфику конкретного региона, включая в перечень как универсальные (базовые), так и специфические для данного субъекта показатели, отражающие его уникальные особенности — например, природно-ресурсный потенциал, отраслевую структуру или геополитическое положение. Для каждого индикатора должна быть определена возможность установления нормативных или пороговых значений: превышение этих уровней служит сигналом о возникновении угрозы экономической безопасности.

Структурирование индикаторов предполагает их группировку по определенным признакам для удоб-

ства анализа и интерпретации результатов. Основные подходы к структурированию по:

1) сферам (отраслям) региональной экономики: производственная сфера (объем промышленного производства, уровень загрузки производственных мощностей и др.); финансово-экономическая сфера (бюджетная обеспеченность, уровень государственного долга, инвестиционная активность); социальная сфера (уровень занятости/безработицы, доходы населения, уровень бедности); экологическая сфера (экологическая нагрузка, выбросы загрязняющих веществ); внешнеэкономическая сфера (экспортно-импортный баланс, зависимость от внешних рынков);

2) уровням управления: макроуровень (общерегиональные показатели); мезоуровень (отраслевые/муниципальные показатели); микроуровень (показатели отдельных предприятий или территорий);

3) типу угроз: внутренние угрозы (структурные диспропорции, износ инфраструктуры); внешние угрозы (зависимость от внешних поставок, санкционные риски);

4) временным характеристикам: индикаторы текущего состояния; индикаторы динамики (тенденций и прогнозов);

5) степени агрегированности: базовые (интегральные) индикаторы; частные (детализированные) показатели.

Структурирование индикаторов предполагает их группировку по определенным признакам для обеспечения удобства анализа и интерпретации. Наиболее распространенным подходом является распределение индикаторов по сферам региональной экономики: выделяют производственную, финансово-экономическую, социальную, экологическую и внешнеэкономическую сферы. Кроме того, индикаторы могут структурироваться по уровням управления (макро-, мезо- и микроуровень), по типу угроз (внутренние и внешние), по временным характеристикам (текущие показатели и показатели динамики), а также по степени агрегированности (интегральные и частные показатели). Такой подход позволяет создать гибкую и многоуровневую систему мониторинга экономической безопасности региона, способную своевременно выявлять существующие и потенциальные угрозы для принятия эффективных управленческих решений.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.
2. Кривенцова Л. А. Концептуальные подходы к определению социально-экономической защищенности на региональном уровне // Вестник ГУУ. 2025. № 1. С. 113–120.
3. Султанов Г. С. Об экономической безопасности региона в условиях современных вызовов и угроз // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ekonomicheskoy-bezopasnosti-regiona-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov-i-ugroz
4. Сюпова М. С., Бондаренко Н. А. Система индикаторов экономической безопасности региона // Вестник ТОГУ. 2019. № 4 (55). С. 67–80.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 № 208 «On the Economic Security Strategy of the Russian Federation through 2030» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. № 20. Art. 2902.
2. Kriventsova L. A. Conceptual Approaches to Defining Socioeconomic Security at the Regional Level // Bulletin of the State University of Management. 2025. № 1. P. 113–120.
3. Sultanov G. S. On the economic security of the region in the context of modern challenges and threats // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ekonomicheskoy-bezopasnosti-regiona-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov-i-ugroz
4. Syupova M. S., Bondarenko N. A. System of indicators of regional economic security // Bulletin of Pacific National University. 2019. № 4 (55). P. 67–80.

Информация об авторе

А. В. Иванов — доцент кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the author

A. V. Ivanov — Associate Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 06.10.2025.

The article was submitted 20.09.2025; approved after reviewing 29.09.2025; accepted for publication 06.10.2025.

Научная статья
УДК 33
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-240-244
EDN: https://elibrary.ru/vxhnvk
NIION: 2003-0059-6/25-440
MOSURED: 77/27-003-2025-06-639

Феномен «государственный долг» и его влияние на экономику Российской Федерации

Андрей Александрович Корнилов
Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Тверь, Россия, root-80@mail.ru

Аннотация. Государственный долг является неотъемлемой частью современной экономики любого государства. Он представляет собой совокупность финансовых обязательств, возникающих у государства перед внутренними и внешними кредиторами в результате осуществления заимствований для покрытия бюджетного дефицита или финансирования государственных программ. В условиях глобализации и нестабильности мировой экономики исследование феномена государственного долга и его влияния на национальную экономику приобретает особую актуальность. Данная статья посвящена анализу сущности государственного долга, его форм и видов, а также исследованию влияния государственного долга на экономику Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный долг, Российская Федерация, внешний долг, внутренний долг

Для цитирования: Корнилов А. А. Феномен «государственный долг» и его влияние на экономику Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 240–244. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-240-244. EDN: VXHNVK.

Original article

The phenomenon of «national debt» and its impact on the economy of the Russian Federation

Andrey A. Kornilov
Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Tver, Russia, root-80@mail.ru

Abstract. National debt is an integral part of any modern economy. It is a collection of financial obligations that a country has to its domestic and foreign creditors as a result of borrowing to cover budget deficits or finance government programs. In the context of globalization and the instability of the world economy, studying the phenomenon of national debt and its impact on the national economy is particularly relevant. This article aims to analyze the essence of national debt, its forms and types, and the impact of national debt on the economy of the Russian Federation.

Keywords: national debt, Russian Federation, external debt, internal debt

For citation: Kornilov A. A. The phenomenon of «national debt» and its impact on the economy of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):240–244. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-240-244. EDN: VXHNVK.

В данной статье анализируется взаимодействие между изменениями в объеме государственного долга и ВВП Российской Федерации. Рассматриваются перспективы и трудности, возникающие при рациональном применении заемных средств.

Задача представленной работы — дать определение феномену «государственный долг», установить, как динамика экономического развития соотносится с показателями увеличения государственного долга, сделать выводы о влиянии государственного долга на экономику России.

Если провести среди россиян социологический опрос, в котором будут проверяться их знания в экономике, то с высокой долей вероятности окажется, что даже весьма далеким от этой темы людям знакомо такое понятие, как «государственный долг». К сожалению, зачастую их знания об этом термине ограничиваются поверхностными представлениями, которые они получают из не всегда надежных источников. На самом же деле этот вопрос требует глубокого изучения. Именно этому и будет посвящена данная статья.

Для глубокого проникновения в суть государ-

© Корнилов А. А., 2025

ственного долга целесообразно изучить взгляды наиболее известных экономических школ на этот феномен. Обратимся к научным работам, посвященным данной теме.

История экономической мысли демонстрирует разнообразие подходов к определению природы государственного долга. Несмотря на то, что первые теоретические концепции возникли еще в XVI столетии, экономисты так и не достигли консенсуса относительно воздействия государственных займов на хозяйственную деятельность. С одной стороны, кредиты рассматривались как способ покрытия бюджетных затрат, что делало госдолг важным элементом экономического регулирования. С другой стороны, долги представлялись как предвестник политических и экономических трудностей.

В XVI веке меркантилисты (Дж. Ло, Дж. Стюарт, Т. Ман) заложили основы теоретических представлений о сущности государственного долга. Рассматривая деньги как высшую форму достатка, Дж. Ло и Т. Ман выступали за их привлечение в экономику страны, одобряя при этом государственное участие в экономических процессах и финансирование расходов посредством государственных займов, как главного источника бюджетных поступлений.

Немецкие исследователи (Л. Штейн, К. Дитцель) полагали, что положительное воздействие государственных заимствований заключается в сохранении денежных средств у граждан, так как отсутствие заимствований при бюджетном дефиците вынуждает государство к радикальным мерам, например увеличению налоговых ставок. В то же время, американские теоретики К. Макконнелл и С. Брю не усматривали опасности в государственном долге для будущих поколений, основываясь на постоянной возможности правительства выполнить свои долговые обязательства, используя эмиссию денег, рефинансирование долга или увеличение налогов.

В работах К. Маркса отчетливо прослеживается его отношение к суверенному долгу. Он писал, что «… государственный долг породил акционерные общества, спекуляцию ценными бумагами, биржевой ажиотаж и, как следствие, господство банковского капитала» [1, с. 764]. Марксистская теория рассматривала государственные займы как один из ключевых механизмов первоначального формирования государственного капитала.

В отличие от Т. Мальтуса, видевшего в государственном долге способ активизации экономики, представители классической экономической теории, такие как А. Смит и Д. Рикардо, придерживались мнения, что государственные заимствования лишь ослабляют экономику. А. Смит утверждал, что государственные займы, используемые для покрытия государственных расходов, неминуемо приводят к обеднению страны, увеличению налоговой нагрузки и препятствуют накоплению капитала. Отдавая предпочтение «мягким» мерам экономической политики, ученый считал, что главным отрицательным последствием наращивания государственного долга являются не сами налоги, а отток капитала из производственной сферы в область непроизводительного потребления [2, с. 6].

Значительный вклад в научное осмысление природы государственного долга внесли и российские ученые-экономисты. Так, Е. Н. Козикова и Л. С. Гринкевич считают, что государственный долг формируется не только для сглаживания социального расслоения посредством финансирования других уровней бюджетной структуры, но и для накопления опыта в инвестиционной и налоговой сферах [3, с. 107].

Смена экономической модели на рыночную вызвала всплеск исследований в области долговых обязательств. В работах Г. В. Поповой и А. А. Кумыкова, анализирующих теоретические и практические аспекты государственных займов, главным назначением государственного долга определялась поддержка стабильности макроэкономической ситуации в стране.

Анализ научных теорий, посвященных осмыслению государственного долга, привел к заключению, что с углублением финансовой и экономической глобализации трансформировалось и научное понимание этого явления среди экономистов. В текущих условиях государственный долг представляется неотъемлемым компонентом экономической стратегии, оказывающим комплексное влияние. Разумное применение долговых инструментов в рамках эффективной долговой политики может позитивно влиять на инвестиционную привлекательность и социально-экономический прогресс страны.

Исследование позволяет утверждать, что в самом общем смысле государственный долг — это один из важнейших компонентов современной финансовой системы, оказывающий многоплановое воздействие на макроэкономическую устойчивость и перспективы развития любого государства, включая и Российскую Федерацию. Это совокупный объем непогашенных государственных заимствований с начисленными процентами на конкретную дату или в установленные периоды времени [4].

Отметим, что государственный долг возникает в определенные периоды функционирования государства, когда его расходы начинают превышать доходы [5].

Определение стратегии управления государственным долгом является прерогативой Президента, Правительства и Федерального собрания Российской Федерации.

В частности, Президент РФ, опираясь на статью 80 Конституции, устанавливает стратегические направления, целевые ориентиры и общие принципы долговой политики государства на ближайшее и отдаленное будущее. Эта политика рассматривается как составная часть внешней и внутренней политики страны. Основываясь на статье 83 Конституции Российской Федерации [6], Президент РФ наделен полномочиями по согласованию работы участников управления долговыми обязательствами через создание структуры и системы органов исполнительной власти. В ежегодном бюджетном обращении устанавливаются

главные ориентиры законотворческой деятельности, в том числе в сфере долговых отношений. Принимаемый Федеральным Собранием закон «О федеральном бюджете» утверждается Президентом РФ, определяя лимиты государственного долга, источники покрытия бюджетного дефицита и объемы государственных гарантий. Кроме того, Президент РФ имеет право утверждать социально-экономические программы, которые финансируются с использованием внутренних или внешних заемных средств.

Выполняемые функции Федерального собрания Российской Федерации как законодательного органа тесно связаны с деятельностью в отношении государственного долга Президента РФ. Как уже было отмечено ранее, в законе «О федеральном бюджете» [7] и определенные в нем программы устанавливаются на очередной год пределы государственных заимствований, внося конкретизацию в этапность исполнения долговой политики, определенной Президентом.

Причинами возникновения бюджетного дефицита могут выступать:

- рост государственных расходов (например, в связи со структурной перестройкой экономики и необходимостью развития промышленности);
- цикличность в экономике (кризис), чрезвычайные обстоятельства (войны, специальные военные операции, массовые беспорядки, крупные катастрофы, стихийные бедствия);
- неэффективность финансовой системы государства;
- неэффективность налоговой политики и проблема неуплаты налогов.

Главной предпосылкой возникновения и роста государственного долга, как мы полагаем, является, прежде всего, бюджетный дефицит, который отражает превышение государственных затрат над поступлениями. Наличие у граждан незадействованных денежных активов также играет существенную роль в формировании госдолга. Временно высвобождаемые в ходе производственных процессов капиталы инвестируются в государственные облигации, объем которых включается в общую сумму государственного долга [8].

Обычно, говоря о долге государства, подразумевают его чистый размер. Это сумма, которую страна должна будет выплатить, если все кредиторы одновременно потребуют свои деньги назад. Если после погашения всех обязательств у страны остаются средства, то чистый долг считается отрицательным. В противоположном случае он будет положительным. Чистый долг — это оставшаяся сумма после того, как государство погасит долги, используя все свои доступные резервы.

Существуют многочисленные классификации государственного долга. Наиболее значимой среди которых, как в теории, так и на практике, выступает разделение долга по источнику финансирования — на внутренний и внешний долг [9; 10; 11 и др.].

Внешний — это обязательства Российской Федерации перед другими странами и зарубежными инвесторами, компаниями. Обслуживание внешнего государственного долга подразумевает выплату регулярных платежей по процентам и погашению основного долга в иностранной валюте.

Внутренний — это обязательство перед резидентами страны, в том числе банками, крупными инвесторами и простыми гражданами, которое выражено в рублях.

Актуальную информацию о государственном долге Российской Федерации раскрывает Министерство финансов Российской Федерации. Так

объем государственного внутреннего долга Российской Федерации по состоянию на 1 декабря 2025 г. составляет 30019,275 млрд. р. в т.ч. государственные гарантии Российской Федерации в валюте Российской Федерации 772,384; объем государственного внешнего долга на 1 декабря 2025 г. составляет 56 340.9 млн. $ США в т. ч. по государственным гарантиям Российской Федерации в иностранной валюте 21876.5 [12]. Это говорит о том, что несмотря на геополитическую нестабильность и санкционное давление в связи с проведением Специальной военной операции, Российская Федерация сохраняет контроль над ситуацией в области государственных финансов. А увеличение доли внутреннего долга является стратегически важным шагом, направленным на снижение рисков, связанных с колебаниями валютных курсов и изменениями на международных финансовых рынках.

Обратим внимание, что уровень безопасности государственного долга каждая страна определяет самостоятельно, в Российской Федерации этот показатель составляет вблизи 20 %. При этом Международный валютный фонд считает уровень 60 % безопасным.

Да, темпы роста государственного долга опережают динамику ВВП, однако, как подчеркивают аналитики, это отражает активное использование заимствований для финансирования дефицита бюджета в условиях высоких расходов и ограниченного доступа к внешним рынкам капитала. Наверное, на данный период времени, это осознанная стратегия Министерства Финансов Российской Федерации, которая вместо проедания резервов и резкого ужесточения фискальной политики (хотя это тоже частично наблюдается) государство перераспределяет нагрузку во времени, опираясь на внутренний рынок. Такой подход в принципе можно назвать оправданным, особенно при сохранении номинального роста ВВП и инфляции, которые «размывают» долговую нагрузку в реальном выражении.

Почти весь прирост приходится на внутренний долг, номинированный в рублях. Это принципиально снижает валютные риски и делает обслуживание долга управляемым инструментами денежно-кредитной политики. Внешний долг государства остается минимальным и, по сути, не играет системной роли.

По соотношению с ВВП российский государственный долг остается одним из самых консервативных среди крупных экономик мира, существенно ниже показателей развитых стран. Например, в США, Италии, Франции, Великобритании государственный долг

давно превышает 100 % от ВВП и продолжает расти. У многих стран ЕС на фоне отсутствия экономического роста госдолг достигает 90 %. Получается, что эти страны практически живут в долгу у двух-трех последующих поколений. И конечно такой сценарий для Российской Федерации неприемлем. Наша страна остается в коридоре около 15–20 % ВВП. Это означает, что у Российской Федерации сохраняется значительный долговой резерв на случай экономической турбулентности. Нагрузка на бюджет, связанная с обслуживанием долга, остается умеренной, и не создает давления на фискальную систему. А ключевые риски в текущих условиях носят не столько долговой, сколько макроэкономический и политический характер: где возможно снижение доходов бюджета, высокая стоимость заимствований и ограничения на внешние рынки капитала. Так определенный риск представляет то, что в условиях жесткой-денежно-кредитной политики обслуживание нового долга, разумеется, становится дороже. Также риск заключается в концентрации заимствований внутри страны: активный выпуск облигаций федерального займа (ОФЗ), когда инвестор дает деньги в долг государству, а оно возвращает их с процентами, усиливает конкуренцию государства с частным сектором за рублевую ликвидность и в теории может вытеснять корпоративные инвестиции. Пока этот эффект ограничен, так как банковская система обладает избыточной ликвидностью, а спрос на ОФЗ со стороны институциональных инвесторов остается высоким.

Однако, важно подчеркнуть, что поддержание консервативного уровня государственного долга не должно рассматриваться как самоцель. Главная задача — обеспечение устойчивого экономического роста и повышения уровня жизни населения. В этой связи необходимо активно использовать возможности долгового финансирования для реализации приоритетных национальных проектов и стимулирования развития ключевых отраслей экономики. Инвестиции в инфраструктуру, образование, здравоохранение и научные исследования способны обеспечить долгосрочный экономический эффект и повысить конкурентоспособность страны на мировом рынке.

При этом, необходимо тщательно оценивать эффективность использования заемных средств и обеспечивать прозрачность и подотчетность процесса управления государственным долгом. Важно избегать нецелевого использования средств и коррупционных схем, которые могут подорвать доверие к государству и привести к негативным экономическим последствиям. Необходимо также развивать систему мониторинга и анализа долговых рисков, чтобы своевременно выявлять и предотвращать возможные кризисные ситуации.

В конце ноября 2025 г. Совет Федерации Российской Федерации принял законопроект о федеральном бюджете на 2026 г. и плановый период 2027–2028 гг. Согласно этому документу, верхний предел государственного внутреннего долга на 1 января 2027 г. установлен в размере 37,44 триллиона рублей, а в следующие два года — 42,16 и 47,41 триллиона рублей. Установленные параметры государственного внутреннего долга — это не просто цифры, а отражение стратегических приоритетов и амбиций страны. Они демонстрируют стремление к устойчивому росту, укреплению социальной сферы и обеспечению национальной безопасности в условиях постоянно меняющегося мира.

Увеличение внутреннего долга, хотя и требует взвешенного подхода, представляется разумным инструментом для финансирования ключевых проектов и поддержки отечественного производства. Это позволяет не только стимулировать экономическую активность, но и повышать устойчивость к внешним шокам, создавая более благоприятные условия для развития бизнеса и улучшения благосостояния граждан.

В конечном счете успех реализации бюджетной политики зависит от эффективности управления государственными финансами, прозрачности принимаемых решений и способности адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Уверенное следование выбранному курсу позволит России достичь поставленных целей и укрепить свои позиции в глобальной экономике.

Итак, мы рассмотрели различные понятие государственного долга, аспекты государственного долга Российской Федерации, от его структуры, статистических данных за 2025 г., прогнозов на период 2026–2028 гг., до потенциальных рисков и возможностей, которые он несет. Очевидно, что государственный долг — это сложный и многогранный инструмент, требующий взвешенного и ответственного подхода.

Ключевой вывод заключается в том, что влияние государственного долга на экономику России неоднозначно. С одной стороны, он может быть мощным катализатором экономического роста, позволяя финансировать необходимые инфраструктурные проекты, стимулировать инновации и поддерживать социальную стабильность. С другой стороны, чрезмерное заимствование и неэффективное управление долгом способны привести к серьезным экономическим проблемам, таким как инфляция, девальвация валюты и снижение инвестиционной привлекательности.

Поэтому важно, чтобы управление государственным долгом осуществлялось на основе четкой стратегии, учитывающей макроэкономические условия, международную конъюнктуру и долгосрочные цели развития страны. Необходимо стремиться к оптимизации структуры долга, снижению его стоимости и повышению эффективности использования заемных средств. Прозрачность и подотчетность в управлении долгом являются залогом доверия со стороны инвесторов и населения.

В конечном счете государственный долг — это инструмент, который может быть использован как во благо, так и во вред. Ответственное и продуманное управление им является ключевым фактором обеспечения устойчивого экономического развития и повышения благосостояния граждан Российской Федерации. Будущее экономики России во многом зависит от того, насколько эффективно и взвешенно будет использоваться этот мощный, но требующий особого внимания финансовый инструмент.

Список источников

1. Маркс К. Капитал. М.: Политиздат, 1976. Т.1.
2. Селезнев А. З. Государственный долг и внешние активы : учеб. пособие / Под ред. проф. В. Ю. Катасонова. М. : ИНФРА-М, 2012.
3. Гринкевич Л. С., Сагайдачная Н. К., Казаков В. В., Рюмина Ю. А. Государственные и муниципальные финансы России. М. : КноРус, 2007.
4. Вавилов Ю. Я. Государственный долг : учеб. пособие для вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Перспектива, 2010.
5. Афанасьева Т. С. Влияние государственного долга на динамику развития экономики России // StudArctic forum. № 3 (7). 2017. С. 26.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с посл. изм. и доп.) // Российская Газета. 2020. № 144 (8198).
7. Федеральный закон № 419-ФЗ от 30 ноября 2024 г. «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/
8. Бондарук Т. Г., Яковенко М. А. Государственный кредит как источник финансирования государственного долга // Современные проблемы и перспективы развития банковского сектора. 2016. С. 50–56.
9. Бабич И. В. Классификации государственного долга как элемент формирования эффективной долговой политики государства // Вестник Поволжского института управления. 2011. №. 3. С. 156–161.
10. Зуев Д. С. Государственный долг в системе экономических отношений // Инициативы XXI века. 2009. №. 4. С. 65–68.
11. Цареградская Ю. К. Государственный долг России в системе финансового права : особенности правового регулирования : монография. М. : Издательство «Проспект», 2016.
12. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/gov_debt/external_internal_debt/

References

1. Marx K. Capital. Moscow : Politizdat, 1976. Vol. 1.
2. Seleznev A. Z. Public debt and external assets : textbook / edited by Prof. V. Yu. Katasonov. M. : INFRA-M, 2012.
3. Grinkevich L. S., Sagaidachnaya N. K., Kazakov V. V., Ryumina Yu. A. State and Municipal Finance of Russia. M. : KnoRus, 2007.
4. Vavilov Yu. Ya. State debt : textbook for universitie. 3rd edition, revised and expanded. Moscow : Perspektiva, 2010.
5. Afanasyeva T. S. The impact of public debt on the dynamics of Russia's economic development // StudArctic forum. № 3 (7). 2017. P. 26.
6. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with the latest amendments and additions) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 144 (8198).
7. Federal Law № 419-FZ dated November 30, 2024 «On the Federal Budget for 2025 and the Planning Period of 2026 and 2027» (latest edition) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/
8. Bondaruk T. G., Yakovenko M. A. State credit as a source of financing for the state debt // Modern problems and prospects for the development of the banking sector. 2016. P. 50–56.
9. Babich I. V. Classification of public debt as an element of the formation of an effective debt policy of the state // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2011. № 3. P. 156–161.
10. Zuev D. S. Public debt in the system of economic relations // Initiatives of the 21st century. 2009. № 4. P. 65–68.
11. Tsaregradskaya Yu. K. The national debt of Russia in the system of financial law : features of legal regulation : monograph. Moscow : Prospekt Publishing House, 2016.
12. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/gov_debt/external_internal_debt/

Информация об авторе

А. А. Корнилов — доцент кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат технических наук.

Information about the author

A. A. Kornilov — Associate Professor of the Department of Organization and Support of Crime Detection and Investigation of the Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Candidate of Technical Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 33
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-245-251
EDN: https://elibrary.ru/xalndd
NIION: 2003-0059-6/25-441
MOSURED: 77/27-003-2025-06-640

Современные угрозы, исходящие от институциональной коррупции: теория и методология их локализации

Юрий Геннадьевич Наумов
Академия управления МВД России, Москва, Россия, naumov6112@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются современные формы воздействия институциональной коррупции на систему национальной безопасности, которые характеризуются качественной трансформацией, приводящей к деструктивным последствиям не только для всех сфер внутригосударственного развития и социальной жизни, но и для глобальных экономических процессов. В рамках экономической парадигмы данное явление интерпретируется как системный провал институтов, который искажает механизмы распределения ресурсов, повышает транзакционные издержки и создает устойчивые негативные экстерналии в масштабах мировой хозяйственной системы. С позиций экономического подхода коррупция институционального уровня рассматривается как воспроизводимая модель девиантного социального обучения, при которой через формальные и неформальные практики усваиваются антинормы, подрывающие основы правосознания и гражданской ответственности.

Современный научный дискурс, фокусирующийся на дефиниции сущности институциональной коррупции и разработке методического инструментария для ее профилактики, выявления и локализации сопряженных рисков, еще не достиг консенсуса в понимании глубинных механизмов и векторов трансформации данного феномена. Примененный в исследовании междисциплинарный синтез экономического и социологического анализа позволил верифицировать полученные результаты и сформулировать научно обоснованные выводы, связанные с необходимостью защиты суверенитета страны, сохранения доверия общества и социальной справедливости, поддержания высокой планки профессиональных стандартов чиновниками различного уровня. Эти выводы дают основания для системного признания институциональной коррупции в качестве глобальной проблемы международного уровня, а также для выявления ее структурных уязвимостей, что, в свою очередь, создает методологическую базу для разработки универсальных превентивных стратегий, адаптируемых с учетом национально-государственной специфики институциональных сред и образовательных систем.

Ключевые слова: теория институциональной коррупции, экономика, политика, социология, право, рентоискательство, рентостроительство, цифровой клептократизм, деструктивное воздействие, ключевой катализатор и мультипликатор теневой экономики, системный и мультипликативный детерминатор уровня и структуры преступности, цифровая экономика, боевые действия

Для цитирования: Наумов Ю. Г. Современные угрозы, исходящие от институциональной коррупции: теория и методология их локализации // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 245–251. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-245-251. EDN: XALNDD.

Original article

Modern threats posed by institutional corruption: theory and methodology of their localization

Yuri G. Naumov
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, naumov6112@rambler.ru

Abstract. Modern forms of institutional corruption's impact on the national security system are characterized by qualitative transformation, leading to destructive consequences not only for all spheres of domestic development and social life, but also for global economic processes. Within the framework of the economic paradigm, this phenomenon is interpreted as a systemic failure of institutions, which distorts the mechanisms of resource allocation, increases

© Наумов Ю. Г., 2025

transaction costs and creates persistent negative externalities in the global economic system. From the standpoint of the economic approach, corruption at the institutional level is considered as a reproducible model of deviant social learning, in which antinorms are internalized through formal and informal practices that undermine the foundations of legal awareness and civic responsibility.

The modern scientific discourse, which focuses on defining the essence of institutional corruption and developing methodological tools for its prevention, identification and localization of associated risks, has not yet reached consensus on understanding the deep mechanisms and vectors of transformation of this phenomenon. The interdisciplinary synthesis of economic and sociological analysis applied in the study made it possible to verify the results obtained and formulate scientifically sound conclusions related to the need to protect the country's sovereignty, preserve public trust and social justice, and maintain a high standard of professional standards by officials at various levels. These findings provide grounds for the systematic recognition of institutional corruption as a global problem at the international level, as well as for identifying its structural vulnerabilities, which, in turn, creates a methodological basis for developing universal preventive strategies that are adaptable to national and state specifics of institutional environments and educational systems.

Keywords: theory of institutional corruption, economics, politics, sociology, law, rent-seeking, rent-building, digital kleptocracy, destructive impact, key catalyst and multiplier of the shadow economy, systemic and multiplicative determinant of the level and structure of crime, digital economy, fighting

For citation: Naumov Yu. G. Modern threats posed by institutional corruption: theory and methodology of their localization. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):246–251. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-246-251. EDN: XALNDD.

Исследования ведущих коррупттологов[1] констатируют институциональный характер коррупции во всех странах мира, что проявляется в существовании устоявшихся технологий на коррупционные сценарии передела глобальных ресурсов. При этом отмечается весомое значение современной теории институциональной коррупции, которая предлагает системный аналитический инструментарий оценки деструктивного воздействия на государственные и общественные институты.

Теория институциональной коррупции рассматривает коррупцию как глубоко укоренившуюся систему, где неформальные правила и практики срастаются с формальными институтами, делая их неэффективными и предвзятыми, при этом коррупция легализуется в структуре принятия решений и управления, создавая препятствия развитию социума и безопасности. Это правило действует в мировых геополитических отношениях, где реализуются криминальные сценарии по захвату ресурсов с использованием институциональной коррупции.

Необходимо отметить, что в развитых странах коррупция существует как один из институтов, в то время как во многих развивающихся она становится доминирующим, системным явлением.

Профессор Сьюзан Роуз-Аккерман в конце 1970-х гг., изменив направление исследований, внесла существенные изменения в изучение коррупции из описательного морализаторства в строгую область политэкономического анализа, связав микроуровень (взятка) с макроуровнем (институты, рыночная структура). Ее работы стали отправной точкой для большинства последующих исследований. Исследователи данного научного направления внесли критически важный вклад в разные аспекты этой комплексной проблемы.

Значительный вклад в развитие теории в 2000–2010-е гг. внесли работы Л. М. Тимофеева и С. Кордонского, а также количественные исследования фонда ИНДЕМ, показавшие колоссальные объемы коррупционных платежей. Власть презентабильно отреагировала принятием ряда ключевых документов, таких как Федеральный закон «О противодействии коррупции» и Национальная стратегия, где коррупция признавалась системной угрозой безопасности. Однако официальный подход, декларирующий цель полного искоренения причин коррупции, к нашему большому сожалению, по-прежнему носит больше декларативный характер и не вполне соответствует идеальному научному пониманию институциональной коррупции как глубоко укорененной, неустранимой полностью практики, что требует рациональному управлению и минимизации ее последствий, чем тотальной ликвидации.

Кроме того, современная теория институциональной коррупции по-прежнему акцентирует научные исследования на диалектическую природу коррупции, которая, выполняя парадоксальную функцию ресурсного обеспечения института, одновременно деструктивно воздействует на его легитимность, подрывая общественное доверие.

Важным методологическим принципом, релевантным для экономического подхода в формировании антикоррупционной культуры, является тезис о безличном характере институциональной коррупции, где

[1] Сьюзан Роуз-Аккерман, Дуглас Норт, Энн Крюгер, Гордон Таллок, Роберт Клитгаард, Дэни Родрик, Дарон Аджемоглу, Джеймс Робинсон, Аль Сен, Джонстон Майкл, Иван Крастев, Стивен Холмс, Петер Эйген, Зафия Нава и др.

акторы могут действовать без корыстных мотивов, руководствуясь институциональными интересами, что усложняет идентификацию и профилактику данного явления.

Экономический ракурс анализа выявляет, что коррупция, выступая как неформальный институт, искажает конкурентные механизмы и распределение ресурсов, требуя для ее минимизации разработки альтернативных, прозрачных институциональных процедур, а также оценки деструктивного воздействия на государственные и общественные институты.

Комплексное осмысление этого феномена в междисциплинарной парадигме, интегрирующей политологический, экономический и педагогический подходы, является императивом для консолидации межстрановых усилий, направленных на разработку скоординированных стратегий предупреждения коррупции и нейтрализации ее негативных социально-экономических последствий в глобальном масштабе.

Синтез отрицательных экономических и социальных эффектов институциональной коррупции способен перевести уровень угроз на самый высокий уровень. В качестве примера обозначим основные вызовы и угрозы, исходящие от институциональной коррупции:

- деструктивное воздействие на экономическую и национальную безопасность государства;
- ключевой катализатор и мультипликатор теневой экономики;
- системный и мультипликативный детерминатор уровня и структуры преступности;
- адаптация в цифровой сфере экономики;
- в условиях боевых действий.

Рассмотрим основные вызовы и угрозы, исходящие от институциональной коррупции, более подробно.

Деструктивное воздействие институциональной коррупции на экономическую и национальную безопасность государства носит мультипликативный характер, требуя для своей нейтрализации стратегического сочетания мер по оптимизации институциональной среды, перестройке экономических стимулов и целенаправленному формированию нового типа правосознания, что в совокупности составляет необходимое условие для обеспечения устойчивого развития и укрепления государственного суверенитета.

Институциональная коррупция, рассматриваемая сквозь призму экономического анализа, представляет собой эндогенный системный сбой, при котором коррупционные практики инкорпорируются в формальные и неформальные правила функционирования институтов, формируя устойчивые паттерны ренто-ориентированного поведения. Это приводит к существенным макроэкономическим дисбалансам, включая сокращение прямых иностранных инвестиций вследствие роста транзакционных издержек и рисков, а также к системному искажению рыночных механизмов, что выражается в неэффективной аллокации бюджетных ресурсов, деформации конкурентной среды и расширении теневого сектора.

На структурном уровне наблюдаются негативные эффекты в виде формирования барьеров для входа на рынки, консервации сырьевой модели за счет перетока капитала в коррупционноемкие отрасли и торможения инновационных процессов, что в совокупности обусловливает деградацию человеческого капитала и долгосрочное снижение потенциального ВВП.

С позиций теории человеческого капитала данный феномен воспроизводит деструктивные социальные нормы и практики, подрывая основы гражданского воспитания и формируя у агентов экономики искаженные стимулы, где успех ассоциируется не с созидательной деятельностью, а со способностью интегрироваться в патрон-клиентские сети. Это детерминирует кризис доверия как ключевого нематериального актива государственного управления, ослабляет легитимность институтов и нарушает базовый общественный договор, что в системной перспективе ведет к политической дестабилизации и усилению социального неравенства.

Коррупционная рента возможна при наличии у чиновника специальных административно-распорядительных полномочий, например, таких как:

- управление государственным имуществом;
- осуществление государственных закупок;
- полномочия в области судопроизводства;
- контроль и надзор;
- предоставление услуг гражданам и организациям (выдача лицензий, справок, разрешений, свидетельств и т. д.);
- распределение средств (субсидий, грантов и т. д.);
- полномочия в сфере контроля секретов, кадровой политики и др.

Современный коррупционер осуществляет свою криминальную латентную миссию через рентоискательство и рентостроительство, когда размер абсолютной выгоды от коррупции для него очевиден и превалирует над опасностью быть наказанным.

В этой связи суверенитет страны и императивы социальной справедливости целиком и полностью должны соответствовать поддержанию высокой планки профессиональных стандартов государственной службы.

В контексте национальной безопасности институциональная коррупция порождает экстерналии в виде уязвимости к внешнему влиянию, снижения международного суверенного кредитного рейтинга и риска применения ограничительных мер, поскольку она напрямую коррелирует с таким явлением, как state capture, когда процессы нормотворчества и распределения ресурсов подвергаются влиянию частных интересов.

Противодействие данной угрозе с экономико-управленческой точки зрения требует реализации

координированного пакета институциональных реформ, направленных на минимизацию дискреционных полномочий через цифровизацию услуг, обеспечение подлинной независимости надзорных органов и внедрение прозрачных конкурентных процедур, в первую очередь в сфере государственных закупок и управления активами.

Параллельно необходима образовательно-воспитательная работа по формированию нулевой терпимости к коррупции как социальной нормы, чему способствует внедрение соответствующих педагогических методик на всех уровнях образования и эффективная защита информаторов.

Институциональная коррупция, понимаемая как системное использование публичных полномочий для частной выгоды, выступает ключевым катализатором и мультипликатором теневой экономики и организованной преступности, формируя устойчивую порочную взаимосвязь.

Функционально она создает институциональную среду, в которой издержки легальной деятельности искусственно завышаются, а риски нелегальной — минимизируются, что переориентирует экономических агентов на внеправовые стратегии.

Конкретные механизмы этого влияния включают:

- прямое покровительство, когда коррумпированные представители государственного аппарата за вознаграждение обеспечивают теневому бизнесу и организованным преступным формированиям иммунитет от контроля и преследования, что де-факто легализует их деятельность;
- коррупция искажает систему экономических стимулов, превращая взятку в обязательный неформальный налог; это вытесняет с рынка добросовестных агентов, повышает барьеры входа и делает теневые операции, включая отмывание доходов, наиболее рациональным выбором для максимизации прибыли;
- происходит стратегическое сращивание элит и криминальных структур, ведущее к приватизации ключевых государственных функций (силовых, судебных, регуляторных) и их подчинению интересам преступных сетей, что усиливает их могущество и расширяет сферу влияния;
- системная коррупция подрывает базовое доверие к правовым институтам, формирует культуру нормативности противоправных практик и блокирует любые попытки антикоррупционных или правоохранительных реформ, так как они угрожают сложившейся системе распределения коррупционной ренты.

Таким образом, институциональная коррупция не просто сопровождает, а структурно порождает и воспроизводит условия для экспансии теневой экономики, создавая гибридный порядок, в котором формальные правила подменяются неформальными коррупционными сделками, а легальные экономические институты теряют способность к эффективному функционированию и обеспечению общественных благ, что в долгосрочной перспективе ведет к системной деградации государственности и экономики.

Институциональная коррупция оказывает системное и мультипликативное воздействие на уровень и структуру преступности, выступая не в роли рядового фактора, а в качестве ключевого катализатора, трансформирующего саму криминогенную среду и подрывающего функциональность правоохранительных институтов.

Основной механизм заключается в прямой детерминации, когда коррумпированные представители государственного аппарата, включая правоохранительные и судебные органы, обеспечивают селективную безнаказанность организованным преступным группам посредством саботажа расследований, манипуляции доказательствами и судебными решениями, что институционализирует симбиоз власти и криминала.

Это порождает эрозию верховенства права и диффузию моральных норм, снижая субъективные издержки совершения преступлений для широких слоев населения — наслаиваются патологические поведенческие модели через наблюдаемые практики безнаказанности. Происходит падение доверия и отказ от кооперации граждан с правоохранительной системой, снижается раскрываемость и повышается латентность преступлений.

Экономический аспект проявляется в создании барьеров для легального предпринимательства и перераспределении ресурсов в пользу теневых и криминальных схем, что, усиливая социальное неравенство и маргинализацию, формирует структурные предпосылки для рекрутирования в преступную деятельность как рациональной экономической стратегии.

Качественная трансформация преступности выражается в ее прогрессирующей организованности, латентности и переходе в сферу экономических и киберпреступлений, при одновременном вытеснении менее рентабельной уличной преступности.

Институциональная коррупция создает угрозу общественной безопасности, часто генерируя техногенные катастрофы и другие происшествия. Так, многолетняя практика закупки для ЖКХ бракованных труб и другого сантехнического оборудования по коррупционным технологиям с извлечением криминальной прибыли приводит к авариям в условиях морозов с отключением тепла. Сама атмосфера коррупционной безответственности может спровоцировать чрезвычайные происшествия с отягчающими вину последствиями.

Институциональная коррупция порождает самовоспроизводящийся порочный круг (vicious circle),

где ослабленные институты утрачивают монополию на насилие и способность к сдерживанию, а преступность, будучи одновременно причиной и следствием коррупции, становится устойчивой системной характеристикой социума, требующей для своего преодоления не оперативно-силовых мер, а глубокой институциональной и ценностной реконструкции.

Институциональная коррупция в условиях цифровой экономики адаптируется, мигрируя из физической в цифровую сферу и манипулируя данными, алгоритмами и доступом, что системно извращает ее фундаментальные принципы — прозрачность, конкуренцию и меритократию, порождая риски формирования «цифрового клептократизма».

Системный и массовый характер коррупции получил мощный импульс сетевого развития через современные коммуникационные технологии, что усилило рост таких преступлений как кибертерроризм, киберэкстримизм и киберкоррупция.

При этом ожидаемая эффективность противодействия киберпреступности со стороны правоохранительных органов пока еще полностью не обеспечена инновационными технологиями и ресурсами ее локализации.

Коррупция представляет собой системный риск, дестабилизирующий основы цифровой экономики посредством множества взаимосвязанных каналов воздействия. В качестве ключевой угрозы выступает искажение конкурентной среды, проявляющееся в предоставлении регуляторных преференций крупным игрокам через коррупционные схемы, что создает искусственные барьеры для входа на рынок малых инновационных компаний и подавляет предпринимательскую активность как основной драйвер технологического развития.

Фаворитизм в сфере государственных заказов приводит к замещению оптимальных технологических решений неэффективными или устаревшими аналогами, подрывая качество цифровой трансформации. Важнейшим следствием является эрозия доверия к цифровым системам и институтам, возникающая из-за компрометации данных в коррумпированных органах, манипуляций при выборе подрядчиков для критической инфраструктуры и дискредитации электронных услуг вследствие сохранения неформальных практик.

Искусственный интеллект как классическая технология dual use (технология двойного назначения) стал активно применяться коррупционерами для реализации своих корыстных намерений (разведанализа, управления кибероперациями и ускорения принятия криминальных решений).

Значительную опасность представляют угрозы кибербезопасности и национальной безопасности, включающие выдачу сертификатов соответствия продуктам с уязвимостями, сговор с киберпреступниками и внедрение вредоносных компонентов через коррумпированные цепочки поставок.

Коррупция обуславливает неэффективное расходование ресурсов, выражающееся в неоптимальном освоении бюджетов на цифровизацию и искажении приоритетов в сторону проектов, позволяющих максимизировать откаты, а не решать общественные задачи, что усугубляет цифровое неравенство.

В правовом поле коррупционные практики ведут к созданию «цифрового фасада» при формально прогрессивном регулировании, а также к использованию цифровых систем как инструмента рейдерства и давления, что в совокупности провоцирует отток человеческого и финансового капитала.

Противодействие данным угрозам требует не только внедрения технологических инструментов, но и глубоких институциональных реформ, обеспечивающих независимость судебной системы, свободу медиа и действенные механизмы публичной подотчетности.

Институциональная коррупция в условиях боевых действий представляет серьезный системный риск для любого воюющего государства, обусловленный чрезвычайными обстоятельствами, колоссальными финансовыми потоками и ослаблением сдержек и противовесов. Так, Украина, вовлеченная странами ЕС и США с использованием коррупционного инструментария в новые экономические отношения, как государство, находится в процессе постоянного реформирования своих институтов, и на этот процесс война оказывает двойственное влияние: с одной стороны, создавая новые угрозы, с другой — актуализируя необходимость прозрачности для получения международной поддержки. В свою очередь международные поставки стратегических ресурсов связаны с криминальным обогащением как поставщиков, так и коррумпированной украинской элитой.

Доказательством элитарной коррупции стало (в ноябре 2025 г.) расследование Национальным антикоррупционном бюро Украины (НАБУ) дела о коррупции (откаты в размере 10–15 % по контрактам с «Энергоатомом») в высших эшелонах власти в сфере энергетики соратником В. Зеленского и А. Ермака — бизнесменом Т. Миндичем.

Коррупционные риски в условиях боевых действий усиливаются за счет ряда факторов: делегирования чрезвычайных полномочий и упрощения процедур, что снижает прозрачность и подотчетность; концентрации значительных финансовых потоков на оборону и восстановление; децентрализации управления и ослабления контрольных функций в условиях хаоса; использования патриотической риторики для дискредитации критики; ограничения возможностей институтов гражданского общества; расцвета теневой экономики.

В этих условиях институциональная коррупция

проявляется в специфических формах: коррупция в сфере государственных закупок для нужд обороны, хищения гуманитарной помощи, злоупотребления в процессе мобилизации, незаконное присвоение имущества на оккупированных или освобожденных территориях, манипуляции с учетом личного состава и финансовым обеспечением войск, а также коррупционные схемы при планировании восстановительных работ.

На первый план выходят специальное управление колоссальными объемами международной помощи, работа в условиях специальных упрощенных процедур закупок и организация восстановления. Ответные меры, направленные на сдерживание коррупции, включают деятельность специализированных довоенных антикоррупционных институтов (НАБУ, САП, ВАКС), развитие общественного контроля и другое, которые в условиях войны носят условный характер с учетом корыстного замысла действующих политических элит.

Таким образом, из перечисленных основных рисков и угроз, исходящих от институциональной коррупции, следует весьма негативный контекст возрастающей международной проблемы.

С целью снижения рисков и угроз необходимо сосредоточить внимание на реализации мероприятий по:

- внедрению систем антикоррупционного мониторинга, с помощью которого будет регулярно анализироваться уровень распространения коррупции в разных сферах на основе макро- и мезоэкономической статистики, а также опросов общественного мнения;
- максимизации прозрачности и подотчетности путем публикации открытых данных, развития цифровых государственных сервисов, введения обязательного раскрытия информации о бенефициарных владельцах;
- созданию и поддержанию конкурентной среды на основе последовательной антимонопольной политики, обеспечения недискриминационного доступа к инфраструктуре, организации прозрачных и честных процедур государственных закупок;
- обеспечению функциональной независимости судебной системы и правоохранительных органов как ключевых институтов, гарантирующих защиту прав собственности и исполнение контрактов на беспристрастной основе;
- реформированию института государственной службы для формирования позитивных стимулов, включая конкурентоспособное вознаграждение, меритократический карьерный рост и системную ротацию кадров.

Консолидированное гражданское общество должно иметь право не только оценивать работу чиновников и депутатов, но и в упрощенной форме отзывать тех из них, кто свою государственную службу обращает в извлечение криминальной прибыли.

Таким образом, комплексный анализ институциональной коррупции в рамках междисциплинарной парадигмы позволяет концептуализировать ее как глобальное системное явление, глубоко инкорпорированное в политико-экономические и социальные структуры. Данный феномен трансцендирует сумму отдельных коррупционных актов, представляя собой институциональную дисфункцию, выраженную в симбиозе неформальных практик с формальными институтами, что детерминирует деформацию государственных механизмов, эрозию их легитимности и операционной эффективности.

С экономической точки зрения, институциональная коррупция выступает существенным барьером для долгосрочного экономического роста, искажая рыночные механизмы аллокации ресурсов, мультиплицируя трансакционные издержки, подавляя инвестиционную активность и инновационный потенциал, а также подрывая фундаментальные институты рыночной экономики — доверие, добросовестную конкуренцию и надежную защиту прав собственности, что провоцирует расширение теневого сектора.

В социально-экономическом измерении она воспроизводит деструктивные социальные нормы и практики, кристаллизует аномию, подрывает доверие к публичным институтам, усугубляет социально-экономическое неравенство и ведет к кризису общественного договора, требуя целенаправленного формирования антикоррупционной культуры через образовательные системы и механизмы гражданской социализации.

В контексте цифровой трансформации и глобальной нестабильности коррупционные практики адаптируются, эволюционируя в формы «цифрового клептократизма», что усиливает системные риски за счет снижения прозрачности и концентрации контролируемых ресурсов.

Противодействие этому системному вызову требует комбинированной стратегии, синтезирующей институциональные реформы, направленные на обеспечение независимости судов, прозрачность процедур и минимизацию дискреционных полномочий, экономические меры по созданию конкурентной среды и оптимизации стимулов, а также социально-педагогические инструменты, нацеленные на инкультурацию антикоррупционных ценностей, защиту информаторов и развитие общественного контроля.

Эффективное противодействие институциональной коррупции в различных странах мира станет возможно только при условии ликвидации монопольного всевластного положения политических элит и бюрократии.

Ключевым условием эффективности данной стратегии является ограничение монополии административного и политического ресурса элит, наряду с ак-

тивизацией роли гражданского общества в процессах публичной подотчетности.

Таким образом, минимизация институциональной коррупции предполагает не столько репрессивные меры, сколько комплексную трансформацию институциональной среды, модификацию формальных правил и системы стимулов для всех экономических агентов, что требует долгосрочных скоординированных усилий в рамках экономического, правового и социологического подходов, подкрепленных международным сотрудничеством.

Библиографический список

1. Кордонский С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России (организационная структура советского административного рынка и логика ее постперестроечной трансформации). М., 2000.
2. Латов Ю. В. Институциональная коррупция в современной России и проблема политической воли // Российский следователь. 2012. № 1.
3. Левин М. И., Сатаров Г. А. Коррупция в России : классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10.
4. Наумов Ю. Г. Институциональная коррупция как угроза экономической безопасности : тенденции и перспективы противодействия : монография. М.: Академия управления МВД России, 2012.
5. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Вып. 35. № 2.
6. Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция. Очерки теории. М., 2000.
7. Роуз-Аккерман С., Палифка Б. Дж. Коррупция и правительство : причины, последствия и реформы. 2-е изд. Оксфорд, 2016.

Bibliographic list

1. Kordonsky S. Markets of power. The administrative markets of the USSR and Russia (the organizational structure of the Soviet administrative market and the logic of its post-perestroika transformation). M., 2000.
2. Latov Yu. V. Institutional corruption in modern Russia and the problem of political will // A Russian investigator. 2012. № 1.
3. Levin M. I., Satarov G. A. Corruption in Russia : classification and dynamics // Economic issues. 2012. № 10.
4. Naumov Yu. G. Institutional corruption as a threat to economic security : trends and prospects of counteraction : monograph. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012.
5. Polterovich V. M. Institutional traps and economic reforms // Economics and mathematical methods. 1999. Issue 35. № 2.
6. Timofeev L. M. Institutional corruption. Essays on Theory. M., 2000.
7. Rose-Ackerman S., Palifka B. J. Corruption and government : causes, consequences and reforms. 2nd ed. Oxford, 2016.

Информация об авторе

Ю. Г. Наумов — профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

Yu. G. Naumov — Professor of the Department of Financial, Economic, Logistical and Medical Support of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 336.02
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-252-255
EDN: https://elibrary.ru/vewbnu
NIION: 2003-0059-6/25-442
MOSURED: 77/27-003-2025-06-641

Динамика исчисления и перспективы развития акциза на сахаросодержащие напитки в России

Мадина Руслановна Тускаева
Владикавказский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Владикавказ, Россия, madina.tuskaewa@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается необходимость внедрения акциза на сахаросодержащие напитки, анализируется динамика исчисления в целях определения его роли в структуре налоговой системы Российской Федерации. Кроме того, определяются основные проблемы налога и выделяются приоритетные направления развития.

Ключевые слова: налоговая система, косвенное налогообложение, акцизы, акциз на сахаросодержащие напитки, перспективы развития акцизов

Для цитирования: Тускаева М. Р. Динамика исчисления и перспективы развития акциза на сахаросодержащие напитки в России // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 252–255. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-252-255. EDN: VEWBNU.

Original article

Dynamics of calculation and prospects of excise tax on sugar-containing beverages in Russia

Madina R. Tuskaeva
Vladikavkaz branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz, Russia, madina.tuskaewa@yandex.ru

Abstract. The need to introduce an excise tax on sugar-containing drinks is considered, the dynamics of the calculation is analyzed in order to determine its role in the structure of the tax system of the Russian Federation. In addition, the main problems of the tax are identified and priority areas of development are identified.

Keywords: tax system, indirect taxation, excise taxes, excise tax on sugar-containing beverages, prospects for the development of excise taxes

For citation: Tuskaeva M. R. Dynamics of calculation and prospects of excise tax on sugar-containing beverages in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):252–255. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-252-255. EDN: VEWBNU.

Введение. Современное состояние налоговой системы Российской Федерации свидетельствует о значительной доле поступлений косвенных налогов в бюджетную структуру страны, именно поэтому государством принимаются всевозможные меры для расширения как самого перечня обязательных платежей, так и масштабов их распространения.

Основная часть. Опираясь на данные отчетов Федерального Казначейства об исполнении консолидированного бюджета страны за период 2020–2024 гг., необходимо выделить основные тенденции развития косвенных налогов, динамика поступлений доходов от которых в современной России представлена в табл. 1.

Анализируя данные, представленные в табл. 1, необходимо отметить явное падение показателей в 2022 г., обусловленное, в первую очередь, состоянием нестабильности в экономической и политической сфере, что наиболее отчетливо отражается в структуре акцизов, исчисляемых с товаров, реализуемых на территории страны, относительное изменение которых достигает — 245 %.Вызван подобный спад показателей, в первую очередь, необходимостью возмещения по акцизам на нефтяную продукцию, кратно увеличивающуюся в размерах отчислений в связи

© Тускаева М. Р., 2025

с тенденцией к повышению цен на нефть с одновременным увеличением курса доллара. Вместе с тем, стоит отметить определенный стабильный рост показателей собираемости акцизов на ввозимые на территорию РФ товары, нарушенный лишь в уже упомянутом кризисном 2022 г., однако уже в следующем показавший резкое повышение, несмотря на ограничения импорта и введение санкций, что в большей степени может быть обусловлено эффективной государственной политикой по преодолению кризисных ситуаций, выраженную, к примеру, в развитии «серого импорта».

Таблица 1

Динамика поступлений косвенных налогов в консолидированный бюджет РФ 2020–2024 гг., млн руб.

Вид налога	2020	2021	2022	2023	2024
Налоги на товары, реализуемые на территории РФ:	6 101 882,9	6 154 704,2	5 504 674,4	6 505 530,8	7 657 857,4
НДС	4 268 719,8	5 479 447,8	6 489 478,1	7 182 530,6	8 733 932,7
Акцизы	1 833 163,1	675 256,4	- 984 803,7	- 676 999,8	-1 076 075,2
Налоги на ввозимые товары:	3 035 686,3	3 865 731	3 167 343,4	4 596 356,4	5 025 573,3
НДС	2 933 592,3	3 733 106,6	3 063 519	4 432 167,7	4 789 172,5
Акцизы	102 094	132 624,3	103 824,4	164 188,6	236 400,8

В рамках комплексной целенаправленной борьбы с преодолением падения целевых показателей косвенных налогов, государственными органами на период 2023 г. было принято решение об индексации ставок на основную категорию подакцизных товаров, — табачную продукцию, а также введении качественно нового обязательного платежа, — акциза на сахаросодержащие напитки, чья история развития берет свое начало еще с 2015 г., когда в пакете законопроекта рассматривались и иные «вредные» для здоровья населения продукты, к примеру, — чипсы. Однако на тот момент принятие акциза на сахаросодержащие напитки не представлялось возможным в связи с уже определенным вектором развития налоговой политики на ближайшую перспективу и невозможностью его дополнения. Тем не менее, в конце 2022 г. в рамках повышения эффективности налоговой политики страны, проект закона о введении акциза вновь был подан на рассмотрение Государственной Думой и уже с 1 июля 2023 г. официально вступил в силу. Первоначально, помимо характерной для косвенных налогов, фискальной направленности, выражающейся в пополнении бюджетов различных уровней, в риторике государственных структур оглашалась также и социальная направленность налога, — перераспределение поступивших денежных средств на борьбу с сахарным диабетом. Таким образом, основными функциями акциза на сахаросодержащую продукцию, согласно официальной риторике, стали:

- обеспечение притока дополнительных средств в бюджетную систему страны;
- реализация государственной политики оздоровления населения, выражающейся в регулировании рыночных показателей, таких как спрос и предложение, путем воздействия на ставку акциза, увеличение которой ведет к сокращению предложения потенциально нездоровой продукции, что, в свою очередь, приводит к неправомерному росту цен, сокращая спрос на указанный вид продукции, уменьшая его потребление.

В качестве основных подакцизных товаров, согласно ст. 181 НК РФ, принято рассматривать:

- товары, чьей основой является питьевая, либо минеральная вода, а одним из ключевых ингредиентов, — сахар или его производные аналоги. Необходимо отметить, что целевым индикатором количества сахара является число углеводов на 100 мл готовой продукции, таким образом, в случае превышения 5 гр. продукт считается подакцизным;
- товары, поступающие в продажу в потребительской (стеклянной/пластиковой) упаковке, а с 2025 г. в данный перечень входит также и транспортная упаковка;
- товары, алкогольная крепость которых не превышает 1,2 %.

Первоначально ставка акциза составила 7 руб./л., оплата же, в связи со спецификой исчисления обязательного платежа, осуществлялась по факту продажи продукта на месте производства. Необходимо отметить, что указанная ставка применялась довольно продолжительный для акцизов период времени в полтора года, — до 31 декабря 2024 г. включительно. Связан подобный срок был, в первую очередь, с относительной новизной обязательного платежа и необходимостью изучения особенностей его взимания, а также выделения основных паттернов развития. В дальнейшем, — с 1 января 2025 г., размер ставки был проиндексирован, составив 10 руб. за 1 л. продукции,

что, в свою очередь, является прямым следствием повышением влияния внешнеэкономических факторов и определенной нестабильности, а также необходимостью пополнения доходной составляющей бюджета.

Несмотря на довольно низкий размер ставок акциза, необходимо отметить немалый объем поступлений в консолидированный бюджет страны. Так, рассматривая отчеты Федерального Казначейства об исполнении бюджета, структурированные в табл. 2, можно заметить относительно неплохие значения собираемости налога.

Таблица 2

Динамика поступлений акцизов в консолидированный бюджет РФ 2020–2024 гг., млн руб.

Вид налога	2023	2024	01.05.2025
Налоги на товары, реализуемые на территории РФ:	6 505 530,8	7 657 857,4	2 853 142,2
Акцизы	-676 999,8	-1 076 075,2	-148 874,5
Акциз на сахаросодержащие напитки, производимые на территории РФ	6916,1	18 773,3	7669,5
Налоги на ввозимые товары:	4 596 356,4	5 025 573,3	1 469 501,6
Акцизы	164 188,6	236 400,8	51 770,2
Акциз на ввозимые сахаросодержащие напитки	1164,4	2901,5	1264

Анализируя темпы роста поступления акциза на сахаросодержащие напитки, необходимо, несмотря на относительную новизну налога, отметить резкий рост доходности, с 6916,1 млн руб. в 2023 г. до 18 773,3 млн руб. в 2024 г., что, с одной стороны, с учетом относительно низких ставок, отсутствием нормативно-правовой базы и практики исчисления, довольно четко отражает всю масштабность географического распространения указанного акциза на территории России и свидетельствует об эффективности его использования, с другой же, — не является достоверным источником в связи с уже упомянутой новизной обязательного платежа и связанной с этим невозможностью отслеживания опыта прошлых лет и получения объективной картины динамики отчислений. Однако, рассматривая данные, отраженные в табл. 2, необходимо отметить прирост налоговых поступлений по акцизу на сахаросодержащие напитки в 2025 г., который, для сравнения, за первые пять месяцев 2025 г. уже продемонстрировал собираемость выше дебютного для налога 2023 г. Кроме очевидных причин роста показателей доходности акциза, в виде закрепления основных положений качественно нового обязательного платежа, источником дополнительных поступлений может стать и расширение перечня «сахаросодержащих» товаров, который с 2025 г. также включает в себя обогащенную питательными веществами продукцию и квас, содержание этилового спирта, в котором, не превышает 1,2 %.

В рамках изучения тенденций развития акциза на сахаросодержащие напитки в России целесообразно рассмотреть также и международный опыт исчисления налога, анализ которого определяет, что актуальность обязательного платежа обусловлена масштабами применения, — по состоянию на 2025 г. география распространения насчитывает более 60 стран и постоянно увеличивается. Стоит заметить также, что в большинстве стран акциз был введен в течение последнего десятилетия, благодаря чему можно говорить о комплексности мирового тренда на оздоровление, структурным компонентом которой является ограничение потребление сахара. Безусловным лидером в данной сфере по данным Роспотребнадзора на 2020 г. являются США, в налоговой системе, которого, налогообложение сахаросодержащих напитков на федеральном уровне не предусмотрено, а развито на местном уровне, в отдельных городах (Беркли, Сан-Франциско) по твердым ставкам в зависимости от содержания сахара и калорийности напитка.

Заключение. Однако, опираясь на международный опыт применения акциза на сахаросодержащие напитки, необходимо выделить приоритетные направления развития для нашей страны в качестве основных примеров, в частности, можно рассматривать.

1. Введение дифференцированной налоговой ставки пропорционально количеству сахара в подакцизном товаре, примерами реализации которой могут стать Великобритания, облагающая по ставке 0,18 фунтов напитки с содержанием сахара от 5 до 8 гр. на 100 мл и 0,24 фунта за превышение 8 гр. на 100 мл и Хорватия, применяющая четыре вида ставок, также согласно объему сахара в конечном продукте. Целесообразно также отметить, что в Великобритании, как и в России, напитки с содержанием сахара менее 5 гр. на 100 мл не подлежат налогообложению, тогда как в Хорватии размер налога составляет 10 крон за количество сахара в напитке от 2 до 5 гр., что существенно расширяет перечень подакцизных товаров и ведет к дополнительным налоговым поступлениям в бюджетную систему.

2. Увеличение количества подакцизных товаров по примеру Ирландии, путем включения в перечень концентрированных сладких напитков, представляющих собой определенные заготовки, которым необходимо пройти определенные стадии трансформации до получения готового к употреблению продукта, а также напитков, созданных на основе соков и сокосодержащей продукции, и ароматизированной воды.

3. Расширение границ налогообложения сахаросодержащих напитков путем применения акцизов к продуктам, содержащим искусственные подсластители. В качестве примера можно рассматривать опыт Франции, первоначальная ставка акциза в которой соответствовала Российской, однако за 13 лет практического применения путем осуществляемых государством совершенствований увеличилась более чем в три раза, обеспечив существенный приток налоговых отчислений в доходную структуру бюджета.

Таким образом, на основании проведенного анализа самой сущности акциза на сахаросодержащие напитки, тенденций его развития в зарубежных странах, практических аспектах применения в России, можно отметить, что несмотря на новизну обязательного платежа, свидетельствующую о необходимости выделения дополнительного времени на изучение его сущности и определение приоритетных векторов развития с целью осуществления эффективной государственной налоговой политики, целевые показатели притока доходов в бюджет отражают его важность не только в экономическом масштабе в роли дополнительного источника пополнения бюджета страны, но и в социальном, — путем оздоровительного влияния на общество благодаря сокращению количества потребляемого населением сахара.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс РФ. Ч. I от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от ред. от 29 ноября 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Налоговый кодекс РФ. Ч. II от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Тускаева М. Р., Вазагова К. З. Возможность использования опыта зарубежных стран в реформировании российской налоговой системы. В сб. Актуальные направления и перспективы развития национальной экономики: сб. науч. тр. по мат. междунар. конф. 2018. С. 35–42.
4. Чернякова Е. Е., Богатырева А. Ф., Ястребова Е. А. Международный опыт налогообложения сахаросодержащих напитков // Экономическое развитие России. 2023. № 12. С. 65–73.
5. Тускаева М. Р., Бтемирова Р.И., Рамонов Ч. А. Экономическая сущность налогов // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 267–269.

Bibliographic list

1. Tax Code of the Russian Federation. Part I of July 31, 1998 № 146-FZ (as amended on November 29, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
2. Tax Code of the Russian Federation. Part II of August 5, 2000 № 117-FZ (as amended on December 28, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
3. Tuskaeva, M. R., and Vazagova, K. Z. Using foreign experience in reforming the Russian tax system. In the collection Current directions and prospects for the development of the national economy: Collection of scientific papers on mat. int. conf. 2018. P. 35–42.
4. Chernyakova E. E., Bogatyreva A. F., Yastrebova E. A. International experience in taxing sugar-containing beverages // Economic development of Russia. 2023. № 12. P. 65–73.
5. Tuskaeva M. R., Btemirova R. I., Ramonov Ch. A. Economic essence of taxes // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4. P. 267–269.

Информация об авторе

М. Р. Тускаева — заведующий кафедрой «Налоги. Бухгалтерский учет» Владикавказского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. R. Tuskayeva — Head of the Department «Taxes. Accounting» of the Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 05.11.2025; принята к публикации 12.11.2025.

The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 05.11.2025; accepted for publication 12.11.2025.

Научная статья
УДК 336.14
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-256-266
EDN: https://elibrary.ru/ugpdwk
NIION: 2003-0059-6/25-443
MOSURED: 77/27-003-2025-06-642

Бюджетные риски публично-правовых образований: от понятия к архитектуре комплаенса в контексте регионального развития

Ирина Николаевна Швецова
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия, irshv@mail.ru

Аннотация. Анализируется долгосрочное региональное развитие во многом определяется устойчивостью бюджетов, что в свою очередь зависит от компетенций органов государственной власти оценивать и управлять бюджетными рисками. Несмотря на формирование в Российской Федерации нормативно-правовых основ финансового риск-менеджмента, их практическая реализация нуждается в дополнении специальными комплаенс-механизмами. Цель исследования: структурирование бюджетных рисков и разработка архитектуры системы бюджетного комплаенса как стратегического инструмента финансового обеспечения социально-экономического развития российских регионов. Материалы и методы исследования включают комплексный анализ научной литературы и нормативно-правовой базы, систематизацию рисков и методов их оценки, а также методологию ГОСТ Р ИСО 31000-2019 для построения архитектуры комплаенса. Выявлены и классифицированы группы рисков; проанализированы и систематизированы теоретические подходы к исследованию бюджетных рисков; разработана и визуализирована авторская многоуровневая архитектура системы бюджетного комплаенса в государственном секторе, интегрирующая риск-менеджмент и внутренний контроль; разработаны практические рекомендации по ее внедрению. Предложенная архитектура может стать логичным дополнением комплексной системы стратегического финансового контроллинга в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: бюджет, публично-правовое образование, бюджетный риск, комплаенс

Для цитирования: Швецова И. Н. Бюджетные риски публично-правовых образований: от понятия к архитектуре комплаенса в контексте регионального развития // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 256–266. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-256-266. EDN: UGPDWK.

Original article

Budgetary risks of public law entities: from the concept to the architecture of compliance in the context of regional development

Irina N. Shvetsova
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia, irshv@mail.ru

Abstract. Long-term regional development is largely determined by the sustainability of budgets, which in turn depends on the competence of public authorities to assess and manage budget risks. Despite the formation of the regulatory framework for financial risk management in the Russian Federation, their practical implementation needs to be complemented by special compliance mechanisms. The purpose of the study: structuring budget risks and developing the architecture of the budget compliance system as a strategic tool for financial support of socio-economic development of Russian regions. The research materials and methods include a comprehensive analysis of the scientific literature and the regulatory framework, a systematization of risks and methods of their assessment, as well as the methodology of GOST R ISO 31000-2019 for building a compliance architecture. Results: risk groups have been identified and classified; theoretical approaches to the study of budget risks have been analyzed and systematized; The author's multilevel architecture of the budget compliance system in the public sector, integrating risk management and internal control, has been developed and visualized; practical recommendations for its implementation have been developed. The proposed architecture can be a logical complement to the integrated strategic financial controlling system in the constituent entities of the Russian Federation.

© Швецова И. Н., 2025

Keywords: budget, public law education, budget risk, compliance

For citation: Shvetsova I. N. Budgetary risks of public law entities: from the concept to the architecture of compliance in the context of regional development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):256–266. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-256-266. EDN: UGPDWK.

Введение

Долгосрочное региональное развитие во многом определяется устойчивостью бюджетов, что в свою очередь зависит от компетенций органов государственной власти оценивать и управлять бюджетными рисками. Макроэкономические факторы создают серьезную угрозу финансовой устойчивости бюджетной системы и достижению целей социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Эксперты отмечают, что риск утраты бюджетной системой устойчивости в свете обеспечения финансовой безопасности государства является наиболее критичным [19, с. 752]. На текущий момент времени в Российской Федерации сформирован правовой фундамент управления бюджетными рисками, включающий требования к риск-ориентированному подходу, ведению реестров и долгосрочному прогнозированию, практическая реализация этих норм зачастую носит фрагментарный характер и требует развития целостных управленческих механизмов.

Анализ научной литературы демонстрирует многоаспектность изучения бюджетных рисков, которые рассматриваются через призму реализации бюджетной политики, фискальной устойчивости, качества финансового менеджмента и макроэкономических шоков. Однако, как показывает проведенный обзор, существующие исследования в основном сконцентрированы на идентификации и классификации рисков, в то время как вопросам построения комплексной системы контроля и минимизации этих рисков уделяется недостаточное внимание. Особенно это касается сферы публичных финансов, где концепция комплаенса только начинает получать научное осмысление.

Целью настоящей статьи является систематизация бюджетных рисков публично-правовых образований и разработка на этой основе архитектуры системы бюджетного комплаенса как стратегического инструмента обеспечения финансовой устойчивости и достижения целей регионального развития.

Научная новизна исследования заключается в синтезе концепций риск-менеджмента и комплаенс-контроля применительно к публичным финансам субъектов РФ. В отличие от существующих работ, в данной статье предлагается не просто констатация рисков, а целостная проактивная модель, интегрирующая идентификацию, оценку, мониторинг рисков и механизмы обеспечения соблюдения нормативных требований в единый цикл управления, направленный на минимизацию финансовых потерь и оптимизацию бюджетных расходов.

Структура статьи отражает логику исследования: от анализа и систематизации рисков и подходов к их оценке — к построению интегральной архитектуры бюджетного комплаенса и разработке практических рекомендаций по ее внедрению.

Материалы и методы

Концепция исследования опирается на принципы системности и включает теоретический анализ, систематизацию и сравнительные компоненты для достижения поставленной цели.

Информационно-аналитическую основу исследования составили следующие материалы:

- нормативно-правовые акты Российской Федерации, регламентирующие вопросы бюджетного процесса и управления рисками и включенные в правовой блок анализа;
- научные публикации отечественных и зарубежных авторов, отражающие современные взгляды на проблему бюджетных рисков, в частности, Ю. Г. Тюриной, А. Д. Барциц, М. Е. Косова и других, что позволило выявить ключевые детерминанты рисков субфедерального уровня;
- аналитические и методические материалы, включая Методические рекомендации по долгосрочному бюджетному планированию для субъектов РФ, а также международные стандарты (ГОСТ Р ИСО 31000-2019 [20], рекомендации COSO [21]).

В качестве основных методов исследования выступили: метод систематизации и классификации, примененный для структурирования бюджетных рисков по уровням и для группировки научных подходов; сравнительно-правовой анализ, позволивший сопоставить определения и требования к управлению рисками в нормативных актах и выявить эволюцию государственного подхода от разрозненных мер к формированию целостной системы; метод семантического анализа, использованный для обработки 392 научных публикаций из РИНЦ по ключевому слову «комплаенс» за 2021–2025 гг., что позволило выявить смысловые связи этого понятия; теоретическое моделирование, на основе которого была разработана авторская архитектура системы бюджетного комплаенса в государственном секторе, интегрирующая риск-ориентированный подход и функции контроля. В исследовании проведен аналитический обзор инструментария количественной оценки рисков, что может быть использовано в перспективе для практического внедрения системы комплаенса.

Результаты

Первая попытка законодательно закрепить бюджетный риск была отражена в Приказе Минфина РФ от 19 октября 2011 г. № 383 «О порядке осуществления в Министерстве финансов Российской Федерации оперативного мониторинга качества финансового менеджмента» [22], однако на данный момент приказ утратил силу.

В российском законодательстве отражены как определение бюджетного риска, так и требования к риск-менеджменту (таблица 1).

Проведенный анализ нормативно-правовой базы (таблица 1) позволяет констатировать формирование в Российской Федерации комплексного подхода к нормативному закреплению управления бюджетными рисками. Однако выявленная системность носит фрагментарный характер и обнаруживает ряд проблем: отсутствие концептуального единства (различные нормативные акты оперируют различными определениями бюджетного риска, что создает терминологическую неопределенность и затрудняет формирование единого методологического подхода); преобладание процессуальных требований над содержательными (нормативные документы акцентируют внимание на формальных процедурах управления рисками (ведение реестров, оценка вероятности), но не содержат механизмов минимизации конкретных рисковых факторов); отсутствие интеграции в систему бюджетного комплаенса (сформированные правовые требования не образуют целостной системы упреждающего контроля, недостаточно связанны с механизмами бюджетного комплаенса и стратегического планирования). Существующий правовой блок хотя и создает основу методологии управления бюджетными рисками, однако нуждается в дальнейшем развитии в направлении построения интегрированной системы бюджетного комплаенса, обеспечивающей соблюдение бюджетных процедур и достижение содержательных результатов бюджетной политики.

Таблица 1

Правовой блок управления бюджетными рисками публично-правовых образований

Нормативный документ	Суть бюджетного риска	Требования к управлению рисками
Бюджетный кодекс РФ [23]	Риски для бюджета, возникающие в процессе управления государственным долгом субъекта Российской Федерации	Анализ
Постановление Правительства РФ от 31 августа 2015 г. № 914 [24]	Риски несбалансированности бюджетной системы РФ	Обязательное включение в долгосрочный бюджетный прогноз
Приказ Минфина России от 21 ноября 2019 г. № 196н [25]	Событие, негативно влияющее на: результат бюджетной процедуры качество финансового менеджмента	Внедрение риск-ориентированного подхода. Оценка по вероятности и степени воздействия. Ведение реестра рисков
Приказ Минфина России от 5 августа 2020 г. № 160н [26]	Риски из реестра	Использование реестра при планировании аудиторских мероприятий
Письмо Минфина России от 11 сентября 2023 г. № 02-10-08/1/86333 [27]	Потенциальное или повторяющееся событие, приводящее к сбою бюджетной процедуры и ухудшению финансового управления	Разработка методик оценки. Систематизация рисков в реестре
Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 [28]	Событие, угрожающее достижению целей и показателей государственных программ (проектов)	Интеграция риск-менеджмента в проектную деятельность
Методические рекомендации по долгосрочному бюджетному планированию (для субъектов РФ) [29]	Вероятное отклонение финансовых показателей от прогноза: доходы и расходы, долговая нагрузка, объем резервов	Количественная оценка вероятности и последствий. Прогнозная аналитика

Источник: составлено автором

Современные исследования выделяют следующие источники бюджетного риска публично-правовых образований: бюджетная политика (Ю. Г. Тюрина, А. Д. Барциц [15]), динамика доходов федерального бюджета (М. Е. Косов, А. Ю. Чалова, Р. Г. Ахмадеев, Е. В. Голубцова [4]), волатильностью показателей региональных бюджетов (М. В. Мильчакова [10, с. 122–123]).

Бюджетный риск может быть представлен в иерархичной структуре и распределен на уровни (рис. 1).

Представленная иерархическая структура (рис. 1) наглядно демонстрирует системный характер бюджетных рисков. Анализ данной структуры позволяет сделать следующие выводы: доминирование операционных рисков (ключевые угрозы сконцентрированы в сфере бюджетного процесса), что может свидетельствовать о недостаточной эффективности систем внутреннего контроля; взаимосвязанность рисковых факторов и выявленная трехуровневая структура показывают, как отдельные операционные сбои (уровень 3) формируют конкретные рисковые события (уровень 2), которые в совокупности создают системные угрозы бюджетной устойчивости (уровень 1); преобладание управленческих детерминант и обусловлены недостатками в системе бюджетного управления, планирования и контроля.

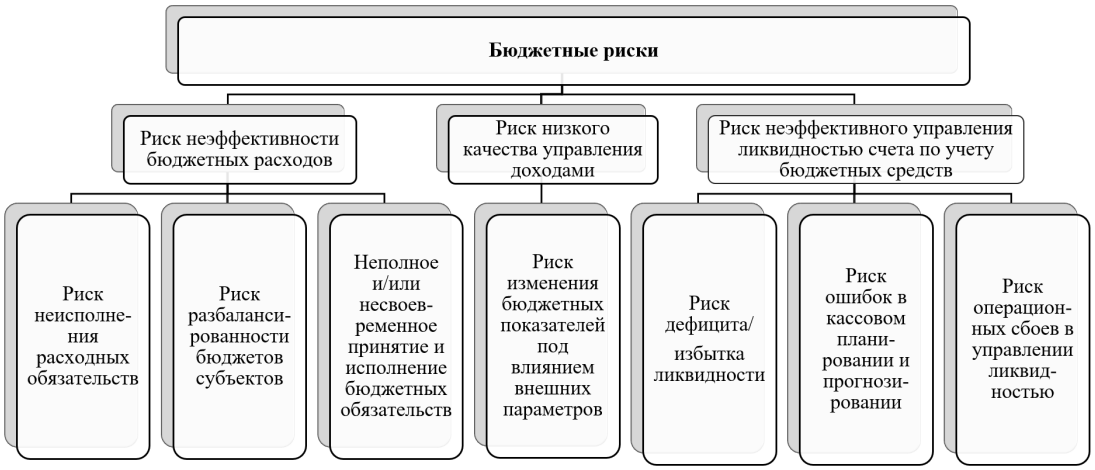


Рис. 1. Классификация бюджетных рисков публично-правовых образований
Источник: составлено автором на основе [11, с. 36–40]

Переход от классификации рисков к анализу факторов их возникновения позволяет сместить фокус с констатации угроз на выявление их базовых причин. Это создает методологическую основу для построения целевой архитектуры бюджетного комплаенса, направленной не на борьбу со следствиями, а на устранение глубинных детерминант бюджетной неустойчивости. Систематизация факторов бюджетных рисков, связанных с комплексом обстоятельств, среди которых уровень финансовой прозрачности, социальные аспекты, размывание налогооблагаемой базы, неполное и или несвоевременное принятие и исполнение бюджетных обязательств, выпадающие доходы бюджетов и другое представлены в работе [18].

Представленный в статье [18] анализ современных научных исследований демонстрирует, что факторная среда, формирующая бюджетные риски, носит комплексный и многоуровневый характер. Можно выделить несколько ключевых групп детерминант: макроэкономические и геополитические факторы (М. Е. Косов и др. [4], Ю. Г. Тюрина и др. [14; 15]), создающие системные угрозы бюджетной устойчивости через сокращение доходной базы, волатильность рынков и внешнее давление; социально-экономические и отраслевые факторы (М. Ю. Малкина [8], М. В. Мильчаков [10]), обусловленные структурными диспропорциями региональной экономики и механизмами межбюджетного регулирования; правовые и операционные факторы (С. Н. Меликсетян [9], Н. А. Руслякова [12]), включающие коррупционные риски, нарушения бюджетного законодательства и недостатки финансового контроля.

С учетом норм Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее — БК РФ [23]) в части видов нарушений бюджетного законодательства (глава 30 БК РФ), а также перспектив и рисков арбитражных споров и споров в суде общей юрисдикции классификация бюджетных рисков (рис. 1) может быть дополнена следующими видами рисков (таблица 2, 3).

Таблица 2

Предложение по перечню бюджетных рисков субъектов Российской Федерации с учетом норм главы 30 БК РФ

Вид бюджетного риска (авторская формулировка)	Статья БК РФ
Риск нецелевого использования бюджетных средств	ст. 306.4
Риск невозврата либо несвоевременного возврата бюджетного кредита	ст. 306.5
Неперечисление либо несвоевременное перечисление платы за пользование бюджетным кредитом	ст. 306.6
Нарушение условий предоставления бюджетного кредита	ст. 306.7

Источник: авторская разработка на основе БК РФ [23]

Таблица 3

Предложения по перечню бюджетных рисков с учетом перспектив и рисков арбитражных споров и споров в суде общей юрисдикции

Вид бюджетного риска (авторская формулировка)	Статья БК РФ, с которой связан риск	Субъект ответственности	Суд
Риск нарушения порядка формирования и (или) финансового обеспечения государственного (муниципального) задания	ст. 69.2	должностное лицо	суд общей юрисдикции
Риск нарушения законодательства о контрактной системе в сфере закупок при принятии решения о способе и условиях определения поставщика (подрядчика, исполнителя)	ст. 72		
Риск нарушения законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок при их планировании			
Риск нарушения условий предоставления субсидий	ст. 78	организация (ИП)	арбитражные споры
Риск взыскания уполномоченным органом предоставленной субсидии			
Риск нарушения условий предоставления субсидий	ст. 78.1		
Риск нарушения условий, на которых организации предоставлены бюджетные инвестиции	ст. 80		
Риск взыскания ТФОМС с организации выделенные ей целевые денежные средства	ст. 147	организация	арбитражные споры
Риск нецелевого использования денежных средств ТФОМС			
Риск нарушения сроков распределения, отзыва либо доведения бюджетных ассигнований (лимитов бюджетных обязательств)	ст.158	должностное лицо	суд общей юрисдикции
Риск нарушения сроков распределения, отзыва либо доведения бюджетных ассигнований (лимитов бюджетных обязательств)	ст. 217		
Риск нарушения порядка принятия бюджетных обязательств	ст. 219		
Риск нарушения порядка формирования и представления документов, используемых при составлении и рассмотрении проектов бюджетов, исполнении бюджетов бюджетной системы РФ	ст. 221		
Риск нарушения запрета на размещение бюджетных средств	ст. 236		
Риск нарушения срока направления информации о результатах рассмотрения дела в суде	ст. 242.2		
Риск нецелевого использование бюджетных средств	ст. 306.4	организация/ должностное лицо	суд общей юрисдикции/ арбитражные споры

Источник: авторская разработка на основе Бюджетного кодекса Российской Федерации и СПС «КонсультантПлюс»

Многообразие факторов бюджетных рисков закономерно порождает и методологический плюрализм в подходах к их исследованию. Комплексный характер детерминант, влияющих на бюджетную устойчивость, требует столь же разностороннего научного осмысления. Анализ современных исследований позволяет систематизировать ключевые методологические подходы к изучению бюджетных рисков, которые представлены на рисунке 2.

Представленная систематизация подходов к исследованию бюджетных рисков (рис. 2) демонстрирует, что научная мысль развивается в нескольких взаимодополняющих направлениях. Процессный подход акцентирует внимание на сквозном управлении рисками в бюджетном цикле, операционный подход ориентирован на минимизацию технических сбоев при реализации бюджетного процесса, институциональный подход выводит анализ на уровень создания формальных правил и регламентов, обеспечивающих устойчивость бюджетной системы в долгосрочном периоде. Объектный подход позволяет количественно оценивать риски конкретных территорий или секторов (при этом Е. В. Ханина [16] опирается на результаты исследований МВФ) [30]), ресурсно-фискальный подход фокусируется на фундаментальных основах бюджетной автономии: структуре и стабильности доходов.

Представленное методологическое разнообразие отражает многогранность феномена бюджетного риска и раскрывает его специфический аспект процедурных, технических, структурных и институциональных особенностей. Такое сочетание различных исследовательских позиций создает теоретическую основу для формирования в Российской Федерации целостного фундамента системы управления бюджетными рисками, который интегрирует в себя элементы риск-ориентированного аудита и необходим в контексте долгосрочного финансового прогнозирования и программно-целевого планирования.

Рис. 2. Подходы к исследованию бюджетных рисков публично-правовых образований
Источник: составлено автором по [5, с. 85; 3, с. 4, 5; 1, с. 135–143; 16, с. 65; 7, с. 18, 26; 13]

Выявление и систематизация бюджетных рисков на основе различных научных подходов создают необходимую теоретическую базу. Однако для практического внедрения риск-ориентированного управления и построения эффективной системы бюджетного комплаенса требуется переход от качественного анализа к количественным оценкам.

Следующим этапом исследования стал анализ методологического инструментария, позволяющего перевести идентифицированные риски в измеримые показатели. Современная практика предлагает широкий спектр методов, которые в совокупности формируют комплексный инструментарий для оценки бюджетного риска (таблица 4).

Процесс выявления и оценки рисков финансового обеспечения регионального развития представляет собой системную многоэтапную процедуру, основанную на сборе и анализе статистических данных (2012–2022 гг.), прогнозировании ключевых финансовых индикаторов субъектов РФ (доходы, расходы, сбалансированность (дефицит, профицит) бюджета, сальдированный финансовый результат, сбережения населения) на период до 2030 г. методом экстраполяции и последующей систематизации факторов риска в рамках национальных проектов с использованием методологии ГОСТ Р ИСО 31000-2019 (идентификация, анализ, оценка риска) [20]. Этот процесс учитывает влияние многоуровневых факторов неопределенности и требует применения комплексного инструментария оценки, включающего как традиционные методы (нормативный, рейтинговый, стратегический подходы, анализ чувствительности, сценарное моделирование, деревья решений, метод Монте-Карло), так и современные подходы предиктивной аналитики с использованием специализированного программного обеспечения и алгоритмов машинного обучения.

Тематика бюджетных рисков как комплаенс-рисков характеризуется высокой степенью новизны для отечественной теории и практики публичных финансов [17, с. 3–4]. Распространение комплаенса как формы финансового контроля, участие государства в формировании механизма комплаенса рассматриваются как тренд повышения эффективности системы управления [2]. О. А. Леонова, Л. А. Козлов отмечают, что комплаенс выступает как интегральный элемент управления различными рисками, в том числе финансовыми [6]. Данный подход целесообразно экстраполировать на государственный уровень, что позволит повысить эффективность региональной экономической политики и ускорить социально-экономическое развитие регионов в современных условиях, выработать механизмы адаптивного управления в условиях внешних угроз.

Сущность комплаенса, как правило, связана с понятием системы, контроля, правового обеспечения, а также организационно-управленческих функций, о чем свидетельствуют результаты семантического анализа списка из 392 научных публикаций, выбранных по ключевому слову «комплаенс» в электронной библиотеке РИНЦ за 2021–2025 гг.

Понятие комплаенса может лежать в нескольких плоскостях, а именно: в правовой и экономической, в том числе затрагивать макро- и микроуровни. Наибольший интерес с точки зрения системы финансового обеспечения социально-экономического развития субъектов РФ представляет постановка вопроса о бюджетном комплаенсе и его определение.

Таблица 4

Методы оценки измерения бюджетных рисков публично-правовых образований

Метод оценки	*Суть применения*	*Ключевые преимущества*	*Основные недостатки*
Стандартное отклонение	Оценка разброса доходов и расходов относительно среднего значения	Быстрое выявление рискованных статей. Простота расчета	Не учитывает катастрофические события. Зависит от исторических данных
Коэффициент вариации	Относительная мера риска на единицу исполнения бюджета	Позволяет сравнивать разнородные статьи. Устраняет влияние масштаба	Требует интерпретации. Чувствителен к малым значениям
Value at Risk (VaR)	Оценка максимальных потерь бюджета с заданной вероятностью (95 %–99 %)	Конкретная сумма потерь. Простота интерпретации	Игнорирует экстремальные риски. Предполагает нормальное распределение
Сценарный анализ	Моделирование бюджета при различных условиях (кризис, шоки)	Учет внешних факторов. Подготовка к кризисам	Субъективность сценариев. Ресурсоемкость
Комбинированный подход	Последовательное применение: отклонения => VaR => Сценарии	Комплексность Глубокая оценка	Сложность координации методов
Conditional VaR (CVaR)	Оценка средних потерь при превышении порога VaR (учет катастроф)	Учет экстремальных рисков. Критичен для кризисов	Более сложный расчет
Метод Монте-Карло	Имитация тысяч сценариев с учетом неопределенности параметров	Учет взаимосвязей факторов. Моделирование редких событий	Высокие вычислительные затраты. Требует точных данных

Источник: составлено автором по [31]

Необходимо отделить понятие бюджетного комплаенса от понятия налогового комплаенса.

Структура системы комплаенса бюджетных рисков (бюджетного комплаенса) в государственном секторе на субфедеральном может быть представлена следующим образом (рис. 3):

Практические рекомендации по внедрению системы комплаенса бюджетных рисков, а также переход от разработки среднесрочной бюджетной политики к бюджетной стратегии и, в дальнейшем, к финансовой стратегии на уровне субъектов федерации включают: разработка нормативно-правового акта, регламентирующего разработку бюджетной и финансовой стратегии субъекта федерации, определение методического инструментария разработки бюджетной и финансовой стратегии, формирование системы внутренней оценки бюджетной и финансовой стратегии регионального уровня, формирование единого цифрового пространства и аналитики данных, диагностика действующей системы стратегирования и обеспечения реализации мероприятий стратегий регионального развития финансовыми ресурсами.

Обсуждение

Проведенное исследование позволило систематизировать массив данных, касающихся природы, классификации и управления бюджетными рисками публично-правовых образований. Полученные результаты демонстрируют, что в Российской Федерации за последнее десятилетие был заложен нормативно-правовой фундамент для внедрения риск-ориентированного подхода в бюджетный процесс. Как видно из таблицы 1, произошел концептуальный сдвиг: от единичной попытки закрепить понятие бюджетного риска в утратившем силу Приказе Минфина России № 383 [22] к формированию правового блока, который определяет суть риска и предписывает конкретные инструменты управления им, включающие ведение реестров, интеграции в долгосрочное прогнозирование и программно-целевое планирование.

Систематизация научных подходов (таблица 3) выявила их методологическое разнообразие, что свидетельствует о многогранности феномена бюджетного риска. Если процессный и операционный подходы сконцентрированы на внутренних процедурах, институциональный: на формальных правилах, ресурсно-фискальный подход акцентирует внимание на источнике уязвимости регионов в виде структуры и качества их доходной базы. Это дополнение позволяет рассматривать бюджетный риск не только как управленческую или институциональную, но и как сугубо экономическую категорию, обусловленную сырьевой зависимостью и особенностями межбюджетных отношений.

Существующие механизмы риск-менеджмента, аудита и контроля, будучи эффективными по отдельности, не всегда образуют единую, проактивную систему, способную не только фиксировать отклонения, но и предотвращать их. Именно этот концептуальный пробел призвана заполнить разработанная архитектура системы бюджетного комплаенса (рис. 1). Ее принципиальное отличие от существующих моделей заключается в синтезе двух ключевых элементов: цикл риск-менеджмента (ГОСТ Р ИСО 31000-2019 [20]), обеспечивающего непрерывность процессов идентификации, анализа и оценки рисков, а также функций комплаенс-контроля, направленных на обеспечение соблюдения установленных правил, нормативов и процедур на всех стадиях бюджетного процесса.

Такой синтез трансформирует комплаенс из пассивной функции контроля в активный, стратегический инструмент управления государственными фи-

нансами. Предлагаемая архитектура не подменяет собой существующие системы внутреннего контроля и аудита, а выступает для них связующим звеном, обеспечивающим их скоординированную работу в рамках единых целей финансовой устойчивости.

Практическая ценность предлагаемого подхода подтверждается разработанными рекомендациями, которые предусматривают закрепление процедур через нормативно-правовые акты, создание необходимой инфраструктуры.

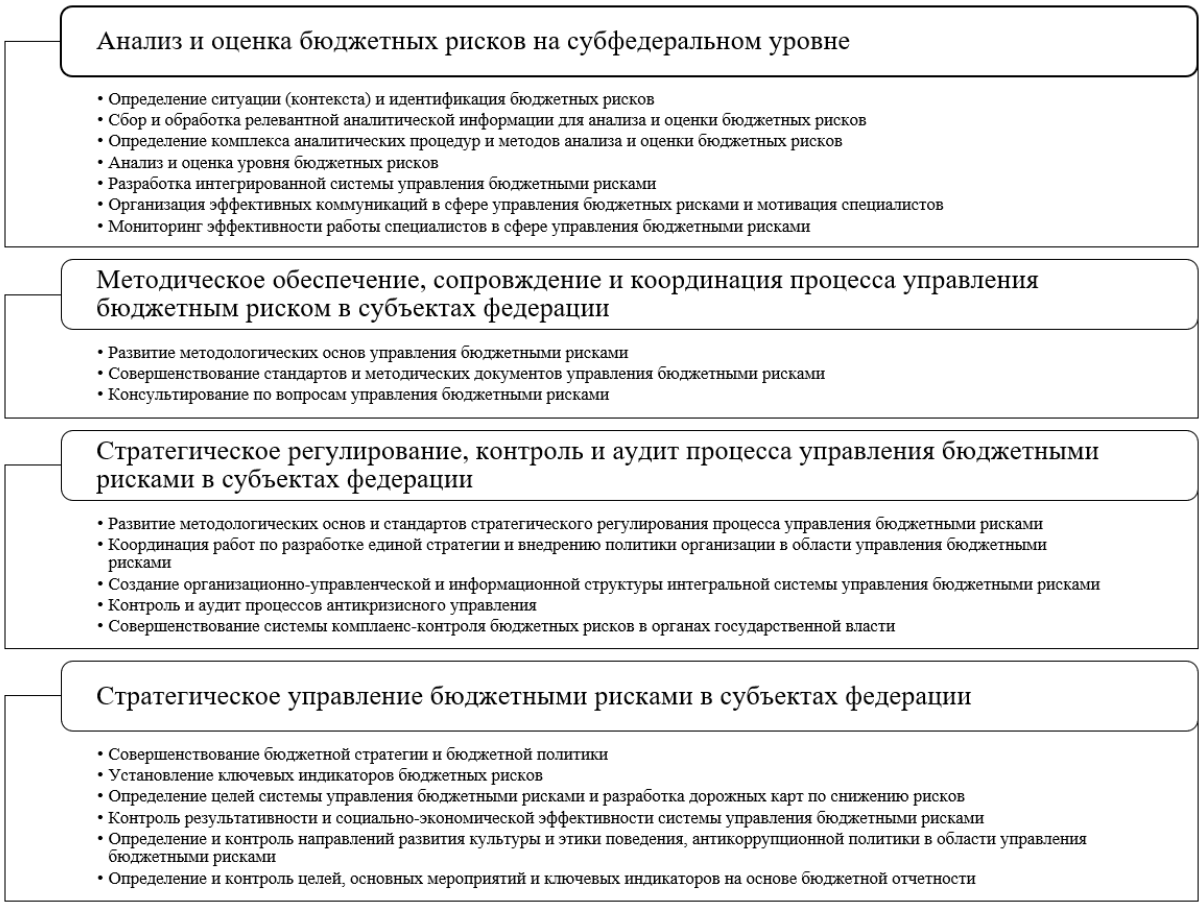


Рис. 3. Архитектура системы комплаенса бюджетных рисков субъектов федерации как публично-правовых образований
Источник: авторская разработка

Важно отметить, что внедрение такой системы сопряжено с вызовами, такими как сопротивление изменениям в госаппарате, дефицит квалифицированных кадров в области риск-менеджмента и комплаенса, а также необходимость значительных инвестиций в ИТ-инфраструктуру для реализации прогнозной аналитики. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на разработке пилотных проектов внедрения в отдельных регионах, а также на количественной оценке экономического эффекта от функционирования системы бюджетного комплаенса.

Заключение

Развитие системы бюджетного комплаенса и финансового риск-менеджмента в государственном секторе представляет собой стратегический инструмент обеспечения устойчивости региональных финансов, основанный на интеграции двух ключевых подходов: механизма финансовой устойчивости, требующего единой методологии идентификации и оценки рисков; бюджетного комплаенса как активной формы риск-ориентированного контроля, направленной на соблюдение законодательства, но и минимизацию финансовых потерь, оптимизацию расходов и укрепление финансового потенциала субъектов РФ.

Основным научным результатом работы стала разработка авторской архитектуры системы бюджетного комплаенса, которая обеспечивает стратегический синтез риск-ориентированного управления и функций контроля. Ключевые преимущества предложенной модели заключаются в следующем: системность на основе интеграции разрозненных элементов управления бюджетными рисками, упреждение за счет раннего выявления бюджетных рисков и внедрения превентивных мер.

Таким образом, реализация предложенной концепции бюджетного комплаенса позволит существенно повысить эффективность финансового обеспечения

социально-экономического развития регионов за счет минимизации потерь, оптимизации расходов и укрепления доверия к бюджетной системе. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются апробация модели в рамках пилотных проектов в субъектах РФ, а также разработка методик количественной оценки экономического эффекта от внедрения системы бюджетного комплаенса.

Список источников

1. Алфименко С. М. Риски бюджетного процесса : от совершенствования понятийного аппарата к методологии минимизации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 1 (121). С. 135–143.
2. Балихина Н. В. Налоговый комплаенс в России : практика и проблемы внедрения // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2020. № 2. С. 84–87.
3. Васюнина М. Л. Об управлении бюджетными рисками // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2020. № 22 (502). С. 2408–2419.
4. Косов М. Е., Чалова А. Ю., Ахмадеев Р. Г., Голубцова Е. В. Федеральный бюджет и бюджетно-налоговая политика государства : макроэкономическая адаптация до 2025 года // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 2. С. 8–26.
5. Кот Е. М., Зырянова Т. В., Терехова О. Е. Исследование бюджетных рисков : процессный подход // Аграрный вестник Урала. 2020. № 12 (203). С. 83–93.
6. Леонова О. А., Козлов Л. А. Комплаенс как форма финансового контроля в организациях, участвующих в торгах и закупочной деятельности // Финансовая жизнь. 2024. № 4. С. 4–8.
7. Макашина О. В. Роль финансовой системы в обеспечении развития государства : отечественный и зарубежный опыт : монография. М. : Русайнс, 2022.
8. Малкина М. Ю. Устойчивость бюджетных доходов субъектов РФ и ее источники // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 4. С. 1376–1389.
9. Меликсетян С. Н. Роль органов государственного финансового контроля в обеспечении финансовой безопасности России // Международный бухгалтерский учет. 2018. № 13-14. С. 759–778.
10. Мильчаков М. В. Бюджетно-финансовое положение субъектов Российской Федерации : среднесрочные тенденции в региональном разрезе // Финансовый журнал. 2024. Т. 16. № 2. С. 104–125.
11. Правовые основы финансовой безопасности Российской Федерации. М. : Проспект, 2017.
12. Руслякова Н. А. Обналичивание денег как один из способов ухода от налогов // Налоги. 2018. № 4. С. 6–10.
13. Сабитова Н. М., Бикбова А. М. Безвозмездные поступления в доходах бюджетов субъектов РФ : потенциальные риски и неопределенность // Финансы. 2024. № 7. С. 7–16.
14. Тюрина Ю. Г. Механизмы применения бюджетных правил в контексте реализации инструментов бюджетной политики государства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 3 (часть 3). С. 493–498.
15. Тюрина Ю. Г., Барциц А. Д. Систематизация вызовов и рисков при осуществлении государственной финансовой политики в постковидной экономике // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 3. С. 1851–1868.
16. Ханина Е. В. Бюджетные риски : подходы к определению и классификации // The Newman in Foreign Policy. 2020. № 52 (96). С. 63–65.
17. Чая В. Т., Турищева Т. Б. Аудиторская проверка бюджетных учреждений на базе комплаенс-рисков // Аудит. 2024. № 4 (192). С. 13–16.
18. Швецова И. Н. Теоретические аспекты идентификации и управления финансовыми рисками публично-правовых образований // Экономика и предпринимательство. 2025. № 6 (179). С. 1004–1009.
19. Энциклопедия российского финансового права / под ред. Е. Ю. Грачевой, Р. Е. Артюхина. М. : Проспект, 2024.
20. ГОСТ Р ИСО 31000-2019 Менеджмент риска. Принципы и руководство (Переиздание) // URL: https://docs.cntd.ru/document/1200170125
21. The Committee of Sponsoring Organizations' (COSO) // URL: https://www.coso.org/internal-control
22. Приказ Минфина России от 19 октября 2011 г. № 383 (ред. от 20 января 2014 г.) «О порядке осуществления в Министерстве финансов Российской Федерации оперативного мониторинга качества финансового менеджмента» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120712/cf9d52c8255652637d58f87cbade0b1d7287bbf3/
23. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/
24. Постановление Правительства РФ от 31 августа 2015 г. № 914 (ред. от 24 июля 2025 г.) «О бюджетном прогнозе Российской Федерации на долгосрочный период» (вместе с «Правилами разработки и утверждения бюджетного прогноза Российской Федерации на долгосрочный период») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185705/bfa7b4430f4d4be1967d0cc83e78e2ba793323ca/
25. Приказ Минфина России от 21 ноября 2019 г. № 196н (ред. от 4 октября 2023 г.) «Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Определения, принципы

и задачи внутреннего финансового аудита» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338586/
26. Приказ Минфина России от 5 августа 2020 г. № 160н // СПС «КонсультантПлюс».
27. Письмо Минфина России от 11 сентября 2023 г. № 02-10-08/1/86333 «О направлении Методических рекомендаций по оценке бюджетных рисков и ведению реестра бюджетных рисков» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456763/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/
28. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/
29. Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации по долгосрочному бюджетному планированию // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189933/f439cbb06f292bab6a5a1c844b487cff92232d55/
30. Анализ и управление бюджетными рисками: передовой опыт // URL: https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/31/Analyzing-and-Managing-Fiscal-Risks-Best-Practices-PP5042
31. Желнова К. В. Инструментарий оценки бюджетных рисков Удмуртской Республики // Современные технологии управления. 2015. № 5 (53).

References

1. Alfimenko S. M. Risks of the budget process : from improving the conceptual framework to the methodology of minimization // Proceedings St. Petersburg State University of Economics. 2020. № 1 (121). P. 135–143.
2. Balikhina N. V. Tax compliance in Russia : practice and problems of implementation // World economy: security issues. 2020. № 2. P. 84–87.
3. Vasyunina M. L. On budget risk management // Accounting in budgetary and non-profit organizations. 2020. № 22 (502). P. 2408–2419.
4. Kosov M. E., Chalova A. Yu., Akhmadeev R. G., Golubtsova E. V. Federal budget and fiscal policy of the state : macroeconomic adaptation until 2025 // Financial Journal. 2023. Vol. 15. № 2. P. 8–26.
5. Kot E. M., Zyryanova T. V., Terekhova O. E. Investigation of budget risks : a process approach // Agrarian Bulletin of the Urals. 2020. № 12 (203). P. 83–93.
6. Leonova O. A., Kozlov L. A. Compliance as a form of financial control in organizations participating in bidding and procurement activities // Financial Life. 2024. № 4. P. 4–8.
7. Makashina O. V. The role of the financial system in ensuring the development of the state : domestic and foreign experience : monograph. M. : Rusains, 2022.
8. Malkina M. Yu. The sustainability of budget revenues of the subjects of the Russian Federation and its sources // The economy of the region. 2021. Vol. 17. Issue 4. P. 1376–1389.
9. Meliksetyan S. N. The role of state financial control bodies in ensuring Russia's financial security // International accounting. 2018. № 13-14. P. 759–778.
10. Milchakov M. V. Budgetary and financial situation of the subjects of the Russian Federation : medium-term trends in the regional context // Financial Journal. 2024. Vol. 16. № 2. P. 104–125.
11. Legal foundations of financial security of the Russian Federation. M. : Prospekt, 2017.
12. Ruslyakova N. A. Cashing money as one of the ways to avoid taxes // Taxes. 2018. № 4. P. 6–10.
13. Sabitova N. M., Bikbova A. M. Gratuitous receipts in the budgets of the constituent entities of the Russian Federation : potential risks and uncertainty // Finance. 2024. № 7. P. 7–16.
14. Tyurina Yu. G. Mechanisms of application of budget rules in the context of the implementation of state budget policy instruments // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. № 3 (part 3). P. 493–498.
15. Tyurina Yu. G., Bartsits A. D. Systematization of challenges and risks in the implementation of state financial policy in the post-covid economy // Issues of innovative economics. 2022. Vol. 12. № 3. P. 1851–1868.
16. Khanina E. V. Budgetary risks : approaches to definition and classification // The Newman in Foreign Policy. 2020. № 52 (96). P. 63–65.
17. Chaya V. T., Turishcheva T. B. Audit of budgetary institutions based on compliance risks // Audit. 2024. № 4 (192). P. 13–16.
18. Shvetsova I. N. Theoretical aspects of identification and management of financial risks of public legal entities // Economics and entrepreneurship. 2025. № 6 (179). P. 1004–1009.
19. Encyclopedia of Russian Financial Law / edited by E. Y. Gracheva, R. E. Artyukhin. M. : Prospekt, 2024.
20. GOST R ISO 31000-2019 Risk Management. Principles and Guidelines (Reissue) // URL: https://docs.cntd.ru/document/1200170125
21. The Committee of Sponsoring Organizations' (COSO) // URL: https://www.coso.org/internal-control
22. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated October 19, 2011 № 383 (as amended on January 20, 2014) «On the procedure for the implementation of operational Monitoring of the quality of financial Management in the Ministry of Finance of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120712/cf9d52c8255652637d58f87cbade0b1d7287bbf3/
23. Budget Code of the Russian Federation № 145-

FZ dated July 31, 1998 (as amended on July 31 July 2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/
24. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 31, 2015 № 914 (as amended on July 24, 2025) «On the Budget Forecast of the Russian Federation for the long term» (together with the «Rules for the development and approval of the budget forecast of the Russian Federation for the long term») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185705/bfa7b4430f4d4be1967d0cc83e78e2ba793323ca/
25. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated November 21, 2019 № 196n (as amended on October 4, 2023) «On Approval of the Federal Standard of Internal Financial Audit «Definitions, Principles and Tasks of Internal Financial Audit» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_338586/
26. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation № 160n dated August 5, 2020 // LRS «ConsultantPlus».
27. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated September 11, 2023 № 02-10-08/1/86333 «On the direction of Methodological recommendations for assessing budget risks and maintaining a register of budget risks» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_456763/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/
28. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 31, 2018 № 1288 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/
29. Methodological recommendations to the state authorities of the subjects of the Russian Federation on long-term budget planning // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189933/f439cbb06f292bab6a5a1c844b487cff92232d55/
30. Budget risk analysis and management: best practices // URL: https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/31/Analyzing-and-Managing-Fiscal-Risks-Best-Practices-PP5042
31. Zhelnova K. V. Tools for assessing budgetary risks in the Udmurt Republic // Modern management technologies. 2015. № 5 (53).

Библиографический список

1. Гармаева М. А. Социальные аспекты финансовой устойчивости государства // Финансовое право. 2021. № 4. С. 13–16.
2. Ильин В. А., Сычев М. Ф., Дубов С. Н. и др. Общественные финансы региона: состояние, факторы, перспективы. Вологда, 2000.
3. Капранова Л. Д. Цифровая экономика в России : состояние и перспективы развития // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 1. № 2. С. 58–69.
4. Новые методы работы с большими данными : победные стратегии управления в бизнес-аналитике: науч.-практ. сб. М. : ПАЛЬМИР, 2016.
5. Осмоловская-Суслина А. Л., Борисова С. Р. Доходы региональных бюджетов в начале 2022 г. : основные тенденции и факторы риска // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 6. С. 25–43.

Bibliographic list

1. Garmayeva M. A. Social aspects of financial stability of the state // Financial law. 2021. № 4. P. 13–16.
2. Ilyin V. A., Sychev M. F., Dubov S. N. et al. Public finances of the region : state, factors, prospects. Vologda, 2000.
3. Kapranova L. D. Digital economy in Russia : state and prospects of development // Economy. Taxes. Right. 2018. Vol. 1. № 2. P. 58–69.
4. New methods of working with big data : winning management strategies in business analytics : a scientific and practical collection. M. : PALMIR, 2016.
5. Osmolovskaya-Suslina A. L., Borisova S. R. Revenues of regional budgets in early 2022 : main trends and risk factors // Financial Journal. 2022. Vol. 14. № 6. P. 25–43.

Информация об авторе

И. Н. Швецова — директор Института экономики и управления. Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

I. N. Shvetsova — Director of the Institute of Economics and Management of the Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 31.10.2025; принята к публикации 20.11.2025.
The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 31.10.2025; accepted for publication 20.11.2025.

Научная статья
УДК 159.9
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-267-271
EDN: https://elibrary.ru/ngxjfp
NIION: 2003-0059-6/25-444
MOSURED: 77/27-003-2025-06-643

Некоторые психологические особенности воздействия на толпу при пресечении нарушений общественного порядка в период проведения зрелищных мероприятий. Взаимодействие МВД России и Росгвардии по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в период подготовки и проведения зрелищных мероприятий

Валерий Валентинович Комаров
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, 84991912028@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены отдельные психологические особенности воздействия на толпу правонарушителей при пресечении нарушений общественного порядка в период проведения зрелищных мероприятий. Раскрыты некоторые вопросы взаимодействия подразделений МВД России и Росгвардии по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в период подготовки и проведения зрелищных мероприятий.

Ключевые слова: психология личности, некоторые психологические вопросы, толпа, психология толпы, охрана общественного порядка, массовые мероприятия, зрелищные мероприятия, организатор зрелищного мероприятия, общественная безопасность, вопросы взаимодействия

Для цитирования: Комаров В. В. Некоторые психологические особенности воздействия на толпу при пресечении нарушений общественного порядка в период проведения зрелищных мероприятий. Взаимодействие МВД России и Росгвардии по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в период подготовки и проведения зрелищных мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 267–271. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-267-271. EDN: NGXJFP.

Original article

Some psychological aspects of crowd control when preventing public order disturbances during entertainment events. Interaction between the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Russian National Guard in maintaining public order and ensuring public safety during the preparation and holding of entertainment events

Valery V. Komarov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Russia

Abstract. Some certain psychological characteristics of influencing a crowd of offenders when preventing violations of public order during entertainment events are considered. Some issues of interaction between units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Russian National Guard in maintaining public order and ensuring public safety during the preparation and holding of entertainment events are revealed.

Keywords: personality psychology, some psychological issues, crowd, crowd psychology, public order maintenance, mass events, entertainment events, entertainment event organizer, public safety, interaction issues

For citation: Komarov V. V. Some psychological aspects of crowd control when preventing public order disturbances during entertainment events. Interaction between tvhe Ministry of Internal Affairs of Russia and the Russian National Guard in maintaining public order and ensuring public safety during the preparation and holding of entertainment events. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):267–271. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-267-271. EDN: NGXJFP.

© Комаров В. В., 2025

Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности является ключевой задачей Министерства внутренних дел Российской Федерации [1].

Выполнение задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности также относится к Федеральной службе войск национальной гвардии, которая была создана в 2016 г. [2].

Совместная деятельность МВД России и Росгвардии является ключевым элементом обеспечения безопасности при проведении зрелищных мероприятий. Оба ведомства осуществляют указанные задачи на основании совместных приказов и нормативных актов, координируя свои действия для эффективного решения поставленных задач в период подготовки и проведения зрелищных мероприятий.

В соответствии с положениями законодательства РФ зрелищное мероприятие определяется как организованное событие культурно-массового характера, при проведении которого необходимо соблюдать особые правила безопасности и регламентированный порядок их проведения.

Так, в первом полугодии 2025 года состоялось почти 200 тыс. массовых мероприятий *(публичных (собрания, митинги, шествия, демонстрации и пикетирования) — 9 549, спортивных — 57 890, зрелищных, религиозных и иных — 132 092),* участие в которых приняло порядка 95 млн. человек.

За шесть месяцев 2025 года в Российской Федерации проведено 2958 культурно-массовых и зрелищных мероприятий (+6,1 % к прошлому году);

за восемь месяцев 2025 года проведено 76191(+225,3 %);

за девять месяцев 2025 года — 84789 (+201,5 %).

Таким образом, из приведенной выше статистики следует вывод об общем увеличении количества проводимых культурно-массовых и зрелищных мероприятий.

В ходе зрелищных мероприятий особое внимание со стороны правоохранительных органов необходимо уделять скоплению небольших групп граждан, которые со временем могут формировать неуправляемую толпу, участники которой могут нарушать общественный порядок и общественную безопасность.

При этом необходимо знать психологические особенности формирования толпы:

- активное эмоциональное взаимодействие между участниками небольших групп;
- наличие в группе организатора (лидера), пропагандирующего одну общую объединяющую идею;
- распространение агрессивного настроения среди участников группы;
- нарастание общего негативного (агрессивного) настроения у группы участников;
- попытки привлечь внимание других участников зрелищного мероприятия.

Толпа с психологической точки зрения опасна тем, что в ней преобладает высокая внушаемость — участники в толпе легко поддаются влиянию и воспринимают общее настроение, как правило, эмоции участников толпы преобладают над логическим мышлением, информация участниками толпы проще воспринимается через образы действий, присутствует чувство вседозволенности и безнаказанности.

С целью своевременного пресечения формирующейся толпы и предупреждения несанкционированных действий ее участников, необходимо использовать следующие методы психологического воздействия на толпу со стороны сотрудников правоохранительных органов:

- своевременное выявление и нейтрализация конфликтных ситуаций характеризуется проведением сотрудниками правоохранительных органов постоянного мониторинга настроения толпы и принятие соответствующих мер на основе полученной информации;
- демонстрация сотрудниками правоохранительных органов специальных средств;
- разъяснение участникам толпы последствий совершения противоправных действий;
- выявление в толпе лидеров и принятие мер к пресечению их деятельности, изоляция от основной массы участников толпы — незаметное их выведение из толпы.

Для успешного пресечения и предупреждения противоправных действий участников толпы, сотрудники правоохранительных органов должны обладать следующими профессиональными качествами:

а) стрессоустойчивость — эффективность выполнять поставленные задачи и умение справляться с негативными воздействиями, преодолевать стрессовые ситуации без ущерба для здоровья и качества выполнения профессиональных задач.

б) Коммуникабельность — умение устанавливать и поддерживать эффективные речевые контакты с гражданами, способность выстраивать продуктивное общение.

в) Способность к быстрому реагированию — психологическое качество, позволяющее сотруднику оперативно и адекватно реагировать на изменения оперативной обстановки.

г) Психологическая наблюдательность — психологическое качество, позволяющее сотруднику замечать важные, но малозаметные признаки и черты в поведении и состоянии участников толпы.

С целью повышения эффективности выполнения поставленных задач по охране общественного порядка со стороны сотрудников МВД России и Росгвардии необходима специальная психологическая подготовка к действиям при возникновении нештатных

(нестандартных) ситуаций. Такая подготовка должна включать в себя проведение четких инструктажей задействованного в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности в период проведения зрелищных мероприятий личного состава; изучение положений нормативных правовых актов, закрепляющих права и обязанности сотрудников; отработка умений и навыков действий при несении службы с использованием специальных средств в различных условиях оперативной обстановки (в том числе при возникновении нестандартных ситуаций); изучение психологических особенностей толпы, признаков ее формирования.

Следует также отметить, что выполнение законодательно возложенных задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности сотрудниками подразделений МВД России и Росгвардии регламентируется совместным приказом Росгвардии и МВД России от 28 сентября 2018 г. «Об утверждении Порядка организации взаимодействия войск национальной гвардии Российской Федерации с Министерством внутренних дел Российской Федерации, его территориальными органами при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности».

Остановимся на основных формах взаимодействия МВД России и Росгвардии в период выполнения задач по охране общественного порядка в период проведения зрелищных мероприятий:

- Обмен информацией между ведомствами — заключается в совместном обсуждении характера планируемых действий в рамках обеспечения правопорядка в ходе проведения зрелищного мероприятия, места и времени прохождения зрелищного мероприятия и т. д.
- Совместное планирование мероприятий по охране общественного порядка — характеризуется определением круга реализуемых каждым ведомством необходимых задач, определением необходимого количества сил и средств для их реализации.
- Объединение ресурсов сил и средств для качественного выполнения задач — комплекс мер по эффективному распределению личного состава подразделений, формирование совместных служебных нарядов и групп для реализации задач по охране общественного порядка в ходе проведения зрелищных мероприятий, назначение лиц, ответственных за тот или иной сектор обслуживания, как на территории объекта проведения зрелищного мероприятия, так и на прилегающей территории; организация оперативного обмена информацией и т. д.
- Координация действий при возникновении нештатных ситуаций — заключается в сборе информации о нештатной ситуации, ее оценке; определении масштаба происшествия; выявление возможных угроз и прогнозирование развития нештатной ситуации; принятие на основе имеющейся информации соответствующих решений; привлечение необходимых подразделений и служб, согласование и координация их действий; организация взаимодействия между сотрудниками подразделений и служб, привлекаемых для реализации задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в период проведения зрелищных мероприятий.

Рассмотрим некоторые особенности организации охраны правопорядка в период проведения зрелищных мероприятий.

При проведении зрелищных мероприятий важным является:

- комиссионное обследование объекта и прилегающей к нему территории. Данный комплекс мероприятий проводится до начала проведения зрелищного мероприятия и заключается в проверке безопасности объекта, на котором планируется проведение мероприятия. Комиссионное обследование проводится специально созданной межведомственной комиссией на предмет соответствия требованиям безопасности, противопожарного состояния, антитеррористической защищенности.
- Патрулирование территории места проведения зрелищного мероприятия – это основной элемент обеспечения безопасности при проведении зрелищного мероприятия. Эффективная организация патрулирования территории позволяет своевременно реагировать на изменения оперативной обстановки, предупреждать и пресекать административные правонарушения и преступления, обеспечивать безопасность участников и зрителей мероприятия.
- Осуществление контроля доступа посетителей на объект, обеспечение безопасности в местах массового скопления граждан — заключается в организации пропускного режима, что позволяет предотвратить несанкционированное проникновение на объект нежелательных лиц и обеспечить безопасность зрителей и участников массового мероприятия. Организация пропускного режима должна включать в себя предварительную регистрацию участников и посетителей массового мероприятия, досмотр личных вещей, проверку документов, идентификацию личности участников (посетителей) мероприятия, регистрацию входа и выхода,

контроль перемещения по объекту.

При проведении зрелищных мероприятий при соблюдении вышеперечисленных особенностей совместными усилиями сотрудников МВД России и Росгвардии обеспечивается должный уровень безопасности, а также предупреждение и пресечение значимых инцидентов, в том числе на мероприятиях федерального и международного уровня.

Выполнение задач по охране правопорядка в период проведения зрелищных мероприятий со стороны сотрудников подразделений МВД России во взаимодействии с сотрудниками подразделений Росгвардии характеризуется необходимостью слаженного взаимодействия в составе служебных нарядов и групп, способностью к быстрому принятию решений в различных условиях оперативной обстановки, стрессоустойчивостью при работе с большими группами граждан, умением прогнозировать развитие складывающейся ситуации.

Психологическая подготовка сотрудников подразделений МВД России и Росгвардии является важным элементом профессиональной подготовки и направлена на формирование профессионально важных качеств и навыков работы в различных условиях оперативной обстановки, а также включает в себя как теоретические аспекты подготовки, так и практические.

Теоретические аспекты психологической подготовки включают в себя теоретические занятия по изучению психологии массовых явлений, признаков и этапов формирования толпы, психологическую структуру личности правонарушителей, особенности проявления психических процессов, состояний, свойств, взаимодействия сотрудников в различных ситуациях профессиональной деятельности.

Практическая подготовка должна включать в себя отработку навыков выявления лидеров и активных участников противоправных действий, тренировку умений воздействовать на эмоциональное состояние групп граждан, практические тренировки в условиях максимально приближенных к реальным, психологические тренинги по развитию стрессоустойчивости, анализ типовых ситуаций и отработка алгоритмов действий, групповые упражнения по отработке слаженности действий в составе служебных нарядов и групп.

С целью повышения эффективности психологической подготовки сотрудников подразделений МВД России и Росгвардии необходимо:

- на постоянной основе осуществлять мониторинг психологического состояния сотрудников;
- проводить тренировки по отработке навыков работы с небольшими группами граждан и с толпой;
- анализировать позитивные примеры и допущенные ошибки при выполнении задач в подобных условиях оперативной обстановки;
- осуществлять психологическую поддержку личного состава;
- обучать умению проявлять психологическую устойчивость в сложных и экстремальных условиях, применять методы эмоциональной и когнитивной регуляции для оптимизации собственной деятельности и психологического состояния;
- осуществлять психологическое обеспечение служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, в том числе в экстремальных условиях.

Принимая во внимание, что при выполнении законодательно возложенной задачи по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности при проведении зрелищных мероприятий МВД России осуществляет взаимодействие с войсками национальной гвардии Российской Федерации и его территориальными органами, в этой связи полагаем необходимым детально проработать вопросы наделения территориальных органов Росгвардии полномочиями по согласованию инструкции по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности на объектах проведения зрелищных мероприятий и плана мероприятий по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности при их проведении.

Таким образом, психологическая подготовка сотрудников подразделений МВД России и Росгвардии является ключевым элементом их профессиональной деятельности. Эффективность выполнения задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности со стороны МВД России и Росгвардии при проведении зрелищных мероприятий зависит от ряда ключевых факторов: тщательного изучения места проведения мероприятия, условий и обстановки; разработки детального плана обеспечения правопорядка; подготовки личного состава для выполнения поставленных задач по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, его грамотного распределения; четкой координацией действий между подразделениями МВД России и Росгвардии.

Список источников

1. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законода-

тельства Российской Федерации. 2016. № 27. Ст. 4159.

References

1. Federal Law «On police» dated February 7, 2011 № 3-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.
2. Federal Law «On the Troops of the National Guard of the Russian Federation» dated July 3, 2016 № 226-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 27. Art. 4159.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и статьи 20.2 и 37 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации от 3 июля 2021 г. № 1.
3. Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. Federal Law of April 21, 2025 № 87-FZ «On amendments to the Law of the Russian Federation «Fundamentals of legislation of the Russian Federation on culture» and Articles 20.2 and 37 of the Federal Law «On physical culture and sport in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2021, № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 3, 2021, № 1.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated December 21, 2016 № 699 «On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

В. В. Комаров — доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Komarov — Associate Professor of the Department of Law Enforcement Activities in Special Conditions of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 31.10.2025; одобрена после рецензирования 14.11.2025; принята к публикации 02.12.2025.

The article was submitted 31.10.2025; approved after reviewing 14.11.2025; accepted for publication 02.12.2025.

Научная статья
УДК 159.95
https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-272-278
EDN: https://elibrary.ru/phqgrz
NIION: 2003-0059-6/25-445
MOSURED: 77/27-003-2025-06-644

Индивидуально-психологические особенности пользователей социальных сетей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности

Альбина Салавовна Лолаева[1], Виктория Владимировна Ильченко[2]
[1] Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия, mirag.8184@yandex.ru
[2] Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, Россия, vilchen@mail.ru

Аннотация. Исследуются философские, психологические и правовые аспекты индивидуально-психологических особенностей пользователей социальных сетей в зависимости от уровня их виртуальной идентичности. Предмет исследования: индивидуально-психологические особенности пользователей социальных сетей, имеющих различный уровень виртуальной идентичности. Объект исследования: пользователи социальных сетей с разным уровнем виртуальной идентичности. Выборка: в исследовании приняли участие 100 человек (N=100), пользователи социальных сетей, в возрасте от 17 до 25 лет (M=19,75, SD=1,56). В состав выборки вошли 43 девушки (43 %) и 57 юношей (57 %), которые являются студентами высших учебных заведений.

Гипотезы исследования: 1. Мы полагаем, что существуют различия в индивидуально-психологических особенностях у респондентов с разным уровнем виртуальной идентичности. Для пользователей с низким уровнем виртуальной идентичности в большей мере характерен самоконтроль, аккуратность, настойчивость по сравнению с респондентами с более высоким уровнем виртуальной идентичности. 2. Существует связь между индивидуально-психологическими особенностями личности и компонентами виртуальной идентичности («склонность к кибераддикции», «принятие субкультуры», «виртуальный образ»).

Ключевые слова: виртуальная идентичность, социальные сети, индивидуально-психологические особенности, кибераддикция, склонность к кибераддикции, самоконтроль, виртуальный образ, принятие субкультуры, личностные черты, вовлеченность онлайн, импульсивность; предусмотрительность, ответственность

Для цитирования: Лолаева А. С., Ильченко В. В. Индивидуально-психологические особенности пользователей социальных сетей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 6. С. 272–278. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-272-278. EDN: PHQGRZ.

Original article

Individual psychological characteristics of social network users with varying degrees of virtual identity

Albina S. Lolaeva[1], Victoria V. Ilchenko[2]
[1] Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, mirag.8184@yandex.ru
[2] North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, vilchen@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to study the philosophical, psychological and legal aspects of the individual psychological characteristics of users of social networks, depending on the level of their virtual identity. The subject of the study is the individual psychological characteristics of users of social networks with different levels of virtual identity. The object of the study: users of social networks with different levels of virtual identity. Sample: 100 people (N=100), social media users, aged 17 to 25 years (M=19.75, SD=1.56) participated in the study. The sample included 43 girls (43 %) and 57 boys (57 %) who are university students.

Research hypotheses: 1. We believe that there are differences in individual psychological characteristics among respondents with different levels of virtual identity. Users with a low level of virtual identity are more characterized by

© Лолаева А. С., Ильченко В. В., 2025

self-control, accuracy, and perseverance compared to respondents with a higher level of virtual identity. 2. There is a connection between individual psychological characteristics of personality and components of virtual identity («tendency to cyberaddiction», «acceptance of subculture», «virtual image»).

Keywords: virtual identity, social networks, individual psychological characteristics, cyberaddiction, tendency to cyberaddiction, self-control, virtual image, acceptance of subculture, personality traits, online involvement, impulsivity; foresight, responsibility

For citation: Lolaeva A. S., Ilchenko V. V. Individual psychological characteristics of social network users with varying degrees of virtual identity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(6):272–278. (In Russ.). https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-6-272-278. EDN: PHQGRZ.

XXI век отличается тотальным распространением онлайн-сервисов, в частности, социальных сетей. Данные виртуальные площадки, «изначально предназначенные для обеспечения онлайн-общения, в настоящее время трансформировались в пространства для саморазвития, самоутверждения, самопознания» [1]. Социальные сети представляют собой современную цифровую инфраструктуру, предоставляющую пользователям широкие возможности для осуществления различных видов деятельности, таких как профессиональная деятельность, образовательные процессы, коммерческая деятельность и социальные взаимодействия. Эта онлайн-среда способствует формированию виртуального пространства, в рамках которого участники могут осуществлять коммуникацию, обмениваться информацией и реализовывать личные и профессиональные цели. В рамках виртуальной активности можно выделить как целенаправленные действия, такие как поисковые запросы, развитие компетенций и получение образования, так и случайные, связанные с просматриванием ленты новостей и другими подобными действиями без четкой цели. Платформы социальных сетей способствуют удовлетворению потребностей в коммуникации, расширении знаний и развлечениях, способствуя разнообразию и удобству онлайн-активности.

Немаловажно, что «именно социальные сети предоставляют множество возможностей для пользователей по экспериментированию с собственной идентичностью» [2]. Как известно, «основой идентичности личности является комплекс отношений к себе, к окружающим людям и событиям» [3]. По мере увеличения времени, проведенного в виртуальной сети, возрастает риск утраты интереса к реальному общению. Это может негативно повлиять на развитие коммуникативных навыков, способность к эмпатии и умение строить доверительные отношения. В результате человек может стать менее социальным, а его личные связи — менее стабильными и глубокими. Современная глобальная виртуализация общества и широкое внедрение социальных сетей приводят к значительным трансформациям в структуре личности человека. В условиях цифровой эпохи формируется новая виртуальная идентичность, которая становится важнейшим аспектом современного самосознания. Данная виртуальная составляющая личности развивается под воздействием онлайн-коммуникационных процессов, оказывая влияние на субъективное восприятие себя и окружающей действительности. В результате этого процесса создается уникальный образ, характерный для пользователей социальных платформ, что свидетельствует о существенных изменениях в формировании индивидуальности в условиях цифровой социальности.

Нами были изучены связи между индивидуально-личностными характеристиками и виртуальной идентичностью, активностью в социальных сетях. Для выявления связи использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Проведенное исследование показало, что «Виртуальный образ» обратно связан с показателем «понимание — непонимание» и «настойчивость — отсутствие настойчивости». Данная обратная связь указывает на то, что лица, склонные к созданию выраженного виртуального образа (возможно, более идеализированного или отличного от реального), демонстрируют меньшую способность к пониманию других людей и меньшую настойчивость в достижении целей.

Показатель виртуальной идентичности «Принятие субкультуры» обратно связан с достаточным количество личностных характеристик. Так установлены обратные связи со следующими показателями: «проявление — избегание чувства вины», «привязанность — обособленность», «теплота — равнодушие», «сотрудничество — соперничество», «понимание — непонимание», «самоконтроль — импульсивность», «аккуратность — неаккуратность», «настойчивость — отсутствие настойчивости» и «ответственность — безответственность». Следовательно, чем более сильно выражен показатель «Принятие субкультуры», тем менее выражены данные личностные характеристики. Высокий уровень принятия субкультуры может сопровождаться снижением потребности в привлечении индивидуального внимания и проявлении уникальности, поскольку приоритетом становится соответствие нормам и ценностям группы. С другой стороны, принятие субкультуры, особенно в онлайн-среде, может приводить к отчуждению от реальных социальных связей и снижению способности к пониманию и сопереживанию людям, не входящим в субкультуру. Замкнутость в рамках субкультуры может создавать барьеры для межличностного понимания.

Также были выявлены достоверные связи и с показателем «Кибераддикция», который обратно связан со следующими личностными характеристиками: «самоконтроль — импульсивность», «аккуратность — неаккуратность», «настойчивость — отсутствие настойчивости» и «предусмотрительность — беспечность». Соответственно, высокому уровню кибераддикции соответствует низкая степень выраженности данных характеристик. Высокий уровень кибераддикции, вероятно, сопровождается снижением способности к самоконтролю и планированию, а также большей склонностью к импульсивным действиям в онлайн-среде. Пользователи, зависимые от социальных сетей, могут испытывать трудности в ограничении времени, проводимого в онлайн-пространстве, и действовать импульсивно, не задумываясь о последствиях.

Как итог вышеуказанных корреляций мы можем отметить и аналогичные связи с интегральным показателем виртуальной идентичности, который обратно связан со следующими личностными характеристиками: «самоконтроль — импульсивность», «аккуратность — неаккуратность», «настойчивость — отсутствие настойчивости», «понимание — непонимание» и «предусмотрительность — беспечность». Таким образом, можно заключить, что чем выше уровень виртуальной идентичности, тем в большей степени проявляются тенденции к снижению самоконтроля, упорядоченности, настойчивости, пониманию и предусмотрительности. Данные связи подчеркивают потенциальные риски, связанные с чрезмерным увлечением виртуальным миром и формированием онлайн-идентичности, особенно в тех случаях, когда это происходит за счет реальной жизни.

Далее нами были рассмотрены результаты корреляционного анализа между индивидуально-личностными характеристиками и показателями активности в социальных сетях у испытуемых.

По результатам анализа нами были выявлены следующие значимые корреляции:

1. Отношение к социальным сетям обратно связано с личностной характеристикой «активность — пассивность», чем более негативное или критичное отношение проявляет человек к социальным сетям, тем выше его уровень активности и энергичности в реальной жизни, и наоборот. Возможно, лица с негативным отношением к социальным сетям, предпочитают компенсировать отсутствие активности в онлайн-среде активной деятельностью в реальной жизни.

2. Количество поддерживаемых аккаунтов в социальных сетях обратно связано со следующими личностными характеристиками: «активность — пассивность», «проявление — избегание чувства вины», «понимание — непонимание», «самоконтроль — импульсивность», «аккуратность — неаккуратность» и «депрессивность — эмоциональная комфортность». Данные связи указывают на то, что поддержание большого количества аккаунтов может быть связано со снижением активности в реальной жизни, стремлением к анонимности, трудностями в понимании, отказом от самоконтроля, снижением аккуратности и повышенным риском депрессивных состояний.

3. Частота посещения своей страницы в социальных сетях обратно коррелирует с такими личностными характеристиками, как «настойчивость — отсутствие настойчивости» и «предусмотрительность — беспечность». Следовательно, чаще человек посещает свою страницу в социальных сетях, тем ниже его настойчивость и выше склонность к отсутствию настойчивости, а также более частое посещение социальных сетей связано с меньшей склонностью к планированию, оценке рисков и избеганию необдуманных поступков. Постоянное нахождение в социальных сетях, характеризующееся мгновенным удовлетворением потребностей, быстрым переключением внимания и легкодоступным контентом, может способствовать формированию привычки к легкому доступу к удовольствию и избеганию сложных задач, требующих усилий и настойчивости. Люди, часто посещающие социальные сети, могут испытывать трудности в концентрации на долгосрочных целях и более склонны к прокрастинации, поскольку мгновенное удовлетворение от онлайн-активности перевешивает необходимость в приложении усилий для достижения более отдаленных целей.

4. Увлеченность различными видами деятельности в социальной сети обратно связана со следующими личностными характеристиками: «активность — пассивность», «теплота — равнодушие», «аккуратность — неаккуратность» и «напряженность — расслабленность». Следовательно, высокой степени увлеченности соответствует низкая степень выраженности вышеуказанных личностных характеристик.

Философский анализ феномена виртуальной идентичности в контексте социальных сетей требует обращения к фундаментальным вопросам бытия, самосознания и отношения «Я» к Другому в условиях цифровой среды. Исследование, выявившее обратные корреляции между высоким уровнем виртуальной идентичности и такими качествами, как самоконтроль, настойчивость, понимание и предусмотрительность, ставит перед философией ряд острых дилемм, связанных с природой аутентичности и онтологическим статусом цифрового «Я».

Виртуализация активности в социальных сетях, особенно на этапе формирования выраженного «виртуального образа», представляет собой вариацию классической философской проблемы маски и лица. Если в театре маска (persona) — временный, осознанный инструмент, то в социальных сетях эта маска часто становится квазипостоянной репрезентацией, с которой индивид начинает себя идентифицировать.

С точки зрения экзистенциализма [4, с. 319–344; 5], аутентичность достигается через принятие своей конечности, ответственности за свой выбор и подлинное присутствие в мире. Результаты исследования, где высокий уровень виртуальной идентичности (включая «виртуальный образ») сопряжен со снижением настойчивости и предусмотрительности, могут интерпретироваться как уход от экзистенциальной ответственности. Идеализированный, легко конструируемый виртуальный образ позволяет отложить сложный, неидеальный процесс самоопределения в реальной жизни. Происходит «неаутентичное» бытие, где человек живет не своей действительной волей, а спроектированной потребностью в одобрении виртуальной аудитории.

Философский вопрос: Если идентичность все больше конституируется через цифровую проекцию, что остается от «подлинного» Я? Насколько этот виртуальный образ, будучи обратно связанным с «пониманием — непониманием», способен к истинной межличностной близости, которая, по М. М. Бахтину [6], возможна только в живом диалоге, а не в обмене сообщениями?

Обнаруженная обратная связь между компонентом «Принятие субкультуры» и широким спектром личностных черт (от самоконтроля до теплоты) заставляет задуматься о природе социального конформизма в цифровом пространстве.

В классической философии (Г. Тард, Г. Лебон) толпа рассматривается как регрессивное образование, где индивидуальное сознание растворяется в коллективном бессознательном. Социальные сети создают квази-толпу, объединенную общими хештегами или мемкультурой. Принятие субкультуры в данном контексте может означать отказ от сложности индивидуального суждения в пользу упрощенных, алгоритмически поддерживаемых нарративов. Снижение «теплоты — равнодушия» и «сотрудничества — соперничества» при высоком принятии субкультуры поднимает вопрос о границах социальной атомизации. Пользователь может быть гиперсоциализирован внутри своей группы, но при этом демонстрировать эмоциональное очерствение к тем, «вне круга». Это обращает классические представления о социальности: вместо расширения общения происходит его фрагментация по гомогенным кластерам, где критическое мышление замещается групповой лояльностью.

Обратные корреляции между кибераддикцией и предусмотрительностью/настойчивостью отражают философскую проблему времени и целеполагания. Классическая этика (И. Кант) основана на способности к отложенному удовлетворению и следованию долгу, который требует временной перспективы.

Социальные сети функционируют в режиме «вечного настоящего», где контент мгновенно обновляется, а вознаграждение (лайк) немедленно поступает. Снижение предусмотрительности при кибераддикции означает, что индивид теряет способность к телеологическому планированию — ориентации на будущее. Виртуальная идентичность, управляемая алгоритмами мгновенного подкрепления, уводит пользователя из времени действия в время потребления. Философски это можно трактовать как разрыв между проектом и фактом существования, где человек предпочитает быть объектом постоянного внешнего стимулирования, нежели субъектом собственного, требующего усилий, развития.

Анализ индивидуально-психологических особенностей пользователей социальных сетей, особенно при выявлении снижения самоконтроля, аккуратности и настойчивости в пользу усиленной виртуальной идентичности, имеет прямые и не до конца урегулированные правовые последствия. Трансформация самосознания в виртуальной среде вступает в конфликт с концепциями дееспособности, ответственности и защиты персональных данных.

Выявленные корреляции, где высокий уровень виртуальной идентичности и склонность к кибераддикции сопряжены с низким самоконтролем — импульсивностью и предусмотрительностью — беспечностью, ставят под сомнение адекватность принятия юридически значимых решений онлайн. Правовая система традиционно основана на презумпции разумного и ответственного субъекта.

Если пользователь, особенно младшего возраста (17–25 лет, как в выборке), совершает онлайн-сделки или выражает юридически значимое согласие в состоянии повышенной импульсивности, вызванной аддиктивным поведением в сети, возникает вопрос о его реальной свободе воли и информированном согласии. Хотя прямой юридический статус «виртуальной компульсии» отсутствует, результаты исследования могут служить основанием для более глубокого исследования необходимости введения механизмов защиты от саморазрушительных действий, совершенных под влиянием цифрового принуждения или аддикции.

Снижение ответственности и аккуратности (обратно связанные с поддержанием множества аккаунтов и принятием субкультуры) может стать фактором, усугубляющим правонарушения в сети (клевета, распространение запрещенного контента). Возникает проблема правового намерения (mens rea): можно ли считать преступным умыслом действие, совершенное в состоянии, когда личностные регуляторы (самоконтроль, предусмотрительность) значительно ослаблены из-за цифровой зависимости?

Формирование выраженного «виртуального образа» тесно связано с необходимостью защиты данных, которые этот образ конструируют. В российском праве Федеральный закон «О персональных данных» (№ 152-ФЗ, 2006 г.) и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (№ 149-

ФЗ, 2006 г.) регулируют обработку данных в соцсетях, требуя анонимизации и права на удаление (право на забвение, ст. 14 Закона № 149-ФЗ). Однако эмпирические данные показывают, что пользователи с множественными аккаунтами (обратная корреляция с самоконтролем и аккуратностью) часто создают фейковые профили, что провоцирует правовые коллизии: с одной стороны, это защищает анонимность (ст. 23 Конституции РФ о неприкосновенности частной жизни), с другой — облегчает кибербуллинг или дезинформацию, подпадающие под ст. 128.1 УК РФ (клевета) или ст. 282 (возбуждение ненависти). Высокая увлеченность соцсетями, коррелирующая с эмоциональной неустойчивостью, усиливает уязвимость: жертвы онлайн-харассмента сталкиваются с трудностями в доказывании ущерба, поскольку виртуальная идентичность размывает грань между реальным и вымышленным «Я».

Международные стандарты, такие как Пакт о гражданских и политических правах ООН (1966 г.), подчеркивают свободу выражения мнений в цифровом пространстве (ст. 19), но с ограничениями для защиты других прав. В субкультурах соцсетей (компонент «принятие субкультуры») это может привести к коллективной ответственности: модерация контента (по правилам Facebook или Meta) балансирует между свободой и цензурой, вызывая дебаты о цифровом суверенитете. Для предсавленной выборки (17–25 лет) правовые риски усугубляются: отсутствие зрелости (корреляция с импульсивностью) повышает вероятность нарушения авторских прав (ст. 1259 ГК РФ) при репостах или создание вредоносного контента.

Высокий уровень «виртуального образа», который коррелирует с меньшим пониманием других, может быть связан с неверной оценкой рисков утечки данных. Пользователь склонен формировать идеализированный образ, не контролируя его распространение. В контексте GDPR (Общего регламента по защите данных) и национальных законов, это может привести к тому, что данные, выставляемые напоказ, становятся объектом нежелательной обработки. Правовые механизмы должны учитывать: в какой мере пользователь, активно конструирующий свой публичный профиль, все еще может апеллировать к праву на забвение, когда его идентичность уже вплетена в социальную ткань сети?

С одной стороны, социальные сети требуют идентификации для юридической прослеживаемости, с другой — субкультуры и анонимные аккаунты предоставляют убежище для самовыражения. Снижение теплоты и сотрудничества в пользу принятия субкультуры может указывать на формирование замкнутых информационных пузырей. Правовая задача здесь — балансировать между необходимостью контроля за деструктивной деятельностью, требующей раскрытия истинной идентичности, и защитой права на свободу выражения мнения, часто требующей определенной анонимности (особенно для уязвимых групп).

Результаты, показывающие, как кибераддикция обратно связана с настойчивостью и аккуратностью, служат эмпирическим подтверждением возрастающего социального вреда от неконтролируемого использования платформ.

Если индивидуально-психологические особенности пользователя (снижение самоконтроля) являются прямым следствием дизайна платформы (алгоритмы вовлечения), юриспруденция вынуждена сместить фокус ответственности. Появляется понятие «конструктивного принуждения» или «дезинг-вины» (design fault), когда архитектура цифрового продукта намеренно эксплуатирует выявленные психологические уязвимости (например, потребность в немедленном вознаграждении, связанную с низкой предусмотрительностью).

Правовые нормы могут быть направлены на ограничение интенсивности и качества виртуальной активности. Если большая вовлеченность обратно связана с общей активностью и аккуратностью, возникает необходимость в законодательном стимулировании цифровой гигиены. Например, введение обязательных механизмов «охлаждения» или уведомлений для пользователей, чья активность достигла порогового уровня, коррелирующего с признаками аддикции.

Исследование показало, что общий уровень активности в социальных сетях обратно связан с характеристиками: «активность — пассивность», «теплота — равнодушие», «аккуратность — неаккуратность».

Данные обратные связи указывают на то, что высокая степень увлеченности различными видами деятельности в социальных сетях может быть связана со следующими тенденциями:

1. Лица, активно вовлеченные в онлайн-деятельность, могут испытывать снижение общей физической и социальной активности вне социальных сетей. Возможно, большая часть их энергии и времени направлена на виртуальную жизнь, что отражается в снижении активности в реальном мире.

2. Активная вовлеченность в виртуальную деятельность может быть связана со снижением эмоциональной вовлеченности в реальные отношения и снижение понимания, что может приводить к более сдержанному проявлению эмоций и даже к некоторой социальной отчужденности. Виртуальное общение, предлагая более контролируемый и опосредованный опыт, может заменить реальные, требующие больше эмоциональных затрат, взаимодействия.

3. Активная вовлеченность в онлайн-деятельность может быть связана с менее организованным подходом к жизни и снижением приверженности к порядку. При таком проявлении может быть характерно несоблюдении режима дня, прокрастинации и пренебрежении рутинными делами, поскольку основное внимание направлено на удовлетворение потребностей и получение удовольствия в виртуальном мире.

Таким образом, активная вовлеченность в онлайн-деятельность может оказывать как положительное (расслабление), так и негативное (снижение активности в реальном мире, изменение в эмоциональной сфере, снижение самоконтроля) влияние на личностные характеристики.

Виртуальная и реальная идентичности часто сопоставляются: виртуальная личность может отражать, дополнять или искажать реальные черты, обладая высокой пластичностью. Формирование виртуальной идентичности обусловлено социальными, культурными и технологическими факторами и регулируется нормами виртуального пространства.

Целостность виртуальной идентичности достигается через сочетание визуальных, психологических характеристик и способов коммуникации. Каждая составляющая влияет на восприятие человека и определяет стабильность его образа в сети. Социальные и психологические мотивы, такие как поиск одобрения, экспериментирование с ролями и компенсация неудовлетворенности реальной жизнью, играют важную роль в ее формировании. Эти процессы могут привести к развитию кибераддикции и появлению особых субкультурных норм.

Эмпирическая часть исследования показала, что большинство испытуемых демонстрируют умеренную активность в социальных сетях. Лишь небольшая доля проявляет высокий уровень активности, что может указывать на более открытое и насыщенное присутствие в сети. В целом, пользователи используют социальные платформы как полезный инструмент, взвешенно контролируя свою активность, конфиденциальность и стремясь поддерживать баланс между виртуальной и реальной жизнью.

В исследовании обнаружено, что большинство участников имеют низкий уровень развития виртуальной идентичности, что говорит о том, что для них реальная самопрезентация и самоопределение остаются приоритетными. Активность в интернете практически не влияет на их восприятие себя и не меняет их жизненных ориентиров. Около трети респондентов находятся на среднем уровне развития виртуальной идентичности, что свидетельствует о некотором интересе к виртуальному пространству, но без значительной зависимости. Лишь 1 % демонстрируют высокий уровень активности онлайн, что может указывать на возможную зависимость или сильную ориентацию на виртуальную самореализацию. В целом, можно сказать, что большинство участников предпочитают жить и развиваться в реальной жизни, а виртуальная идентичность для них не является центральным аспектом самовыражения или формирования личности.

Исследование показало, что люди со средним уровнем виртуальной идентичности активно присутствуют в социальных сетях, демонстрируя высокий уровень вовлеченности. Они создают множество аккаунтов, регулярно посещают платформы и участвуют в разнообразных онлайн-активностях, что свидетельствует о сильной привязанности к виртуальному пространству. Эти пользователи отличаются более выраженной социальностью, активностью и желанием быть частью цифрового сообщества. Однако при сравнительном анализе выявлены важные отличия в психологических характеристиках. У людей со средним уровнем виртуальной идентичности наблюдается более низкий уровень самоконтроля. Они склонны проявлять большую импульсивность, меньшую аккуратность и настойчивость. Такой психологический портрет конкурирует с поведением людей с низким уровнем виртуальной идентичности, у которых контроль над импульсивностью проявлен сильнее. Эти пользователи лучше справляются с регулировкой своих эмоциональных и поведенческих реакций, реже попадают в ситуации, требующие длительной концентрации и выдержки. Таким образом, более высокий уровень виртуальной идентичности способствует активному взаимодействию с онлайн-средой, но одновременно связан с ослаблением личного самоконтроля и повышенной импульсивностью, что отражается на их поведении и психологическом состоянии.

Выявлено, что между виртуальной идентичностью и индивидуально-психологическими качествами человека существует обратная связь. У тех, кто склонен к кибераддикции, наблюдается снижение таких характеристик, как самоконтроль, аккуратность, настойчивость и предусмотрительность. Чем сильнее человек погружается в виртуальную среду и формирует виртуальный образ, тем сильнее уменьшается его способность к эмпатии и пониманию других. Повышенное принятие субкультуры в интернете связано со снижением чувств вины, привязанности и теплоты, а также ухудшением показателей ответственности и социального взаимодействия.

Проведенное исследование показало, что выдвинутые нами гипотезы нашли свое подтверждение.

В целом, исследование подтверждает необходимость изучения психологических особенностей пользователей социальных сетей в цифровую эпоху и служит базой для дальнейших исследований виртуальной идентичности. Полученные результаты способствуют разработке рекомендаций по гармоничному развитию личности в условиях цифровой среды, обеспечивая более безопасное и осознанное использование социальных сетей.

Список источников

1. Погорелов Д. Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4(141). С. 262–268.
2. Войскунский А. Е. Психология и Интернет. М. : Акрополь, 2010. 439 с.

3. Солдатова Е. Л., Шляпникова И. А. Связь эго-идентичности и личностной зрелости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 29–33.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. СПб : Наука, 2002. 460 с.
6. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Художественная литература, 1975. 502 с.

References

1. Pogorelov D. N. The structure of virtual identity of users of social networks // Kazan Pedagogical Journal. 2020. № 4(141). P. 262–268.
2. Voiskunsky A. E. Psychology and the Internet. M. : Akropolis, 2010. 439 p.
3. Soldatova E. L., Shlyapnikova I. A. The connection between ego-identity and personal maturity // Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology. 2015. Vol. 8. № 1. P. 29–33.
4. Sartre J.-P. Existentialism is humanism // Twilight of the Gods. Moscow : Politizdat, 1989.
5. Heidegger M. Genesis and time / translated from German by V. V. Bibikhin. St. Petersburg : Nauka Publ., 2002. 460 p.
6. Bakhtin M. M. Questions of literature and aesthetics. M. : Fiction, 1975. 502 p.

Информация об авторах

А. С. Лолаева — доцент кафедры конституционного и административного права Горского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук;

В. В. Ильченко — доцент кафедры психологии Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова, кандидат психологических наук.

Information about the authors

A. S. Lolaeva — Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Gorsky State Agrarian University, Candidate of Legal Sciences;

V. V. Ilchenko —Associate Professor of the Department of Psychology of the North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Candidate of Psycological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 20.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.